

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

www.terrahumana.ru

№ 3(24)'12

Выходит 4 раза в год

Входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК Минобрнауки РФ

ОБЩЕСТВО

Эффективное управление

Л.О. Евдокимова

Концепции развития ресурсного потенциала субъектов экономики:
сравнительный анализ, методологические решения 4

Н.Ю. Волкова

Проблемы внедрения системы контроллинга предпринимательскими структурами
Магаданской области..... 9

А.Г. Коряков

Механизм государственного стимулирования устойчивого развития предприятий
химической отрасли России: структура и этапы реализации..... 14

Т.Б. Очирова

Современные проблемы принятия управленческих решений в сфере туризма 18

Рыночная среда

О.И. Лебедева

К вопросу об управлении недвижимым имуществом 22

А.В. Буга, А.А. Курфин, А.А. Самодуров

Особенности оценки бизнеса и имущественного комплекса предприятия
в целях антикризисного управления 27

История и современность

Т.Н. Малькова

Учетно-финансовая практика Великого Новгорода XI–XIV веков
по текстам берестяных грамот 31

А.М. Захаров

Чехословацкие добровольцы в сражении при Зборове (2 июля 1917 г.):
зарождение национально-революционной традиции 36

Стратегия дискурса

С.Г. Добровольский

Жизнь как пороговое блуждание..... 41

В.А. Лимонов

Философско-художественная концепция исторического процесса
в испанском барокко (на примере творчества Бальтасара Грасиана) 48

Глобализация: полемика цивилизаций

Л.В. Томайчук

Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной
идентичности на современной Украине и в Беларуси..... 52

К.С. Кокомбаев

Глобализационная политика и национально-государственная трансформация 56

В.С. Моисеева

Воспитание у школьников Санкт-Петербурга толерантного отношения
к детям других национальностей 60

Феномены социального развития

Д.А. Виноградов, А.В. Петров

Социальная ответственность российского бизнеса в период современного
глобального экономического кризиса: проблемы и тенденции..... 64

<i>В.Н. Бузин</i>	Управленческие воздействия на медиaprостранство	68
<i>Э.И. Ларкина</i>	Сущность индивидуального и общественного самосознания: социально-философский анализ	73
<i>М.А. Манокин</i>	Ювенилизация современного общества: культурологические аспекты	77
<i>И.С. Романьчев</i>	Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении.....	82
Антропология и этнология в XXI веке		
<i>М.М. Прудникова</i>	Понятие этноса и его методологическое значение (понятие этноса и его соотношение с понятием нации).....	86
<i>А.И. Субетто</i>	Историческая этнология Л.Н. Гумилева как парадигмальная научная школа в человековедении XXI века.....	90
<i>Ю.А. Евстигнеев</i>	Кыпчаки: этнос и его имя	97
Языки культуры		
<i>О.А. Губанов</i>	Художественный символ и симулякр: эстетическое противостояние	103
<i>С.А. Игнатова</i>	Полифония и постмодернизм в романе У. Эко «Имя розы»	108
<i>Н.И. Верба</i>	К проблеме трансформации системы архетипов сюжетов о морских девах в культуре XIX века (на примере драмы «Русалка» А.С. Пушкина).....	113
<i>Ю.Б. Костякова</i>	Медиаистория: от понимания к определению сути и понятия	118
<i>А.В. Аляшко</i>	Культурологическая интерпретация современной конкурсной практики в России	123
<i>М.Ф. Николаева</i>	Советский плакат (1917–1941): между искусством и медийной технологией	129
<i>Н.Р. Реженникова</i>	Понятие «фортепианное переложение» как терминологическая проблема.....	133
Мир художественной культуры		
<i>Л.А. Евдокимова</i>	Пенсионерский период творчества художника-медаляера А.Ф. Васютинского	136
<i>Н.А. Ромашина</i>	Интерпретация живописного этюда интерьера в творчестве русских художников XIX–XX веков.....	142
<i>Цинь Цинь</i>	Жизненный и творческий путь У Цзунцяна	147
<i>И.А. Чудинова</i>	Концепция универсализма в музыкальной культуре Полоцка и Петербурга.....	151
<i>Р.Г. Шитикова</i>	Контраст в музыке и его жанрообразующая функция в сонате барокко	156
<i>Г.П. Овсянкина</i>	«Пушкинская симфония» Бориса Тищенко в мировой музыкальной пушкиниане	162
<i>Е.М. Иванова</i>	Применение техники композиции И. Шиллингера в ранних произведениях Э. Брауна.	166
Культурное наследие		
<i>Ю.А. Ломакин, С.А. Дунаев</i>	Обретение храма на Таицкой земле (из опыта выявления памятника архитектуры на территории исторического поселения).....	171
<i>А.Н. Юнова</i>	К вопросу о превентивных мерах сохранения культурного наследия в Германии.....	176

Ценностный опыт

<i>В.П. Соломин, К.В. Султанов</i>	
Управляемость общества и социальный порядок.....	181
<i>А.Е. Зимбули</i>	
Ложь: нравственно-оценочные аспекты	187
<i>А.И. Сидоров</i>	
Юридические пословицы и поговорки в правовой практике русского народа.....	193
<i>Г.П. Сидорова</i>	
Советская хозяйственная культура в формах материальной предметности и образах массового искусства 1960–1980-х гг.: тело человека	199

СРЕДА ОБИТАНИЯ**Осмысление ноосферы**

<i>М.В. Рагулина</i>	
Морфологические исследования культурного ландшафта: интегральный взгляд.....	204

Глобальный экологический кризис: мифы и реальность

<i>Ю.Н. Гладкий, А.Д. Тимофеев</i>	
«Жаркое лето–2010» в России: о поиске причин и... климатическом оружии.....	210
<i>В.В. Украинцева, И.Н. Поспелов</i>	
О новом комплексном методе реконструкции климатов и прогнозирования климатических изменений в будущем	216

Природная среда

<i>Г.Б. Пигольцина, Н.А. Зиновьева, А.О. Савкина</i>	
Детальная оценка пространственной изменчивости термического режима воздуха в районе проведения зимних олимпийских игр «Сочи–2014».....	223

ЛЕКСИКОН

<i>Исупов К.Г.</i> Космос русского самосознания	
Универсалии цивилизации	228
Факт / Событие	230
Хандра	232

НОВОСТИ

<i>Г.И. Датчиков</i>	
Отзыв на монографию Н.А. Седых «Истоки и уроки Великой Победы. Книга I. Истоки Великой Победы»	234
<i>А.А. Алимов, И.Н. Самусевич</i>	
Экологические проблемы больших городов и промышленных зон	235
<i>А.И. Субетто</i>	
Памяти Алексея Васильевича Галкина (7.10.1931–5.06.2012), выдающегося ученого, общественного деятеля, яркого представителя отечественного высшего сельскохозяйственного образования	237
Summary	240
Сведения об авторах	246
Условия подачи материалов	249
Редакционный совет	250

КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Рассмотрены характеристики концепций роста субъектов экономики с позиций развития ресурсного потенциала. Приведены методологические решения к развитию ресурсного потенциала субъектов экономики.

Ключевые слова:

концепция, методологическое решение, развитие, регион, ресурсный потенциал, субъект экономики.

Низкая эффективность экономики, структурные диспропорции в ресурсном обеспечении хозяйствующих субъектов приводят к необходимости расширения теоретико-методологических представлений о возможностях эффективного использования ресурсов. Концепции развития субъектов экономики в отечественной и зарубежной науке и практике рассматривается с различных позиций [1; 14–16; 20]. Однако предлагаемые концепции не выделяют в качестве ключевого направления методологию развития ресурсного потенциала и не предлагают в этом направлении законченных методологических решений.

При усилении конкуренции территорий за ресурсы актуальным вопросом становится выявление возможностей развития субъектов экономики в результате формирования совокупного ресурсного потенциала территории (региона). В связи с этим научно-практический интерес имеет анализ существующих концепций роста субъектов экономики с позиций оценки возможностей использования и развития ресурсного потенциала.

В результате проведенного анализа концепций роста могут быть выделены методологические подходы к использованию и развитию ресурсного потенциала. Так, неоклассическая теория роста предлагает рассматривать факторы, влияющие на повышение производственного ресурсного потенциала экономической системы [6; 10].

Развитие национальной экономики в данной концепции рассматривается как результат эффективного распределения ресурсов между субъектами экономики на основе использования механизмов конкуренции в ресурсном обеспечении.

Применительно к региону опережающие темпы роста экономики определённого региона могут обеспечиваться при снижении темпов роста экономик других регионов. Параметры роста определяются уровнем развития технологических ресурсов, величиной инвестиционных ресурсов, количеством и качеством трудовых и природных ресурсов. При этом в качестве ключевого фактора развития рассматривается мобильность ресурсов, которая обеспечивается на основе формирования открытой экономики и конкуренции субъектов экономики за ограниченные ресурсы.

Неоклассические теории предлагают также географические и социальные особенности региона в качестве внутренних факторов роста регионов. При реализации неоклассической модели роста могут быть выделены основные условия:

– скорость количественных изменений внутренних источников развития (трудовых, инновационных и инвестиционных ресурсов) определяет дифференциацию в темпах роста регионов;

– изменение межрегиональных диспропорций осуществляется в зависимости от мобильности факторов производства

(в основном, на основе мобильности ресурсов);

– характеристики ресурсной обеспеченности социальных процессов регионов должны быть унифицированы.

Неоклассические теории предполагают наличие национальных и региональных свободных конкурентных рынков и свободную конкуренцию регионов за ресурсы. В частности, предполагается, что в менее развитых регионах фиксируется более низкая заработная плата, соответственно формируются процессы снижения издержек производства и повышения прибыли, что обуславливает приток дополнительного объема ресурсов и ускоренное развитие региона.

Теории кумулятивного роста показывают, что с помощью специализации и эффекта масштаба незначительное преимущество региона с течением времени может перейти в категорию существенных преимуществ [6, с. 15]. Ускоренное развитие региона согласно моделям обусловлено преимуществами определенных «точек роста» (полюсов, центров роста). При этом отставание экономически слабых регионов при отсутствии таких центров роста может еще более усиливаться.

В кумулятивной модели городской агломерации в качестве основных центров ускоренного развития региона рассматриваются крупные городские агломерации, способствующие снижению производственных издержек [11]. Согласно модели, мегаполисы являются «полюсами роста» экономики региона и страны. Региональная агломерационная экономика издержек производства стимулирует приток специалистов, рост производительности труда, оказывая сильное воздействие на процессы размещения предприятий и приток инвестиционных ресурсов. Региональный рост в модели основан на внутренних немобильных ресурсах и привлечении мобильных ресурсов из других регионов. Эффект агломерации, способность региона к инновациям и современным технологиям, социально-политические составляющие, создание привлекательного предпринимательского и инвестиционного климата для инвесторов выступают ключевыми элементами регионального развития.

В кумулятивной теории «центр–периферия» на основе анализа факторов развития предлагается считать, что рост региона концентрируется в городах [11, с. 25]. Рост экономик крупных городов позволяет развиваться регионам за счет собственных ресурсов. Дополняют теории роста за счет

крупных городов теории неравномерного размещения предприятий, обеспечивающих рост экономики за счет организаций с высокой добавленной стоимостью. Согласно модели «полюсов роста», развитие экономики происходит неравномерно: динамичные передовые отрасли являются локомотивами развития всей экономики и представляют собой «полюса развития». Через систему взаимосвязей «затраты–выпуск» эффект роста производства передается на весь регион или страну. Благодаря процессу концентрации производства передовые отрасли сосредотачиваются в центре роста (определенной территории).

Возможность предотвращения негативных процессов в экономике предполагает использование концепции пространственного развития России. Одной из причин необходимости применения концепции пространственного развития является проблема дефицита в России человеческих, финансовых, инфраструктурных, инновационных и других ресурсов и усиление территориальных ресурсных диспропорций [2, 8].

Представление о пространственном развитии более точно соответствует комплексному исследованию ресурсного потенциала территории. В пространственной концепции предлагается исследовать пространственное развитие через оценку потенциала территории как совокупности потенциалов процессов при оптимизации параметров изменений. Пространственно-экономическая трансформация рассматривается как объективный процесс, включающий в себя реструктуризацию и интеграцию ресурсного потенциала субъектов территории. Концепция предлагает объединить нормативные, экономические и организационные ресурсы и направить усилия на экономическое оздоровление, развитие и самореализацию конкурентного потенциала территорий как участников экономической деятельности.

Под пространственными изменениями территории понимается также процесс изменения долговременно устойчивых показателей развития многорегиональной экономической системы России [9]. При этом трансформация экономического пространства Российской Федерации рассматривается как движение к заданной территориальной структуре экономики. С той целью изучается эволюция пространственного распределения экономической активности, выявляются причины активности экономики регионов, ресурсные возможности и ограничения.

При реализации программы пространственного развития понятие территориального разделения труда трансформируется в понятие пространственного разделения труда, отражая возникновение новых факторов и объектов изучения экономической специализации и региональных ресурсов. В этом случае пересмотра требует оценка ресурсного потенциала территории. Введение пространственного ресурсного потенциала приводит к раздельному рассмотрению потенциала района (региона) в различных областях пространства.

В качестве альтернативы пространственного развития в теоретических исследованиях предлагается синергетическая концепция равновесия. Используя инструменты такой концепции, необходимо в процессе исследований переходить от анализа замкнутых систем (отдельных регионов) на выявление взаимосвязей, пропорций, взаимодействий территорий. Основным интерес представляют варианты анализа структурных преобразований, механизмов их реализации и значения в процессах развития территорий (регионального пространства) [5].

Понятие регионального пространства в этом случае целесообразно рассматривать как многоуровневую систему экономических отношений, концентрируемых и интегрируемых территориально направленными производственными и потребительскими мотивами в общем процессе развития глобализации. Это позволяет определить принципы эффективного взаимодействия отраслевого и территориального разделения труда и предпосылки для получения синергетического эффекта в качестве основы развития производительных сил региона.

В условиях нарастающей дифференциации в региональном развитии, которые невозможно преодолеть только за счет повышения темпов экономического роста, синергетический эффект становится вариантом предотвращения развития негативных процессов в ряде территорий. Необходимо создавать такие условия, при которых каждый регион имеет возможность использовать внутренний ресурсный потенциал.

Наряду с пространственной концепцией широкое распространение получила концепция устойчивого развития [3; 7; 12; 13]. Методологической основой концепции устойчивого развития субъектов экономики с позиций ресурсного развития может рассматриваться идея формирования потенциала устойчивости. Размер потенциала определяет возможность влияния региона на социально-экономическую си-

туацию страны. Чем выше потенциал устойчивости, тем шире доступ к ресурсам, тем выгоднее их размещение и выше степень свободы в деятельности региона. При этом потенциал устойчивости рассматривается как взаимосвязанная совокупность экономического, социального, экологического потенциалов, отражающих состояние экономических, социальных, экологических ресурсов общества, степень их способности обеспечивать и восстанавливать сбалансированное, стабильное, равновесное и целостное социально-экономическое развитие не только на текущий момент, но и на перспективу. Рядом специалистов предлагается для сохранения устойчивого развития государства выделять региональные секторы устойчивого развития [18; 19; 21].

Региональное устойчивое развитие рассматривается как составная часть мировых и государственных процессов, направленных на решение проблем сохранения целостности государства в качестве гаранта регионального развития, обеспечения долгосрочной перспективы развития региона при удовлетворении потребностей территориальных сообществ.

Устойчивое развитие предполагает создание и планирование условий, при которых система, достигнув состояния устойчивости ресурсного потенциала, не переходит в состояния дисфункционального использования ресурса. В связи с этим существенную роль имеет определение критериев, позволяющих установить уровень устойчивости состояния ресурсных компонентов системы. Вопрос разработки единых критериев, индикаторов в экономической практике не решен, хотя попытки найти один или несколько универсальных индикаторов предпринимаются [4].

В работах по проблемам устойчивого развития используют системный подход, при котором рассматривается сложная структура, включающая в себя общественную и экологическую системы, социальное, экономическое и природное взаимодействие ресурсов. Устойчивое развитие рассматривается как совокупность ресурсов, направленных на развитие территории, сферы деятельности, организации для удовлетворения потребностей общества и отдельного человека. «Устойчивое развитие – это экономическое развитие, обеспечивающее устойчивость окружающей среды и устойчивый, постоянный экономический рост» [21, с. 263].

Для реализации концепции устойчивого развития предлагается трехкомпонен-

тная модель, включающая совокупность производственного, инфраструктурного и социального ресурсного потенциалов территории. В качестве критерия эффективной реализации модели устойчивого развития предлагается интегральный критерий развития человеческого, физического и природного ресурсного потенциала при условии их взаимозаменяемости и взаимодополняемости [17, с. 320].

Таким образом, многочисленные исследования не предлагают единой законченной концепции развития ресурсного потенциала субъектов экономики. Для эффективного использования и развития совокупного ресурсного потенциала субъектов экономики может быть предложена **модель ресурсных возможностей**. Установочным критерием такой модели является способность к эффективному использованию и развитию ресурсного потенциала при сохранении и восстановлении ресурсов.

В предлагаемой модели необходимым условием должен рассматриваться вариант выхода из «области невозможности использования ресурсов», так как учитываются существующие ресурсные диспропорции. В модели должны быть учтены три стадии развития субъектов экономики: «рост», «стабилизация», «выживание». В зависимости от текущего состояния субъекта формируются три ресурсных позиции: сохранение потенциала устойчивости ресурсного обеспечения (регионы и отрасли стабильного развития), развитие ресурсного потенциала (регионы и отрасли, имеющие потенциал роста) и перераспределение ресурсов (смешанная группа, включающая также депрессивные регионы и отрасли).

На первом этапе становления ресурсной политики регионы и отрасли стабильного развития должны оставаться на механизмах самофинансирования (реинвестирования). В регионах и отраслях, имеющих высокой потенциал интенсивного использования ресурсов, требуется ранжирование ресурсов по приоритету стратегической значимости с выделением «центров роста» экономики регионов.

Выделенные направления потребуют значительных (в первую очередь, государственных) инвестиций. Интенсивный рост ресурсного потенциала сильных позиций России позволит обеспечить синергетический эффект наращивания экономической силы. Недопустимы вложения основных ресурсов в слабые отрасли, поскольку экстенсивное использование ресурсов приведет к усилению слабых сторон в экономике России.

При ранжировании ресурсных возможностей необходимо провести классификацию регионов по совокупности характеристик ресурсных возможностей региона, определить направления специализации отраслей по уровню конкурентоспособности отраслей в регионе. По уровню ресурсного потенциала сфер деятельности необходимо провести внутриотраслевую классификацию. Для крупных мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) требуется выделение ключевых ресурсов для определения направлений развития.

При классификации регионов одним из приоритетных признаков значимости региона является его инвестиционная привлекательность. Для оценки инвестиционной привлекательности и управления инвестиционным процессом может быть использована модель, включающая три составляющие: экономическую (оценивает степень доходности инвестируемых средств); рисковую (оценивает совокупный риск); конкурентную (оценивает конкурентоспособность региона). Кроме этого регионы оцениваются по инновационному, экономическому, природному, человеческому и совокупному потенциалам.

Все субъекты экономики по мере развития ресурсного потенциала переходят в группы более высокого уровня, что представляет возможность дополнительного финансирования со стороны государства, национального и транснационального бизнеса. Регионы, отрасли, не способные к развитию ресурсного потенциала, требуют разработки специальной государственной социальной политики.

При оценке уровня ресурсного приоритета определенной сферы деятельности (например, сферы услуг) необходимо также рассматривать соотношения силы ресурсного потенциала отрасли, отраслевого рынка и региона, в котором находится сфера деятельности. При несовпадении уровней необходимо выбирать стратегические альтернативы. Так, при работе на сильных отраслевых рынках при слабом внутреннем развитии ресурсного потенциала необходимо выявить и усилить внутренние конкурентные преимущества. Наиболее эффективным способом реализации стратегической ресурсной политики является выявление и эффективное использование внутренних ресурсных возможностей (ключевых компетенций) субъектов экономики.

Таким образом, обобщение методологических подходов позволяет сделать вывод о том, что развитие ресурсного потенциала – это сложный, многокомпонентный

8 процесс, который может рассматриваться на основе ранжированной оценки способности субъектов экономики к реализации возможностей совокупного ресурсного потенциала. Повышение социально-экономической роли ресурсного потенциала вызывает необходимость применения комплексного подхода к формированию

методологии исследования возможностей развития ресурсного потенциала; к анализу особенностей методологических подходов, применяемых в регионах; к определению направлений совершенствования методической базы комплексной оценки ресурсного потенциала социально-экономической среды.

Список литературы:

- [1] Алексеев А.В. Структурные и институциональные условия становления инновационной экономики // Регион: экономика и социология. – 2011, № 1. – С. 91–103.
- [2] Ашхотов А.М. Основы формирования нового регионального пространства // Вопросы экономики и права. – 2010, № 2. – С. 104–107.
- [3] Бойко А.Ю. Устойчивое развитие глобальной системы как условие человеческой безопасности // Обозреватель. – 2010, № 6. – С. 103–111.
- [4] Борлакова З.А. Понятие устойчивого развития дотационного региона: анализ исследований зарубежных и отечественных авторов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2011, № 3 (27). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://uecs.mcnip.ru>
- [5] Вереникин А.О., Волошин Д.И. Теория структурных изменений в экономике / Учеб. пос. – М.: ТЕИС, 2009. – 230 с.
- [6] Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2008, № 1. – С. 6–24.
- [7] Ганопольский М.Г. Устойчивое развитие региона. Вопросы методологии и социокультурный контекст. – Тюмень: Изд. ИПОС СО РАН, 2010. – 64 с.
- [8] Гранберг А.Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. – 2009, № 2. – С. 166–178.
- [9] Гранберг А.Г., Суслов И.П., Суспицын С.А. Экономико-математические исследования многорегиональных систем // Регион: экономика и социология. – 2008, № 2. – С. 120–150.
- [10] Корчагин Ю.А. Региональная экономика и финансы / Учеб. посо. – Воронеж: ЦИРЭ, 2010. – 260 с.
- [11] Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретическое и практическое аспекты государственного регулирования. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 309 с.
- [12] Неудахина Ю.Г. Обеспечение устойчивого развития как стратегическая цель региональной политики // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2011. – № 3 (27). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://uecs.mcnip.ru>.
- [13] Скопин А.О., Скопин О.В. Проблемы устойчивого развития регионов России в условиях формирования рыночных отношений // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2010. – № 4 (24). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://uecs.mcnip.ru>.
- [14] Сухарев О.С. О приоритетах политики модернизации // Экономист. – 2010, № 3. – С. 20–25.
- [15] Титов В.В. Проблемы и механизмы активизации инновационного предпринимательства в промышленности // Регион: экономика и социология. – 2011, № 1. – С. 235–247.
- [16] Толмачев И.А. Все о малом предпринимательстве. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2010 – 424 с.
- [17] Толстов М.А. Статистическое исследование устойчивого развития экономического потенциала региона с учетом экологических последствий производственной деятельности // Вопросы экономики и права. – 2010, №12. – С. 320–324.
- [18] Толстогузов О.В. Проблемы совершенствования государственного планирования развития экономической системы на уровне региона (опыт Республики Карелия) // Региональная экономика: теория и практика. – 2009, № 6. – С. 9–15.
- [19] Шапкин И.Н., Блинов А.О., Кестер Я.М. Управление региональным хозяйством: учебное пособие. – М.: КноРус, 2009. – 400 с.
- [20] Швецов А.Н. Совершенствование региональной политики. Концепции и практика. – М.: Красанд, 2011. – 320 с.
- [21] Шимоханская Т.В. Проблема устойчивого развития социально-экономических систем и хозяйствующих субъектов // Вопросы экономики и права. – 2011, №2. – С. 258–265.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЛИНГА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ СТРУКТУРАМИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассматриваются объективные причины, обуславливающие внедрение контроллинга в работу современного предприятия, и особенности реализации этого процесса в предпринимательских структурах Магаданской области.

Ключевые слова:

инновации, конкуренция, контроллинг, предпринимательство, управление, эффективность.

Конкуренция представляет собой один из базовых институтов хозяйственной системы, основанной на рыночных принципах. Именно она обеспечивает творческую свободу предпринимателей, создает условия для их самореализации путем разработки и производства конкурентоспособных товаров и услуг, обеспечивает поиск и внедрение новых методов и инструментов управления.

В современных условиях, характеризующихся усложнением процесса глобализации и ее проникновением во все сферы человеческой деятельности, проблема обеспечения высокого уровня конкурентоспособности предпринимательских структур выходит на первый план. Проблема заключается в достижении единства базовых стратегических целей хозяйствующих субъектов (домашних хозяйств, фирм, государства) и в непрекращающемся поиске новых инструментов развития и их адаптации к конкретным условиям деятельности.

Постоянно растущая конкуренция в жестких экономических условиях глобализации усложняет разработку и принятие управленческих решений.

Одним из признанных во всем мире действенных управленческих инструментов сегодня является контроллинг. Несмотря на то, что наша страна уже довольно давно развивается по рыночной модели, контроллинг используется в должной мере далеко не на всех предприятиях.

Контроллинг следует определить как меж-

функциональную систему, обеспечивающую долгосрочное эффективное функционирование предприятия посредством координации экономической деятельности объектов и оказания информационно-аналитической поддержки менеджменту. Данное определение указывает на разграничение сферы ответственности между контроллингом и управленческим учетом, подчеркивая системную сущность контроллинга, его нацеленность на долгосрочные перспективы, что представляет контроллинг как инструмент координации всех функций управления [1, с. 30]. Принципиальная схема его работы представлена на рис. 1.

При современном уровне конкуренции контроллинг должен обеспечивать выполнение следующих требований к системе управления предпринимательской деятельностью:

– повышение ответственности за разработку и реализацию управленческих решений;

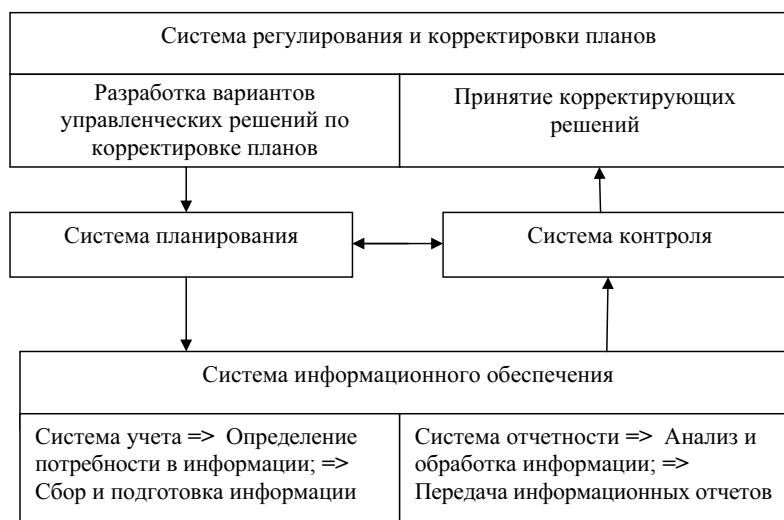

Рис. 1. Характеристика контроллинга как управленческого процесса

– развитие и интеграция всех видов управленческой деятельности, особенно в системе стратегического управления;

– обеспечение качественного текущего контроля.

Все это говорит о необходимости встраивания контроллинга в действующую систему управления, что позволит на более высоком уровне осуществлять оперативный контроль, направленный на повышение конкурентоспособности предпринимательских структур. При этом менеджмент предприятий получит возможность отслеживать выполнение принятых к реализации планов и программ, а также корректировать или даже кардинально изменять принятые ранее управленческие решения.

При проведении анализа результатов управленческой деятельности и особенностей внешних факторов, оказывающих воздействие на их практическую работу, а также учитывая положительный эффект от внедрения контроллинга, можно выделить основные причины активного внедрения контроллинга на динамично развивающихся предприятиях. К этим причинам следует отнести:

– необходимость в постоянном отслеживании изменений, происходящих во внешней и внутренней среде;

– необходимость интеграции различных видов управленческой деятельности;

– потребность в повышении качества управленческих решений в условиях усложнения конкурентной борьбы;

– усложнение управления предприятием, требующее механизма координации всех внутренних систем управления;

– недостаток достоверной и полной информации для принятия управленческих решений;

– увеличение гибкости и скорости принятия управленческих решений в условиях глобализации;

– наличие практических результатов внедрения контроллинга, свидетельствующих о его положительном влиянии на качество управления.

Необходимо отметить, что широкое внедрение контроллинга в систему управления предприятиями позволит детализировать вклад отдельных элементов управленческого воздействия в достижение общих задач, которые стоят перед предпринимательской структурой, что ведет к повышению ответственности менеджеров за результаты своей деятельности.

Таким образом, возникает необходимость в развитии системы управления

предпринимательскими структурами, основанной на возрастании значимости системы контроля в условиях, когда конкурентная среда требует быстрого принятия решений с учетом постоянных изменений и ограниченности имеющихся ресурсов.

Проведенный анализ системы управления ряда магаданских предприятий указывает на наличие тенденции растущей популярности концепции контроллинга. При этом процесс внедрения контроллинга значительно отстает от заинтересованности в нем предпринимательских структур. Такое отставание можно объяснить следующими причинами:

1) отсутствие обученных и опытных специалистов, которые обладают знаниями в области организации контроллинга и могут передавать эти знания другим;

2) системные проблемы в области управления предпринимательскими структурами вообще, недостаточно высокий образовательный уровень руководителей;

3) недостаточное участие высшего руководства предпринимательских структур и собственников бизнеса в построении системы контроллинга и ее работе;

4) уклон в сторону оперативного административного регулирования, полное подчинение всех управленческих процессов генеральным директорам предприятий.

Внедрение системы контроллинга и наличие вышеперечисленных проблем не отрицает необходимости использования традиционных инструментов управления предприятиями и организациями. Основная же задача системы контроллинга заключается в правильном подборе инструментов управленческого воздействия и использовании полученных результатов для принятия тех или иных управленческих решений. Преимущество контроллинга заключается в том, что он позволяет контролировать процесс функционирования предприятия и разрабатывать управленческие решения с учетом широкого комплекса параметров, не только финансовых, но и технических, логистических, а также, что особенно важно в условиях глобализации, социально-психологических.

На эффективность практического использования контроллинга оказывают влияние следующие факторы:

– соответствие задач системы контроллинга целям предприятия;

– достоверность информации, получаемой из внутренней и внешней среды;

– соответствие информации потребностям руководства предприятия;

- соответствие инструментов управления поставленным целям и выработанным планам;

- наличие возможностей для реализации корректирующих мер;

- степень участия руководства в использовании результатов контроллинга.

Как теория, так и практика свидетельствуют о существовании трех способов оценки эффективности практического использования контроллинга: затратном, экспертном и комбинированном. Затратный подход основан на сопоставлении результатов от внедрения и использования системы и соответствующих затрат. Его применение связано с трудностями выявления эффекта от использования контроллинга. На практике далеко не все предприятия могут обеспечить проведение такого сложного анализа в полном объеме. Экспертный подход, включающий оценки специалистов – потребителей услуг системы контроллинга (прежде всего, менеджеров), должен учитывать субъективность мнений [2, с. 79]. Комбинированный подход объединяет черты первых двух, а также их преимущества и недостатки.

В этой связи следует предложить такой метод, который бы позволил с наименьшими усилиями, но при этом максимально объективно оценить эффективность контроллинга для практиков. Это предполагает построение такой модели системы контроллинга, которая отражает целевые установки и процессы в рамках того или иного предприятия. Ее исходным пунктом следует считать проведение оценки затрат на построение или совершенствование системы контроллинга. Эксперты, проводящие оценку, в своей работе могут использовать элементы бенчмаркинга, сопоставляя функционирование близких по структуре и деятельности организаций.

В качестве направлений практической реализации оценки эффективности контроллинга следует предложить формирование информационной системы, системы показателей и инструментария оценки. Важнейшей составляющей этой триады должны стать инструменты информационного обеспечения. Работа при этом должна строиться на следующих принципах:

- 1) возможность своевременного получения необходимой информации. Поступление информации и ее анализ должны происходить в течение допустимого срока после завершения контролируемых бизнес-процессов, что дает возможность осуществления управленческого воздействия

в случае выявления незапланированных отклонений;

- 2) соответствие системы информационного обеспечения требованиям менеджеров, для которых эта информация предназначена;

- 3) обоснованность выбора методов и инструментов и обеспеченность информационного сопровождения в соответствии с поставленной целью, стадией развития и отраслевой спецификой предприятия. Критерием выбора методов, используемых для практической работы, является вклад контролируемых процессов в достижение целей предприятия [4, с. 97].

Основанная на этих принципах система контроллинга будет способствовать получению объективных выводов о том, насколько эффективно осуществляется деятельность предприятия и управление им, а также о том, какой вклад вносится в общую систему обеспечения конкурентоспособности.

Собственники предприятия и его менеджмент обычно заинтересованы в получении желаемых сведений в виде системы показателей. Основываясь на результатах экспертного исследования, можно сформулировать основные требования к системе показателей: наличие связи со стратегией развития предприятия; системность показателей; их сопоставимость по времени, а также ранжированность по важности. Кроме того, система показателей должна отражать интеграционные свойства контроллинга, позволяя отслеживать взаимодействие различных элементов предприятия и функционирование его, как конкурентной системы.

Как уже отмечалось выше, конкурентоспособность как целевая функция развития предприятий в условиях глобализации предполагает постоянное внедрение инноваций как в производство, так и в систему управления. Поэтому наиболее эффективным может быть применение контроллинга в управлении инновациями. Как правило, производство продуктов с использованием новшеств и их коммерциализация требуют создания эффективной бизнес-единицы. В этом плане магаданские предприниматели сталкиваются не только с организационными, но и с психологическими факторами, которые мешают успешному внедрению имеющихся инноваций на практике.

Рост значимости образования, ноу-хау и нематериальных активов в целом ведут к развитию новой концепции контроллинга – в области управления знаниями на

предприятию, что дает предпринимательским структурам дополнительные преимущества в использовании имеющегося у них потенциала. Разработка основных положений этой концепции является сегодня перспективным направлением исследований.

На современных предприятиях достижение синергетического эффекта в использовании всех видов ресурсов возможно лишь в условиях межфункциональной интеграции управления. Для этого необходимо создание экономической, интегрированной в бизнес-процессы, системы управления, построенной на принципах контроллинга.

Механизм построения системы контроллинга на предприятиях с учетом особенностей их размещения в Магаданской области можно представить как последовательность управленческих действий, состоящих из нескольких этапов.

На **первом этапе** проводится обоснование и принятие решения о внедрении системы контроллинга. Анализ отечественной и зарубежной практики такой работы показывает, что благоприятным моментом для принятия решения о внедрении системы контроллинга является появление слабых сигналов о возможных рисках для успешной работы предприятия и его конкурентоспособности. К таким сигналам следует отнести:

- снижение основных экономических показателей и установление их на уровне ниже, чем у конкурентов, а также усиление позиций конкурентов при отсутствии для этого явных преимуществ;
- устаревшие методы управления, не отвечающие современным требованиям;
- появление новых задач в сложившихся условиях функционирования (в настоящее время – это вступление России в ВТО);
- отсутствие методик учета и анализа, что приводит к недостатку аналитической информации при принятии управленческих решений;
- неудовлетворительная согласованность в работе структурных подразделений предприятия;
- дублирование или отсутствие некоторых функций, наличие конфликтных ситуаций при их выполнении [3, с. 28].

Вторым этапом является диагностика существующих элементов контроллинга и систематизация требований к этой системе. На основе результатов проведенного анализа состояния и результативности управления, а также уже применяемых на предприятии элементов контроллин-

га (если они имеются) систематизируются основные требования и существующие проблемы в постановке системы контроллинга.

Как показывает зарубежная, а теперь и отечественная практика, постановка системы управленческого учета является одним из главных условий успешной работы контроллинга на предприятии. Поэтому ее следует выделять как самостоятельный – **третий этап** – организации контроллинга. Постановка учета должна проводиться таким образом, чтобы управленцы могли оперативно получать информацию, необходимую для выполнения своих функций. Для этого следует определить:

1. Круг задач, которые будут решаться благодаря контроллингу.

2. Структуру и функциональные обязанности сотрудников отдела контроллинга, а также требования и полномочия работников отдела.

3. Основные методы и инструменты реализации поставленных перед отделом задач с учетом специфики предприятия и уровня конкуренции на занимаемом им рынке.

4. Способ включения отдела контроллинга в организационную структуру предприятия, а также схему подчинения и ответственности его сотрудников.

5. Пакет внутренних документов, регламентирующих функционирование контроллинга и его интеграцию в действующую на предприятии систему документооборота.

На **четвертом этапе** осуществляется выбор способа автоматизации операций контроллинга. Здесь необходимо принять решение по поводу того, следует ли использовать существующую информационную систему или более целесообразным будет приобретение новой. В случае принятия решения о внедрении новой информационной системы возникают следующие альтернативы автоматизации контроллинга: либо с помощью установки ERP-системы, либо посредством использования более дешевой аналитической системы. Первый вариант больше подходит для крупных компаний, имеющих множество филиалов и ведущих бизнес за рубежом. Приобретение аналитической системы – это наиболее подходящий вариант для предприятий среднего размера, обладающих автоматизированной системой первичного учета информации.

Результаты, полученные в ходе исследования процесса построения системы контроллинга на предприятии (с уче-

том особенностей системы управления предпринимательскими структурами Магаданской области), позволили апробировать ее в деятельности предприятия ООО «Артель ***», одного из крупнейших горных предприятий недропользователей, ведущих добычу золота в Магаданской области.

Для обоснования необходимости внедрения контроллинга в деятельность ООО «Артель ***» был проведен анализ основных показателей хозяйственной деятельности, а также качества управления предприятием.

На первом этапе проводился анализ экономического состояния предприятия. Был отмечен ряд положений, которые должны быть учтены при формировании системы контроллинга:

- предприятие демонстрирует устойчивый рост объема продаж (5–8% ежегодно);
- предприятие имеет высокий уровень оборачиваемости, что свидетельствует о высоком уровне эффективности и стабильности использования основных средств;
- предприятие занимает значимую долю рынка и обладает высоким уровнем конкурентоспособности.

На втором этапе проводилось исследование качества управления ООО «Артель ***». Оценка существующих элементов системы управления показала, что частично функции контроллинга выполняются различными отделами и службами предприятия, но используемые методики не обеспечивают в полной мере всех потребностей менеджмента. Данные причины приводят к недостаточной оперативности контроля всех видов издержек в целом и по отдельным структурным подразделениям предприятия. На

основе результатов проведенного анализа был сделан вывод о целесообразности внедрения контроллинга, что нашло поддержку у руководства предприятия. При этом руководствовались следующими соображениями:

- должна обеспечиваться возможность определения оптимального количества контроллеров, достаточного для выполнения возложенных на них функций;

- используя иерархию функций, необходимо четко разграничить ответственность между контроллерами и сформулировать их должностные обязанности. Применение декомпозиции при формировании функций позволило исключить вероятность дублирования обязанностей контроллеров.

В целом это дало возможность с минимальными затратами создать для ООО «Артель ***» эффективно функционирующую службу контроллинга, работа которой будет способствовать повышению уровня конкурентоспособности предприятия.

В заключение следует отметить, что получение заметного эффекта от внедрения контроллинга – дело довольно длительное и сложное. И если длительность, в основном, связана с процессом разработки и внедрения соответствующего плана работ, оснащением управленческих структур предприятия необходимой техникой, разработкой регламента контроллинговой работы и пр., то сложность обусловлена мотивационными аспектами. Они должны быть направлены на побуждение менеджеров к работе с такой системой, позволяющей не только сделать управленческий процесс более прозрачным, но и выявить роль и место каждого менеджера в общем успехе предприятия.

Список литературы:

- [1] Кутанин Ю.В. Особенности организация управленческого учета в России // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2008, вып. 94. – С. 25–32.
- [2] Мордухай С.А. Внедрение системы контроллинга как часть организационного развития // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2007, № 6. – С. 78–93.
- [3] Харламов А.В. Инструменты стимулирования инновационного развития экономики в условиях кризиса // Экономика и управление. – 2009, № 10. – С. 26–29.
- [4] Ципоренко А.А. Теоретические аспекты контроллинга // Проблемы современной экономики. – 2011, № 1. – С. 97–99.

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ХИМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ: СТРУКТУРА И ЭТАПЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Исследуется проблематика реализации механизма государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической отрасли России, анализируется структура и этапы реализации данного механизма, перспективы использования инструментария государственного регулирования с целью активизации социо-эколого-экономических компонент развития предприятий.

Ключевые слова:

государственное стимулирование, механизм устойчивого развития, предприятие, управление устойчивым развитием, устойчивое развитие, химическая отрасль.

Рыночная экономика не может развиваться в условиях устойчивого равновесия. В связи с этим возникает необходимость вмешательства государства в построение и реализацию моделей развития экономической системы с учетом влияния внешних и внутренних факторов, которые влияют на процессы функционирования внутригосударственных субъектов и тенденций национального хозяйства [2]. Практические формы механизма государственного воздействия на экономику своими регулирующими взаимодействиями помогают взаимной адаптации как подсистем, так и систем в целом. Структурированная и настроенная в соответствии с влиянием интересов, целей, средств система представляет собой целостный блок с нормативно-правовой цивилизованной формой. В этой системе надежно обосновываются типичные многоуровневые модели функционирования, которые позволяют субъектам взаимодействовать в режиме оптимального экономического сотрудничества.

Экономическая теория и практика стран с рыночной экономикой сформировала сложный и разнообразный механизм реализации государственной экономической политики [5; 7]. Он охватывает целую систему форм, методов и способов влияния на отечественных и зарубежных производителей с целью формирования конкурентоспособных национальных комплексов и производств [8]. В его составе финансовая, денежно-кредитная, таможенная, ценовая, валютная, антимонопольная, институциональная, внешнеэкономическая политика и т.п. Этот механизм влияет на реализацию экономической политики как непосредственно, так и опосредованно, корректируя действие рыночного механизма.

Отраслевые особенности государственного стимулирования устойчивого разви-

тия предприятий учитывают значимость отрасли для экономики страны, которая характеризуется ее ролью для стабильного существования общества, долей в производстве ВВП, в структуре экспорта и объеме бюджетных поступлений, а также дифференцированные в зависимости от фазы жизненного цикла отрасли. Среди наиболее важных рисков и нерешенных проблем отрасли можно выделить следующие:

– зависимость отрасли от конъюнктуры внешних рынков и низкая конкурентоспособность;

– слабое использование инноваций и устаревшие основные фонды;

– низкая капитализация предприятий и слабый финансовый менеджмент, проблема привлечения необходимых заемных средств и инвестиций;

– низкая производительность труда и мотивация, обусловленные не только проблемой низкой заработной платы производственного и вспомогательного персонала, но и нерешенными проблемами социальной сферы;

– проблема недостатка квалифицированных инженерных кадров;

– государственный контроль и проблема собственности, выраженная в нарастании корпоративных конфликтов.

Стратегические задания экономической политики государства решаются структурами и органами государственного управления и контроля с помощью институциональной и социально-экономической поддержки, протекционизма и системного мониторинга [6]. Для создания нормальной конкурентной среды для всех предприятий отрасли необходимо сформировать соответствующий механизм государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической отрасли России. Данный механизм как

совокупность методов, рычагов и форм социально-экономической и эколого-экономической гармонизации деятельности предприятий, благодаря бюджетной, ценовой, налоговой, кредитной, финансовой, инновационной, инвестиционной и информационной системам государственной поддержки устойчивого развития предприятий химической отрасли является наиболее весомой составляющей экономической политики государства.

С целью построения механизма государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической отрасли России можно использовать опыт апробации методов структурного регулирования экономики государства и его отраслевые аспекты [4], а также подходы ученых и практиков к перспективам структурных сдвигов в экономике России [3].

Результаты исследований не дают полного и комплексного представления об особенностях процессов адаптации механизмов функционирования и повышения эффективности деятельности предприятий химической отрасли в условиях рынка. Поэтому нами предлагаются подходы к решению этой важной проблемы экономики. Предполагается обоснование объективных положений относительно формирования механизма государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической отрасли. Составляющие элементы данного механизма должны функционировать как ключевой определитель мотивационного базиса ведения хозяйства химической отрасли, который определяется экономическими законами системы.

Механизм государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической области должен базироваться на концептуальных положениях, основанных на природе изменений и адаптации и организационно-методологическом аспекте, который предусматривает «встречное» развитие предприятий и органов государственного регулирования. Предлагается концепция механизма государственного стимулирования устойчивого развития предприятий химической отрасли России, которая основана на сущности стратегического планирования и управления как ориентирах устойчивого развития предприятий. В основу формирования концептуальной составляющей данного механизма положены теоретические положения, которые изложены в работах И. Адизеса, Э. Тофлера, Р. Нельсона и С. Уинтера. Концептуальная составляю-

щая механизма базируется на соблюдении следующих принципов и положений:

1. Кризисные периоды развития мировой, национальной экономики или кризисные явления в области определяют необходимость государственного стимулирования развития путем создания условий для формирования новых адаптационных механизмов.

2. Государственное стимулирование устойчивого развития предприятий химической отрасли нуждается в усилении информационно-аналитической функции экономического регулирования.

К основным следует отнести следующие принципы формирования эффективного механизма государственного стимулирования устойчивого экономического развития предприятий химической отрасли: комплексности и системности; динамичности; инновационности; гибкости; иерархичности; информативности; прозрачности и открытости; прогнозируемости; перспективности и контролируемости.

Если придерживаться принципов при построении эффективного механизма государственного стимулирования устойчивого экономического развития предприятий, то он должен базироваться на следующих концепциях: ориентации на покупателя, ориентации на продажи с агрессивной политикой, производственно-ориентированного бизнеса, социально-ответственного бизнеса и корпоративной ответственности бизнеса [1].

Механизм государственного стимулирования устойчивого экономического развития предприятий химической отрасли должен влиять на все сферы обеспечения предприятия – кадрами, информацией, материалами, финансами, инвестициями, энергией, рекламой, сбытовой деятельностью. В связи с этим химическое предприятие рассматривается нами как организационная система с определенными целями функционирования, развития и его обеспечения. Кроме объективных экономических законов, построение механизма должно отвечать соблюдению определенных закономерностей, например: закономерность постоянного роста потребностей и ограниченности ресурсов. Именно данная закономерность предопределяет важность экологической и социальной составляющей при формировании данного механизма: рост потребностей характеризует социальный фактор, равно как и экологическая составляющая, которая определяет возможности обеспечения роста потребностей социума за счет ограниченных ресурсов, а также

16 | экологические условия, в которых социум существует. Структура данного механизма представлена на рис. 1.

Реализация механизма государственного стимулирования устойчивого развития экономики предприятий химической отрасли должна происходить посредством последовательного выполнения следующих этапов (рис. 2).

Представленный механизм государственного стимулирования устойчивого развития экономики предприятий химической отрасли включает систему стимулов, которые опираются на побудительные мотивы к повышению эффективности производства: систему формирования целей, инструментов, которые превращают потребности людей в конечные результаты производства, максимально удовлетворя-

ющие платежеспособный спрос потребителей. Данный механизм является логическим описанием системы управления для обеспечения устойчивого развития предприятий в форме определенных принципов, приоритетов, рычагов и методов влияния на факторы и условия, которые формируют условия и стимулы для устойчивого развития предприятий. Исходя из этого, инновационная модель данного механизма должна обладать гибкостью, основываться на законах эволюционного развития, учитывать влияние и состояние внешней и внутренней среды, включать основные принципы, методы и рычаги управления, а также инструментарий, с помощью которого предприятие может быть конкурентоспособным как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Рис. 1. Структура механизма государственного стимулирования устойчивого развития экономики предприятий химической отрасли.

Механизм государственного стимулирования устойчивого развития экономики предприятий химической отрасли

Рис. 2. Этапы реализации механизма государственного стимулирования устойчивого развития экономики предприятий химической отрасли

Список литературы:

- [1] Азоев Г.А., Челенков А.П. Конкурентные преимущества фирмы. – М.: НОВОСТИ, 2000. – 256 с.
- [2] Государственное регулирование рыночной экономики / Учебник; под ред. В. Кушлина. – М.: Экономика, 2001. – 735 с.
- [3] Львов Д.С. Путь в XXI век: стратегия, проблемы, перспективы российской экономики. – М.: Экономика, 1999. – 792 с.
- [4] Поздняков В.Я., Казаков С.В. Экономика отрасли. – М.: Инфра-М, 2010. – 309 с.
- [5] Райбман Н.С., Чадеев В.М. Адаптивные модели в системах управления. – М.: Наука, 1980. – 416 с.;
- [6] Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие / Коллектив авторов – М: Либроком, 2010. – 296 с.
- [7] Фатуев В.А., Маркова Т.Н. Применение моделей пространства состояний для оптимального управления безопасностью химико-технологических объектов // Науч.-техн. конф. «Мониторинг и прогнозирование чрезвычайных ситуаций». – СПб., 1999. – С. 91–92.
- [8] Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. – Москва: АСТ – АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2010. – 222 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СФЕРЕ ТУРИЗМА*

Рассмотрены проблемы принятия управленческих решений в сфере туризма. Процесс принятия управленческих решений представлен как инструмент эффективного управления сферой туризма.

Ключевые слова:

туризм, управленческое решение, этапы принятия решений, эффективное управление в сфере туризма.

В последние пятнадцать лет изучение темпов развития туристской сферы как объекта и субъекта политических и экономических процессов в обществе особенно актуально. В настоящее время туристская отрасль является одной из ведущих отраслей экономики страны и играет одну из значимых ролей в формировании валового внутреннего продукта, предоставляя новые рабочие места, обеспечивая занятость населения, а также влияет на многие отрасли экономики, в том числе транспорт, сельское хозяйство. Таким образом, индустрия туризма положительно влияет на социально-экономическое развитие страны в целом. В связи с этим требуется развивать туристический бизнес в Российской Федерации наряду с содействием в решении других экономических задач, стоящих перед государством. Важность этого обуславливается, прежде всего, тем, что в данный период государство проводит активные действия по стабилизации экономических и социальных аспектов жизни российского населения, формирует возможности субъектов России активно участвовать в развитии политической среды, оказывать свое влияние на социальную сторону жизни. Поэтому туристический бизнес начинает принимать значимое участие в воздействии на структуру государственной власти в сфере туризма, влияя на ее изменение и развитие.

Сегодня в туристической сфере происходят достаточно существенные и в основном позитивные изменения, в которых ярко отражен спектр политических, экономических, социальных и культурных преобразований страны. Туристическая индустрия представляет собой довольно привлекательную отрасль для предпринимательской деятельности в России. Это

происходит во многом из-за того, что туризм в целом находится сейчас на этапе поиска новой, более приемлемой структуры, на этапе формирования новых внутренних и внешних связей, включая внутроотраслевые и межотраслевые, межрегиональные и, в том числе, внешнеэкономические. Происходит совершенствование и модернизация всей туристической инфраструктуры. Необходимо понимать, что туристическая инфраструктура включает в себя не только средства размещения и обслуживания туристов, но и специализированные организации, обеспечивающие информационное, правовое сопровождение туристов. В связи с этим происходит не только формирование отдельного сегмента рынка, но и создание новой необходимой в данных условиях системы органов государственной власти и ее структуры в сфере туризма. Не остается без внимания и тот факт, что появляются новые подходы к такому формированию структуры власти, а также к созданию эффективной экономической политики и управленческих решений государства в туристической сфере. Все это в целом ставит туризм на одно из приоритетных мест по решению вопросов национального уровня.

Сегодня теория и практика управления систематически анализируются и развиваются. Данный процесс в области управленческих решений непрерывен; так, с течением времени цели, задачи и способы организации, разработки, принятия и реализации управленческих решений могут изменяться. Управленческое решение представляет собой сложный процесс, в котором деятельность человека выражена сочетанием действий по разработке, принятию и реализации решения, то есть является закономерным результатом це-

* Исследование выполнено в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «СПбГУСЭ» на 2012–2016 гг. Проект 2.2.3. «Научно-образовательный центр социально-экономического и гуманитарного развития международного и регионального туризма».

ленаправленного воздействия на объект управления.

В экономической литературе существуют различные определения понятия управленческое решение. По мнению З.А. Авдошиной, управленческое решение – это акт целенаправленного изменения ситуации, разрешения проблемы, вариант воздействия на систему и процессы, происходящие в ней [1]. М.М. Максимцов и А.В. Игнатьев пишут, что «управленческое решение – это выбор альтернативы, осуществленный руководителем в рамках его должностных полномочий и компетенции, и направленный на достижение целей организации» [3]. А.Г. Поршнева считает, что управленческое решение – это концентрированное выражение процесса управления на его заключительном этапе [4].

Экономист и специалист в области проблем современного управления Фрэнк Харрисон определял действия по принятию управленческих решений как некую интегральную часть управления организацией любого рода. И в этом случае компетентность в данной области выгодно отличает эффективно работающего менеджера от менее эффективно работающего коллеги [5].

При сопоставлении и объединении вышеприведенных определений понятия «управленческое решение» можно дать более универсальное определение: **управленческое решение** – это такое решение, которое принято в определенной социальной, экономической, политической системе, оно сконцентрировано на управлении человеческими ресурсами, производственной и обслуживающей деятельностью, на стратегическом и тактическом планировании в организации. Таким образом, становится понятно, что вне зависимости от формы и структуры организации, сферы деятельности, принятие управленческих решений – одно из важнейших условий формирования системы управления организации, коммуникаций с внешней и внутренней средой, а положительные последствия удачного управленческого решения обеспечивают синергизм решения.

По словам Г.В. Атаманчука, «синергетический потенциал имеется и в российском обществе, и в государственном управлении. Потенциал общества зависит и определяется потенциалом управления. Следовательно, начинать надо с управления и главным образом с его руководящего звена. В нем и только в нем источник наших бед, как и возможных перемен к лучшему. Его развитие есть проблема проблем на-

шего будущего, и такой проблемой стоило бы заняться всерьез и надолго» [2].

В процессе разработки управленческих решений принимаются различные управленческие решения, имеющие разнообразные признаки, которые можно классифицировать по различным критериям, некоторые из основных являются:

- по целям (стратегические, тактические, оперативные);
- по сферам воздействия (внутренние и внешние);
- по срокам реализации (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные);
- по обусловленности действия (детерминированные и стохастические) и др.

Известно, что любое решение имеют под собой основу из данных, полученных при анализе фактов, характеризующих сложившуюся ситуацию, а также содержит некую программу, алгоритм действий по реализации назначенных мероприятий. Стоит отметить, что в зависимости от уровня управления меняется мера ответственности за действия и последствия принятых решений. Оценивая формирование туристической сферы как перспективную тенденцию развития социально-экономического потенциала страны, важно отметить, что этот сектор в экономике России до сих пор не является одним из определяющих факторов национального хозяйства по степени своей эффективности. В настоящее время, развитие туристического бизнеса как отрасли в целом характеризуется противоречиями в его организационной структуре, в направлениях развития, в размерах, формах и методах воздействия государства и, в частности, государственной исполнительной власти РФ. Все это сдерживает развитие эффективного развития сферы туризма не только на территории Российской Федерации, но и за пределами государства.

Одной из главнейших причин этого является отсутствие четких границ полномочий между органами государственной власти России в сфере туризма, а также органов власти субъектов Российской Федерации в области туризма и гостеприимства. В последнее время некоторые принятые на региональном уровне законы и нормативно-правовые акты в сфере туризма противоречат федеральному законодательству или дублируют его. На потребности создать всеобъемлющее законодательство о туризме заострялось внимание в более ранних документах о туризме, таких как Гаагская декларация по туризму и Глобальный этический кодекс по туризму. Необходимо также начать ак-

20 | тивные действия по формированию такого органа власти, который мог бы полностью обеспечить контроль и управление всей сферой туризма. Речь идет об органе исполнительной власти в составе правительства РФ, которое бы в полной мере и в рамках своих полномочий разрабатывало, реализовывало и контролировало предложения по развитию и регулированию всей туристической сферы в Российской Федерации.

Туристическая отрасль довольно часто играет роль индикатора социально-экономической активности и регионов, и муниципальных образований, оказывая значимое воздействие на такие секторы экономики, как транспорт, торговля, связь, строительство, сельское хозяйство. Поэтому в современных условиях возникла объективная необходимость создания государственной системы органов исполнительной власти, которая регулировала бы принятие управленческих решений на всех уровнях – федеральном, региональном и муниципальном (рис. 1).

Особое внимание требуется уделить осуществлению этой идеи именно на региональном и, далее, на муниципальном уровне, т.к. именно здесь эта проблема наполнена истинным содержанием. Ответственность в решении этих проблем должна распространяться среди реальных представителей органов власти, имеющих реальное представление о положении дел на конкретной территории в условиях имеющихся ресурсов, реально существующих возможностей и конкретных требований жителей. Однако осуществить это возможно только при условии проведения активной политики в туризме, реализации целевых программ по развитию туризма в регионах. Для этого необходимо разработать, сформировать, осуществить принятие и реализацию управленческих решений в области развития туристической отрасли как отдельной социально-экономической системы.

Процесс принятия управленческого решения в сфере туризма может состоять из четырех этапов, которые отражены на рис. 2.

В процессе принятия управленческих решений в сфере туризма на всех этапах могут возникнуть некоторые проблемы, которые могут отрицательно сказаться на эффективности проводимых действий. Можно определить существующие проблемы следующим образом.

На первом этапе, т.е. при возникновении проблемной ситуации, необходимо точно определить, в чем конкретно создается трудность. Важность этого момента заключается в том, что в современных условиях весь процесс принятия решения требует большей оперативности, нежели еще несколько лет назад. Неудачи могут возникнуть из-за неправильного определения источника проблемы или конфликтной ситуации; причины этого могут крыться в действующей на данный момент структуре управления, в несоответствии функций и составляющих управления, в том числе причины могут быть в установке ошибочных, недостоверных сроков исполнения той или иной работы. В свете данной темы интерес представляют проблемы именно в структурной организации управления. Наличие некоторого разобщения единоначалия, отображающих имеющуюся структуру органов исполнительной власти, ставит под вопрос распределение функций между структурными подразделениями, возникает дублирование обязанностей, в связи с чем теряется путь и направление к ответственному за то или иное задание органу власти.

На последующих этапах основными проблемами могут служить информационные и управленческие ошибки и несогласованности. В связи с вышеупомянутой возможностью дублирования функций на современном этапе развития структуры органов исполнительной власти Российской Федерации можно предположить существование некоторых расхождений в информационном обеспечении всех звеньев власти. Процесс движения, передачи информации сквозь уровни управления может быть нарушен. Необходимая информация может затеряться на одном из уровней иерархической структуры и не дойти до адресата вследствие разо-

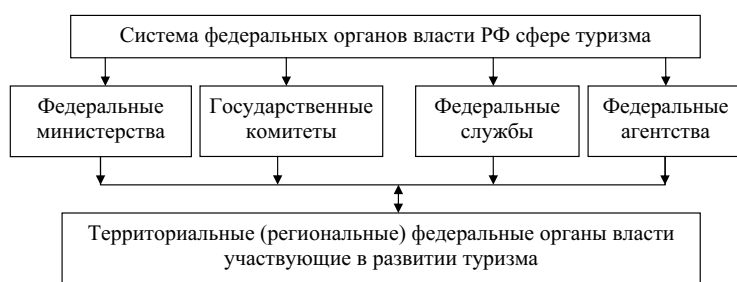

Рис. 1. Взаимосвязь органов власти в принятии управленческих решений в сфере туризма.

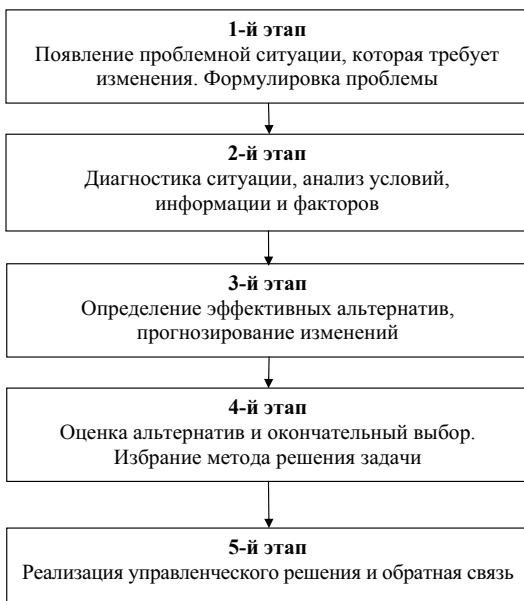

Рис. 2. Этапы процесса разработки, принятия и реализации управленческого решения.

бщенности внутри структуры и некоторой бессвязности звеньев.

Далее, в процессе управления, образовывается проблема в управленческой сфере: эффективность менеджмента снижается за счет несвоевременности доставки информации (касается дальних регионов). Безответственность одних звеньев ведет к разрушению других звеньев, все сопровождается неопределенностью относительно ответственного лица. На данный момент существует тенденция к блокированию использования таких понятий, как «делегирование» и «обратная связь», эта ситуация имеет ряд причин. Обращаясь к определению делегирования, данному З.А. Авдошиной, делегирование полномочий – это передача прав и ответственности от высшего руководителя к нижестоящему, от линейного руководителя к руководителю штабной структуры, от руководителя непосредственно к подчиненному [1].

Список литературы:

- [1] Авдошина З.А. Разработка управленческих решений в туристических организациях. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.cfin.ru/management/practice/manag_decision_tourism.shtml (23.03.2012)
- [2] Атаманчук Г.В. Синергетические аспекты государственного управления. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://spkurdymov.narod.ru/D25Atamanchuk.htm> (23.03.2012)
- [3] Максимцов М.М., Игнатьева А.В. Исследование систем управления / 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юнити-Дана, 2008. – 168 с.
- [4] Управление организацией / Учебник; под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 669 с.
- [5] Харрисон Ф. Что есть управленческое решение. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.executive.ru/knowledge/announcement/338324/> (23.05.12)

В основном избегание использования этих методов в работе происходит из-за нежелания брать на себя ответственность и риск за результаты проведенных работ именно вследствие того, что факт определенности и однозначности переданных полномочий размыт и неясен. Переданные обязанности могут быть неточны, и эффективность работы в связи с этим снизится. После этого вполне возможно, последуют негативные отзывы различных видов потребителей услуг, чьи ожидания не будут оправданы.

Таким образом, любая новая модель организационной деятельности требует определения и уточнения дальнейших направлений развития сферы. Значимым в этой ситуации является человеческий фактор, впрочем, он является даже одним из определяющих факторов, т.к. речь идет о социально-экономической сфере, в которой соблюдение интересов общества и отдельного затрагиваются в наибольшей степени.

Учитывая изложенное, можно предположить, что на данный момент требуется разработка иного механизма взаимосвязи структур органов исполнительной власти в сфере туризма, которая может быть сформирована с учетом выявленных недостатков, действующих в настоящий момент и тормозящих эффективную деятельность структурных органов власти. Нужно также четко определять сферы ответственности и обязанностей, необходимые ограничения и свободы действий, требуется формирование обширной информационной базы, которая следовала бы принципам полного и эффективного информирования всех участников управленческого процесса о складывающихся обстоятельствах в процессах управления государством. Дальнейшее развитие различных форм управления и процессов принятия эффективных управленческих решений играет важную роль в формировании направлений прогрессивного развития сферы туризма.

РЫНОЧНАЯ СРЕДА

УДК 332 (075)
ББК 65.422.5

О.И. Лебедева

К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Представлены основные особенности управления недвижимым имуществом в российских условиях, проанализированы предпосылки развития рынка недвижимости, развитие и функционирование которого обусловлено специфическими характеристиками: редкость, специфика оборота и кругооборота объектов недвижимости, капиталоемкость, уникальная полезность, стационарность. Управление недвижимостью является основополагающим фактором эффективного использования недвижимого имущества.

Ключевые слова:

государственная собственность, земельные отношения, недвижимое имущество, рынок недвижимости, управление недвижимостью.

Становление и развитие рыночных отношений во всех возможных сферах хозяйственной деятельности в обязательном порядке предполагает введение рыночных элементов и в область функционирования недвижимой собственности. Любой субъект рыночных отношений сможет свободно и эффективно выполнять свои функции, если у него будут условия для осуществления своей деятельности, среди которых одним из основных является территориальная обособленность и наличие удовлетворяющего объекта для возможности работы.

Землю можно отнести к незаменимому средству производства, на котором сосредоточено развитие всех отраслей народного хозяйства, вследствие того, что здания строятся на земельных участках и агропромышленное производство сосредоточено на облагораживании данного пространственного базиса, кроме того, сельскохозяйственные земли являются и предметом и средством труда одновременно. В настоящее время в России все большее значение отводится земельной реформе, которая призвана отражать интересы граждан, способных эффективно использовать земельные угодья.

К важным моментам развития земельных правоотношений можно отнести включение земли в состав объектов гражданских правоотношений, предпосылкой которого стало отнесение земли к недви-

жимому имуществу. Для понятия «недвижимость» в данном контексте является понятие «объект собственности». Наиболее близкими к нему по структуре являются экономические категории «земля» и «капитал».

Изначально недвижимость выступала как национальное богатство (египетские пирамиды, крепостные сооружения, храмы и т.д.). По мере развития рыночных отношений недвижимость стала превращаться в товар. Многообразие объектов, которые относятся к недвижимости (земля, ее ресурсы, производственные и непроизводственные фонды, а также предприятия) делает весьма сложным характеристику недвижимости как товара. Это касается как способов купли-продажи этого товара (жилая квартира, земельный участок, предприятие), так и субъектов, включенных в этот процесс.

Развитие и функционирование рынка недвижимости обусловлено спецификой самого объекта рыночных отношений. Специфическими характеристиками недвижимой собственности являются: редкость, специфика оборота и кругооборота объектов недвижимости, капиталоемкость, уникальная полезность, стационарность [3].

Раскрытие характеристики редкости позволяет сделать вывод, что современное планирование городов должно предусматривать максимально эффективное использование уже застроенных терри-

торий. Оборот и кругооборот объектов недвижимости обуславливает деление рынка недвижимости на первичный и вторичный. Исходя из этого вытекает и такая особенность функционирования рынка: будучи произведенным, его объект остается на рынке в качестве резерва предложения очень долгое время. Характеристика капиталоемкости свидетельствует о том, что осуществление сделок с недвижимостью зависит от уровня дохода и всегда связано с аккумулярованием финансовых ресурсов. Уникальная полезность и стационарность определяют потребительский выбор при покупке недвижимой собственности, поскольку ценность каждого объекта находится в тесной зависимости от его географического положения и связанных с ним характеристик.

Специфика данного товара позволяет не только использовать его в качестве инвестиционного объекта, но и объясняет существование операций, характерных в общей массе для данного вида имущества, таких как траст, ипотека, лизинг и т.д.

Таким образом, к отличительной особенности недвижимости относится ее неразрывная связь с землей (сами по себе земельные участки также рассматриваются как недвижимость), что в свою очередь предполагает ее значительную стоимость. Вне связи с земельными участками недвижимые объекты теряют обычное назначение и соответственно понижаются в цене.

Объекты недвижимости различаются по своему происхождению: созданные природой без участия труда человека; являющиеся результатом труда человека; созданные трудом человека, но связанные с природной основой настолько, что в отрыве от нее функционировать не могут.

Спрос на недвижимость подчиняется общим законам функционирования рыночной экономики, находясь в обратной зависимости от ценового фактора. Это отражается в отрицательном наклоне кривой спроса. Характер изогнутости различается на различных интервалах кривой, что связано изменениями эластичности спроса. Длительность интервалов зависит от степени реакции потребителей в ответ на изменение показателей рынка недвижимости. Отложенный спрос и неоправданные ожидания характеризуют неэластичный участок кривой спроса; этап стабилизации и насыщения рынка приводит к некоторому росту эластичности.

Предложение недвижимости в краткосрочном периоде неэластично, что вызвано длительностью технологического процес-

са, невозможностью мгновенного производства (строительства или реконструкции) недвижимости или ее уничтожения (за счет амортизации или разрушения) в ответ на изменение спроса или его структуры.

Стационарность объектов недвижимости является причиной их низкой ликвидности, ведет к росту издержек и рисков; уникальность товара и индивидуальность сделок препятствуют установлению равновесия спроса и предложения; вследствие высокой стоимости объектов недвижимости становится необходимым привлекать крупные пороговые инвестиции для вхождения в отрасль, что тормозит развитие конкуренции. Несвершенство рынка недвижимости во многом объективно, но оно может до некоторой степени понижаться с ростом уровня развития рынка, например, с ростом информированности участников рынка недвижимости за счет активизации профессиональных посредников и расширения спектра предоставляемых ими услуг, с повышением уровня конкуренции при активизации сопутствующих и смежных рынков, с внешним воздействием, активизации других, более совершенных рынков, в первую очередь – рынка финансовых активов.

Земля координирует в себе различные черты, относящиеся как к категории природного объекта, так и товарно-материальной ценности, т.е. понятие «земля» можно отнести к недвижимому имуществу особого рода; современный собственник земли обладает правами владения, пользования и распоряжения, которые должны соблюдать ограничения (сервитуты) [1].

Земли, находящиеся в государственной собственности имеют экономико-экологическую значимость для нации в целом. К ним относят земли, на территории которых сосредоточены промышленные предприятия, а также земли, имеющие значение в области охраны природы. Государство на правах собственника также может в обмен на определенную законом оплату передавать часть своих правомочий юридическим и физическим лицам, например, право пользования (срочного и бессрочного), право владения (пожизненного наследуемого), а также давать возможность арендовать участок земли. Рациональное использование данных земельных угодий и охрана от деградации почв входит в обязанности землепользователя.

Оборот земель законодательно ограничен в общественных интересах так же,

как и содержание прав всякого землепользователя или природопользователя. Ведь количество и состав такого рода объектов недвижимости всегда затрагивает интересы общества в целом. Поэтому и свободное, по усмотрению собственника, использование принадлежащих ему правомочий относительно земельных участков и иных природных объектов недвижимости подвергается неизбежным ограничениям в публичных интересах [2].

Так, собственник должен учитывать природоохранные (экологические) требования и запреты, целевое назначение данных объектов, требования закона по их рациональному использованию, права и интересы соседствующих пользователей и т.д. Это является не ограничением его права собственности на объект недвижимости, а установлением более точных границ его содержания, которое в любом случае не может быть беспредельным.

Для продаваемых застроенных земельных участков устанавливаются публичные сервитуты, в соответствии с которыми собственники земельных участков должны обеспечить:

- безвозмездное и беспрепятственное использование мест общего пользования (пешеходные и автомобильные дороги, объекты инженерной инфраструктуры), которые существовали на момент передачи земельного участка в собственность;

- возможность размещения на участке межевых и геодезических знаков и подъездов к ним;

- возможность доступа на участок соответствующих муниципальных служб для ремонта объектов инфраструктуры.

Изменение названных и введение новых публичных сервитутов возможно лишь Федеральным законом или принятыми в соответствии с ним нормативно-правовыми актами.

Цель управления недвижимостью – ожидаемый результат от владения, распоряжения и пользования соответствующим объектом недвижимости. Для решения управленческих задач необходимо выполнение следующих условий: создание информационно-аналитической базы для принятия адекватных управленческих решений, оптимизация распределения объектов недвижимости по типам, формирование стратегии и программ управления, надлежащая техническая эксплуатация и продвижение объектов на рынок, обеспечение системы инвестиций в недви-

мость, минимизация затрат на содержание системы управления. Деятельность по управлению недвижимостью предполагает систематическое принятие решений и их выполнение на всех стадиях ее жизненного цикла.

Применение системного профессионального подхода способно создать действенную систему управления недвижимостью, обеспечить достижение цели собственником в соответствии с продекларированными выше принципами. [4]

Наиболее общими особенностями формирования и функционирования рынка недвижимости являются следующие.

1. Уровень развития (степень активности) рынка недвижимости как рынка инвестиционных товаров находится в тесной зависимости от колебаний общеэкономической конъюнктуры.

2. На функционирование рынка недвижимости существенное влияние оказывает фактор сопутствующих затрат (имущественные налоги и затраты на обеспечение функционального состояния объектов недвижимости).

3. Специфика объекта рынка недвижимости в значительной степени влияет на соотношение спроса и предложения на данном рынке.

Первичный и вторичный рынки, выступая двумя частями единого рынка недвижимости, взаимно влияют друг на друга. Например, цены вторичного рынка представляют собой особый ориентир, который показывает, насколько рентабельным является новое строительство при существующем уровне затрат.

Взаимное влияние спроса и предложения на первичном и вторичном рынках недвижимости выступает фактором, существенно осложняющим анализ сферы обращения и выбор правильных решений относительно инвестирования в недвижимость. Особенно сложной эта задача является еще и потому, что сделки на рынке недвижимости носят, как известно, частный и зачастую конфиденциальный характер, что серьезно затрудняет сбор необходимой информации.

При снижении спроса вторичный рынок недвижимости может достаточно гибко реагировать на него уменьшением предложения и падением цен, нижняя граница которых определяется, по сути, тремя факторами: ценой приобретения объекта, финансовым положением продавца и соответствием его уровня доходов уровню текущих затрат по содержанию недвижимости. Диапазон снижения цен

или предложения может быть довольно широк.

На первичном рынке недвижимости нижняя граница цены определяется уровнем затрат на строительство: при его переходе застройщик несет прямые убытки. Здесь сложнее как уменьшить, так и увеличить предложение. В строительном процессе задействован ряд организаций, каждая из которых заинтересована в использовании своих мощностей и ресурсов, и прекратить строительный процесс мгновенно невозможно, так же как и быстро увеличить предложение – процесс создания объектов недвижимости занимает месяцы и даже годы.

Вторичный рынок недвижимости является более инертным в связи с тем, что решения на нем принимаются множеством лиц, а мотивация к продажам более размыта, чем на первичном рынке, где продажа – это необходимая фаза, обеспечивающая возврат вложенных средств.

Особенности функционирования данного вида рынка всегда будут определяться фактом, что недвижимость всегда будет тем продуктом, на который окружающая среда оказывает очень сильное воздействие. Бизнес может менять местоположение, если в существующих условиях его дальнейшее прогрессивное развитие не представляется возможным. Характеристика стационарности недвижимости является основой всей системы функционирования рынка недвижимости.

Рынок недвижимости имеет четко выраженную региональную специфику, поскольку «привязан» к конкретному месту расположения объектов недвижимости [5]. Совокупность всех факторов формирует в каждом регионе особый характер местного рынка недвижимости. Региональная привязка рынка недвижимости имеет ряд важных следствий.

1. Понятие «единый рынок недвижимости России» надо воспринимать со значительной степенью условности. Термин «единый» в отношении рынка недвижимости может быть расшифрован как «совокупность общих для России норм, правил и процедур движения прав на недвижимое имущество или как единое нормативно-правовое пространство».

2. Главная задача федерального центра – формирование единых и обязательных для всех участников рынка недвижимости норм, правил и процедур движения прав на недвижимое имущество, учитывающих различия экономического развития регионов.

Необходимо также изменить содержание региональной политики федерального центра: стимулируя хозяйственную самостоятельность регионов, основанную на вовлечении имущества субъектов федерации и муниципальных образований в экономический оборот, он должен пресекать попытки ввести какие-либо местные ограничения законных прав либо условий экономического оборота недвижимости, если они обусловлены не экономической целесообразностью, а политическими предпочтениями региональных органов власти.

В настоящее время не выработано общегосударственной политики формирования правовых и экономических условий деятельности на рынке недвижимости:

- единая система государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним находится в стадии становления;

- в части определения состава и размеров сборов, тарифов арендной платы за землю и другую недвижимость, а также регулирования операций с ней господствует «местное право»;

- весьма незначительны гарантии прав добросовестного приобретателя недвижимого имущества, что способствует криминализации рынка недвижимости;

- условия деятельности на рынке недвижимости «непрозрачны», что, в частности, мешает эффективному определению рыночной стоимости объектов недвижимости.

Отсутствует координация деятельности подразделений исполнительных органов власти, осуществляющих регулирование рынка недвижимости и управление недвижимостью. В результате в различных секторах рынка недвижимости действуют различные правила и процедуры вовлечения его в оборот.

Негативное влияние на развитие рынка недвижимости оказывает монополизм органов власти, государственных, муниципальных или аффилированных с ними коммерческих организаций.

Одной из основных задач развития и становления рынка недвижимости в нашей стране на сегодняшний момент является разработка Единого классификатора недвижимости. Классификация рынка недвижимости позволяет выделить в его составе рынок аренды – наиболее конкурентный из всех рынков, формирующих национальный рынок недвижимости. Его особенностью является большая эластичность спроса и предло-

26 | жения, связанная с тем, что товар на рынке аренды не соответствует определению товара на рынке недвижимости в части некоторых его особенностей. Здесь он в большей степени является инвестиционным товаром, чем потребительским, обладает делимостью, большей ликвидностью. Кроме того, на данном рынке выше динамика спроса и больше эластичность предложения и он в меньшей степени подвержен государственному регулированию, чем рынок недвижимости в собственности.

В настоящее время в качестве базы формирования арендной стоимости земельного участка используется ставка земельного налога, кроме этого, величина арендной

платы зависит от дифференциальной ренты, которую будет получать арендатор. Также, для более точной оценки арендных платежей, рассчитываются корректировочные коэффициенты, применяемые для базовой величины арендной платы, учитываются поправки на расположение участка (удаленность от центральной усадьбы, дорог и пр.).

Рынок недвижимости в России как важнейшая составная часть процесса воспроизводства материальных ресурсов до сих пор в полной мере не создан особенно в сфере земельных отношений. Этому препятствует монопольное положение государства в данном секторе экономических отношений.

Список литературы:

- [1] Кондратьев Н.Д., Петренко В.П. Управление земельными отношениями: требования, подходы. – М.:ИНФРА – М., 2002. – 400 с.
- [2] Петренко И.А. Экономика земельных отношений. – Томск, 2005. – 120 с.
- [3] Системы регистрации прав на недвижимое имущество. Опыт зарубежных стран (Аналитические материалы) / Под ред. А.А. Лазаревского. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2000. – 176 с.
- [4] Скворцов О.Ю. Регистрация сделок с недвижимостью: правовое регулирование и судебно-арбитражная практика. – М.: Бизнес-школа, 1998. – 208 с.
- [5] Цукерман Г.А., Блевинс Д.Д. Недвижимость: зарубежный опыт развития / Пер. с англ. – М.: Тема, 1994. – 568 с.
- [6] Цыганов В. Емельянов А. Гражданско-правовая квалификация при регистрации прав на недвижимость // Рос. юстиция. – 2001, № 8. – С. 47–48.
- [7] Чаусовский А.М. Собственность: институциональный аспект // Финансы, учет, банки. Вып.4. – Донецк, 2000. – С 37–42.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ БИЗНЕСА И ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ПРЕДПРИЯТИЯ В ЦЕЛЯХ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются вопросы оценки бизнеса при определении альтернативных подходов эффективного варианта его реализации. Такая оценка может служить исходной информацией, которая позволит принять определенные решения в ходе антикризисного, внешнего или конкурсного управления. Определяются ориентиры всего управленческого процесса для достижения целей, которые стоят перед управленцами предприятия в целях антикризисного управления, т.е. необходимость руководства ориентироваться в используемых подходах и методах оценки стоимости самого предприятия.

Ключевые слова:

оценка стоимости бизнеса; оценка имущественного комплекса; доходный подход, затратный подход; сравнительный подход.

Эффективность управления несостоятельным предприятием должна основываться на верных решениях, в основе которых лежит получение информации о стоимости предприятия. В этом случае именно оценка стоимости предприятия (бизнеса) может выступать и выступает в качестве одного из действенных инструментов системы антикризисного управления и внесения необходимых корректировок в разрабатываемую стратегию вывода предприятия из кризиса. Это относительно новое направление использования оценки стоимости бизнеса, которое имеет не только свои отличительные особенности и обусловлено своей спецификой, становится особенно актуальным в современных условиях антикризисного управления.

Реализуя данную цель, оценка стоимости бизнеса и имущественного комплекса предприятия выполняет следующие функции:

1) Оценка выступает критерием эффективности применяемых антикризисных мер;

2) Оценка может служить той исходной информацией, которая позволит принять определенные решения в ходе антикризисного управления или внешнего и конкурсного управления [1, с. 54]:

– для определения размера и формирования конкурсной массы при ликвидации предприятия;

– при передаче объектов в аренду;

– при расчете и определении налоговой базы для расчета налога на имущество;

– при определении стоимости залога, для получения кредита и др.

Безусловно, оценку стоимости кризисного предприятия (бизнеса) оценщик может осуществлять с помощью стандартных

и основных применяемых подходов в оценке: доходного, затратного и сравнительного, однако оценка имущества предприятия в целях антикризисного управления предполагает помимо вышеперечисленных подходов и такие виды оценки стоимости предприятия, как утилизационная, инвестиционная и стоимость с ограниченным рынком. Таким образом, мы получаем, что один и тот же объект в конкретный момент времени может быть оценен по-разному и иметь различную стоимость.

Попробуем разобраться, какой из оценочных подходов используют специалисты и чем они руководствуются при необходимости расчета и оценки предприятия (бизнеса).

Например, при оценке несостоятельных предприятий специалисты в области оценки предпочитают использовать затратный подход, практически не используют рыночный подход и лишь на стадии внешнего управления в основу расчетов может быть положен доходный подход.

В доходном же подходе важнейшим понятием является капитализация доходов, под которой обычно понимают совокупность приемов и методов, которые позволяют оценивать стоимость рассматриваемого объекта на основе его потенциальной способности приносить доход в будущем. При использовании данного подхода эксперт-оценщик определяет текущую стоимость будущих доходов, которые потенциально могут возникнуть в ходе работы бизнеса или эксплуатации предприятия.

Доходный подход включает в себя несколько методов, такие как: метод прямой капитализации, метод дисконтирования

28 | денежных потоков, метод реальных опционов. Использование метода капитализации предполагает, что предприятие будет получать одинаковые величины прибыли в течение значительных промежутков времени, поэтому метод капитализации дохода при оценке несостоятельных предприятий почти не используется.

Использование специалистами метода дисконтирования денежных потоков при оценке основывается на принципе ожидания, т. е. подразумевается, что инвестор не вложит в предприятие сумму большую, чем текущая стоимость суммы будущих доходов от эксплуатации данного предприятия [5]. В свою очередь, собственник или собственники предприятия вряд ли продадут свой бизнес по цене, которая ниже совокупной текущей стоимости будущих потоков доходов.

В результате чего и формируется рыночная стоимость бизнеса (предприятия), которая равна текущей стоимости будущих доходов.

Но поскольку применение метода дисконтирования денежных потоков предусматривает все-таки наличие у предприятия дохода, то для оценки несостоятельных предприятий этот метод можно применять с определенной долей условности.

Правда, с другой стороны, применение метода дисконтирования денежных потоков в системе арбитражного управления имеет уже другое – доминирующее значение, т.к. мы определяем варианты дальнейшего развития предприятия, а здесь обязательным условием при составлении плана внешнего управления является наличие инвестора. И уже в этом случае оценка стоимости может выступать как критерий эффективности принятия управленческих решений, т.к. введение антикризисных мер может привести и к снижению, и к увеличению стоимости предприятия. Необходимо добавить, что применение этого метода позволяет учитывать гибкость управления и позволяет вносить изменения в уже существующие планы при изменении внешних и внутренних факторов дальнейшего развития бизнеса.

В этом случае необходимо сказать о существующем методе оценки реальных опционов, который представляет собой некую разновидность метода дисконтированных денежных потоков и используется для предприятий с заемным капиталом, позволяя определить положительную стоимость кризисного предприятия в арбитражном управлении.

Затратный или имущественный подход так же может применяться для оценки стоимости кризисного предприятия в рамках понесенных издержек, включая в себя два основных метода. Первый метод – это метод стоимости чистых активов, второй – метод ликвидационной стоимости. Правда, информация, которую берут при использовании этого метода, – это информация бухгалтерской отчетности, а балансовая стоимость активов и пассивов вследствие различных внешних факторов может не соответствовать их рыночной стоимости. И в этом случае, как правило, оценщик проводит корректировку каждого из активов предприятия и его обязательств в отдельности, чтобы рассчитать стоимость собственного капитала предприятия.

Применение метода ликвидационной стоимости крайне эффективно на этапе конкурсного производства в рамках процедуры банкротства предприятия для определения приблизительного размера конкурсной массы, которая сформируется в результате реализации имущества. Специалисты в области оценочной деятельности выделяют три ее составляющие (ликвидационной стоимости или реализации) – это принудительная и упорядоченная ликвидация, а также ликвидационная стоимость прекращения существования активов предприятия (активы списываются с баланса) [6].

Метод ликвидационной стоимости могут применять и арбитражные управляющие: например, когда доходы предприятия очень малы по сравнению со стоимостью его чистых активов или в случае, когда собственниками предприятия принимается решение о ликвидации предприятия, и применение этого метода позволяет рассчитать, какая часть денежных средств остается в распоряжении собственника предприятия после погашения обязательств.

Использование сравнительного подхода при оценке предприятия (бизнеса), наверное, более уместно в странах с развитой экономикой, где финансовые рынки менее подвержены различным и непредсказуемым колебаниям, если еще учесть, что для использования этого подхода необходима финансовая информация и не только продажная цена, но и условия продажи и др., и, конечно же, сбором и хранением которой должны заниматься определенные службы, а значит перечисленные ранее причины применения рыночного подхода ограничивают использование этого подхода или искажают стоимость предприятия.

Антикризисное управление, в силу своей специфики, ограничивает оценщиков в выборе некоторых видов стоимости. Например, оценка балансовой и остаточной стоимости не показывает реальной стоимости бизнеса (предприятия) на рынке, а значит и не могут использоваться в качестве критерия эффективности антикризисного управления, а целью антикризисного управления является эффективное управление существующим бизнесом (предприятием), а не создание нового.

При определении итоговой величины стоимости кризисного предприятия, а его стоимость отличается от определения итоговой величины стоимости действующего предприятия, поскольку при определении стоимости кризисного предприятия необходимо провести более глубокий анализ полученных результатов на предмет соответствия целям оценки и действующему законодательству.

При оценке активов несостоятельных предприятий на стадии ликвидации или конкурсного производства доходный подход вообще почти не применяется (при оценке оборудования определяют стоимость отдельных станков, а не всей технологической линии, а ведь они способны приносить доход), и уж тем более не просто сделать выборку из общей величины дохода, получаемого от функционирования имущественного комплекса – ту часть дохода, которая приходится на конкретные активы.

Применение доходного подхода более реально и возможно на стадии внешнего управления с целью определения стоимости имущественного комплекса несостоятельного предприятия, где величина стоимости характеризует перспективы развития, учитывает размер вложений для дальнейшего функционирования предприятия, и, если вложения крупные, то, безусловно, это снижает стоимость бизнеса (предприятия) для инвестора.

Обоснованная рыночная стоимость является одним из используемых методов не только в оценке бизнеса, она может применяться в антикризисном управлении (выяснение реальной рыночной стоимости имущественного комплекса или бизнеса и определение рыночной стоимости отдельных активов и обязательств предприятия), однако для целей арбитражного управления данный вид стоимости можно применять лишь на стадиях наблюдения, внешнего управления и финансового оздоровления.

В условиях же конкурсного производства при определении рыночной стоимости

предприятия продажу предприятия нельзя рассматривать в качестве добровольной сделки, ведь имущество реализуется по решению суда, а значит в очень короткие сроки, что абсолютно не учитывает рыночную конъюнктуру.

Инвестиционная стоимость чаще используется для обоснования инвестиционных проектов и, как правило, представляет собой стоимость объекта для инвестора, она определяется, исходя из его субъективных целей, и покупателю это может позволить принять более рациональное и обоснованное решение о покупке или продаже. В рамках же арбитражного управления данный вид стоимости рассматриваемого объекта может найти свое применение лишь на стадии внешнего управления. В этом случае предприятие не только продается какому-то конкретному инвестору, инвестор знает и понимает, что его покупка составляет не набор активов, а будущие доходы предприятия.

Такой вид оценки, как налогооблагаемая стоимость для целей антикризисного управления, безусловно, может использоваться арбитражным управляющим при разработке финансового плана вывода предприятия из кризиса, для дальнейшей его оценки, однако на практике этот вид стоимости практически не используется.

Использование другого вида оценки – утилизационной стоимости или стоимости утилизируемых активов предприятия, которые полностью утратили свою первоначальную полезность вследствие износа, крайне редко используется арбитражными (антикризисными) управляющими в процессе работы на предприятиях, которые находятся в состоянии кризиса. Поэтому повторим еще раз, утилизационная стоимость может рассчитываться, но, как правило, ее использование как метода эффективно лишь для определения цены реализации полностью изношенного оборудования.

Итак, в распоряжении арбитражного (антикризисного) управляющего остается затратный подход, с помощью которого стоимость действующего предприятия может быть определена с использованием в его рамках метода чистых активов и метода ликвидационной стоимости. А доходный подход в этом случае может быть применен лишь при обосновании и выборе одного из вариантов программы реструктуризации. И уж если предприятие находится на заключительном этапе процедуры банкротства, т.е. стадии конкурсного производства, то целесообразно

30 | рассчитывать ликвидационную стоимость рассматриваемого объекта.

Таким образом, говоря о роли и функциональном назначении оценки бизнеса и имущественного комплекса предприятия в целях антикризисного управления, можно сделать выводы:

1. Оценка стоимости бизнеса (предприятия), которое оказалось в положении финансовой несостоятельности или близком к банкротству, очень важна для внешнего (антикризисного) управляющего в качестве критерия для принятия правильных решений и алгоритма последовательности действий, а также поиска существующей альтернативы (продажа бизнеса, реорганизация предприятия, закрытие неперспективных направлений бизнеса и т.д.);

2. Оценка стоимости бизнеса и имущественного комплекса предприятия, может выступать мерой оценки эффективности антикризисного управления, когда на основе применения альтернативных антикризисных решений происходит изменение стоимости предприятия (бизнеса), особенно на различных стадиях процедуры банкротства (несостоятельности), т.е. наблюдения, внешнего и конкурсного управления;

3. Оценка стоимости бизнеса и имущественного комплекса предприятия в целях антикризисного управления может служить не только исходной информацией для принятия определенных, единственно правильных решений, но и использоваться в ходе антикризисного управления.

Список литературы:

- [1] Григорьев В. В. Особенности оценки несостоятельных предприятий. – М.: Спарк, 2007. – С. 54.
- [2] Карев В.П., Карев Д.В. Оценка бизнеса доходным подходом – констатация факта или прогнозное планирование? // Вопросы оценки. – 2007, № 1.
- [3] Куприн А.А., Буга А.В. Оценка нематериальных активов и объектов интеллектуальной собственности в управлении потенциалом хозяйственной деятельности предприятия: Монография. – СПб.: Астерион, 2011. – 149 с
- [4] Куприн А.А., Буга А.В., Оценка стоимости предприятия (бизнеса) / Учебно-метод. пос. – СПб.: Астерион, 2012. – 246 с.
- [5] Салун В.С. Как правильно выбрать ставку дисконта. // Рынок ценных бумаг. – 2007, № 8. – С. 24–28.
- [6] Старинский В.Н., Грунин О.А., Буга А.В., Лабудин А.В., Куприн А.А., Самодуров А.А. Современные технологии оценки бизнеса / Учебно-метод. пос. – СПб.: Астерион, 2012. – 380 с.

УДК 657.1.011.52
ББК 63.3(2)43

Т.Н. Малькова

УЧЕТНО-ФИНАНСОВАЯ ПРАКТИКА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА XI–XIV ВЕКОВ ПО ТЕКСТАМ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

Предложен анализ расчетов и их учета по берестяным документам Великого Новгорода XI–XIV вв. Основой анализа являются опубликованные берестяные документы (1953–2004). Они свидетельствуют об учетной и финансовой терминологии, независимых учетных решениях и процедурах. Исторический пласт древнерусского учета является неотъемлемой частью мировой и российской истории бухгалтерского учета.

Ключевые слова:

бухгалтерский учет, берестяные грамоты, расчеты, учетная терминология, финансовая информация, финансовая терминология, экономика Великого Новгорода.

Экономика Великого Новгорода в XI–XIV вв. являла собой вариант демократической организации российской товарной экономики. Ее финансовый механизм состоял из расчетов и их учета. Основным источником информации об экономике Великого Новгорода того периода являются берестяные грамоты. Их бухгалтерский анализ представляет большой интерес, однако не представлен в научных исследованиях по истории финансов и бухгалтерского учета.

Наряду с берестой (*беросто*, *берлста*, *грамотка*) использовались деревянные дощечки (*доски*, *дъщки*, *церы*, *бирки*), которые в общем виде назывались *досками*. *Церы* покрывались воском (заливалось на 2–3 см углубление в доске с отступом от края по всему периметру) и обматывались через отверстия (боковые с обеих сторон) шнурами для сохранности. Они имели внешний вид книги. *Цер* с экономическим содержанием не найдено. Использовались также *жеребьи* – деревянные бирки и пломбы-цилиндры. Основной массив документов представлен берестяными грамотами.

В Новгороде, как и по всей Руси того времени банковской системы не было. Но финансовую и учетную терминологию по расчетам (обобщение по берестяным грамотам [6; 8; 9] правомерно квалифицировать как профессиональную (см. табл. 1).

Областью расчетов были налоги, займы, товары в денежной и натуральной форме. Они осуществлялись через агентов. На каждого агента в расчетном центре открывался текущий счет, о чем свидетельствуют сохранившиеся описи денежных средств в расчетах (рис. 1) [3, БГ 278; XIV в.]*.

Описи расчетов формализовались уже в XI в. [5, БГ 526, XI в.]. Свидетельством этого является специфическое оформление цифр (верхние титлы, точки-выемки по обеим сторонам – одна или две), что было средством защиты финансовой информации.

На каждого агента в расчетном центре составлялся выборочный счет (знатьба) с обобщением операций [3, БГ 295, XIII в.]. Сами агенты составляли отчеты на основе первичных документов (жеребьи), что подтверждается совпадением имени и должности агента в двух пломбах-цилиндрах [12, № 15, № 21] и в берестяной грамоте, найденных в одном слое [13, БГ 902, XI – начало XII в.]. Отчеты агентов имели формат описи с позиционным размещением имен, сумм, населенных пунктов (рис. 2) [5, БГ 516, XII в.].

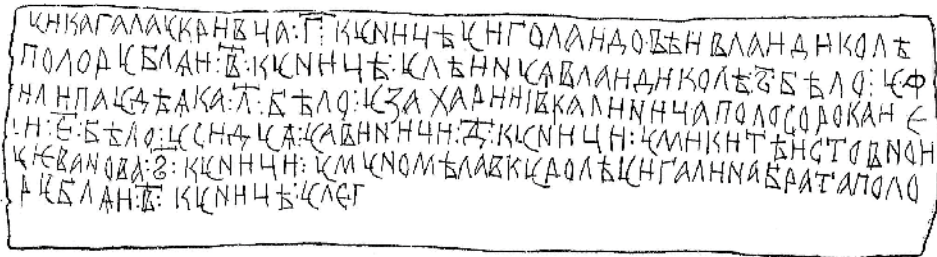
Алгоритм обобщения расчетов по займам содержал имена должников, займы, проценты [5, БГ 526, XI в.]. В одном из них должники разделены вертикальными линиями [5, БГ 509, XII в.], что является

* Ссылки на берестяные грамоты содержат номер по списку литературы, сокращение «БГ», номер грамоты, время составления (век).

Финансовая и учетная терминология древнерусских документов

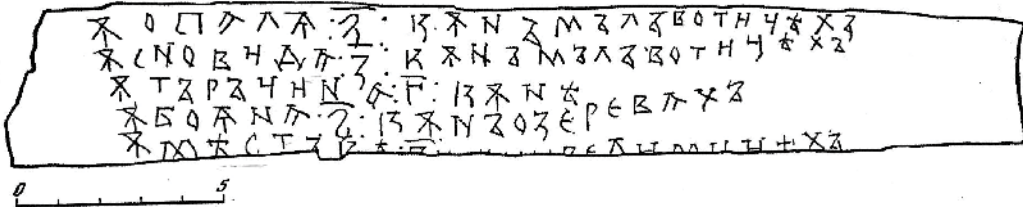
Термины	Значение терминов
Исто, исты, истина, покрута, прокрута, ссуда, съсудна, зсудна заем, заемное, купа, сростись, сростися, займовати	Ссуда, заем, давать займы, скапливаться в сумму
Должник, должный, длжен, заемщик	Должник
Заклад, задаток	Залог
Сблюдение	Хранение залога
Поручник, пороуцнь	Поручитель
Копа	Плата, денежное вознаграждение
Намы, наем, наим, резы, росты, наклады (с XIII в.), лихва (церк-кн.)	Проценты
Резовник, резоиство, резоиание, заимодавец	Ростовщик, ростовщичество, заимодавец
Цена, мзда	Цена, стоимость, плата
Сметати	Скидка с цены
В оке, око, налицо, налице, на оке, оцье, лицо (от: перед глазами, налицо)	Наличные деньги
Жеребей, жеребий, отдел	Доля – в доходе, в капитале
Зарок	Оговоренный срок выплаты долга
Донять	Получить дополнительно по займу
Заплатить, исправити, правити	Заплатить долг, рассчитаться
Отпустить	Простить долг
Клеть (холодное помещение в подвале), ларь, казна, скотница (редко)	Казна – место хранения ценных предметов и документов
Путь, поутень, прибыльок, корысть, придаток, прикуп, приход	Доход, прибыль
Наклады, розходы	Расходы
Пагуба, протори, проторы, урок, урон, гибель, истор, тщина, тьщина, убыток	Убыток, расход
Купно, совокупность	Итого
Состаток, статок, остатъ, осталось, останок, остаток, дополнок	Остаток
Разрубить, разроубити, расчет, рочет, розчет, розочт, рочет, развод, розвод, розмет, розметы	Распределить, разверстать, расчет
Деньги в отчет и в отвес	Подотчетность за полученные денежные средства
Спишемо	Списать со счета
Недоборные	Опись должников по сборам и налогам
Запись, записати (грамоту), исчести, счести, сочити, писати, щет, ведание, веданье	Вести учет в документах, вести текущий учет
Загладить, исправити, правити, очистити, очищати	Учесть исполнение обязательства (торгового, налогового, заемного)
Роспись, список	Опись, перечень
Приказ, наказ, правило	Документ распорядительного характера
Знатьба	Выборочный счет на агента
Счет, сочити, счести, исчести, счити, щет	Подсчет. Сверка расчетов и подсчетов

У Икагала у Кривца : 3 : кунице у Иголаи две и в Лайдиколє
 полорубля и : 2 : кунице : у Леинуя в Лайдиколє : 6 : бело : у Ф-
 илипа у деяка : 30 : бело : у Захарии в Калиница полосорока и 5
 и : 5 : бело : у Сидуя у Авиници : 4 : кунице : у Миките исто в Ное
 у Еванова : 6 : кунице : у Муномела в Куроле у Игалина брата поло-
 рубля : 2 : кунице : у Лег...

0 1 2 3 4 5 см

Рис. 1. Берестяная грамота 278, XIV в. [3].

у Опаля : 7 : кунъ в Молвотичах (деревня)
 у Сновида : 7 : кунъ в Молвотичах
 у Торчина : 3 : кунъ
 у Бояна : 6 : кунъ Озеревахъ (деревня)
 у Местька : 2 : (кун)ъ Велимицехъ... (деревня)

Рис. 2. Берестяная грамота 516, XII в. [5].

признаком поиска формализованности документов. Переписка агентов подтверждает их взаиморасчеты (рис. 3) [4, БГ 336, XI–XII вв.].

Практика применения безналичных расчетов подтверждается следующими аргументами:

– списание средств по документу: «...а грамоту с тебя спишем...» [3, БГ 257, XIV в.];

– обращение натуральных сборов в проценты: «...жито еси показал...на три гривн...поворотил в намы...» [10, БГ 665, XII в.];

– сверка задолженности в расчетах: «...на 2 гривнь и дьва рьз(а)но • а за мною п(о)лосмь гри(внь)...» [10, БГ 621, XIII в.].

Выборочные счета с перечнем недоимок по налогам составлялись и за длительный период, например, выписка за 4

года [11, БГ 718, XIII в.]. Это свидетельствует о непрерывном текущем учете недоимок.

Документы отражали разнообразие измерителей – денежных и натуральных [11, БГ 722, XIII в.]. Но в документах обобщающего характера использовались только денежные (куны, гривны) [3, БГ 278, XIV в.]. Такие документы получили у историков название долговых списков.

Петра грамота къ Вальтькови то еси ты поведаль къ Рожънетови на Нустуе емати 2 срочька ни векшею не дльжьнь (перевод: «ни копейки» не должен) а ныне у Даньши заяль есмь • 2 • • 2 • сорочька въ • 5 • ть срочькъ а емли на немь Даньша.

Рис. 3. Текст берестяной грамоты 336, XI–XII вв. [4].

Хищения денежных средств были, что подтверждает взаимный контроль и учет недостач (рис. 4) [11, БГ 721/683/647, XII в.].

...а (мешок?) белчих шкурок,
18 сорочков который утаили (он утаил?) в
Онеге
находится у Нежка на...?

Рис. 4. Фрагмент текста берестяной грамоты 721/683/647, XII в. [11].

По сведениям о злоупотреблениях можно судить об их разнообразии: возложение ответственности на поручителя, побег должника, неуплата долга (даже под угрозой пытки). Могли не возвращаться даже дружеские кредиты, что приводило к разорению [5, БГ 445, XIV в.]. Ответственность поручителя выражалась в уплате им долга за должника, за которого он поручился своим имуществом по описи [5, БГ 500, XIV в.]. Родственник мог выполнять функции поручителя и без документа о поручительстве (рис. 5) [3, БГ 235, XII в.].

+ отъ Судише : къ Нажиру : се Жадъке посла-
вль : ябетника дова : и пограбила мя : въ
братни долгъ а я (неп)оручене : Жадку : а
възборони емоу отине п(осл)е нама опас(а)...
еду в ...

(перевод:)

+ От Судиши к Нажиру. Вот Жадко послал
двух судебных исполнителей, и они ограбили
меня за братний долг. А я не поручитель (за
брата) перед Жадком. Запрети же ему, пусть не
посылает на меня стражу... Еду в (Новгород?)

Рис. 5. Текст берестяной грамоты 235,
XII в. [3].

Взыскание по долгам при неплатежеспособности должника производилось на основе заявления (*извет*) в судебном порядке, с обвинителями (*клеветники*; обидный смысл слово приобрело уже в XI в.: «*смердам побить клеветника*» [3, БГ 247, XI в.]), со свидетелями (*послухи, рядцы*) и осуществлялось судебными исполнителями (*биричи, отроки, позовники; ябетники, ябедники* – также с устойчивым негативным смыслом). Поручитель погашал заем, если должник не уплачивал долг (скрывался). При неявке ответчика в суд решение принималось по *бессудной грамоте*. Она оформляла возмещение убытков, с указанием его размеров и свидетелей составления документа. Бессудная грамота выдавалась истцу, при неявке истца – ответчику. Отказ от дальнейших претензий оформлялся этим же документом [4, БГ 366, XIV в.].

По законодательству должники делились на *безхитростных* (пострадавшие от пожара, вооруженного нападения разбойников, захваченные в плен) и *злостных* (неуплатившие безхитростные и неуплатившие без причины). Безхитростный платил в рассрочку без процентов, злостный *ставился на правезж*, что означало публичное следствие и процедуры – *божьего суда* (ежедневное телесное наказание в течение срока, соразмерного с долгом), выдачи *головую до искупа* (кабала до уплаты долга), поединка при отсутствии доказательств у обвиняемого.

Поединок дебитора и кредитора применялся также, если в суд представлялся лишь документ (*доска*) кредитора. Из Псковской судной грамоты известно, что доски не признавались единственным и исчерпывающим юридическим доказательством, так как требовались свидетели и поручители.

Рабство по неуплаченной ссуде называлось *закладничеством*. Закладник терял личную свободу, но освобождался от уплаты налогов, что инициировало самопродажу в рабство. *Зажив* означал отработку долга самим должником, его детьми и его должниками. При отказе от уплаты долга должник/поручитель подвергался процедуре *божьего суда*. Он состоял в применении пытки раскаленным железом (*железный урок*). Если должник признавался в неуплате долга, то наряду с погашением долга он платил и судебную пошлину (*железное*). Характерно, что термины *исправити, правити* означали «заплатить, рассчитаться». Таким образом, меры против нарушения платежной дисциплины были чрезвычайно суровыми.

На фоне столь сложных отношений по поводу налогов, долгов и расчетов по ним становятся понятными причины социальных волнений, частых пожаров и уничтожения долговых документов, что было в интересах как должников, так и их поручителей. Недовольство юридическими нормами, расчетами, действиями судебных исполнителей и сборщиков налогов находило свое завершение в народных восстаниях (1175, 1290, 1475 гг.), сопровождавшимися *разграблениями*. Конфискация могла сопровождаться утоплением виновного в Волхове.

Заем оформлялся договором (*смолова*) под залог (см. описи залогов [2, БГ 141, XIII в.; 2, БГ 138, XIII в.]), с поручителями (*поручники*) по формуле *порука в кунах* (см. ссылку на поручительство [4; БГ 389; XIV в.]) и процентами (*намы, росты, резы*, позже – *наклады*). Договоры и купчие доку-

менты хранились в архиве, практиковалось при необходимости их копирование. Даже частные лица применяли выписки из документов: «спиши списокъ с купной грамоте да приши семо (сюда)...» [1, БГ 53, XIII в.]. Документы заверялись должностными лицами. Наиболее важные договоры снабжались вислыми свинцовыми печатями с индивидуальными сюжетами и надписями. Сохранились печати княжеские, городской администрации, монастырские, межевщиков.

Таким образом, содержание и методология учетных документов Великого Новгорода XI–XIV вв. свидетельствуют о развитости финансовой среды, бухгалтерского учета, профессиональной терминологии, формализованности и защите учетно-финансовой информации. Берестяное наследие представляет культурную ценность, обладает достоверностью первоисточников, и образует самостоятельный культурный пласт в истории финансов и бухгалтерского учета.

Список литературы:

- [1] Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). – М.: АН СССР, 1954. – 91 с.
- [2] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). – М.: АН СССР, 1958. – 200 с.
- [3] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). – М.: АН СССР, 1963. – 118 с.
- [4] Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 г.). – М.: АН СССР, 1963. – 118 с.
- [5] Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). – М.: АН СССР. – 192 с.
- [6] Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот / В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). Т. XI. – М.: Русские словари, 2004. – с. 228–229.
- [7] Малькова Т.Н. Учетное и экономическое наследие Великого Новгорода. – СПб: СПбГУСЭ, 2011. – 155 с.
- [8] Тихомиров М.Н. Древняя Русь. – М.: Наука, 1975. – 432 с.
- [9] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). – М.: Наука, 1986. – 309.
- [10] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). – М.: Наука, 1993. – 352 с.
- [11] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Т. X – М.: Русские словари, 2000. – 432 с.
- [12] Янин В.Л., Зализняк А.А. Надписи на цилиндрах / Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). Т. XI. – М.: Русские словари, 2004. – С. 137–145.
- [13] Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). Т. XI. – М.: Русские словари, 2004. – 288 с.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В СРАЖЕНИИ ПРИ ЗБОРОВЕ (2 ИЮЛЯ 1917 Г.): ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена участию чехословацких добровольцев в составе русской армии в сражении при Зборове 2 июля 1917 г. – первом в XX веке сражении чехословацких войск как самостоятельной боевой единицы, претендующей на роль ядра армии будущего независимого чехословацкого государства. Анализируются не только особенности и характер сражения, но и отмечается высокое идеологическое и морально-пропагандистское значение битвы. В отечественной литературе подробное обращение к истории сражения ранее не предпринималось.

Ключевые слова:

добровольцы, летнее наступление 1917 г., Т.Г. Масарик, Первая мировая война, сражение при Зборове.

В данной статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка проанализировать явление иностранного славянского добровольчества в русской армии с точки зрения войны идей: идеи славянского единства против идеи многонациональной империи.

Значение для чехословацких добровольческих формирований событий, происшедших 2 июля 1917 г. в районе маленького украинского городка Зборов, трудно переоценить, хотя первый взгляд на них производит впечатление несопоставимости масштаба крохотного боя местного значения и грандиозных сражений Вердена и Марны, Изонцо и Арраса, Карпат и Восточной Пруссии. Однако несколько тысяч героев локального эпизода в считанные дни обратились в живое воплощение национальной легенды. Задавшийся таким же вопросом проницательный наблюдатель К. Чапек отвечал на него так: «Полагаю, что тому есть две причины: первая, что сражение при Зборове – это первое самостоятельное участие чешских войск в войне, а вторая – то, что этот бой, это дело невозможно изолировать от плотной и сложной сети событий, сложенных из бесчисленных, более или менее безымянных подвигов, изобретательности, инициативы и организации» [5; с. 11].

Война за свой народ против своего государства, символом которой в итоге стало сражение у Зборова, превратилась в неотъемлемый элемент трансформации традиции национального добровольчества в национально-революционную традицию. Созданные во имя идеи славянского единства вооруженные формирования стали ядром национальных армий еще не существующих на карте государств. Поль-

ские, чехословацкие и югославянские добровольцы, подчас даже незаметно для себя, становились революционерами.

С 20-х чисел июня 1917 г. географическим центром концентрации Чешской бригады в составе Юго-Западного фронта стала Езерна. Штабы частей расположились вокруг этого небольшого населенного пункта: штаб бригады – в Красном, 1-го полка – в Цецове, 2-го – в Хорошицах, а 3-го – в самой Езерне. На 22 июня 1917 г. численность полков оценивалась, соответственно, в 2 379, 2 356 и 1 552 человека. Командующий 49-м армейским корпусом генерал Селивачев выделил бригаде 6-километровый участок фронта юго-западнее Зборова между деревнями Погребец и Йозефовка [3; с. 60]. Находившийся в это время в бригаде будущий президент Чехословакии Л. Свобода вспоминал, каким контрастом отличалась встреча бригады на фронте: стоявший в Езерне бельгийский бронедивизион встретил ее очень благожелательно, а русские части – «с иронией, а то и со злостью». Командиры соседних частей предупреждали командира бригады полковника В.П. Троянова, что русские полки ненадежны и вот-вот могут дезертировать [12; с. 400].

29 июня 1917 г. бригада вышла на позиции. Первое впечатление от них было тягостным: огневые точки практически не оборудованы, окопы широкие, глубиной всего лишь по колено и заросшие травой, землянок мало. Сдавший позицию 13-й финский полк оставил в наследство всего восемь пулеметов, причем все они были неисправны и системы «Максим», с которой раньше чешским пулеметчикам дела иметь не приходилось. Б. Оплетал вспоминал, что приходилось прямо в окопах

учиться разбирать и собирать их, а ночью – пристреливать по позициям противника [10; s. 74]. И все же ощущение надвигающегося крупного события не оставяло офицеров и солдат бригады. «Сам Зборов виден не был: видимость составляла всего 2–3 километра, сильно мешали сплошные линии окопов и траншей. И все же со времен гуситов никто, нигде и никогда не видел столько вооруженных чехов, собравшихся вместе», – такой суховатой и одновременно патетической фразой начал соответствующую главу своих мемуаров Л. Свобода [12; s. 390].

30 июня бригада получила боевое задание. В предстоящем наступлении 49-й армейский корпус генерала Селивачева, считавшийся неплохой частью, но далеко не образцовой, решено было использовать для отвлекающего маневра (мнение, что А.А. Брусилов все же хотел использовать корпус на направлении главного удара, другими источниками не подтверждается) [9; s. 93]. Командующий фронтом генерал Л.Г. Корнилов и командир 11-й армии генерал И.Г. Эрдели поставили ему не самую сложную задачу: атаковать и захватить гору Могила в двух километрах западнее Зборова (на русских картах она обозначалась как «высота 391» [12; s. 402], на австрийских – «высота 394» [3; s. 62]). Основные действия должны были выполнить 4-я финская дивизия, расположенная правее позиций Чешской бригады, и 6-я финская дивизия, обосновавшаяся на ее левом фланге. Резерв корпуса составляла 82-я пехотная дивизия.

По злой иронии судьбы чехи находились в этот момент по обе стороны фронта, причем ясных свидетельств тому, были ли они об этом осведомлены к моменту начала боя, нет. 49-му армейскому корпусу русской армии противостоял 9-й армейский корпус генерала Э. Клеттер фон Громника (тоже, кстати, имевшего чешские корни). На участке Чешской бригады расположились 35-й Пльзеньский и 75-й Индржихоградский чешские полки из 19-й пехотной дивизии генерала Э. Бельцта (еще один чех-генерал австрийской армии) и 86-й гонведский полк 32-й венгерской пехотной дивизии. Из 12,5 тыс. человек в окопах по ту сторону линии фронта чехов была едва ли не половина – 61% состава 35-го полка и 82% состава 75-го полка [5; s. 35]. «Вечерами в окопах пели одни песни», – замечал Л. Свобода. Только один из исследователей сюжета утверждает, что австрийцы знали, кто перед ними, но делает оговорку – офицер-чех из 86-го полка

майор Новотны услышал родной язык в ночь на 2 июля, и неизвестно, доложил он об этом начальству до начала боя, и сочло ли необходимым начальство сообщать об этом чешским солдатам австрийской армии [8; s. 95]. Такая информация вполне могла деморализовать последних еще до сражения.

1 июля 1917 г. в 9 часов утра 1-й гвардейский корпус прорвал фронт в районе Березан. Летнее наступление русской армии началось.

Первый день июля на участке фронта, занятом 49-м корпусом, прошел в сравнительно вялой артиллерийской перестрелке, но Чешская бригада запомнила его надолго. Плохо оборудованные окопы не спасали от австрийской шрапнели. Командир 6-й роты 1-го полка подпоручик И. Вилимек был убит на месте, командир 8-й роты прапорщик Я. Сыровы серьезно ранен – он потерял правый глаз.

Под артиллерийским огнем австрийцев тем временем рождался план боя, вписавшего Чешскую бригаду в историю. Командиры 1-го и 2-го батальонов 1-го полка подпоручики С. Чечек и О. Гусак, младшие офицеры и непрофессиональные военные, сделали то, что полагалось делать их профессиональным, но пассивно созерцавшим происходящее русским командирам. Гусак, до войны живший в этих краях, нарисовал диспозицию, Чечек придумал основу для тактического маневра. Штыковому бою Чешскую бригаду не учили, поэтому решено было без всяких теоретических изысков действовать так, как привыкли солдаты и младшие командиры бригады – малыми группами по 8–10 человек, сделав ставку на быстроту передвижения и инициативу унтер-офицеров. Примечательно, что четкий план действий был только у 1-го полка, где Гусак и Чечек сформулировали его без приказа сверху. 2-й полк имел единственное указание – ориентироваться на 1-й и поддерживать его действия, а расположенные в тылу позиции два батальона новобранцев не имели вообще никаких инструкций [5; s. 38].

Позиции для прорыва были оборудованы на правом фланге дислокации бригады, там, где стояли два батальона 1-го полка. Оптимистично настроенные и полные энтузиазма чехи тут же придумали им, казалось бы, абсолютно невоенные названия – участок для 1-го батальона Чечека получил наименование «Катя», участок для 2-го батальона Гусака нарекли «Марусей». Левый фланг бригады, вообще исключенный командованием из плана наступле-

ния, составляли три батальона 2-го полка, которыми командовали штабс-капитаны Гайда и Дьяконов и поручик Дембский, соответственно. Артиллерией бригаады руководил поручик И. Каргер, пулеметной командой – подпоручик В. Лужа. 3-й батальон первого полка и новобранцы, как уже было отмечено, находились в резерве бригады [8; s. 94]. Все было готово к бою. Солдаты снимали с фуражек красно-белые национальные ленточки и жгли письма из дома – попасть в плен с таким набором опознавательных знаков означало расстрел на месте.

В 5.15 утра 2 июля 1917 г. артиллерия 49-го армейского корпуса начала артиллерийскую подготовку, длившуюся три с половиной часа. В 8.50 финские дивизии поднялись из окопов. Бой за гору Могила начался.

Атака финских дивизий захлебнулась сразу – то ли она была плохо подготовлена, то ли солдаты не горели желанием идти вперед. Только когда исход дневного боя стал ясен, финские части активизировались. В любом случае, участники боя вспоминали, что «финны нашу атаку поддерживали, но очень нерешительно – по нашим флангам постоянно бил неприятель» [12; s. 404].

В 9.07 началась атака 1-го батальона Чечка. Каждая из четырех рот бросила вперед свои ударные группы – по 16 человек, вооруженных десятью ручными гранатами и двумя 5-фунтовыми фугасами для прорыва проволочных заграждений противника каждый. Командовал этой самоубийственной атакой унтер-офицер Секанина, а после его гибели – унтер-офицер Мусилек. Эффект от этого экспромта получился поразительный – первая линия окопов была занята за восемь минут! Все вышло так быстро, что русская артиллерия даже не успела перенести огонь вглубь позиций противника и какое-то время была по своим. Солдат с красной ракетой (сигнал о переносе огня) погиб, так что разобратся, что произошло, смогли не сразу. Командиру 4-й роты 21-летнему прапорщику К. Кутльвашру (самый молодой офицер в Чешской бригаде, будущий генерал Чехословацкой армии) врезалось в память фантастическое зрелище закрывшего солнце пыльного облака, созданного землей, оседающей после непрерывных разрывов своих и неприятельских снарядов. Он видел труп своего брата Франтишека, погибшего в первых рядах. Он и командир 2-й роты прапорщик К. Вшатко (офицер немислимой храбрости – обладатель са-

мого большого числа Георгиевских наград во всей русской армии в целом!) собственноручно подавили гранатами неприятельский пулемет и добрался, наконец, до потерянной сумки с ракетами. В 9.30 сигнал был подан, и из окопов на участке «Маруся» поднялся 2-й батальон. Его командир подпоручик Гусак был почти тут же тяжело ранен, и атаку возглавил командир 1-й роты батальона подпоручик Й. Мюллер [5; s. 41].

Неожиданно атакующие части получили помощь – 2-й полк двинулся на выручку 1-му. Командир полка подполковник Д.Н. Зембалецкий, как утверждают одни источники, растерялся [5; s. 47], как утверждают другие – был просто мертвецки пьян и не способен командовать [4; s. 23]. Наступление 2-го полка, которое возглавил командир 1-го батальона штабс-капитан Р. Гайда, велось либо без приказа, либо вообще вопреки ему. Тем не менее, полку повезло – к 10.00 практически без потерь он также взял на своем участке первую линию австрийских окопов. Появились первые пленные. Прапорщик М. Немец вспоминал, как с удивлением увидел в первых рядах атакующего 1-го батальона повара Конечного, тащившего тяжелый ящик с патронами. «А кто готовить будет?» – пытался он остановить осмелевшего хозяина кухни. «Сегодня для нас приготовят на той стороне фронта, брат прапорщик», – отшутился, как казалось, повар. Он не просто оказался прав (только 1-й батальон захватил в плен 14 офицеров и 800 солдат, а также австрийскую полковую кухню) – он своими руками взял в плен своего собственного сына [9; s. 77]. Солдат Я. Загорик пленил своего родного брата – война преподносила один сюрприз за другим [12; s. 404].

В 11.00 1-й полк продолжил наступление на австрийские позиции в направлении горы Могила под сильным пулеметным огнем. Спустя час почтовый голубь принес в штаб австрийского 9-го армейского корпуса донесение капитана Шредера: «Русские взяли высоту 394». Оборона австрийцев тем самым была разорвана пополам. В районе деревни Зарудье Чечек вклинился уже в третью линию окопов противника, оставляя Могила у себя в тылу. На левом фланге Гайда со 2-м полком обошел Цецово и тоже добрался до третьей линии окопов. Около 15.00 бой закончился и почти тут же хлынул проливной дождь. За шесть часов бригада углубилась в оборону противника более чем на четыре километра, в одиночку выполнив задачу, поставленную перед всем 49-м армейским

корпусом. Только на последнем этапе боя русское командование двинуло на помощь чехам из резерва 82-ю стрелковую дивизию [3; s. 64].

Прорыв фронта открывал русским войскам дорогу на Львов. Резервов на этом участке фронта у австрийцев и немцев не было. Использован успех Чешской бригады не был – командование фронта и 11-й армии просто не ожидало его. Русские резервы остались слишком далеко от места прорыва.

Победа обошлась Чешской бригаде недешево. 167 человек было убито, 17 смертельно ранено, 11 пропало без вести. Погибли шесть офицеров – подпоручик И. Вилимек и прапорщики Й. Досталь, Ф. Голуб, Ф. Рейзингер, В. Кашпар и Э. Подмоль [7; s. 127]. Число раненых оценивалось числом от 700 [1; с. 91] до 880 [3; s. 65] или даже до 1040 [5; s. 43]. Жертвы австрийского 9-го армейского корпуса были огромны: 35-й полк потерял 1 350 человек убитыми и ранеными, 75-й – 2 070, 86-й венгерский – 363. В плен сдались 62 офицера и 3 150 солдат [5; s. 61]. Наиболее поразительным парадоксом представляется то, что до конца боя австрийские солдаты и офицеры не понимали, кто перед ними. Поручик В. Краузе из 75-го полка утверждал, что слышал от наступающего противника команды на немецком языке, другой офицер того же полка – на польском. Кому-то привиделись гвардейские мундиры и какие-то красные нашивки на левых рукавах. Солдат-венгр из 86-го полка договорился до фантастического предположения – черкесы! Хотя причины такого вывода понятны: у многих чешских солдат, по-прежнему носивших зимнюю форму, на головах были папахи, а, кроме того, в австрийской армии присутствовал иррациональный страх перед дикими кавказцами (может быть, это также одна из причин того, что 9-й армейский корпус держался достаточно стойко в течение всего боя, не желая сдаваться в плен «ужасным горцам») [5; s. 61].

Были и противоположные показания. В 35-м полку слышали, как кто-то кричал: «Не стрелять, там чехи!». Пленный лейтенант-артиллерист говорил офицерам Чешской бригады, что запретил своей батарее стрелять по чехам, но затруднился ответить, откуда он узнал, что перед ним именно чехи [8; s. 99].

О Зборовском сражении стало известно практически сразу же. Коммюнике Ставки Верховного командования от 3 июля 1917 г. гласило: «Храбрые войска 4-й финской дивизии и чехословацкой бригады взяли

сильно укрепленные неприятельские позиции на высотах к западу и юго-западу от города Зборов и села Коршилов, преодолели три ряда вражеских окопов. Неприятель отошел за р. Малый Стрип. Финская дивизия взяла 1 560 солдат и офицеров, 4 орудия, 9 пулеметов и миномет; чешская бригада – 62 офицера, 3 150 солдат, 15 орудий и много пулеметов» [5; s. 79]. Текст молниеносно попал в газеты.

Зборов приятно удивил не только чехословацкое политическое руководство. Русские военные и политические круги внезапно на фоне развала своей армии открыли для себя чешскую. 4 июля 1917 г. Верховный командующий генерал А.А. Брусилов издал приказ о немедленном разрывании Чешской бригады в 1-ю Чешскую стрелковую дивизию, создании 2-й стрелковой дивизии и формировании тем самым Чехословацкого армейского корпуса. 13 июля это решение было подтверждено и технически оформлено генерал-квартирмейстером Ставки Н.Н. Духонинным [2; с. 85]. Начальник Киевского военного округа К.М. Оберучев, настроенный достаточно резко античешски, прислал в штаб бригады телеграмму с одним-единственным словом: «Каюсь». Газета «Красное знамя» патетически восклицала: «Россия на коленях со слезами на глазах будет благодарить героев, возвративших нам надежду на спасение» [5; с. 82].

Не менее потрясены были представители Антанты. У.С. Моэм, в ту пору – кадровый разведчик английских спецслужб в России, писал: «Моя работа близко свела меня с чехами – вот чей патриотизм не перестает меня удивлять. Это страсть, столь цельная и всепоглощающая, что вытесняет все другие. На мой взгляд, эти люди, пожертвовавшие всем ради дела, должны вызывать скорее страх, чем восхищение. И ведь их не два-три фанатика среди безропотного быдла, а десятки тысяч; они жертвовали всем, что имели, – покоем, состоянием, жизнью ради независимости своей страны. Порядок у них, как в универсальном магазине, дисциплина – как в прусском полку. Большинство патриотов, которых я встречал среди соотечественников, как это ни прискорбно, рвались служить родине не без выгоды для себя, чехи же совершенно бескорыстны. Они так же не думают о выгоде, как мать не думает о выгоде, ухаживая за своим ребенком. Чех охотно соглашается на рутинную работу, когда другим предоставляют увлекательную, на мелкую должность, когда других назначают на ответственные посты. Как у

40 | всех людей, интересующихся политикой, у чехов есть и партии, и программы, но у них все подчинено одной цели – общему благу» [6; s. 30].

Наконец, не лишним представляется отметить, как отреагировали на Зборов в Австро-Венгрии. По злой иронии судьбы именно 2 июля 1917 г. новый император Австро-Венгрии Карл амнистировал арестованных в 1915–16 гг. чешских политических деятелей. Австрийская пресса была в ярости. «Grazers Tageblatt» восклицала: «Так вот каков ответ дома Либуше на великодушный поступок нашего императора!» [5; s. 55]. Ответ чешской прессы получился весьма удачным. 6 июля пражский «Venkov» иронично писал: «Но вы же сами всю войну уверяли нас, что чешских частей из военнопленных у русских нет. Откуда же они взяли целую бригаду?» [13; s. 311]. В результате военный министр генерал Чапп фон Биркенштейн, отвечая на депутатский запрос в рейхсрате, вынужден был официально признать факт существования чешских частей в русской армии и участия их в бою у Зборова. «Козлом отпущения» за происшедшее сделали командира 19-й дивизии генерала Э. Бельцта, освобожденно от командования частью.

Список литературы:

- [1] Еланский Н.П. Ярослав Гашек в революционной России (1915–20 гг.). – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1960. – 214 с.
- [2] Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и военные формирования в России. 1914–1921 гг. – М.: Наука, 1965. – 393 с.
- [3] Fidler J. Zborov 1917: Malé encyklopedické slovník. – Brno: Jota, 2003. – 282 s.
- [4] Gajda R. Moje paměti. – Brno: Jota, 2008. – 334 s.
- [5] Galandauer J. 2.7.1917. Bitva u Zborova: Česká legenda. – Praha: Havran, 2002. – 154 s.
- [6] Křížek J. Němci, Lenin a čs. legie. – Praha: Vůlehrad, 1997. – 110 s.
- [7] Michl J. Legionáři a Československo. – Praha: Naše vojsko, 2009. – 332 s.
- [8] Nedorost L. Do hořkého konce. / Češi v 1. světové válce. 3 Díl. – Praha: Nakl. Libri, 2007. – 299 s.
- [9] Němec M. Návraty ke svobodě. – Praha: Naše vojsko, 1994. – 233 s.
- [10] Opletal B. Zápisky z Velké války: Anabáze hanbeckého medika, 1914–1920. – Praha–Litomyšl: Paseka, 1998. – 142 s.
- [11] Pichlík K. Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend. – Praha: Svoboda, 1968. – 503 s.
- [12] Svoboda L. Cestami hřivota. T. I. – Praha: Naše vojsko, 1971. – 454 s.
- [13] Šedivý I. Češi, české země a Velká válka, 1914–1918. – Praha: Nakl. Lidové noviny, 2001. – 492 s.

Бой у Зборова таким образом стал не просто очередным сражением Великой войны – он породил воинскую часть нового типа, воюющую за национально-революционный идеал. Очень показательным представляется текст телеграммы, отправленной А.Ф. Керенскому за подписью главного героя Зборова поручика С. Чечека: «Бригада настаивает, чтобы ее считали не национальным формированием, а революционным войском, воюющим вместе с вами за идеалы свободы, равенства и братства!» [11; s. 248].

Идея национальной революции, как видим, все громче и громче звучала в устах чехословацких добровольцев. Их воинские формирования превращались из группы романтиков и идеалистов в элемент государственного генезиса будущего Чехословацкого государства. Государственной идеологии была необходима определенная мифология, на базе которой можно было бы воссоздать чешскую национальную идею. Военный эпизод – бой под Зборовом – подходил как нельзя лучше на роль важнейшего структурного элемента национальной гордости, вписывая маленький эпизод Великой войны в общеевропейский контекст.

СТРАТЕГИИ ДИСКУРСА

УДК: 001.2
ББК: А(1)

С.Г. Добровольский

ЖИЗНЬ КАК ПОРОГОВОЕ БЛУЖДЕНИЕ

Описываются наиболее общие закономерности эволюции совокупностей живых организмов – популяций, сообществ, этносов – при помощи математической модели одной из разновидностей случайных (стохастических) процессов: пороговых блужданий. Часть этих закономерностей может быть справедлива и для индивидуальных организмов, и даже для их элементов, и охватывает разные уровни организации живых объектов. Рассматриваемый тип моделей может быть также применен для описания ряда процессов в неживой природе – например, процессов глобального оледенения.

Ключевые слова:

пороговые блуждания, жизнь.

Одна из основных целей данной работы – изучение тех черт временной изменчивости, которые являются общими как для обладающих исключительной индивидуальностью совокупностей людей (этносов, субэтносов, суперэтносов), так и для совокупностей других живых организмов. Исторически и методологически такая постановка вопроса в какой-то степени связана не только с распространённым в прошлом «географическим детерминизмом» и трудами классических исторических школ в стиле Тойнби [4], но и со всем циклом работ Л.Н. Гумилёва, рассматривавшего эволюцию этносистем как своего рода раздел географии и экологии (см., например, [2]).

В качестве математических моделей в работе использованы чрезвычайно простые по своему математическому выражению, но содержательные и во многих отношениях нетривиальные модели типа случайных блужданий. Ограниченные по времени отрезки графиков, характеризующих хронологические изменения популяций и других совокупностей живых организмов, очень часто схожи по внешнему виду и по существу с реализациями случайных (стохастических) процессов. Иными словами, изменения на ограниченном временном интервале характеристик совокупностей живых объектов часто вполне удовлетворительно описываются как отрезок одной из реализаций бесконечного числа теоретически возможных реализаций, совокупность (или ансамбль)

которых и принято называть случайным процессом.

Рассмотрим наиболее принципиальные отличия временной изменчивости и соответствующих моделей для совокупностей живых организмов от временной изменчивости в неживой природе, оставив в стороне многие детали внутренней структуры тех и других. Как ни парадоксально, наиболее отличительным свойством всего живого, в рамках данного подхода, является принципиальная возможность его смерти. Другими словами, живые организмы и такие их системы, как популяции, виды, сообщества, этносы и т.п. обладают настолько большой индивидуальностью (вследствие сложности внутреннего строения), что являются уникальными и в случае уменьшения их количества до нуля не способны восстановиться (здесь мы не рассматриваем такие детали, как вопросы миграций, особенности жизни и смерти модульных и ряда других организмов и т.д.). В то же время, и в неживой природе существуют объекты, поведение которых в течение определенных периодов времени можно формально охарактеризовать как «смерть» – например, возвращение глобального оледенения к стадии ледниковых щитов Антарктиды и Гренландии, выйти за пределы которых ледникам чрезвычайно трудно.

Смерть, таким образом, может рассматриваться как некоторый нижний нулевой, «поглощающий» порог развития изучаемых процессов, достигая которых, харак-

теристика процесса превращаются в ноль навсегда (во всяком случае, если мы имеем в виду аналоги в неживой природе – на длительный период). Назовём этот предел порогом первого рода. Другой особенностью рассматриваемых нами объектов и их совокупностей является неизбежное существование конечного верхнего порога или «потолка» их развития, преодоление которого конкретными организмами и их общностями невозможно. Природа такого порога может быть различна – климатические, почвенные ограничения, рельеф, недостаток пищи, конкуренция со стороны других особей, видов или этносов, размеры территории и т.п. Фундаментальным верхним порогом на поверхности суши и в воздухе является ограничение размеров индивидуального организма: при его росте объём, а, следовательно, и вес увеличивается на порядок быстрее, чем площадь всего организма и тех его частей, которыми он опирается на поверхность суши или на воздух и прочность которых не беспредельна. В сущности, противоречие между массой всего организма и тех его частей, которые примыкают к его поверхности и участвуют в процессах обмена с окружающей средой, препятствуют бесконечному увеличению размеров и водных организмов. Порог «второго рода» очевидно, от «порога первого рода» тем, что не является поглощающим: при его достижении организм или сообщество не исчезает.

При всей кажущейся банальности этих рассуждений они, в сочетании с учётом вероятностного характера процессов, как будет показано ниже, способны привести к неожиданным результатам. Для этого перейдём к несколько более формальному описанию, позволяющему произвести количественные выкладки. Будем, в первом приближении, рассматривать динамику лишь одного, но важнейшего в каждом конкретном случае параметра, описывающего совокупность живых объектов – $X(t)$, где t – время, принимаемое для наглядности дискретным. В одних случаях параметром X может быть количество особей, в других – площадь ареала расселения популяции или вида, в третьих (при рассмотрении совокупностей людей – «этносов») – «пассионарность» и т.д. Представим изменение параметра X во времени, между двумя порогами, в простейшем виде, требующем минимальных априорных предположений – как результат накопления воздействующих на значение этого параметра случайных пульсаций:

$$X(t) = X(t-1) + a(t), \quad (1)$$

где $a(t)$ – «белый шум». Уравнение (1) – это уравнение так называемого случайного блуждания. Предположим, что значение процесса в начальный момент времени близко к нулю. Введём и формально описанные, упомянутые выше условия на нижнем и верхнем пороге: если $x(t_1) = 0$, то $x(t_2) = 0$ для всех $t_2 \geq t_1$; $x(t) \leq x_{\max}$. Воспроизведём большое количество реализаций рассматриваемого процесса с упомянутыми граничными условиями методом розыгрыша вероятностей Монте-Карло. При этом случайные приращения $a(t)$ зададим для наглядности следующим простейшим и естественным образом: предположим, что величины $a(t)$ распределены равномерно в интервале шириной $\Delta a = x_{\max}$. Сходные результаты могут быть получены и для случаев нормально и другим образом распределённых приращений процесса – см. [6; 7]. Количество параметров модели, очевидно, равно всего одному, а если величину x_{\max} нормировать (считать единичной), то модель представляет собой идеальную структуру, не зависящую от параметров. На рис. 1а изображён ход среднего значения такого процесса. Из рисунка видно, что в среднем процесс $X(t)$ вначале быстро и непрерывно растёт, затем подходит к максимуму своего развития (в среднем далеко не достигающему верхнего порога x_{\max}) и вслед за этим деградирует со скоростью меньшей, чем скорость первоначального роста. Напомним, что именно таков качественно ход плотности и численности многих популяций как в условиях лабораторных экспериментов (рис. 1б), так и в природе, когда рост популяции ограничен сравнительно стабильным верхним порогом – например, вследствие постоянного наличия «хищников».

Более того, аналогична трансформация многих индивидуальных организмов: быстрое совершенствование в начале жизни, достижение максимума биологического развития и последующая деградация, идущая с меньшей скоростью, чем первоначальное развитие. Отметим в этой связи, что, по существу, пока не предложено убедительных гипотез (или, наоборот, предложено подозрительно много гипотез) для объяснения конечных, принципиальных причин таких фундаментальнейших процессов, как старение индивидуальных организмов, деградация этносов и других подобных явлений. В связи с этим рассмотрение процессов, сходных с изображённым на Рис. 1а и служащих, с определённых точек зрения, прототипами «способных умереть» систем, представляет большой интерес.

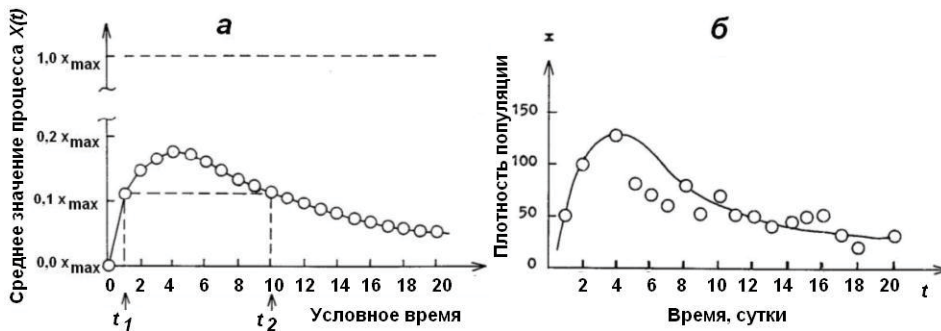

Рис. 1. а – изменения во времени среднего значения процесса двухпорогового блуждания. Случайные приращения процесса $a(t)$ распределены равномерно и симметрично в интервале, ширина которого равна значению верхнего порога x_{\max} . б – изменения плотности популяции инфузорий *Paramecium caudatum* в условиях конкуренции и стабильных предельных плотностей в классических лабораторных экспериментах Гаузе [8].

Если вернуться к процессу (1), то его средний ход, приведённый на рис. 1а, вызывает при первом рассмотрении недоуменные вопросы. Например: почему в начальный период, несмотря на абсолютно одинаковую вероятность случайных импульсов в сторону «прогресса» (положительных) и «деградации» (отрицательных), в среднем происходит неуклонный рост? Почему затем при точно таких же условиях происходит постоянная деградация? Чем отличаются, например, моменты времени $t_1 = 1$ и $t_2 = 10$, когда, казалось бы, все условия совпадают: среднее значение процесса (сходна также и дисперсия приращений), модель, её параметры, условия на порогах, а поведение среднего значения процесса прямо противоположно? Вызывает также удивление то, насколько максимум среднего хода процесса ниже, чем верхний порог x_{\max} .

Если вдуматься, то по существу такие же вопросы без ответов возникают и при изучении судеб реальных организмов, видов, популяций, этносов: империи, казалось бы, достигшие вершины могущества, без видимых серьёзных причин распадаются (хотя ранее с успехом выдерживали намного более суровые испытания), медики не могут найти специальных причин, вызывающих старение (или, наоборот, находят слишком много причин), а исчезнувших, существовавших ранее биологических видов явно больше, чем катастроф, якобы погубивших их.

При более внимательном рассмотрении уравнения (1) с граничными условиями поведение этого прототипа «смертной» системы, тем не менее, можно объяснить. Рост в начальный период происходит по той причине, что положительные импульсы, в ус-

ловиях ещё значительной удалённости верхнего предела развития, могут полностью реализовываться, в то время как возможности реализации отрицательных импульсов ограничены нижней границей – «смертью». Как ни странно, именно наличие «смерти» – нижнего поглощающего порога – является необходимым условием среднего роста процесса: без нулевого порога среднее значение процесса монотонно уменьшалось бы.

Однако, через некоторое время, при сравнительно удалённых от нижнего порога средних значениях процесса, отрицательные импульсы получают возможность реализовываться с такой же вероятностью, что и положительные импульсы – достигается максимальное среднее значение. Впоследствии скорость, с которой процесс деградирует за счёт постоянного исчезновения (превращения в ноль) части своих реализаций, уже превышает скорость, с которой процесс прогрессирует за счёт подъёма наиболее «удачливых» своих реализаций (существенно ограниченного верхним порогом).

Простые эксперименты и выкладки с помощью модели (2) позволяют, на наш взгляд, выдвинуть далеко идущие гипотезы относительно конечных, принципиальных причин роста и деградации живых систем: этносов, совокупностей других живых организмов и даже индивидуальных организмов – во всяком случае, на отдельных стадиях жизни последних (если рассматривать их как совокупность отдельных элементов, не постулируя априори точный характер связей и взаимодействий внутри организма, а ограничиваясь рассмотрением только конечного итога этих взаимодействий – самой целостности организма). А именно, рост систем такого

44 | рода происходит просто потому, что мы не видим «невыросших» систем – погибших на ранних стадиях или совсем не реализовавшихся.

В свою очередь, деградация или старение живых систем может иметь своей наиболее принципиальной причиной наличие верхних порогов своего развития. Система или индивидуальный организм начинают деградировать потому, что положительные импульсы развития уже не могут воплотиться из-за ряда ограничений (фундаментальнейшее связано с гравитацией для индивидуальных организмов или с пространственными ограничениями для совокупностей организмов). Отрицательные импульсы, как ни парадоксально, начинают быть особенно действенными именно тогда, когда система или организм наиболее крепки и здоровы: эти импульсы могут быть реализованы с большей вероятностью («есть, что терять»).

Для объяснения деградации или старения, таким образом, в общем случае не обязательно привлекать какие-либо гипотезы относительно специальных процессов, органов, веществ или детерминистических причин старения. Иными словами, такой причины вообще может не быть: система, оказывается, просто «не терпит» ограничений и, далеко не достигая этих пределов и только начиная их чувствовать своими наиболее удачливыми элементами или реализациями, «пасует» заранее перед препятствием. Психологические аналоги этого явления хорошо знакомы всем: когда

человек не имеет жизненной перспективы, то есть, только мысленно чувствует ограничение (его интеллектуальная подсистема или «реализация» уже достигла порога), его деятельность становится менее эффективной. Другой пример процессов такой же, на наш взгляд, природы: спортсмен, почувствовав, что он может выиграть (то есть, достичь высокого, но всегда в каком-то смысле слова ограниченного и конечного рубежа) часто ухудшает в этот момент свой результат. Наоборот, начинающему или аутсайдеру, который не чувствует никаких верхних пределов, психологически намного проще.

Посмотрим, что происходит с картиной эволюции живой системы, если брать более низкие значения верхнего порога. На рис. 2а помещены: кривая, аналогичная рис. 1а, и, кроме того, кривые, соответствующие пониженному в 2 и 4 раза верхнему порогу.

Из рисунка видно, что понижение верхнего порога сравнительно мало влияет на первоначальный рост системы и значение максимума (вместе с тем, он наступает несколько раньше), но катастрофически влияет на скорость последующей деградации. Неочевидный априори результат – это еще более выраженная, по сравнению с первым экспериментом, «дальность» влияния верхнего порога. Лишь издали приблизившись к максимуму средних значений (превышая его в 3–4 раза, кривая 2), он резко усиливает скорость деградации, а приблизившись на расстояние двойного максиму-

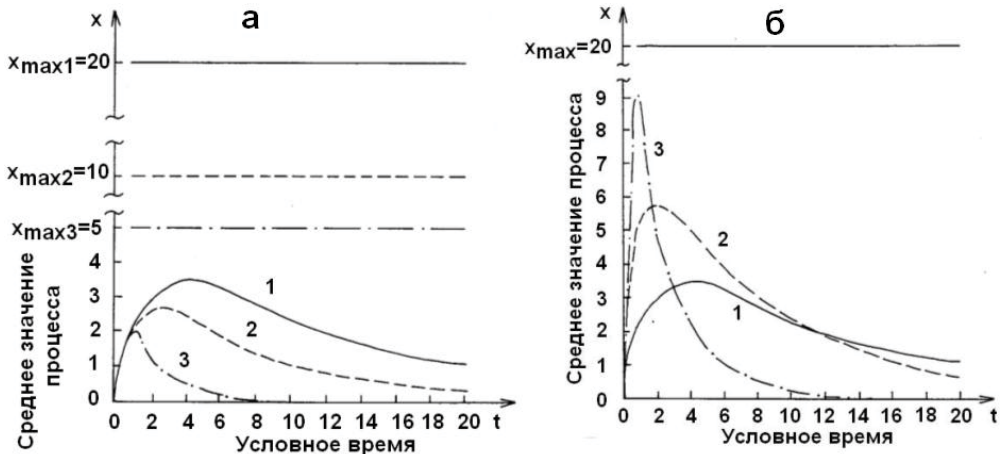

Рис. 2. Кривые эволюции средних значений двухпорогового блуждания: а – при одинаковых амплитудах случайных приращений $a(t)$ и различных значениях верхнего порога x_{MAX} . Кривая 1 аналогична кривой на Рис. 1а. Кривые 2 и 3 соответствуют уменьшенным в 2 и 4 раза значениям верхнего порога. б – при одинаковых значениях верхнего порога (20), но разных значениях амплитуд случайных приращений. Кривая 1 соответствует кривой на Рис. 1а. Кривые 2 и 3 соответствуют стандартам приращений, увеличенным в 2 и 4 раза.

ма (кривая 3), вызывает катастрофическое падение. Представляется, что эти результаты также могут навести на различного рода размышления относительно некоторых особенностей реальных процессов. В частности, показать, что причины многих исторических и экологических катастроф могут быть как бы «удалены» от самих этих явлений и, таким образом, трудно идентифицируемы.

Напрашивается и другая аналогия – со средними медико-демографическими характеристиками различных этносов (стран). Для бедных и богатых стран характерно примерно одинаковое биологическое развитие людей вплоть до 15–20 лет, однако последующая деградация биологического состояния людей в богатых странах происходит намного более медленными темпами, чем в бедных странах. Очевидно, что мероприятия, проводимые в развитых странах на уровне государства и индивидуально и направленные по существу на поднятие потолка биологического развития своих граждан, сказываются именно на стадии деградации.

Рассмотрим характер эволюции двухпороговых систем в несколько ином аспекте: при одинаковых верхних порогах и различных интенсивностях случайного возбуждения $a(t)$. Соответствующий рисунок (рис. 26) аналогичен предыдущему в смысле соотношений верхнего порога и интенсивности белого шума, но перестроен таким образом, чтобы значение x_{\max} было одинаковым для разных моделей. Из рисунка видно, что максимум среднего значения процесса с большим случайным возбуждением велик, но последующая деградация процесса происходит очень быстро. Напротив, максимум среднего значения процесса с малым возбуждением (по сравнению с верхним порогом) невелик, но зато дальнейшее падение процесса происходит медленно. В результате, на большом удалении от начального момента среднее значение слабовозбуждённых процессов может в колоссальной степени превосходить среднее значение сильновозбуждённых процессов.

Рассмотрение этих вопросов естественным образом вызывает также следующий: как будет себя вести среднее значение двухпорогового процесса, если мы совсем уберём верхний порог, то есть, сделаем его бесконечным? На первый взгляд, этому варианту должен соответствовать бесконечный же рост во времени среднего значения. Однако, это не так. Достигнув значения, несколько превышающего, но

близкого к максимуму на рис. 1а, среднее значение остаётся постоянным. При данных условиях рост среднего за счёт бесконечно далеко уходящих, «удачливых» реализаций процесса в точности компенсируется уменьшением среднего за счёт поглощения реализаций нулевым порогом. Очевидно, в реальности такое развитие событий возможно для очень малых совокупностей живых организмов или для малых этносов. Действительно, реликтовые виды живых организмов и реликтовые этносы обычно очень малы по численности. Другая аналогия – изменение численности организмов при очень малом внутреннем возбуждении популяции за счет низкого качества корма – см. график на Рис. V.8 [5, с. 180] и другие похожие, многочисленные графики из этой монографии.

В заключение настоящего раздела укажем, что наши модельные эксперименты с переменными по времени значениями верхнего порога и интенсивности случайного возбуждения были способны воспроизвести все основные виды популяционной динамики по Харперу [1] – при ограничениях со стороны высокой и низкой емкости среды, чередований внезапных стадий колонизации или пополнения семенного запаса в почве с падениями на ограниченном обитаемом участке и т.п.

Выше уже приводились отдельные аналогии, связывающие эволюцию этносов и рассматриваемые нами модели. Остановимся более подробно на этих вопросах. Этноты, наряду с совокупностями других живых организмов, представляются одними из наиболее характерных объектов, для которых применимы модели двухпороговых блужданий. В соответствии с определением Л.Н. Гумилёва [3, с. 11] этнос – «Коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам». Таким образом, этнос – идеальный, с точки зрения наших предыдущих рассуждений, объект, единственным заложённым в определение признаком которого является его индивидуальность – то есть, отличие от других аналогичных объектов и способность исчезать.

По мнению Л.Н. Гумилёва, первым параметром, который характеризует этническую историю, является пространство. В свою очередь, изменения и пространственное расположение этносов мозаичны: «картина резко меняется и напоминает скорее детский калейдоскоп, а не строгое изображение» [3, с. 8]. Иными словами, говоря математическим языком, изменчивость этносов (по крайней мере с внешней

46 точки зрения) стохастична. В качестве параметра X из уравнения (1) мы можем, таким образом, взять площадь, занимаемую данным этносом. Возможно и описание эволюции этносов в терминах «пассионарности» – понятия, также предложенного Л.Н. Гумилёвым и характеризующего в интегральном виде потенциал этноса. Понятно, что по крайней мере в доиндустриальные эпохи пассионарность крупного этноса была связана с площадью занимаемой им территории, которая, в свою очередь, имела верхнюю границу. Этой предельной площадью для разных эпох и разных этносов могла быть площадь «вмещающего ландшафта», площадь острова, отделённой горными хребтами части континента, площадь субконтинента или всего континента.

На рис. 3а показана чрезвычайно интересная, осреднённая по 40 индивидуальным этносам кривая эволюции этноса (по [3]). Рассмотрим этот график с точки зрения нашего подхода, то есть, будем считать эту кривую оценкой среднего значения (математического ожидания) случайного процесса этногенеза по его 40 реализациям.

На рис. 3 б-1 помещён график среднего значения процесса, порождаемого моделью двухпорогового блуждания (1), оцененного по такому же количеству реализаций (40), а на рис. 3 б-2 – среднее значение процесса по практически бесконечно большому количеству реализаций (в нашем случае – 100000). Как и в предыдущих случаях, предполагаем из-за недостатка информации, что ширина интервала, на котором равномерно распределены слу-

чайные приращения процесса, такая же, как и значение верхнего порога, x_{\max} .

Из сопоставления рис. 3а и 3б видно, что средний ход процесса (1), особенно оцененный по ограниченному количеству реализаций (40), качественно хорошо описывает основные закономерности развития этносов: их первоначальное быстрое развитие, последующую медленную (и с течением времени всё более замедленную) деградацию, наличие более мелких экстремумов на фоне среднего подъема или опускания кривой. Характерно также и то, что правый конец кривых как на рис. 3а, так и на рис. 3б как бы «повисает» – не обращается в ноль на рис. 3б и не описывает со всей определённостью полное исчезновение этноса на рис. 3а.

Характерная эволюция этноса, следовательно, совпадает с эволюцией системы, относительно которой известно только то, что она обладает индивидуальностью (имеется порог первого рода), ограничена верхним пределом своего развития (порог второго рода) и подвержена случайным изменениям. Набора этих естественных свойств, по существу заложенного в определении этноса по Л.Н. Гумилёву, уже достаточно для качественного описания и воспроизведения как роста, так и деградации этноса.

Здесь, как и в предыдущих разделах, для описания неслучайного (детерминированного) нестационарного поведения системы – роста или деградации – нет необходимости отыскивать нестационарные детерминированные причины такого поведения. Показательно в этой связи то, что

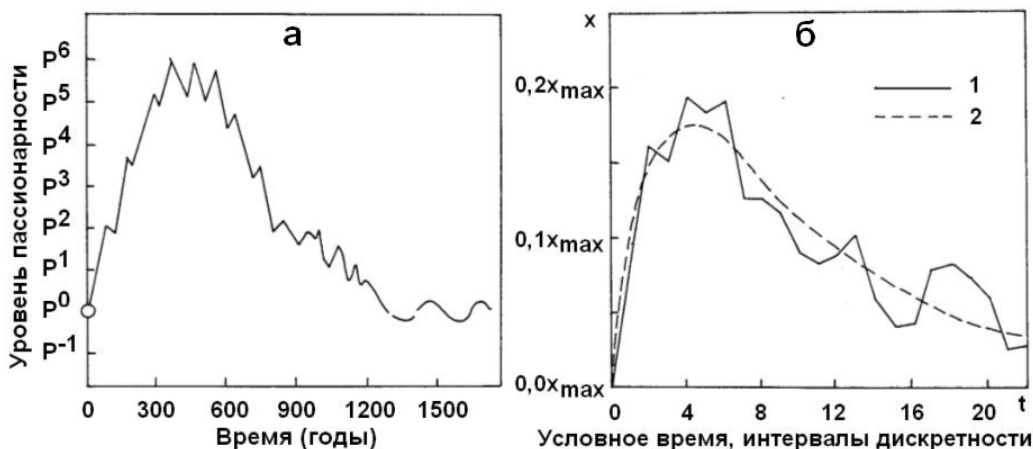

Рис. 3. Изменения уровня пассионарного напряжения P . а – оценка Гумилева, сделанная на основе изучения 40 этносов [3] (график перестроен для равномерной шкалы P). б – средние значения двухпорогового блуждания, оцененные по 40 реализациям (1), по 100 000 реализациям (2).

сам Л.Н. Гумилёв, по существу, никак не объяснял ни фазу «подъёма» этноса (указывая только, что этот подъём происходит «по инерции» после пассивного толчка, что совпадает и с нашей трактовкой), ни фазу «надлома». Напомним, что надлом в эволюции этносов, с нашей точки зрения, в общем можно объяснить так же, как и стадию деградации средних значений всех процессов типа (1): наличием верхних пределов развития этноса (пределов площади распространения и других). Действительно, в прошлом таким пределом для этносов часто была площадь так называемого вмещающего ландшафта – природной территории, к которой приспособился данный этнос. Если этнос мог приспособиться и к другим ландшафтам, то площадь его распространения всё-таки была ограничена естественными границами – горными хребтами, берегами морей, размерами субконтинента или континента.

В связи с ограничениями на объём статьи нет возможности привести наши расчеты, описывающие эволюцию индивидуального – хазарского – этноса, бывшего любимым объектом классических исследований Л.Н. Гумилёва. По его предположению, деградация этого этноса была обусловлена в основном повышением уровня Каспийского моря в IX–XI и в XIII–XIV вв. и затоплением громадной площади пригодных для жизни хазар земель. В качестве модели эволюции этноса нами было взято уравнение (1), однако на этот раз – с переменным по времени верхним порогом, который отождествлялся нами с площадью пригодной для жизни и хозяйственной деятельности территории. Моделью реконструированная эволюция этноса качественно хорошо описывает фазы развития хазарского этноса, известные из исторических источников. (Напомним, что модель «не знает» этих фаз и учитывает

информацию только о ходе уровня). Модель позволяет предположить, что упадок этноса мог начаться не только вследствие сравнительно небольшого повышения уровня в IX–XI вв., но и вследствие неизбежной для всех систем такого вида естественной деградации. Катастрофический упадок этноса в модели наступает – так же, как и по историческим сведениям, приведенным Л.Н. Гумилевым – в XIII–XIV веках, в результате резкого подъема уровня. Характерно и интересно, что после восстановления уровня (после XIV он опять понижался) как реальный, так и модельный этнос не восстановился.

Другой интересной особенностью влияния переменного верхнего порога, на которой в рамках настоящей статьи нет возможности подробно останавливаться, является различие в проявлениях этого эффекта на разных стадиях развития процесса (2). Так, на стадии роста средних значений временное понижение верхнего порога может не оказывать существенного влияния на средние значения процесса. Напротив, влияние такого же по размерам и длительности понижения порога может быть очень существенно на стадии деградации (что и наблюдается в нашем примере с хазарским этносом).

Заметим, что проведенные нами и описанные в этом и предыдущих разделах эксперименты могут указывать и на то, какова должна быть оптимальная стратегия предотвращения катастроф (быстрой деградации) рассматриваемых систем. Эта стратегия различна в зависимости от того, вызвана ли деградация постоянным или временным понижением верхнего порога, x_{\max} . В первом случае необходимо уменьшение случайного возбуждения системы уже в начальный период ее развития; во втором случае необходимо увеличение возбуждения системы после восстановления верхнего порога.

Список литературы:

- [1] Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. Экология. Особи, популяции и сообщества. В 2-х тт. – М.: Мир, 1989. – Том 1. – 668 с.; том 2. – 478 с.
- [2] Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 280 с.
- [3] Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: Прогресс-Пангея, Экопрос, 1992. – 336 с.
- [4] Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1991. – 732 с.
- [5] Федоров В.Д., Гильманов Т.Г. Экология. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 463 с.
- [6] Dobrovolski S.G. Global climatic changes in water and heat transfer-accumulation processes. – Amsterdam et al.: Elsevier, 1992. – 282 p.
- [7] Dobrovolski S.G. Stochastic climate theory. – Springer, Heidelberg et al., 2000. – 296 p.
- [8] Gause G.F. The struggle for existence. – Baltimore: Williams and Wilkins, 1934. – 163 p. (reprinted by Haffner, N.Y., 1964).

ФИЛОСОФСКО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ИСПАНСКОМ БАРОККО (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА БАЛЬТАСАРА ГРАСИАНА)

Рассмотрены взгляды Бальтасара Грасиана на историю человека и человечества на примере его книги «Критикон». В литературном произведении испанского писателя-мыслителя XVII в. отражена художественно-философская концепция мировой истории, которая может быть определенной характеристикой историологии эпохи испанского барокко. Грасиан даёт характеристику семи возрастов человека, а итоговый образ исторического процесса для барочного мыслителя связан с Колесом Времени, Фортуной и Божьим предопределением. Сама история – это циклически повторяющиеся процессы, когда спокойные циклы жизни нарушаются паузами катастроф и бедствий.

Ключевые слова:

барокко, Бальтасар Грасиан, будущее, время, игра, образ исторического процесса.

В Испании в эпоху барокко была издана книга, создававшаяся в 1651–1657 гг. и получившая название «Критикон». Автором издания стал Бальтасар Грасиан-и-Моралес (1601–1658), который был прозаиком, литературоведом, писателем-философом и иезуитом. Грасиан представляет литературное направление эпохи испанского барокко. Его сочинения стали известны в России задолго до отечественных переводов Сервантеса. Так, например, «Карманный оракул» Грасиана был издан в Петербурге в 1742 г.

В 1984 г. Е.М. Лысенко и Л.Е. Пинский подготовили и издали со своими примечаниями и комментариями книгу испанского писателя-философа «Карманный оракул. Критикон» [1]. Существует также перевод Е. Лысенко обширного трактата Грасиана «Остроумие, или Искусство изощренного ума» [2].

Произведение Грасиана выпадает из привычного ряда романов плутовского или пасторального типов, к которым привык читатель XVII в., потому что это не просто роман о человеке: это некое всемирно-историческое обозрение судеб человечества, путешествие по мировой истории, хотя и совершено это путешествие одиноким и искушенным в треволнениях моря человеческого героем. Пожалуй, самое точное жанровое имя тексту Грасиана дал Л.Е. Пинский в своём обширном исследовании, изложенном в приложении к рассматриваемой книге: «робинзонада», причем «первая в истории новоевропейского романа “робинзонада”» [11, с. 549].

Нас, однако, будет интересовать не филологическая сторона проблемы, а та художественная философия истории, которая нам предъявлена в аллегорико-философ-

ском романе. Философию истории Грасиана лучше бы назвать философией циклической жизни человека и человечества. Она опирается на привычные нам возрастные стереотипы, что отражено в названиях трех частей «Критикона» (ч. 1 – «Весна детства и лето юности»; ч. 2 – «Осень зрелости. Ее разумная светская философия»; ч. 3 – «Зима старости»).

Возрастные классификации исторического процесса по аналогии с периодами жизни отдельного человека идут, конечно, от Античности, и даже когда автор отрицает ее культурный потенциал («рассуждения древних – детский лепет сравнительно с тем, как мыслим мы ныне» [1, с. 390]), – всё равно эта аналогия может быть применена к различным историческим циклам. Приведём лишь один пример: в другой стране Европы неистовый инициатор Реформации, «женевский папа», Жан Кальвин, умерший задолго до рождения Грасиана (в 1564 г.), назвал Античность «профанным временем». В «Наставлениях» Кальвина (1536–1559 гг.) Бог – это Господь-Воспитатель, а человечество состоит в статусе ученика, проходящего три стадии божественного обучения в соответствии с эпохами (возрастами) Отца, Сына и Духа. «В детстве человечество было способно выполнять только элементарные предписания естественного права. Языческие верования эллинов и латинян, иудейский культ – это облегченная внешняя религия. Эра Ветхого Завета сменяется эрой Нового Завета, принесшего вступившему в юношеский возраст обществу Евангелие – более расширенное знание о Боге. Совершенное знание Бога, мира и человека соответствует третьему этапу человеческой истории, когда завершится божественное

обучение» [5, с. 422–538; 12, с. 82]. Грасиан хоть и занимает скептическую позицию по отношению к древним (кроме, конечно, «божественного Платона» и Аристотеля), однако вполне по-античному использует образ воды: «Детство – улыбчивый ручей», «юность несется бурным потоком», «в возрасте зрелости воды жизни нашей текут тихие и глубокие», а в конце нас ждет «горькое море старости» [1, с. 195].

Культура барокко мыслит эмблематично, играет аллегориями, её метод – дедукция, ее жанры – притча, путешествия, утопия. Именно поэтому роману Грасиана удастся быть трактатом, и его непрестанно философствующие герои для того и придуманы, чтобы дать читателю некий концептуальный мир, в котором позиция автора неотделима от мнения героя. Этот тип осмысления мировой истории не из ряда эстетизованных философий истории (как, скажем, у Ф. Ницше, В. Розанова или О. Шпенглера); скорее, это тип свободного светского «разговора запросто» (говоря названием Эразмовой книги) «обо всем».

При рассмотрении философии истории эпохи барокко следует в методологическом плане опираться на труды литературоведов и историков культуры: Д.С. Лихачева, А.М. Панченко А. Морозова, Г. Вёльфлина, Х. Ортеги-и-Гассета и др. [4; 6–10].

Так, и у Грасиана некая нимфа устраивает разное классическим трактатам по проблемам государственного жития. По ее суду «Республика» Платона непригодна «для столь коварных времен»; «Князю» Макиавелли и «Республике» Бодена рекомендуется «не появляться на людях», зато «Политика» Аристотеля «оказалась доброй старушкой» [1, с. 243].

Для барочного сознания весь мир предстает символически осложненным, он «зашифрован», заgrimирован и скрыт от истины масками многоликой лжи. Задача Грасиана – показать историческую правду, «Состояние века» (название 6 главы 1 части), раскрыть истинное лицо современности (она – правда – есть «игра» и «трагедия», «мистерия» и «карнавал», а большинство населения – «безумцы» [1, с. 152]. Старинные мифологемы «жизнь = игра» ([1, с. 133], «мир = театр» (глава «Великий Театр Мироздания»), в контекстах которой барочное сознание воспринимает действительность, позволяет Грасиану сохранить позицию спокойного наблюдателя истории, хотя он и сам не прочь поиграть с «шифрами» замаскированного мира, и в этой игре есть и рационалистическая уверенность автора в своей правоте, и амбивалентно-смеховое

отношение ко всему на свете, включая философию. Сочетание пародии и глубокой серьезности, иронии, гнева и смеха, грациозной ухмылки и трезвого суждения, – все это входит в состав души барочного человека и его творчества по разгадыванию явлений мира и поведения людей.

Четвертая глава третьей части так и называется: «Расшифрованный мир»: ключи к правде найдены, мир раздет и обнажен во всей своей неприглядности, – в этом смысле Грасиан как писатель-мыслитель напоминает своей сатирической манерой сразу и Ф. Рабле, и Дж. Свифта, и российских писателей Н. Новикова и Д. Фонвизина.

Десятая глава третьей части («Колесо Времени») содержит длинный пассаж, в котором Грасиан объясняет внутреннюю механику мировых перипетий всемирной Человеческой Комедии и каждого из ее невольных участников. Отметим, однако, что эти картинки автора «Критикона» никак не связаны с идеей предопределения: Грасиан был деистом, хоть и состоял в Ордене иезуитов. Здесь в его рассуждении снова была включена, то всерьез, то с иронией (как и положено барочному философу) циклическая диалектика возрастов, тем более, что «некоторые древние философы в заблуждении языческом полагали, будто семь подвижных планет распределили меж собою семь возрастов человека, дабы сопутствовать ему от первых проблесков жизни до порога смерти» ([1, с. 452].

1. Детство. Ему досталась Луна-Луцина, сообщающая ему детские недостатки: влагу, что порождает слабость, неустойчивость настроения – ребенок то плачет, то сердится, то успокаивается без причины, «он – воск для впечатлений, тесто для воздействий, переход от мрака впечатлений к сумеркам предчувствия».

2. С десяти лет до двадцати. Здесь хозяйствует Меркурий, внушитель усердия, благодаря чему он охотно учится в школе и университете, «обогащает дух знаниями и науками».

3. Между двадцатью и тридцатью «тиранически царит» Венера, возбуждая кровь и жажду красивой жизни.

4. Тридцать лет. Это период благословенного влияния Солнца; человек свершает славные дела и блестящие предприятия.

5. Сорок лет. Это время Марса, период военной доблести, храбрости и мести, даже состязания в суде.

6. Пятьдесят лет – эпоха Сатурна, апофеоз личного достоинства, гордости и власти. «Тут человек – хозяин своих поступков», он не терпит, когда ему перечат,

50 | он чувствует себя царём над остальными, и это лучшая пора жизни.

7. Шестьдесят лет. Это время по-стариковски хмурого и ворчливого меланхолического Сатурна. Это время нелюдимости, брюзжания на всё молодое и новое, человек «грызёт настоящее и облизывает прошлое», он неряшлив, силы его иссякли, он всем недоволен. Это состояние деградации длится десять лет.

8. «А как завершатся десять лет Сатурна, вновь занимает престол Луна, и дряхлый, хилый старец снова ребячливо дурачится и кривляется. Так время завершает свой круг, змея прикусывает хвост – остроумный иероглиф для круговорота жизни человеческой» [1, с. 453].

Так два пилигрима Грасиана рассуждают о естественном жизненном цикле всякой твари, когда появляется ещё один герой – Придворный. Это имя героя может напомнить весьма популярную книгу миланского эрудита Бальтассаре Кастильоне (1476–1529) «О придворном» (1528 г.), которую можно прочитать в издании 1996 г. [3]. Придворный убеждает пилигримов в правоте мнения древних и «позабавить маскарадом мира, пляской и танцевальными фигурами времени, интермедией Фортуны и фарсом всей нашей жизни» [1, с. 453]. (Случайно или нет, но выражение «фигуры времени (= истории)» в нашу эпоху приобрело статус термина – см.: [4]). Придворный убеждает странников в том, что не надобно никакой магии, чтобы предвидеть будущее, ибо «что было, то и есть, то и будет, ни на атом не отличаясь. Что происходило двести лет назад, то видим и ныне» [1, с. 454]. В доказательство он показывает им на бродягустарика, отягощенного перемётными сумами. Будучи уставшим, он перебрасывает их, переворачивая весь мир. «Как вы думаете, – говорит Придворный, – почему власть переходит от одного государя к другому, почему то одна страна возвышается, то другая, то одна нация, то другая? А это Время перекидывает свои сумы перемётные; нынче империя здесь, завтра вон где; нынче вырвались вперед те, кто вчера плелся позади; авангард стал арьергардом. Вот поглядите – Африка, которая в прежние времена была матерью дивных талантов, Августина, Тертуллиана, Апулея. Ныне <...> сплошь стала варварской. <...> Греция, родоначальница величайших умов, давшая всему миру законы разума, мать красноречия, ныне стала неким солецизмом во власти свирепых турок» [1, с. 455].

Таким образом, если говорить об историологии эпохи испанского барокко, то

мы получаем итоговый образ исторического процесса: «Огромное Колесо, которое катилось по всей окружности земного шара с Востока на Запад. На Колесе этом находилось все, что есть, было и будет в мире, причем так размещено, что одна половина была ясно видна и возвышалась над горизонтом, а другая, глубоко внизу, вовсе не была видна. Колесо непрестанно катилось, вращалось наподобие ворота, потому что внутри Колеса старикан Время, перескакивая со спицы одного дня на спицу другого, крутил Колесо, и с ним все, что на нем было: вот покажется что-то новое, вот скроется устарелое, а потом, некоторое время спустя, опять поднимется - то же, что и прежде, только одно ушло, другое уже ушло, потому опять появилось. Даже реки – через тыщу лет – возвращались на свой след...» [1, с. 455–456]. Так и «монархии возникают, потом сникают, ничего нет постоянного, всегда либо подъем, либо упадок» [1, с. 456].

Барокко не слишком серьезно относилось к Фортуне, о которой так много разговоров в тексте Грасиана и во всем XVII в. Эпоха барокко – это времена фаворитизма, эпоха авантюристов, дуэлей, вендетты, отчаянного пиратства, азартных игр и флирта. Понятия Судьбы, Фортуны и Божьего предопределения сплелись до полной нерасторжимости. Возникали и исчезали с фантастической быстротой огромные состояния, высокие репутации, великие имена и грандиозные замыслы. Эпоха оценила риск и бесстрашие человека – хозяина своей судьбы. С портретов этой эпохи на нас смотрят решительные, иногда злобные и холодные, с плотными сжатыми губами, лица, рафаэлевой нежности в них уже не отыскать. Так продолжалось и весь XVIII в.

Барочного человека не удивить капризами Колеса Фортуны, они даже скучны в своей циклической повторяемости; ему интересно другое: как прогнозировать будущее? Если «войны и мятежи не пропустят ни одного пятилетия, чума ни одного года, засухи тоже знают свой черед, в свои сроки повторяются голодные годы, повальные болезни, всякие злосчастья», – то, спрашивает один из странников Андриони: «нельзя ли уловить пульс перемен и предугадать повороты Колеса, дабы загодя припасти средства против грядущих бед и научиться их предотвращать?» [1, с. 460]. Ответ звучит вполне картезиански: не надо терять точки зрения здравого смысла. «Есть люди с умом глубоким и здравым, прозорливые советники, что, загодя чуя приближение бури,

предсказывают, даже кричат о том, но им не внимают; беда начинается с того, что Небо отымает у нас бесценный дар – здоровый смысл. Люди мудрые по неоспоримым приметам прорицают грядущие несчастья: видя в государстве падение нравов, предсказывают отпадение провинций; замечая гибель добродетели, пророчат гибель царства» [1, с. 462].

Отметим, что хотя, по мнению автора, «у испанцев не было гения в истории» [1, с. 440], самого Грасиана как автора художественной концепции исторического процесса положение дел в мировой истории вполне устраивает. Она, мировая история, находится в состоянии шаткого равновесия [1, с. 115], но ведь никогда и не было иначе. Главное, что в истории есть движение, динамика, интрига, она попросту интересна, как зрелище и игра, – и в этих своих качествах она единственная история единственного человечества самоценна и бескорыстна, как сама игра. Грасиана не заботит даже и то, назвать ли итоги мировой истории результатом прогресса или регресса: для Колеса Времени эти понятия эквивалентны или почти эквивалентны. Так что прав, пожалуй, Л.Е. Пинский, гово-

ря по этому поводу в своей аналитической статье: «Автор “Критикона” далек от пессимизма прежде всего в оценке итогов развития рода человеческого, итогов прогресса. Его мысль в этом плане не оптимистична, не пессимистична, а скорее тревожна, она родственна не Шопенгауэру, а позднему античному стоицизму, столь высоко ценимому моралистом Грасианом, выросшим на древних» [11, с. 558].

В заключение следует сказать, что для историографического обзора цикличности всемирно-исторического процесса важно учесть художественно-философскую концепцию истории в испанском барокко на примере творчества Бальтасара Грасиана, который, как мы увидели, призывает нас всматриваться в «пульс перемен», оперативно реагировать на возможные повороты Колеса Времени, быть осторожным, когда спокойные циклы исторического жития нарушаются паузами катастроф и бедствий, а главное – просто любить жизнь и принимать ее такой, какой она есть. Наверное, поэтому Грасиана и его «Критикон» перевели на основные языки народов мира и с благодарностью читают, размышляют и исследуют до сих пор.

Список литературы:

- [1] Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон / Изд. подг. Е.М. Лысенко, Л.Е. Пинский. – М.: Наука, 1984. – 632 с.
- [2] Бальтасар Грасиан. Остроумие, или Искусство изощренного ума // Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. – М.: Искусство, 1977. – С. 169–464.
- [3] Бальтасаре Кастильоне. О придворном (1528) // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. – М.: Юрист, 1996. – С. 469–568.
- [4] Генрих Вёльфлин. Ренессанс и барокко. – М.: Азбука-классика, 2004. – 288 с. (книга вышла в 1888 г., рус. пер. опубликован в СПб. в 1913 г.).
- [5] Кальвин Жан. Наставления в христианской вере. Т. 1. Кн. 1 и 2. – М.: РГГУ, 1997.
- [6] Лихачев Д.С. Барокко в русской литературе XVII века // Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X–XVII вв. – Л.: Наука, 1973.
- [7] Морозов А. Ломоносов и барокко // Русская литература. – 1965, № 2. – С. 70–98.
- [8] Ортега-и-Гасет Х. Воля к барокко // Хосе Ортега-и-Гасет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г.М. Фридендера; Сост. В.Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – С. 151–155. (статья была опубликована в 1915 г.)
- [9] Хосе Ортега-и-Гасет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г.М. Фридендера; Сост. В.Е. Багно. — М.: Искусство, 1991. – 588 с.
- [10] Панченко А.М. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1979. – С. 189–200.
- [11] Пинский Л.Е. Бальтасар Грасиан и его произведения // Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон / Изд. подг. Е.М. Лысенко, Л. Е. Пинский. – М.: Наука, 1984. – С. 499–575.
- [12] Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. – М.: Мысль, 1988. – 207 с.
- [13] Ренессанс. Барокко. Классицизм / Сборник. – М.: Наука, 1966. – 349 с.
- [14] Фигуры истории, или «Общие места» историографии / Сборник; отв. ред. А.В. Малинов. – СПб.: Северная Звезда, 2005. – 460 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОЛЕМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

УДК 323.1 (477)+(476)
ББК 66.5:63.3 (4Бел / 4Укр)

Л.В. Томайчук

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ И В БЕЛАРУСИ

Анализируются процессы мифологизации истории и манипулирования национальными символами как средства власти в процессе конструирования нации и формирования национальной идентичности, рассматриваются современные процессы мифотворчества в постсоветских республиках Украине и Беларуси.

Ключевые слова:

«историзация и удревление нации», исторический миф, конструирование идентичности, мифологизация, мифо-символический комплекс, нациестроительство, национальная идентичность, национальный миф, политика символов.

Новое прочтение национальной истории как основы национального самосознания играет важную роль в процессе нациестроительства и формирования национальной идентичности государства постсоветского пространства. Мифологизация истории или историческое мифотворчество – один из инструментов для конструирования нации и национальной идентичности. Мы уделим внимание развиту данного процесса в двух постсоветских республиках – Украине и Беларуси.

Как отмечает исследователь У. Кимлики, «все современные государства проводят «политику идентичности», направленную на интеграцию сообщества, формирование определенного представления о Нас, опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры» [5, с. 93]. Инструментами такой политики выступают официальный язык, национальные символы, исторические мифы.

В ходе формирования идентичности идет процесс «преодоления прошлого и восстановления этнической справедливости», «удревления нации», поиска ее корней, великих событий и деятелей. Основной целью этого процесса является объединение нации, для чего национальные историки зачастую прибегают к практике «национализации» и «мифологизации» истории. Так, содержание национализированной истории – это процесс превращения наро-

да (этносов) в нацию на основе линейности и абсолютизации континуитета в истории «этноса–народа–нации».

Первое теоретическое осмысление мифа оформилось в русле греческой культуры. Он трактовался как «слово», «история», «сказание о богах и героях». Впоследствии отношение к мифу было неоднозначным – от возвышенного почитания (эпоха Возрождения, романтизм) до крайне негативного отношения (эпоха Средневековья и Нового времени). В XIX веке исследование мифа приобретает научный характер и ведется в рамках позитивизма, натурмифологической школы мифоведения, эволюционизма, функционализма, социологического подхода, психоанализа и структурализма.

Доминирующими методологическими позициями в XX веке выступили феноменология и постструктурализм, символический и плюралистический подходы. Миф в контексте обозначенных исследований выступает как: первичная основа культуры (Э. Тайлор, Дж. Фрэзер); феномен, обуславливающий культурную преемственность и социальную стабильность (Б. Малиновский); «коллективное представление» и способ интеграции социальной группы (Э. Дюркгейм); проявление бессознательного (З. Фрейд, К.Г. Юнг); система мифем (К. Леви-Стросс); «похищенный язык», посредством которого осу-

ществляются политические и экономические манипуляции (Р. Барт).

В отечественных исследованиях миф рассматривается как: основа буржуазной идеологии (П.С. Гуревич); способ манипуляции сознанием (С.Г. Кара-Мурза); основа культуры, выраженная в символической форме (А.Ф. Лосев); основополагающий элемент массовой культуры (В. Шестаков); инструмент геополитических изменений (В. Шнирельман) [7, с. 163].

Проблемой социально-политической мифологии в начале XX в. занимался Ж. Сорель, который считал, что «мифы должны создаваться искусственно, чтобы воодушевлять массы» [4, с. 85–88]. С этого же времени начинается формирование самостоятельной области исследования, предметом которой выступают социально-политические мифы. Ф. Ницше, который признавал необходимость сознательного мифотворчества, рассматривал миф как необходимый горизонт человеческого сознания. Л.Г. Фишман связывает формирование политики мифологизации с эпохой становления индустриального общества, социальной напряженностью и политической нестабильностью в обществе [13, с. 74].

Столь разноликая трактовка мифа указывает на его универсальность и позволяет сделать вывод, что мифология как система мифов лежит в основе любой культуры. Мифология призвана управлять коллективным сознанием и поведением человеческих масс. Мифология проста и понятна, она оперирует доходчивыми, визуально представляемыми образами, апеллируя не столько к разуму человека, сколько к его чувствам и эмоциям. Национальные культуры включают в себя наиболее значимые мифы, базирующиеся на классических мифологемах «золотого века», «культурного героя» и «героического прошлого», «мессианства» и т.д. Сегодня данные мифологемы активно используются на всех уровнях национальных культур, начиная от политики, истории и религии до рекламы и массовой культуры. Данная методологическая позиция выводит нас на новый уровень осмысления мифа как ядра культуры и серьезного инструмента в современной политике.

Важно отметить, что, в общем, термины «национальная мифология», «национальный миф» [3, с. 123] не несут негативно-морализаторской смысловой нагрузки. Это аналитические категории, объединяющие некий относительно стабильный комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих исторических представлений, символов,

стереотипов, стандартных трактовок, имеющих общественно важное идеологическое и культурное значение и выполняющих функции культурного маркирования.

Тем не менее, ссылаясь на фразу Э. Ренана о том, что «искажение истории представляет собой составную часть существования нации», Э. Хобсбаум подчеркивает элемент искусственного мифотворчества в процессе формирования любой нации. Обратимся к рассмотрению процессов мифологизации истории на Украине и в Беларуси.

Украина и Беларусь – государства с древней и сложной историей становления и развития национальной государственности. История Украины включает в себя периоды доминирования в различных ее частях Габсбургской, Оттоманской, Российской империи. Белорусский этнос также сформировался в результате длительных и сложных исторических и политических процессов, протекавших на территории Беларуси в разное время. Территория формирования белорусского этноса входила в разные периоды в Киевскую Русь, Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское, Речь Посполитую, Российскую империю, Советский Союз. Украинский и белорусский этносы вобрали в себя элементы как восточно-славянской, так и западно-славянской и балтийской культур. Поэтому политизация истории и апеллирование к историческим фактам является весомым инструментом политических элит в процессе реализации государственной политики.

Еще в 1993 г. президент Украины Л. Кравчук высказал сожаление по поводу того, что у «украинского народа нет своей истории». Вскоре была предложена концепция истории украинского народа, изложенная сотрудником Института истории Национальной Академии наук Украины Р. Симоненко: «восстановление в правах национальной истории как прошлого украинского этноса на собственной автохтонной территории» [8, с. 7].

Ряд украинских историков пишут о присутствии на современной территории Украины автохтонных племен и племенных образований уже в I тыс. до н.э. и в I тыс. н.э., начало государственности и этническая консолидация связываются с периодом Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества. Казацкая эпоха и Гетманская держава становятся «золотым веком» украинской истории. Советский период также рассматривается неоднозначно: для одних историков он представля-

ется «провалом» в истории, для других – частью национальной истории. 1991-й же год становится «венцом тысячелетней истории» [3, с. 127], когда «неисторическая нация» окончательно превращается в «историческую», становится полноправным субъектом истории. Разрывы в государственной истории компенсируются идеей культурной и народной традиции, носителем континуитета выступает автохтонный украинский народ.

Как отмечает Р.А. Медведев, «современная украинская печать многолика и свободна, и в СМИ можно ознакомиться с самыми разными концепциями и точками зрения на историю. Современные украинские исследователи все меньше описывают более чем 250-летнюю эпоху нахождения украинских земель в составе Российской империи, обращая пристальное внимание на период 1917–1920 гг. – время существования суверенного государства» [6].

Очевидно, что процессы исторического мифотворчества связаны с политической обстановкой в стране, с политическим режимом и руководством. Так, наиболее показательная мифотворческая кампания была развернута по инициативе Президента Украины В. Ющенко.

Как выразился В. Тишков, «реанимированные или же заново сочиненные археологами, историками, географами, писателями и журналистами мифы идеализировали прошлое своей нации как цепь славных деяний или же культивировали комплекс страданий как цепь злонамеренных действий этнических «чужаков» [9, с. 156].

Так, в основу мифотворчества была положена стратегия этносимволизма, в рамках которой воссоздавался миф об исключительности исторического пути украинской нации, особый упор делался на ее героизме и страданиях. Для чего были выбраны два наиболее знаковых исторических явления – Украинская повстанческая армия (УПА) как пример героических страниц в истории, и голодомор – как пример исключительной национальной трагедии.

К основным мероприятиям данной кампании относились следующие [3, с. 122]: создание национальной книги памяти пострадавших от голода 1932–1933 гг.; проведение массовых акций памяти «Зажги свечу» «Негасимая свеча», «33 минуты»; проведение траурных митингов и концертов, организация конкурсов школьных сочинений и другие. Кроме того, был принят ряд законов, определяющих голодомор как геноцид. Работа украинских представительств

за рубежом была направлена на освещение и интернационализацию темы трагедии голодомора и угнетения украинского народа сталинским режимом [12, с. 47].

Камнем преткновения стала проблема, связанная с личностью Степана Бандеры, с бандеровцами, а также созданными ими Организацией украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армией. В 2007 г. Звание Героя Украины с формулировкой «за выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины...» [11] было посмертно присвоено главнокомандующему УПА Р. Шухевичу. В последний месяц пребывания на посту Президента присвоил награду Героя Украины Степану Бандере с формулировкой: «за стойкость духа в отстаивании национальной идеи, проявленные героизм в борьбе за независимое Украинское государство» [10].

С приходом к власти нового Президента Украины В. Януковича в 2010 г. были вынесены решения суда о признании незаконности присвоения вышеназванных званий. В. Янукович также отверг трактовку голодомора как «геноцида украинского народа». По словам В. Януковича, голодомор был следствием сталинского тоталитарного режима, это была общая трагедия советского народа. В целом же, процессы нацистроительства и переписывания истории стали менее политизированными, власть переориентировалась на решение социальных и экономических вопросов.

Дискуссии по вопросам пересмотра украинской истории напрямую связаны с политической борьбой за власть. «Война памятников» стала привычной для Украины в 2000-е гг.

В Беларуси, как и на Украине, но в меньших масштабах, также начал реализовываться проект создания новой исторической мифологии. Как пишет О. Буховец, «основу мифо-символического комплекса» в истории Беларуси составляли, во-первых, убежденность в существовании белорусской нации «от века», во-вторых, идея «пробуждения» белорусской нации после длительного исторического «сна», в-третьих, внимание на существовании внешних и внутренних недругов, не заинтересованных в таком «пробуждении» [1, с. 18–20].

Так, появление на территории Беларуси первых государственных образований было передвинуто с IX на VI век. Еще более смелым было «удревнение» возраста белорусского языка до тысячи лет без привлечения новых доказательных письменных источников.

Для обоснования исторического «этновеличия» Беларуси использовался факт пребывания в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ), где белорусское население составляло большинство. К ВКЛ относились как к «золотым временам» белорусской государственности. Особая роль отводилась периоду существования Белорусской Народной Республики. С Белорусской Советской Социалистической Республикой связывались эпизоды массового сопротивления белорусов фашистской оккупации. Позже, в позитивном ключе стал описываться советский период истории Беларуси (Белоруссии), который связывался с модернизацией страны, появлением новой интеллигенции, становлением системы образования и прочее.

Важно отметить, что в процессе написания национальной истории Беларуси, в отличие от Украины, историки не руководствовались русофобскими установками, русские не представляли для белорусского общества в качестве «другого» или «чужого». Вместе с белорусами русские, украинцы и поляки, литовцы и евреи выступали наиболее близкими национальными группами в Белоруссии. Поэтому, несмотря на выступления национал-возрожденческих сил, на официальном уровне политика национализации истории не является столь радикальной.

Можно согласиться с О.Г. Буховец в том, что критикуемый авторитарный режим Лукашенко, тем не менее, благоприятствует демифологизации истории и

объективному написанию национальной истории Республики Беларусь. Как отмечает И.В. Калита, «Лукашенко проводит политику славянского национализма, который соотносится с наднациональными идентичностями (европейской, славянской, советской)... Эти стремления будут играть основную роль в консолидации национальной белорусской идентичности» [2, с. 33].

В заключение отметим, что сегодня национальная идентичность как конструкт не должна быть просто объединением языка, истории, традиций и символов. Вероятно, по-прежнему в какой-то степени постсоветские страны будут выстраивать свою идентичность, ориентируясь на «единство исторической судьбы», не перенимая полностью западноевропейскую практику «nation-state building» / «строительство государства-нации». Однако альтернативной концепцией, используемой при формировании идентичности, мог бы стать концепт «позитивной идентичности», «качества жизни», то есть перевод содержания национальной идентичности из области исторической мифологии и этнизации в гражданское и социально-экономическое русло.

Стабилизация же политического курса снимет напряженность символических конфликтов, будет способствовать деполитизации этничности, демифологизации истории, а также воспитанию уважительного отношения граждан страны к собственному прошлому.

Список литературы:

- [1] Буховец О. Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсфорда, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Наумана, АИРО-XXI, 2010. – С. 15–51.
- [2] Калита И.В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. – 2010. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://kamunikat.org/download.php?item=17324-1.pdf&pubref=17324>
- [3] Касьянов Г. «Национализация» истории в Украине. Национальные истории на постсоветском пространстве – II. Десять лет спустя / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М., АИРО-XXI, 2010. – С. 117–148.
- [4] Кроливецкая И.Е. Политический миф как средство манипуляции массовым сознанием // Актуальные проблемы обществознания. Вып. 9. – Зеленоград: ФГОУ ВПО АЧГАА, 2009. – 210 с.
- [5] Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макро-политической идентичности в постсоветской России // Полис. – 2010, № 2. – 90–105.
- [6] Медведев Р.А. История как средство самоидентификации. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.nogavank.am/ru/?page=theme&thid=8&nid=400>
- [7] Сидорович Ю.М. Глобализация и культурные мифы: точки соприкосновения // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. ГрГУ им. Я.Купалы. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 431 с.
- [8] Симоненко Р. До концепції багатотомної «Історії українського народу». К., 1993. – 90 с.
- [9] Тишков В.А. Федерализм и национализм в многонациональном государстве // Межнациональные отношения в России и СНГ. Вып. 2. Под ред. Г. Бордюгова, П. Гобла. – М., 1995. – С. 157–172.
- [10] УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ № 46/2010. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/10353.html>
- [11] УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА УКРАИНЫ № 965/2007. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/6808.html>
- [12] Український тиждень. – 2011, №1 (218).
- [13] Фишман А.Г. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Полис. 2006. №4. – С. 74–86.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Глобализационно-инновационная приоритетность трансформирует базовые ценности народа, разрушая основы традиционализма. Анализируя 20-летний процесс развития Кыргызской Республики периода трансформаций, можно проследить проявление множественных факторов западной глобализационной политики в жизнедеятельности кыргызского народа. Их отражение на разных этапах общественного развития, уровнях идентичностей, разносторонних проблемах, подчеркивает суть позитивного и непозитивного переходного транзита от авторитаризма к демократии. Преодолевая противостояние политических сил, последствия перехода от тоталитарной эпохи к демократическому транзиту, страна подверглась всесторонней как эволюционной, так и радикальной трансформации.

Ключевые слова:

глобализация, демократизация, традиция, трансформация.

В начале 90-х годов XX в. факт крушения крупной социалистической державы с ее советской тоталитарной политической системой управления стало историческим, трансформационно эпохальным событием. Обретение странами самостоятельного статуса стало отправной точкой для начала соответствующих широкомасштабных преобразований. Общественная трансформация в новообразованных постсоветских государствах, не имевших конкретного ориентира развития, определила зоны геополитических интересов ведущих западных держав. Их интересы расширения ареала «цивилизационного» влияния в «восточном» направлении, имели подходящие предпосылки и условия. Выдвижением идеи диалога в виде взаимодействия культур и цивилизаций была начата прозападная, глобализационно-инновационная политика. Ее практическое осуществление предусматривалось через широкую пропаганду единства разнообразия социально-политических, национально-государственных, духовно-ценностных основ бытия человека.

Позитивность предполагаемого процесса глобализации поддерживалась многими ведущими странами, главным образом наиболее развитыми из них. Их заинтересованность в создании единых, важных основ решения всеобщих проблем человечества, основывалась на существующих, увеличивающихся негативных фактах современного мироустройства. Постепенная региональная поляризация «Запад–Восток», усиление межэтнической, религиозной конфронтации (Ближний Восток, Балканы, постсоветское пространство), массовая деградация и обнищание населения

многих стран (Африка, Азия), являлись внешними предпосылками возрастания непосредственной доминантной позиции ведущих держав (США, Великобритания, Франция, Италии, России, КНР, Японии и т.д.) в различных регионах мира.

Главным образом, глобализация, направленная на повышение эффективного роста мировой экономики, была ориентирована на подъем производительности труда при рациональном использовании средств и продуктов производства. На основе широкомасштабного применения, распространения передовых технологий и постоянного непрерывного внедрения инновационных форм, она определяла всеобщее повышение благосостояния и уровня жизни населения планеты. Однако, представ перед многими странами и народами неким инновационным явлением, глобализационная политика Запада предусматривала регуляцию политического курса, корректировку деятельности государственной власти стран (Афганистан, Ирак, Ливия, Сербия, Сирия и т.д.), оказывая непосредственное влияние на их общественное развитие, уровень доходов, культуру и т.д. В таких странах предпринимаемые попытки нововведений способствовали болезненной ломке стереотипов сознания, устоявшихся механизмов общественного бытия. Большинство инноваций (морально-этические нормы, ценности и интересы) не только не встречали одобрения и поддержки, но и вызывали массовую неприязнь и противостояние в отдельных регионах мира, в том числе в Европе (движение антиглобалистов).

Внедряемые прозападные формы глобализации предусматривали унификацию

национально-культурной самобытности народов, нанося непоправимый урон образу жизни, идентичностям развития населения стран постсоветского пространства. Кроме того, они способствовали разрушению духовных ценностей и в конечном итоге могли привести к уничтожению национальной государственности, в частности, стран Центральной Азии. Посредством широкой пропаганды культура потребления и стандартизации способствовали некоторому духовному опустошению, что выразилось в противоречивом отношении населения к инновациям. Неприемлемость западных морально-этических стандартов породила проблемы неадекватного их восприятия, несоответствия многих их сторон ментальности человека, ориентированного на традиционные ценности.

Сложившаяся нелегкая ситуация в глобализующем мире вызывает определенную тревогу из-за негативных последствий осуществляемых преобразований. Противоречивые интересам и ценностям многих народов нововведения (финансовые операции, открытие военных баз, сырьевые притязания и т.д.) не могли обеспечить равные условия развития, способствуя обществу кризису в странах. Примером служит, назревший 2008 г. всемирный экономический кризис, значительно углубивший степень разрыва между развитым западным и незападным мирами. Проблема несоответствия осуществляемых решений с реальным положением дел в регионах мира вызывало недовольство со стороны оппонентов западной модели развития и процесса глобализации (Россия, Китай, Индия, Иран и т.д.). Доминантная позиция отдельных стран (при лидерстве США) способствовали росту позиционного инстинкта самосохранения у другой, более многочисленной части населения мира. Об этом свидетельствуют усиливающиеся в мире акции протеста антиглобалистов стран Евразийского пространства, выступающих против многих предпринимаемых глобалистами шагов и решений. Российский ученый В. Добренков, рассуждая о человечестве в начале XXI в., говорит о возникших грозных вопросах: «Куда мы идем? Что нас ждет впереди? Выживем ли мы?» Анализируя кризисность ситуации, он отмечает: «Над планетой нависло множество угроз. В результате растут отчаяние и пессимизм» [1, с. 60].

Перспективы развития Кыргызстана, выдвинутые в начале обретения суверенитета и независимости основные, перво-

очередные задачи руководства нового кыргызского государства переходного периода, подразумевали открытость внешнему миру. Создание демократического государства и институтов власти, определение главной стратегической линии государства, в целом ориентированные на Запад, отразились на внешнеполитическом курсе Кыргызстана. Это нашло поддержку со стороны мирового сообщества в лице многосторонних организаций, правительств развитых стран, многочисленных неправительственных организаций и фондов. Кыргызстан неслучайно стал «пилотной» страной для многих международных проектов, направленных на отыскание новаторских методов решения проблем развития [5, с. 39–40.] В 2005–2007 гг. произошел рост числа неправительственных организаций в Кыргызстане. По данным на 1 июля 2007 г., число зарегистрированных НПО достигло более чем 13 тыс. Однако количественный рост неправительственных организаций, преследующих сугубо прагматические интересы, не способствовал позитивному преодолению переходного периода, вызывая недоверие населения к ним.

Перекосы в социально-экономических реформах (крушение заводов, фабрик, колхозов, совхозов и т.д.), неправильная приватизационная политика (социальная депривация), расширение стратификационной полярности способствовали кризисному состоянию кыргызского общества. Позитивность преобразовательного процесса, зависевшая от объективных условий (экономическая зависимость от внешних стран), предопределялась и субъективными факторами. Необходимость преодоления ментального, стереотипного сознания вызывалась дезадаптированностью населения в инновационных условиях жизнедеятельности. Несоответствие объективных и субъективных условий породило у населения амбивалентность чувств и духовно кризисное состояние общества. Это проявилось в практической доминантной роли коллективистского сознания, противоречащее требованиям рыночных форм отношений.

Серьезные противоречия между первоначально провозглашенными идеями, целями и их последовательной практической реализацией, показали глубокую проблематичность нынешнего положения республики. В процессе практической реализации задач, постепенно усилилась различная полемика по поводу хода преобразований, реальных перспектив и оптимальных путей государственного

развития. Особую проблему представляло формирование идеологической основы развития страны, несочетающейся с инновационными морально-этическими нормами, ценностями и принципами. Отсутствие государственной идеологии сказалось на дальнейшем проникновении в кыргызское общество негативной, иной модели общественной морали, постепенно овладевающей массовым сознанием. В частности, в сборнике «История и идентичность: Кыргызская Республика» 2007 года, согласно результатам независимых социологов, отражается мнение кыргызстанцев о влиянии западной культуры: 18,7% респондентов считают, что она имеет хорошее, прогрессивное влияние; 18,4% склонны к мнению, что она облегчает доступ к знаниям и технологиям; 15,5% – имеет плохое влияние, 13,7% – является безнравственным примером, 10,5% – не имеет никакого влияния, 8,7% – демонстрирует свободу и демократию, 14,5% – затруднились ответить. [2, с. 239].

В силу разноректорного внешнего воздействия, неординарной, достаточно нервной и противоречивой обстановки, поиск приемлемого пути развития Кыргызстана представлялся задачей архисложной. Определение собственных приоритетов на основе выявления главного направления его ориентации, правильного курса стало предметом нескончаемого, порой ожесточенного, спора и дискуссий. Основным критерием полемических настроений выступали вопросы выбора традиционно-культурного, цивилизационного (Восток–Запад) или иного пути развития. Противостояние политических сил как закономерность перехода от тоталитарной эпохи к демократическому транзиту не позволяло достичь позитивных результатов демократических преобразований.

Неразработанность действенных идеологических механизмов не позволяла регулировать человеческое поведение, подверженное социальной девиации. Девиация, проявлялась в резком увеличении негативных фактов жизнедеятельности населения (преступность, проституция, аморальность, наркомания, алкоголизм и т.д.) и в деятельности политического истеблишмента (беззаконие, коррупция, клановость, регионализм и т.д.). Возможность использования привилегированного положения для реализации собственных планов, ведение своеобразной политической игры, обеспечение клановых интересов стали во главу деятельности многих руководителей. Для самореализации и реализации

групповых интересов креативные лидеры стали организовывать политические партии и движения. Постепенно, из-за неправильного восприятия принципов демократии, ошибочность их внедрения в общественную жизнь политическим истеблишментом слово «демократия» стало нарицательным, а то и чуждым для народа. Уместно здесь высказывание Алексиса де Токвиля о том, что «партии – это зло, свойственное демократическому правлению» [7, с. 144]. Увеличение численности партий и движений отразилось на разнополярности их программ, усиливая противостояние политических сил, подверженных регионалистским, трайбалистским идеологическим постулатам.

Существование разнополярных идей и предложений, подчеркивало наличие в кыргызском обществе немалочисленных социально-политических групп и объединений, имеющих собственное видение будущего страны. Некоторые из них, вооруженные определенной идеей, навязываемой извне, и материальной поддержкой, выдвигали свои планы осуществления реформ. В то же время, в противовес прозападному влиянию усилились радикальные идейные соображения со стороны отдельных групп, предлагавших искоренение светских форм государственного устройства. Также набирали обороты националистические идейные вдохновители, выдвигавшие идею этнической обособленности кыргызов.

Несогласованное действие разноликого политического истеблишмента, отсутствие основной стратегической линии государства поставили республику в сложное положение. Ими были допущены ошибки в приватизационном процессе, в результате чего было разграблено государственное имущество. Это способствовало усложнению процесса взаимодействия аппарата управления и общества, падению нравственности и человеческой бездуховности [6, с. 11], что стало факторами последующей нелегкой судьбы народа, угрожающими его образу жизни, влияя на уровень идентичностей.

Выбор путей прогрессивного будущего Кыргызстана привел к антагонистическим противоречиям и дальнейшим несогласованным действиям групп, партий. Первый президент Кыргызстана А. Акаев к 2003 г. не раз отмечал, что в республике действуют около 30 политических партий, но большинство из них не отражает преобладающих в обществе политических настроений [4, с. 19]. Кризис и «вирус борьбы»

не позволял происходить прогрессивным переменам, борьба стала доминировать над согласием, способствуя проникновению социального негатива во все сферы жизнедеятельности [3, с. 162]. Тем самым создававшаяся непростая социально-политическая обстановка поставила под угрозу фактор идентичности не только в масштабе политического истеблишмента, этноса, но и народа Кыргызстана в целом.

Большинство новообразованных партий имели трайбалистские истоки, и их деятельность сводилась к обеспечению политического имиджа клана популистскими, ура-патриотическими методами. Деятельность партий, преследовавших разносторонние цели и интересы, амби-

ции одиозных лидеров не способствовали возможному объединению и консолидации. Кыргызская Республика за последние 10 лет преобразований, осуществления краткосрочных и долгосрочных задач, претерпела трудности всестороннего внешнего воздействия, кризиса в высших эшелонах власти и общества. За этот период в стране образовались 152 политические партии, и главное, были осуществлены две смены власти, сопровождавшиеся в 2005 и 2010 гг. свержением президентов. «Эпоха свержений» имела значение для коренной трансформации политической системы государства с введением парламентской формы правления взамен президентской.

Список литературы:

- [1] Добренков В. Глобализация и современный мир: Кризис нашего времени. III Турк дүйнөсүүнүн социологиялык ассоциациясынын конгресси. 21–24 сентябрь 2010 ж. – Бишкек, 2010. – 200 с.
- [2] История и идентичность: Кыргызская Республика. – Бишкек, 2007. – 272 с.
- [3] Келасьев В.Н. Человек в условиях социальных преобразований // Социальные реформы в России. – СПб., 1995. – 161–168 с.
- [4] Куртов А.А. Демократическое развитие Кыргызстана в контексте мирового транзита. // Права человека как национальная идея в Кыргызстане. – Бишкек, 2003. – 19–21 с.
- [5] Кыргызская Республика. Отчет о реализации целей развития Декларации тысячелетия. – Бишкек, 2003. – 56 с.
- [6] Сарыгулов Д.С. XXI век. Человек и общество. – Бишкек 2003. – 105 с.
- [7] Токвиль Алексис де. Демократия в Америке / Пер. с франц., предисл. Гарольда Дж.Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

ВОСПИТАНИЕ У ШКОЛЬНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ДЕТЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Статья посвящена основным проблемам школьного воспитания детей из семей мигрантов, особенностям толерантного воспитания учащихся в школе. Учебно-воспитательный процесс должен осуществляться в тесной и неразрывной связи с формированием толерантности как основы гражданского общества.

Ключевые слова:

адаптация, мигранты, просветительная работа, терпимость, толерантность, традиции, этнокультура.

Современные глобальные изменения в культуре, экономике и политике предельно обостряют вопросы, связанные с отношением к «другому», «иному», «чужому». Государства с разными политическими системами и разным уровнем экономического развития, с разными национально-культурными традициями, обострением религиозных противоречий выдвигают проблему толерантности как центральную в начале третьего тысячелетия.

Миграционная политика в современном мире является неотъемлемой частью общей социально-демографической политики государства. Миграция затрагивает все сферы общественной жизни, влияет на перспективы устойчивого социально-экономического развития государства, сохранение стабильности, обеспечение национальной безопасности, прав и свобод человека и гражданина. Все эти процессы в полной мере присутствуют и в новой России после распада СССР. Это направление сегодня стало одним из приоритетов внутренней и внешней политики России.

Миграционные процессы сегодня связаны не только с переездом русских из бывших национальных республик, но и с большой миграцией людей других национальностей в Россию. Порой это сопровождается межэтническими конфликтами, ростом сепаратизма и другими явлениями, угрожающими безопасности страны. Именно в связи с этим установка общества и государства на расширение и углубление деятельности по формированию толерантного сознания и поведения, по воспитанию терпимости, миролюбия, непримиримости к экстремизму приобрела в нашей стране особую важность [6].

Корни нетерпимости всегда уходят в невежество и страх перед неизвестным – чуждыми религиями, культурами, этносами, мифами, стереотипами, представлениями о которых формируются в социуме. В

связи с этим в поликультурном пространстве развитие этнической толерантности и толерантного сознания личности становится ключевой проблемой образования. Ведущая роль в решении этой проблемы принадлежит школе как важнейшему институту социализации личности. Сегодня одной из важнейших проблем воспитания является формирование личности нового человека, носителя гуманистических, толерантных идей в системе и сфере образования [1]. Неслучайно программа «Толерантность» на 2011–2015 гг. выбрана одним из приоритетов [7], и это понятно, т.к. школа наиболее остро реагирует на процессы, происходящие в обществе. Ученики со свойственным им максимализмом и нетерпимостью к навязываемым ценностям часто выступают главными трансляторами агрессивных настроений. Сегодня в образовательные учреждения все больше прибывает детей-мигрантов, с которыми сидят за партами петербургские школьники [2]. От педагогического таланта учителя зависит, станут ли его подопечные мигрантофобами или, наоборот, найдут общий язык с приезжими.

Способность к креативному мышлению, быстрому реагированию на недружелюбные настроения в классе, умение предложить реальную альтернативу негативным установкам и создать единое, интересное для всех коммуникативное пространство – качества, которыми должен обладать современный учитель. Семинары-тренинги, разработанные НОУ ДО «Архитектура будущего» по заказу Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, помогут учителям успешнее адаптироваться к образовательному процессу в условиях этнокультурного многообразия, не на словах, а на деле сформировать в школе атмосферу толерантности [10]. На данный момент в Санкт-Петербурге рассматривается возможность распространения практики се-

минара-тренинга на все образовательные учреждения города. Одна из главных задач для принимающего мегаполиса семей мигрантов с детьми и обеспечения наилучшей адаптации ребенка – это помочь получить ребенку доступ к образованию, медицинской и юридической помощи. Чем успешнее будут адаптироваться дети мигрантов, тем меньше риск, что они пополнят ряды маргиналов и потребуются средства на их социальную реабилитацию.

Изучение языка страны, в которую человек переехал – самый главный и верный путь к его быстрой адаптации и социализации. Это чрезвычайно важно для детей-мигрантов, не владеющих русским языком или плохо говорящих по-русски. Владение русским языком – один из весьма существенных факторов, необходимый для нормального общения со сверстниками и учителями, возможность получения образования, а далее работы, предупреждения межэтнических и прочих конфликтов. Кроме того, незнание языка взрослыми – родителями детей – снижает их востребованность на рынке труда, а детям, в связи с этим, труднее учиться и получать образование. Незнание русского языка также ведет к противостоянию коренных петербуржцев к приезжающим гражданам-мигрантам. Необходимость разработки как психолого-педагогической, так и лингвистической поддержки детей-иностранцев, оказавшихся в русскоязычной речевой среде, ни у кого не вызывает сомнения. Для этого важны учебники, специальные программы для работы с такими детьми, и, конечно, специалисты, которые могли бы оказывать квалифицированную помощь в освоении языка.

Наличие интенсивных миграционных процессов в Санкт-Петербурге требует особого внимания к детям из семей различных категорий мигрантов. В настоящее время не предусмотрено ведение ведомственной статистики по несовершеннолетним в Управление Федеральной миграционной службы (УФМС), другие ведомства и службы имеют статистическую информацию, но она может значительно различаться. В рамках реализации концепции демографического развития Санкт-Петербурга в 2010 г. Комитетом по вопросам законности, правопорядка и безопасности было проведено исследование по изучению миграционной ситуации в Санкт-Петербурге и влиянию миграции на изменение социально-демографической ситуации [5]. По данным Росстата, положительное сальдо миграции в Санкт-Пе-

тербурге составило в 2010 г. 36,8 тыс. чел. (31,2 тыс. чел. в 2009 г.). УФМС России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области оценивает миграционную ситуацию в Санкт-Петербурге за 12 месяцев 2010 г. как стабильную и контролируруемую [5]. По данным Комитета по образованию, прием детей школьного возраста из семей иностранных граждан или граждан, не имеющих регистрации в Санкт-Петербурге, осуществляется в соответствии с Законом РФ «Об образовании» [1]. Порядок приема иностранных граждан и их учет осуществляется на основании Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3; 2]. Законодательством Санкт-Петербурга «О государственных стандартах социального обслуживания населения Санкт-Петербурга» предусмотрено и социальное обслуживание иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих место жительства или пребывания в Санкт-Петербурге [4].

На практике социальное обслуживание семей и детей мигрантов различных категорий осуществляется СПб ГУ «Приют-Транзит», а также районными учреждениями социального обслуживания семей и детей. СПб ГУ «Приют-Транзит» является единственной службой в городе, которая оказывает комплексную медико-психологическую, социально-правовую помощь, предоставляет временное убежище безнадзорным несовершеннолетним, не имеющим регистрации в Санкт-Петербурге и подлежащих возвращению к месту проживания родителей или законных представителей. В приют поступают несовершеннолетние с 3-х до 18 лет, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Это дети, самовольно ушедшие из семей, детских домов, интернатов с территории РФ и стран СНГ, дети оказавшиеся без попечения родителей в Санкт-Петербурге, не имеющие средств к существованию и постоянного места жительства, утратившие семейные, родственные связи, подвергшиеся насилию, подкинутые или заблудившиеся [9].

Успешность адаптации зависит от многих факторов, в частности, посещение детского сада и школы само по себе свидетельствует о начале адаптационного процесса. Школа является главным и практически единственным институтом социализации и основной базой интеграции детей мигрантов, в которой реализуются права и законные интересы ребенка. Обучающиеся дети-мигранты имеют полное право выбора любого образовательного учреждения независимо от места прожи-

вания. Дети принимаются в общеобразовательные учреждения в заявительном порядке. В случае отсутствия у детей Российского гражданства или регистрации в Санкт-Петербурге, они принимаются в школу по направлению районного отдела образования в соответствии с Порядком приема детей в государственные образовательные учреждения Санкт-Петербурга. Все дети из вышеуказанных категорий обеспечены учебными местами на общих основаниях с гражданами Российской Федерации. По завершении детьми основного и (или) среднего (полного) общего образования всем выпускникам выдается аттестат установленного образца. Отказов в приеме детей в школу нет. По сведениям, поступившим из районов, в образовательных учреждениях число детей иностранных граждан, не имеющих гражданства РФ, по состоянию на 01.01.11 г. составило 8259 человек и детей, не имеющих постоянной регистрации – около 15732 чел, т.е. примерно 8% от всех учащихся школ. В 2009 г. аналогичный показатель составлял 6,2%, в 2008 – 8%, в 2007 – 6,23%. В негосударственных образовательных учреждениях обучается около 350 детей без регистрации в Санкт-Петербурге и без российского гражданства [5]. На сегодняшний день основные проблемы, имеющиеся у детей мигрантов это: трудности с восприятием и принятием иной культуры, повышенная тревожность, сниженная самооценка, недостаточная развитость навыков общения, недостаточное умение грамотно решать задачи, вызванные культурно обусловленными различиями в способах невербальной коммуникации, отсутствие достаточных для социализации знаний об основах российского законодательства, культуры, истории, традиций, норм поведения в быту, состоянием здоровья. Вместе с тем, в России достаточно сильны традиции преподавания русского языка как иностранного, в том числе и в национальных школах. Несмотря на то, что ученые и педагоги рассматривали вопросы, связанные с двуязычием взрослых людей и с освоением второго языка в учебных заведениях, сложившиеся в настоящее время ситуация для детей-мигрантов освоение второго языка осуществляется, в основном, в естественной языковой среде. У педагога сегодня особые задачи, они связаны со структурированием языкового материала, чтобы, не нарушая естественной среды, наполнить ее необходимыми речевыми моделями, закрепить знания в памяти ученика и помочь ребенку осмы-

слить полученные знания. Большинство педагогов школ отмечают, что возникает меньше трудностей в освоении начальной программы, если иноязычные дети посещают детские сады. Однако, число детей иностранных граждан, посещающих ДОУ, значительно меньше, чем количество поступающих в школы. Связано это, прежде всего, с тем, что в городе остается напряженной ситуация с наличием свободных мест в дошкольных образовательных учреждениях. С другой стороны, видимо, в семьях иностранных граждан в большей степени доминирует домашнее воспитание детей дошкольного возраста. Практически все районы сообщают, что наибольшее число детей мигрантов начинают обучение на начальной ступени образования.

Школа является частью общества. И ей присущи как все положительные, так и отрицательные тенденции в развитии общества. Поэтому реализация учебно-воспитательного процесса должна осуществляться в тесной и неразрывной связи с формированием толерантности как основы гражданского общества.

Для выполнения поставленной цели в школе процесс социализации ребенка должен строиться через разработку и реализацию практической модели толерантного воспитания личности, которой присущи: терпимость, понимание и принятие другого, необходимые для осознания подростком своей роли и значимости в обществе. В процессе воспитания ребенка в школе чрезвычайно важно обеспечить всестороннее развитие представлений подростка о социальных явлениях, накапливать опыт взаимодействия с представителями различных национальностей. Современная школа имеет возможности обеспечения механизмов социального партнерства подростков, моделирование социо-игровых ситуаций и стимулирование социальных инициатив. Опираясь на приоритеты развития современного образования, педагогам необходимо быстро реагировать на недружелюбные настроения в классе, уметь предложить реальную альтернативу негативным установкам и создать единое, интересное для всех, коммуникативное пространство – этими качествами должен владеть преподаватель. По инициативе Комитета по образованию в сентябре 2010 г. был проведен конкурс среди образовательных учреждений Санкт-Петербурга на лучший проект по социально-культурной адаптации детей мигрантов средствами образования. Определены победители в 5 номинациях: «Традиции школы: от родной культуры уча-

щихся к поликультурному пространству Санкт-Петербурга»; «Ребенок-мигрант: первые шаги в образовательном учреждении»; «Взаимодействие культур семьи и школы»; «Многонациональный класс»; «Социально-педагогическое партнерство». В конкурсе приняли участие 29 образовательных учреждений Санкт-Петербурга из 12 районов

города. Наибольшее количество проектов представлено в номинации «Традиции школы: от родной культуры учащихся к поликультурному пространству Санкт-Петербурга» – 14 проектов [8]. Результаты конкурса представляют несомненный интерес для педагогов – воспитателей подрастающего поколения Санкт-Петербурга.

Список литературы:

- [1] Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 г. № 3266 (с изм. 18.07.2011 г. № 242).
- [2] Закон РФ «О правовом положении иностранных граждан» (с изм. от 04.10.2003 г. № 115).
- [3] Закон РФ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» от 24.07.1998 г. № 124 (с изм. 21 декабря 2004 г.).
- [4] Закон Санкт-Петербурга «О государственных стандартах социального обслуживания населения Санкт-Петербурга» / Официальный сайт: Правительства Санкт-Петербурга, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gov.spb.ru:3000/noframe/law?d&nd=8468341&nh=0>
- [5] Описание миграционной ситуации в Санкт-Петербурге, влияние миграции на изменение социально-демографической ситуации (сопоставление актуальной миграционной ситуации в Санкт-Петербурге с ситуацией в 2008–2009 гг.) / Официальный сайт: Правительства Санкт-Петербурга, Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.zakon.gov.spb.ru/Files/file/issledovanija_migracionnoj_situacii_v_sankt-peterburge.pdf
- [6] Павленок П.Д. Теория, история и методика социальной работы / Учеб. пос. – М.: Дашков и К, 2010. – С. 194–197.
- [1] Программа «Толерантность» на 2011–2015 годы / Официальный сайт Правительства Санкт-Петербурга. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://spbtolerance.ru/archives/category/about>
- [2] Сайт образовательного портала Василеостровского района г. Санкт-Петербурга. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://schoolinfo.spb.ru/index.php/2009-07-11-17-18-39/181----5>
- [3] Сайт приюта для сирот и беспризорных детей «Транзит». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://fiodor.ru/>
- [4] Сайт Санкт-петербургского дома национальностей. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.spbdn.ru/sobitiya_i_fakti/informaciya_smi/peterburgskim_pedagogam_rasskajhut_kak_privivat_shkolnikam_tolerantnost.html?v24

ФЕНОМЕНЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316
ББК 60.5

Д.А. Виноградов, А.В. Петров

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Рассматривается проблематика современных экономико-социологических исследований предпринимательства и социальной ответственности бизнеса. Анализируются проблемы и тенденции развития социальной ответственности российского бизнеса в условиях глобальных циклических экономических трансформаций последних лет.

Ключевые слова:

глобальные социально-экономические трансформации, социология предпринимательства, социальная ответственность бизнеса, социоинституциональная среда, предпринимательская деятельность, экономическая социология

Изучение проблем и тенденций трансформации социальной ответственности бизнеса в России – одна из самых дискуссионных и по-прежнему актуальных тем для отечественных экономико-социологических исследований [См., напр.: 1; 2; 4; 5]. Для отечественной социологии предпринимательства эта тема еще с начала 1990-х гг. является одной из основных. Социальную ответственность бизнеса (корпоративную социальную ответственность) в данном случае мы рассматриваем как совокупность этических принципов осуществления предпринимательской деятельности, предполагающих наличие определенной системы социальных обязательств, выходящих за формируемые законодательством рамки, которые берет на себя бизнес и реализация которых влияет на повышение качества жизни в конкретном обществе.

Интерес и экономистов, и социологов к социальной ответственности бизнеса неразрывно связан с изучением особенностей социальной (внешней) среды осуществления предпринимательской деятельности, процесса функционирования частных предприятий в определенных общественно-экономических и политических (идеологических) условиях. Можно согласиться с В.В. Радаевым в том, что «экономическая теория определяет предпринимательство достаточно безлично – как функцию, необходимую для успешного экономическо-

го развития, будь то образование новых предприятий или несение риска, осуществление инноваций или экономия транзакционных издержек» [8, с. 215]. Тем не менее, даже в рамках экономической теории все же присутствуют разные взгляды на социальную ответственность предпринимательства – от полного ее неприятия до признания необходимости включения в анализ институциональных факторов экономического роста и развития рыночных отношений. Наиболее радикальные представители неоклассической экономической парадигмы полагают, что бизнес может и должен быть ответственным исключительно перед самими собой (точнее, перед владельцами предприятий) и перед государством, просто стремясь максимизировать доход, выплачивать налоги и соблюдать существующее законодательство. Только в этом и заключается его реальная социальная ответственность, ведь бизнес ведется вовсе не ради благотворительности, а исключительно ради прибыли, увеличение которой в итоге создает возможности для повышения благосостояния общества (рассматриваемого как производное от устойчивого экономического роста) и решения социальных проблем.

Представители неинституционального подхода связывают социальную ответственность бизнеса с формированием доверительных отношений как важным со-

циальным фактором, влияющим на уровень транзакционных издержек фирмы, то есть на лояльность к бизнесу потребителей, работников, потенциальных инвесторов, различных социальных и политических групп влияния, что создает благоприятные возможности как для развития самого бизнеса в определенных специфических институциональных условиях, так и для решения с помощью бизнеса социальных проблем без принуждения посредством формальных правил, определяемых государством.

Сами теоретические дискуссии в социальных науках по поводу необходимости, возможности и перспектив социальной ответственности бизнеса, к тому же обусловленные различными идеологическими пристрастиями, присущими взглядам ряда исследователей, имеют место из-за того, что в социальных науках нет единого мнения о социальной роли предпринимательства. Правда, это не мешает самим предпринимателям (представителям и крупного, и малого бизнеса) развивать свое дело с учетом не только необходимости максимизации его финансово-экономических результатов, но и учитывая социальные потребности, потребности в решении проблем того общества (сообщества), в рамках которого осуществляется предпринимательская деятельность. И зачастую связано такое поведение предпринимателей не только с необходимостью поддержания позитивной репутации среди действительных и потенциальных потребителей, наемных работников или инвесторов, но и с необходимостью успешной адаптации к специфическим условиям социоинституциональной среды ведения бизнеса, которые определяются множеством социальных факторов, влияющих на отношение отдельных социальных групп и всего общества к определенным видам деловой активности (а не только к конкретным предприятиям или предпринимателям и результатам их деятельности). В отличие от экономистов, социологи не рассматривают предпринимателя и фирму исключительно как некие автономно существующие целостности, пусть даже и испытывающие воздействие внешних сил (например, в виде влияния формальных и неформальных институциональных ограничений). Поведение представителей бизнеса обусловлено социальной природой предпринимательства, ведь любая производственная деятельность, любые инновации изначально были необходимы обществу для его эффективной адаптации к окружающим условиям внешней при-

родной среды, для создания условий более комфортной жизни большинства, а сами предприниматели всегда были неотъемлемой частью общества, разделяя его культурные ценности и традиции или политические предпочтения [3, с. 20–21]. Не говоря уже о том, что любое предприятие пронизано множеством социальных связей, делающих его неотъемлемой частью сложной системы социальных коммуникаций в рамках сообщества, проживающего на определенной территории, где предприятие осуществляет свою деятельность. Эскалация противоречий между бизнесом и обществом всегда чревато существенным увеличением рисков предпринимательской деятельности, а также увеличением социальной напряженности ухудшающей условия для ведения бизнеса.

Безусловно, в качестве существенного фактора, оказывающего влияние на социальную ответственность бизнеса, следует назвать и изменения в системе мирохозяйственных коммуникаций. Циклические изменения в мировой экономике второй половины 2000-х – начала 2010-х гг., именуемые глобальным финансово-экономическим кризисом, не могли не оказать влияния на условия развития социальной ответственности бизнеса в мире и в нашей стране. Компании были вынуждены свернуть свои социальные программы в связи с сокращением расходов. Экономический кризис «помог» определить истинное отношение многих российских предпринимателей к роли социальной ответственности в стратегии развития их бизнеса. Те или иные особенности современных форм социальной ответственности бизнеса в России объясняются особым историческим путем развития взаимоотношений бизнеса, общества и власти за последние два десятилетия либеральных реформ.

Понятие корпоративной социальной ответственности начало приобретать популярность среди российских бизнесменов с началом 2000-х гг. До возникновения в России определенной политической и экономической стабильности большинство компаний малого, среднего и крупного бизнеса никак не связывали свою деятельность со стандартами социальной ответственности.

Исследование «Факторы формирования социальной ответственности бизнеса в крупных российских городах», проведенное в России Фондом «Институт города» еще в 2001–2002 гг., показало, что только в этот период у предпринимателей начинал возникать некоторое представление о понятии социальной ответственности [6,

с. 38]. В 1990-е гг. социальная ответственность бизнеса проявлялась в рамках традиционной благотворительности и поддержке социальных учреждений крупными градообразующими предприятиями. Последняя форма – наследие советской эпохи, во времена которой функции поддержания социальной инфраструктуры были закреплены за крупными предприятиями.

«Новый бизнес», появившийся уже после перестройки с ее кооперативами, боролся в первую очередь за собственное «выживание» и не имел почти никаких представлений о социальной ответственности. Тем не менее, даже представители малого бизнеса занимались благотворительностью. Преимущественно это были разовые акции, а выбор объекта, которому оказывалась помощь, соответствовал личным предпочтениям собственника бизнеса. Связано это было с тем, что для малого и среднего бизнеса в России средства собственника и средства компании – это, как правило, один и тот же капитал. Благотворительность в 1990-е гг. больше напоминала раздачу милостыни и поэтому её сложно рассматривать даже как примитивную форму социальной ответственности.

При этом большую роль в укреплении традиционной благотворительности оказывали местные власти. По просьбам чиновников местных администраций региональный бизнес в России выделял некоторые средства для поддержания социальных объектов или программ, на которые не хватало государственного или муниципального финансирования. Как правило, предприниматели шли навстречу властям, стараясь не вступать в конфликты. Положительный имидж в глазах граждан и региональной элиты предпринимателей мало интересовал. Главным мотивом являлось получение возможных льгот и привилегий от местной власти.

В начале XXI в. широкое развитие в российской бизнес-среде получили различные социальные программы. Во многом это связано с выходом крупных компаний на международный рынок, где уделяется пристальное внимание вопросам ответственности бизнеса. Для успешного сотрудничества с западными партнерами российские предприниматели были вынуждены принять «правила игры» международного бизнеса. В крупных компаниях появились должности директоров по социальным программам и корпоративной ответственности, были сформированы отделы социального развития. Важно подчеркнуть, что развитию принципов социальной ответс-

ственности в компаниях способствовала в первую очередь финансовая стабильность и перспективность российских компаний, поскольку социальная ответственность продолжала характеризоваться как «дополнительная статья расходов», а не как стратегическое направление развития бизнеса.

Однако постепенно во второй половине 2000-х гг. ситуация стала меняться. Так, ряд промышленных компаний стали активнее выделять гранты молодым ученым и даже отдельным вузам на разработки, связанные с профильной деятельностью предприятия. В силу того, что сегодня подобные социальные программы нередко имеют общий вектор с профильной деятельностью предприятия, то такую политику бизнеса уже можно называть *социальным инвестированием*. Однако сам бизнес при этом может и не соответствовать основным «международным» принципам социальной ответственности: социально ответственный работодатель, социально ответственный деловой партнер, ответственный участник социальных отношений. В этом феномене заложено одно из ключевых отличий российского пути развития социальной ответственности бизнеса от западного.

Нередки случаи, когда участие в реализации социальных программ связано лишь с необходимостью улучшения имиджа российской фирмы в глазах общественности. При том, что до этого у компании была абсолютно ущербная репутация в связи с её несправедливым отношением к партнёрами по бизнесу, невниманием к основным потребителям, нарушением законодательства или даже криминалом.

Локомотивами развития социально ответственного бизнеса являются корпорации сырьевого сектора экономики России. На сегодняшний день такие компании являются лидерами по количеству реализуемых социальных программ и проектов [7, с. 368]. Большая часть их социальной политики проявляется в традиционной благотворительности, но уже есть и стратегически выстроенные социальные проекты. Связаны они с инвестициями в интеллектуальный капитал региона и страны, комплексными программами развития регионов, программами поддержки юношеского спорта и т. д.

Известно, что в 1990-е гг. многие российские компании получили доступ к природным ресурсам благодаря личным связям топ-менеджмента с властями и несовершенству законов. В этой ситуации на роль программ социальной ответственности ложится особый груз по реальному улучшению имиджа крупных корпора-

ций. С одной стороны, государство обязывает добывающие компании уделять больше внимания политике социальной ответственности и поддерживать многие государственные социальные программы в обмен на практически монопольное положение на рынке. С другой стороны, социальная поддержка населения, вклад компаний в развитие регионов действительно способствуют повышению репутации компаний в глазах общественности, так как общество видит конкретную положительную роль таких компаний и может оценить их конкретный вклад в улучшение качества жизни населения.

Проблемы развития социальной ответственности в России и развития позитивного отношения российского предпринимателя к политике социальной ответственности во многом связаны с отсутствием системы *оценки эффективности* проведения социальной политики для самой компании. Иными словами, собственникам бизнеса по-прежнему крайне сложно определить, какую пользу их компании приносит деятельность, направленная на социальное развитие. Постулат о том, что порядочный бизнес должен быть социально ответственным, и что политика социальной ответственности есть определенная форма инвестиций в будущее, пока является слабым мотивом для отечественного предпринимателя.

На Западе потребитель часто выбирает товар, руководствуясь своими знаниями о социальной ответственности производителя. Так называемые товары «Fair Trade» пользуются большим спросом, несмотря на то, что цена на них всегда выше аналогичных товаров других производителей [9, с. 56]. Зато покупатель знает, что компа-

ния-производитель ведет активную политику поддержки населения стран Африки или же располагает свои филиалы в странах «третьего» мира, создавая там новые рабочие места. Для западного потребителя, активно интересующегося мировыми проблемами, вопросами равенства, социальной справедливости, это является существенным стимулом к покупке. В целом акции, в которых покупателю предлагается стать *социально ответственным потребителем*, поддерживая ту или иную социальную программу, с каждым годом становятся всё более востребованными и в нашей стране.

Технологию роста продаж за счет социальных программ связывают с понятием социально ответственного маркетинга. Благодаря акцентированию маркетинговых решений на социальных потребностях общества, страны, мира в целом, западным производителям удается учитывать интересы всех стейкхолдеров. Несмотря на то, что российский потребитель и его потребительская культура еще далеки от социального ориентирования при выборе товаров и услуг или совершении других маркетинговых действий, в некоторых формах социальный маркетинг появляется и в России.

С приходом очередного глобального экономического кризиса большинство компаний, как частного, так и государственного сектора свернули свои социальные программы, руководствуясь остаточным принципом их финансирования. Тем не менее, крупные, стабильно укрепляющие свои позиции компании (не только добывающего сектора) продолжают стремиться к развитию своей социальной ответственности руководствуясь, прежде всего, глобальными тенденциями становления социально ориентированного бизнеса.

Список литературы:

- [1] Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России. – М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 50 с.
- [2] Багаутдинова Н. Г., Прусс Н. М. Формирование институтов социальной ответственности предпринимательского сообщества в российских регионах. – Казань: ТИСБИ, 2009. – 164 с.
- [3] Веселов Ю. В., Петров А. В. Экономическая социология / Уч. пос. – СПб.: Астерион, 2005. – 309 с.
- [4] Долгопятов А. В. Механизмы развития корпоративной социальной ответственности, повышающей социокоммерческую ценность компании. – М.: МАКС Пресс, 2010.
- [5] Долматова В. Ю. Формирование российской модели социальной ответственности бизнеса. – Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказской акад. гос. службы, 2011.
- [6] Ивченко С.В., Либоракина М.И., Сиваева Т.С. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2003. – 133 с.
- [7] Козина И. М. Особенности «Социально ответственного бизнеса» российских предприятий // Журнал исследований социальной политики. – 2004, № 3 (3). – С. 367–378.
- [8] Радаев В. В. Экономическая социология: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 603 с.
- [9] Bales K. Disposable People. New Slavery in the Global Economy. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. – 298 p.

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МЕДИАПРОСТРАНСТВО

Предлагается общая концептуальная схема управления медиапространством, анализируются модели эффективности информационно-рекламных кампаний, предлагается модель планирования эффективности информационной кампании PlanAdvisor, разработанная на основе авторской концепции структуры медиапространства.

Ключевые слова:

аудитория, медиапространство, моделирование, управление аудиторными параметрами, эффективная частота.

В настоящее время учет и разработка управленческих воздействий на медиапространство вместо полного цикла управленческих воздействий (рис. 1) осуществляется частично и, главным образом, в такой узкой области информационного воздействия средств массовой коммуникации, как рекламно-информационные кампании. При решении более сложных социальных задач по управлению медиапространством, таких как продвижение социально значимых идей (начиная со здорового образа жизни и заканчивая национальными проектами) актору необходимо представлять всю структуру медиапространства. Здесь особое значение приобретает планирование уровней воздействия на аудиторию, выбор правильных медианосителей в непрерывно развивающейся мультимедийной информационной среде, осуществление контроля качества проведения информационной кампании по

определённым медиаиндикаторам и при помощи социологических опросов.

Коммуникативная ситуация в России характеризуется недооценкой важности осознанного технологичного управления информационными кампаниями при решении социальных и экономических задач различного уровня. На условия коммуникативного воздействия управляющая (организованная и организующая) структура медиапространства выходит на первый план при реализации стратегических и тактических задач при реализации государственной политики органами государственной власти (элемент «Структурные элементы» на рис. 1). Ярким результатом отсутствия осознанного управления медиапространством может служить кампания по монетаризации льгот.

Сложности, возникшие при проведении в жизнь этого проекта (стихийные митинги и пикеты состоялись в городах Москве, Альметьевске, Старом Осколе, Уфе, Солнечногорске, практически по всей территории России), были связаны не только с техническими недостатками реализации проекта, но и, по данным опросов фонда «Общественное мнение», – низкой информированностью населения: только 63% населения слышали об этой программе [2].

Другим примером является национальная программа развития нанотехнологий. Пока что немногим россиянам известно что-либо о микромире нанотехнологий: само слово слышали треть (33%) и почти две трети опрошенных (60%) не слышали [11]. На общественную поддержку национальных проектов при таком уровне осведомленности рассчитывать трудно.

При управлении аудиторными параметрами медиапро-

Рис. 1. Общая концептуальная схема управления медиапространством.

странства используются различные модели планирования информационного воздействия. Управление информационным воздействием на аудиторию наиболее развито и проработано в рамках такого специфического информационного материала, как реклама, но эти принципы и модели могут быть приложимы ко всем типам распространяемой в средствах массовой коммуникации информации. Кратко опишем существующие модели.

Одним из первых подходов к определению эффективности рекламных кампаний был описан М. Нэплом в 70-х гг. XX в. [7]. Он первым ввел понятие эффективной частоты. При планировании информационных кампаний используется и такое понятие, как уровень знания информации.

Одной из заметных вех в моделировании информационных кампаний была модель STAS [5], построенная на исследовании краткосрочных эффектов в такой специфической области информационных сообщений, как реклама. В течение всего года происходила фиксация потребительского поведения представителей 2000 домохозяйств в отношении 142 марок из 12 товарных групп. Данные о покупках фиксировались посредством сканирования электронных кодов товаров, тогда как особенности телевизионного просмотра регистрировались с помощью ТВ-метров. Автором метода были введены т.н. индексы краткосрочного рекламного воздействия STAS (Short Term Advertising Strength). STAS-индексы показывали разницу в доле покупок марок, с рекламой которых происходили (или не происходили) контакты в течение семи дней, предшествовавших покупке. Результаты фиксировали, что в среднем первый контакт с рекламой марок значительно больше влиял на увеличение доли этой марки среди всех приобретаемых марок. Причем все последующие контакты (также происходившие за семь дней до покупки) столь сильного влияния на расширения доли рынка марок не оказывали.

По данным исследовательских панелей, единственный контакт с рекламой накануне покупки повышает вероятность выбора марки на 18–23%. После двух контактов вероятность покупки возрастает на 22–25%. То есть, первый контакт с рекламой оказывается почти в 5 раз эффективнее, чем затраты на второй контакт.

Очень широкое применение нашла модель эффективной частоты Джозефа Острова. Это одна из ранних моделей, пред-

ложенная им в 1982 г., основывается на маркетинговых целях рекламной кампании и учитывает кластер шумов (низкий, средний, высокий), новизну марки (первые 4 недели рекламной кампании или продолжающаяся реклама), параметры рекламного сообщения. По уровню шумов Россия относится к странам с высоким кластером шумов. Каждый из параметров приводится в таблице, которая строится по принципу семантического дифференциала, и оценивается в баллах от 1 до 3, затем умножается на весовой коэффициент. Все индивидуальные веса суммируются, и определяется уровень воздействия по трем основным градациям: от низкого до высокого; затем по определенной технологии определяется минимальная эффективная частота. После того, как определена эффективная минимальная частота для планируемой рекламной кампании, в рамках этой же модели возможно определить и вес рекламной кампании. Вес рекламной кампании определяется через понятие эффективного охвата на определенном предыдущими расчетами уровне эффективной частоты. В настоящее время этот подход широко используется рядом международных рекламных агентств. Наиболее продвинутые модели учитывают процессы забывания информации.

Модель NRP (Net accumulated rating points) построена, как и все модели связанные с забыванием сообщений, на проведенном в 50-х гг. XX в. эксперименте Zielske [10]. Испытуемые были разбиты на 2 группы, каждой из которых рекламное объявление предъявлялось по особому графику.

Первой группе рекламное объявление предъявлялось ежедневно («массированная реклама»), а второй – один раз в месяц (каждые 4 недели, «распределенная реклама»). Каждый из респондентов в обеих группах увидел рекламное объявление 13 раз. Для изучения динамики процесса запоминания обе группы были разделены на подгруппы, которые интервьюировались в определенные недели. Результатом эксперимента стал вывод о том, что массированная реклама дает большее знание марки, но после 17 недели в результате забывания более высокое знание дает распределенное предъявление рекламного сообщения.

Одним из продолжений этого эксперимента явилась модель накопленных рейтингов – модель NRP, используемая в прогнозировании рекламных кампаний сетевыми агентствами международной сети Zenith. Суть модели, как и многих

аналогичных, состоит в учете фактора забывания рекламного сообщения с течением времени. Единицами измерения в этой модели являются неделя и процент забывания рекламного сообщения за неделю, суммарный целевой рейтинг за неделю. Уровень забывания должен рассчитываться для каждого конкретного продукта и для каждого конкретного ролика, но можно пользоваться и приблизительными оценочными значениями для 3 уровней новизны продукта. Так, для нового продукта уровень забывания будет максимальным, а минимального значения уровень забывания ролика достигает при предъявлении уже знакомого рекламного сообщения. Уровень накопленных рейтингов рассчитывается по формуле:

$$NRP_n = TRP_{1нед} \times K_{заб}^n + TRP_{2нед} \times K_{заб}^{n-1} + \dots + TRP_{nнед}, \quad (1)$$

где $K_{заб}$ – коэффициент недельного забывания информационного сообщения, TRP_n – недельный целевой вес рекламной кампании, n – количество недель.

Дальнейшим развитием этой модели послужила канадская модель CMDC (Canadian Media Director Council Model) [6]. При помощи этой модели прогнозируется динамика различных показателей жизни марки, прежде всего, известности, в зависимости от интенсивности рекламной кампании. Модель позволяет рассчитывать оптимальное время и затраты для достижения определенной позиции марки на рынке. Данная модель учитывает и механизмы социальной инерции, когда увеличение интенсивности рекламного воздействия не увеличивает эффективности рекламы, а прекращение рекламного воздействия не ведет к моментальному забыванию марки. Модель описывается следующей формулой:

$$EFFECT_t = EFFECT_{max} \times (1 - \exp(-b ADWEIGHT_t)) \quad (2)$$

где $ADWEIGHT_t = rGRP_t + r^2GRP_{t-1} + r^3GRP_{t-2} + r^4GRP_{t-3} + \dots$, а параметры описываются следующим образом: $EFFECT_t$ – это уровень знания марки за период времени t , $EFFECT_{max}$ – это максимально возможный уровень знания марки (установлен в 98% для всех категорий продуктов), b – коэффициент отклика (различается для разных категорий продуктов), $ADWEIGHT_t$ – вес рекламной кампании, который представляет собой суммарное GRP за несколько периодов t с учетом коэффициента забыва-

ния; $GRP_t = GRP$ за период t , r – коэффициент забывания рекламного сообщения ($0 < r < 1$).

Таково на настоящее время состояние основных применяемых в медиапланировании подходов. Даже последние обзоры в этой области показывают, что в настоящее время кардинально новых разработок не появлялось [9].

Специфика российского медиапространства не предполагает простое заимствование существующих моделей в силу того, что структура российского информационного пространства отлична от информационного пространства тех стран, где эти модели разработаны. Если речь идет о рекламных информационных сообщениях, то потребительское поведение ответственного покупателя нельзя непосредственно приравнять к потребительскому поведению населения стран Западной Европы или Америки. Таким образом, перед нами встает задача разработки модели, пригодной для использования на нашем рынке, в условиях нашего информационного пространства.

В последние годы требования к качеству моделей значительно возросли. Появление в качестве обоснования той или иной части медийной стратегии результатов расчетов выбранной модели повышает вероятность принятия заказчиком разработанной информационной стратегии. В большинстве существующих моделей устанавливается математическая зависимость между весом рекламной кампании, выраженным в GRP, TRP и известностью рекламируемой марки среди целевой аудитории.

Подобные модели могут принести пользу только в том случае, если учитываются все трудности их реализации для конкретного типа информации, для конкретной ситуации. Без такого понимания экскурсы в моделирование могут привести к рискованному для заказчика результату: значительные средства, выделенные для достижения определенной цели, будут потрачены зря.

В информационно-рекламных кампаниях практически все существующие модели используют понятие известности марки или известности конкретного информационного сообщения. Простейшим способом моделирования в этих условиях является установление математической зависимости между прикладываемым к медиапространству усилию, выраженному в суммарных рейтингах и ответом аудитории, измеренному в количестве людей,

узнавших об этом усилии, то есть урвнем известности.

Существующие модели сводятся к трем типам зависимости ответа на воздействие: линейные, экспоненциальные и s-образные. Линейные модели не учитывают забывание во времени и ограниченность размера целевой аудитории, и их низкая точность очевидна. Сложнее с другими двумя типами моделей, какая из них лучше, не совсем ясно. Экспоненциальные модели впервые были предложены в 60 годах [3]; s-образные модели появились десятилетием позже, в них впервые было введено понятие уровня известности рекламы среди целевой аудитории в период ее отсутствия [4] и определялся уровень снижения известности во времени. Наиболее «продвинутый» вариант – s-образная модель с учетом забывания. Она позволяет рассчитывать несколько показателей: уровень охвата аудитории в результате проведенной информационной кампании, уровень известности сообщения в результате информационной рекламной кампании на национальных телеканалах, или при миксе, включающем как минимум два национальных канала, суммарные накопленные рейтинги NRP, а также недельные и суммарные охваты аудитории. На российском медиарынке использование подобных моделей до недавнего времени было прерогативой сетевых рекламных агентств, которые предлагали своим клиентам продукт, обобщающий опыт работы (20-летней давности) на других рынках, без адаптации к реалиям российского медиапространства. Тем не менее, их модели давали определенные положительные результаты, поскольку построение точной модели мероприятия, требует значительных затрат, а точность модели, равная 30%, на том этапе развития российского медийного рынка была вполне достаточна для решения текущих задач.

Исследования, проведенные в других областях распространения информации, например при восприятии информации во время предвыборных кампаний [6], показали, что способность припомнить тему сообщения резко падает в течение недели (с 95 до 60%), но затем сохраняется на этом уровне; с другой стороны, способность припомнить использованные аргументы за первую неделю значительно более резко падает (с 70 до 28%), а затем продолжает снижаться до уровня примерно 20% на шестой неделе.

Наиболее показательным примером этого является прогнозирование реклам-

ных кампаний при помощи нашей разработки PlanAdviser (рис. 2).

Согласно нашей модели, планируемая известность данной рекламной кампании рекламодателя S***, с учетом эффекта забывания информационно-рекламного сообщения, через три месяца после начала кампании и два месяца после её окончания должна составить 60% взрослого городского населения России, а через три месяца после её окончания – 40%. Для подтверждения планируемых результатов было использовано международное исследование компании Synovate [12]. Запланированная (предсказанная моделью) известность рекламной кампании должна была составить 55% через 13 недель после окончания РК, реальная известность составила 53% согласно проведенному международному исследованию. То есть, в данном случае ошибка составила 2%, что вполне допустимо для данного типа моделей.

Разработанная нами модель позволяет рассчитывать несколько показателей: уровень известности сообщения в результате информационной рекламной кампании на национальных телеканалах, или при миксе, включающем как минимум два национальных канала, суммарные накопленные рейтинги NRP, а также недельные и суммарные охваты аудитории.

Разработка модели проходила основе анализа результатов ряда рекламных кампаний. Экспериментальная математическая зависимость выглядит следующим образом:

$$AdAw = 0,01 * \left(\frac{NRP}{1.4 * \sqrt{\left| \frac{NRP}{1,7} \right| + 3}} \right), \quad (3)$$

где NRP определялся по формуле (1).

Помимо вычисления функции запоминания (AdAw), предлагаемая модель позволяет рассчитать и визуально отобразить следующие медийные показатели: NRP, недельный Reach% (охват аудитории в %) и накапливаемый Reach%. Общий вид интерфейса программы представлен на рис. 2.

Интерфейс программы включает три основные части: входящие параметры, таблица расчета, график.

Пользователь начинает свою работу в первой части, где он определяет входящие параметры – длительность кампании, процент забывания ролика, и количество GRP.

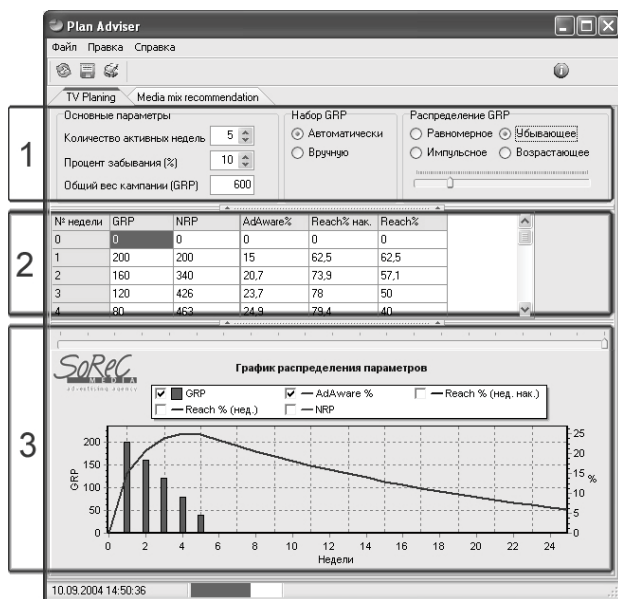

Рис. 2. Планируемая известность в модели PlanAdviser

После этого пользователь определяет способ распределения GRP в течении кампании, программа на выбор предлагает два варианта: автоматически распределить рейтинги или вручную.

Если пользователь выбирает автоматическое распределение рейтингов, то программа предлагает ему выбрать тип распределения: равномерное распределение, импульсивное, убывающее или возрастающее.

Если пользователь выбирает способ распределения GRP «вручную», то программа предлагает перейти ко второй части и за-

полнить столбец GRP. После ввода данных программа производит расчет и отображает результат в табличном и графическом виде. В графике можно выбрать параметры, которые нужно отобразить. Полученные результаты можно сохранить или распечатать.

Реализованная в программе модель эффективности помогает медиапланиру оптимизировать распределение недельных весов в терминах GRP (или NRP) для достижения поставленной заказчиком информационной кампании цели и в режиме реального времени совместно с ним обсудить различные варианты динамики интенсивности информационной кампании.

Таким образом, цикл управления информационно-рекламными кампаниями, реализуемый при планировании рекламных кампаний, носит усеченный характер, хотя и позволяет достигать определенных положительных результатов при решении, главным образом, бизнес-задач. При решении более сложных социальных задач по управлению медиапространством актору необходимо представлять всю структуру медиапространства и использовать все возможности, предоставляемые структурно-деятельностным подходом, в том числе и планировать результаты информационных кампаний, используя описанные нами медиаиндикаторы [1].

Список литературы:

- [1] Бузин В.Н. Социальное управление российским медиапространством: системно-деятельностный подход. – М.: Юнити, 2012. – 311 с.
- [2] Петрова А. Мотивы принятия закона о монетаризации льгот. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/of0431/of043102> (12.04.2012).
- [3] DuPlessis E. Recognition Versus Recall. // Journal of Advertising Research. – 1994, Vol. 34. – P. 75–91.
- [4] Joyce T. Models of the Advertising Process? // Marketing and Research Today. – 1991, Vol. 19. – P. 205–213.
- [5] Jones J. P. What Does Effective Frequency Mean in 1997 // Journal of Advertising Research. – 1997, Vol. 37. – P. 14–20.
- [6] Kottonau J., Pahl-Wostl C. Simulating political attitudes and voting behavior // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. – 2004, Vol. 7. – P. 89–111.
- [7] Naples N. J. Effective Frequency: Then and Now // Journal of Advertising Research. – 1997, Vol. 37. – P. 7–12.
- [8] Rice M., Davis B. The Canadian Media Directors' Council Television Commercial Awareness Model / Proceedings of ESOMAR/EMAC/AFM Symposium on Information Based Decision Making in Marketing, Paris, 17–19 November 1993. – Amsterdam: ESOMAR, 1993. – P. 121–127.
- [9] Rossister J. R., Danaher P. J. Advanced Media Planning. – Boston, Kluwer Academic Publishers, 2000. – 112 p.
- [10] Zielske H. A. Using Effective Frequency in Media Planning // Journal of Media Planning. – 1986, Vol. 1. – P. 53–56.
- [11] База данных отчетов ФОМ. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0718/domt0718_7/d071826. (11.05.2012).
- [12] Сайт исследовательской компании Synovate. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.synovate.com/russia/solutions/index.shtml> (05.08.2011).

СУЩНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Предлагается авторское понимание индивидуального и общественного самосознания. Выделяются типы общественного самосознания в сфере общественной жизни.

Ключевые слова:

индивидуальное самосознание, общественное самосознание, типы общественного самосознания, сфера общественной жизни.

Социально-философский анализ индивидуального и общественного самосознания весьма актуален, ибо связан с насущными проблемами общественной жизни.

Устойчивое развитие современной России во многом определяется характером предметных отношений между социальными слоями, общностями, народностями, а также степенью их взаимопонимания и взаимотерпимости, которые, в свою очередь, во многом обусловлены общественным самосознанием. Вместе с этим, усложнение общественного бытия находит своё отражение в появлении новых сфер общественной жизни что, несомненно, требует предметного рассмотрения самосознания в различных сферах жизни.

Проблема самосознания не одно столетие вызывает научный интерес. Однако область научных поисков различна, в том числе в философии, психологии, социологии и иных социальных науках. На сегодняшний день имеется большое количество определений самосознания, отражающих различные исследовательские позиции. Это затрудняет понимание самосознания как целостного образования, включающего в себя индивидуальный и общественный уровни, что также требует своего уточнения.

Носителем сознания и самосознания выступает субъект. Впервые, в марксистской концепции социального субъекта, сущность человека была определена сквозь призму общественной деятельности как центра единства и взаимодействия природно-биологического и социального. Поэтому главной сущностной позицией при формировании личности, а, следовательно, и её самосознания, является сознательная социальная и общественная деятельность, выделяющая человека из всего остального биомира, но не позиционирующая, а дополняющая его. Личность в онтогенезе – общественно деятельное существо.

Деятельность всегда предполагает взаимодействие, общение с другими,

в процессе чего возникают отношения. Следовательно, сознание человека есть общественный продукт, возникновение которого обусловлено отношениями индивидов друг с другом и с окружающим миром в процессе деятельности. Это в свою очередь определяет понимание деятельности как основы формирования самосознания индивида в процессе таких форм соотнесения себя с другими, как объективация, социализация и самоактуализация. Например, значение социальной идентификации, как основного способа функционирования самосознания, нашло своё отражение во фразе К. Маркса «если человек рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: “Я есмь Я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [2, с. 62]. Следовательно, любое отношение к самому себе рождается лишь в отношениях к другим и с другими в процессе деятельности, что свидетельствует о приоритетности общественной (социальной) формы связи, посредством которой осуществляется полное и свободное развитие каждого индивидуума.

Индивидуальное существование, практическая деятельность индивида – это лишь часть, проявление и дополнение общественного бытия, общественной деятельности. Следовательно, и самосознание индивида есть элемент самосознания общественного, самосознания той социальной общности, членом которой он является. Однако, самосознание индивида всегда уникально и неповторимо, как и он сам.

Осознание себя, своего места в этом мире берёт своё начало в семье. Лишь в процессе совместной деятельности ребёнка и взрослого (в со-бытийной общности) складываются первые отношения, в результате которых формируется осознанное отношение к самому себе, предмету, миру.

В.И. Слободчиков отмечает: «Подобная общность... и есть то пространство, та ситуация развития, где впервые зарождаются специфические, собственно человеческие способности, позволяющие человеку стать и быть субъектом своей жизни. Принцип развития – динамическое преобразование систем связей и отношений между людьми в со-бытийной общности в процессах социализации и индивидуализации» [5, с. 118].

В процессе индивидуальной жизни самосознание достраивается до понимания и других отношений: себя как члена профессионального, национального, религиозного и других сообществ. При этом самосознание индивида через его «Я» отражает некоторые субъектные черты общности (общества), в силу чего имеет типологические признаки рода общественной (коллективной) деятельности, но не сводится только к ней. Чем больше «Я» переходит к разным «Мы», а «Мы» – к «Я», тем полнее реализуется осознание самого себя и общества в целом.

Выступая в процессе деятельности как субъект и как объект системы многообразных отношений, индивид в качестве субъекта влияет на характер этих отношений в соответствии со своими индивидуальными способностями и опытом, сознательностью и профессионализмом, а в качестве объекта – отношения выступают фактором развития личности, его сознания и самосознания. Следствием является усложнение индивидуальной психической жизни, деятельности, а, следовательно, отношений, что, несомненно, обогащает и развивает саму общность (общество).

Таким образом, самосознание индивида – исторический продукт и основание его жизнедеятельности. Под индивидуальным самосознанием мы понимаем осознание индивидом самого себя в качестве субъекта в системе предметных отношений, которые рождаются, функционируют и развиваются в процессе коллективной (общественной) деятельности.

Носителем самосознания выступает не только индивидуальный субъект, но и отдельные социальные общности (коллективы), и общество в целом. Мы полагаем, что любая общность связана деятельностью, а, следовательно, системой отношений, что приводит к формированию её самосознания. При этом самосознание общности формируется постепенно: от фиксации объективных признаков, общих для представителей данной социальной группы и формирования образа своей группы по

принципу «свой–чужой», до готовности членов данной социальной общности к совместным действиям ради достижения общих целей. Именно в солидарном «Мы» проявляется уровень общественного самосознания как основания устойчивости социальной общности и общества в целом.

В социальных науках выделяют огромное количество социальных общностей. Например, А.А. Стризов называет три основных типа социальных общностей, объединённых по национальному, религиозному и территориальному признакам. В соответствии с данной типологией, интерес исследователей направлен на изучение этнического, национального, религиозного, конфессионального, регионального, государственного и т.п. самосознания [6]. Этот далеко неполный перечень типов самосознания, доказывает, что общественное самосознание является многоуровневым образованием, включающим в себя различные аспекты общественного бытия.

Мы полагаем, что выделение типов общественного самосознания может быть основано и по иным критериям. А именно – сферам общественной жизни.

Под сферой общественной жизни понимается самостоятельный системообразующий институт жизни общества, который соответствует потребностям и потенциалу общества, представляя организационную форму общественно необходимой деятельности, без которой динамика общества невозможна.

Научные подходы к выделению сфер общественной жизни берёт своё начало в работах Т. Парсонса, выделившего в качестве базовых образований общественной жизни экономический, политический, социальный и духовный (религиозно-нравственный) уровни общества. Советская обществоведческая наука, опираясь на политические взгляды К. Маркса, придерживалась четырёхмерной градации общественной жизни: экономической, политической, социальной и духовной. Л.А. Зеленов, внося существенные методологические корректировки в структуру сфер общественной жизни, выделил восемь уровней: экономический, экологический, управленческий, педагогический, научный, художественный, медицинский и физкультурный.

В.П. Петров ставит проблему шире. Им выделены и обоснованы десять сфер общественной жизни: экономика и экология, управление и педагогика, наука и искусство, медицина и физическая культура, оборона и общественная безопасность. Ос-

нованием возникновения общественных сфер является деятельность, способная удовлетворить общественные потребности на определённом историческом этапе развития общества. Следовательно, развитие общественных потребностей ведёт к расширению базовых форм деятельности общества, что обуславливает появление новых сфер общественной жизни. Как отмечает В.П. Петров, «сегодня мы стоим на пороге космической деятельности как родовой для общества: освоено околоземное пространство, осуществлены полёты на Луну и т.п. Через несколько десятилетий без космической деятельности обществу (человечеству) уже не обойтись, она составит сферу общественной жизни, её системообразующий институт, без которого целостное общественное развитие будет невозможным» [4, с. 46].

В каждой из сфер жизни общества есть своя специфика, проявляющаяся в системе отношений и институтов через деятельность, которая их генерирует. Например, специфика экономической деятельности проявляется в экономических отношениях; специфика экологической деятельности – в экологических отношениях; специфика педагогической деятельности – в педагогических и т.п. Эти отношения образуют как внутреннюю форму деятельности (отношения её субъектов), так и внешнюю форму деятельности (отношения с субъектами других деятельностей).

Говоря об отношениях, мы вторгаемся в область сознания. Предметом отражения является соответствующее общественное отношение как наличное условие деятельности, а социальная функция сознания заключена в регуляции деятельности субъектов – носителей соответствующих общественных отношений. Сама природа социальных отношений детерминирует их роль в процессе институционализации деятельности, в создании социальных институтов. Поэтому каждому роду отношений соответствуют предметные общественные институты: политическим – управление; экономическим – производство, потребление, распределение и обмен; педагогическим – образование, обучение и воспитание и т.п. Тем самым происходит взаимодействие материального и духовного в общественной жизни. Поэтому логика общественного развития представлена следующим алгоритмом: потребности – способности – деятельность – отношения – институты. При этом институты но-

сят надындивидуальный характер, проявляющийся в системе ценностей, норм, идеалов, а также образцов деятельности и поведения людей. Однако наличие вышеперечисленных элементов еще не обеспечивает функционирование социального института. Для того чтобы он работал, необходимо, чтобы система ценностей и норм стали достоянием внутреннего мира личности, были интернализированы им в процессе социализации, стали частью его самосознания, воплотились в форму социальных ролей и статусов. На уровне коллективного субъекта деятельности, эта ценностная система находит своё выражение в наличии солидарной духовной позиции, в специфическом чувстве общности, когда ощущение этого чувства закреплено в образе «Мы». Поэтому мы полагаем, что именно самосознание социального института, как субъекта деятельности, обеспечивает стабильность и функционирование последнего, что, в свою очередь, определяет уровень функционирования всей общественной жизни.

Таким образом, выделение типов общественного самосознания будет соответствовать следующей логике: сфера общественной жизни – общественные отношения – субъект (институт) общественной жизни – общественное сознание – общественное самосознание. Например: экономическая сфера общества – экономические отношения – институты экономики как субъекты экономической деятельности – экономическое сознание – экономическое самосознание. Следуя этой логике мы выделяем следующие типы общественного самосознания: экономическое, экологическое, правовое, политическое, педагогическое, спортивно-физкультурное, медицинское, научное, эстетическое, оборонное.

Важным является тот факт, что общественное самосознание не равно сумме его типов (равно как и сознание), а выступает единым образованием, где типы общественного самосознания являются лишь осознанием содержания сторон (форм) общественного сознания. Мы считаем, что различные типы самосознания всегда присутствуют вместе, однако та или иная грань будет являться доминирующей в тех или иных общественных отношениях. Например, самосознание субъектов экономической жизни будет определяться в большей степени качеством функционирования экономических институтов, но и ценности, нормы, порожденные политической, правом, моралью также активно будут

76 | влиять на хозяйственную жизнь в целом. Вместе с тем, на общественное самосознание субъектов той или иной сферы жизни общества будет оказывать влияние функциональная взаимосвязь включенность этих субъектов с другими сферами: например, самосознание субъектов медицинской сферы будет зависеть от экономических, политических, образовательных, научных и иных общественных факторов.

Таким образом, под общественным самосознанием мы понимаем многоуровневое образование, рождающееся и функционирующее в системе институциональных общественных отношений, что позволяет обществу осознавать самого себя и отно-

ситься к самому себе как субъекту во всём многообразии бытия. Особенности проявления общественного самосознания наблюдаемы в практических результатах деятельности в различных сферах общественной жизни.

Самосознание – не просто свойство человека, субъекта, а сущностное качество отношений общества в целом, народов, слоёв, профессиональных общностей и т.п. Самосознание выступает условием и качеством самоотношения субъекта на индивидуальном или общественном уровнях к самому себе и к окружающему миру. Оно носит обобщенный, социальный, деятельностный характер.

Список литературы:

- [1] Зеленев А.А. Методология и теория деятельности.– Горький: НТО, 1982. – 140 с.
- [2] Маркс К. Сочинения. 2-е изд. Т. 23.– М.: Издательство политической литературы, 1960. – 920 с.
- [3] Петров В.П. Основы сферологии // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Н. Новгород: Гладкова О.В., 2010. – С. 87–92.
- [4] Петров В.П. Социально-философский анализ особенностей формирования личности современной России. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. – 108 с.
- [5] Слободчиков В.И. Духовно-нравственное становление и развитие человека // Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения как определяющее условие развития общества: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (16-18 февраля 2011 г.) / Под ред. Т.А. Синюшкиной. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КИИКПК, 2011. – С. 117–120.
- [6] Стризое А.А. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. – Волгоград: Изд-во ВГТУ, 1999. – 340 с.

ЮВЕНИЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Рассматривается явление ювенилизации, определяемой как омоложение моделей поведения в обществе. Характеризуется одно из его проявлений: кидалты – взрослые, идентифицирующие себя с детскими практиками. Приведены два возможных теоретических подхода к исследованию ювенилизации. Первый рассматривает ювенилизацию как потребительскую стратегию, объясняя её с точки зрения теорий М. Фуко и Н. Элиаса. Он позволяет рассмотреть в ювенилизации специфический вариант престижного потребления, в котором человек пытается отнести себя к некоей социальной группе. Второй подход рассматривает ювенилизацию как средство формирования идентичности, согласно теориям З. Баумана и И. Гофмана. Здесь ювенилизация становится стратегией поведения, направленной на создание некоторого собственного образа, с которым индивид пытается связать свои повседневные практики.

Ключевые слова:

антропология возраста, идентичность, кидалт, престижное потребление, этос, этика, ювенилизация.

Отдельное явление в рамках научного познания можно исследовать с помощью разных научных концепций. Концепции определяют выбор терминов и способов исследования. Исходя из них, учёные конструируют гипотезы, затем оправдывая или опровергая их в своих работах. Выбрав концепцию, исследователь принимает язык, взгляд на ситуацию, особые акценты в исследованиях.

В данной публикации я бы хотел заострить внимание на опыте поиска исследовательской концепции для культурологического исследования и рассмотреть возможные интерпретации одного явления, мало изученного в российской научной литературе, – ювенилизации. Его самое яркое проявление – кидалт (kidult, от английского kid – ребенок и adult – взрослый). Дискуссия вокруг ювенилизации уже далеко не нова. Она актуальна в сфере изучения возрастных моделей поведения. Это достаточно старая тема исследований психологов; и специалистов по антропологии возраста [4, с. 42]. Ювенилизация актуальна в связи с проблемой дискриминации по возрастному принципу, или эйджизма (ageism). В данном контексте ситуация аналогична сексизму или расизму [11, с. 115]: люди определённых возрастов имеют в некоторых ситуациях ограниченные права, хотя на уровне конституционного законодательства все равны.

Цель данного исследования – описать, как можно рассмотреть ювенилизацию в рамках различных научных подходов. Эта цель будет достигнута после выполнения трёх основных задач: пояснения используемых терминов и изучаемого явления, ана-

лиза разных теоретических подходов и интерпретации данного явления с помощью каждого из них. Остановимся на двух гипотезах, которые будут представлены ниже.

Современное состояние исследований по ювенилизации. Ювенилизация означает омоложение поведенческих стратегий индивида, осуществляемое путём включения в них моделей поведения, конвенционально признанных присущими более молодым людям. То есть, ювенилизация означает любой «сдвиг» поведенческих стратегий к образцам, свойственным более молодым поколениям. Она не заключается только в том, что люди старшего возраста начинают одеваться похоже на молодёжь или бороться с биологическими признаками старения. Это ещё и проявления старшими социальных практик, присущих молодёжи. Ювенилизация предусматривает разные заимствование старшими людьми практик не только молодых людей, но и детей и подростков.

Одним из основных проявлений ювенилизации в России можно считать то, что строгая зависимость моделей поведения от возраста, присущая традиционным культурам [4, с. 128], исчезает. Границы между возрастными группами также становятся менее чёткими, и взрослые, дети и пожилые люди перенимают друг у друга различные модели поведения. И современные исследователи российских молодёжных движений, к примеру, говорят уже не о молодёжи, но среде «молодых взрослых», в которой сосуществует множество солидарностей – аналогов субкультур [7, с. 483], физиологические возрастные рамки которой не определены.

Ювенилизация изучается в рамках различных дисциплин. В частности, термин нередко упоминается в обсуждениях кризиса среднего возраста. Это понятие было введено Э. Жаке (E. Jacques) [13, с. 44.] в шестидесятых годах. В психологии это направление не потеряло актуальности и по сей день, о чём свидетельствует масса публикаций, например, на сайте издания «Psychology Today»*.

В сфере социальной антропологии и культурологии проблема ювенилизации исследована меньше. Есть масса текстов об отдельных возрастных группах и отношениях к ним, но проблема «омоложения» рассматривается редко. Так, интернет-библиотека «Questia» указывает публикации по социологии и социальной антропологии детства, подросткового возраста и старения, но помещает их в категорию «Social Issues» (социальные проблемы). Хотя такая формулировка удовлетворяет проявляемый нами интерес, публикации в разделе описывают проблемы возрастных групп, ювенилизация отмечается лишь в текстах о, например, старении. Чаше встречаются исследования ограничений, накладываемых на возрастные группы [11, с. 70] или же интерпретации возраста как элемента конструирования сообществ [4, с. 149].

Но всё же тема ювенилизации косвенно проявляется в культурологических исследованиях явления «кидалт». Это словосочетание, перенесённое в русский язык из английского, то есть, буквально, ребёнок-взрослый. Таких людей можно называть возвращающимися в детство, или, как пишет Э. Калькутт, теми, кто «примирился со своим внутренним ребёнком» [12, с. 98].

Кидалт – взрослый человек, который, применяет детские практики. Взрослый в современном обществе – экономически независимый человек, то есть некто, имеющий достаточный доход для обеспечения собственной независимой жизни. Детские практики кидалтов, как правило, связаны с досугом. Это игры, например, ролевые или компьютерные, или потребление детских продуктов. Это могут быть мультфильмы [12, с. 88], сделанные специально для детей и подростков, аниме, манга и комиксы, или игрушки. Важна причина потребления: кидалт ищет детские продукты не с целью коллекционирования, но с целью потребления – игры, чтения или просмотра. Но потребления недостаточно, чтобы быть кидалтом. Для этого человек должен себя признавать таковым, давать

себе право сказать: «я прикольный, но могу и посерьёзничать» [5].

Изучению кидалтов посвящена масса публикаций – во многом это связано с популярностью явления в первой половине 2000-х годов в США и Европе и в 2008-2010 годах – в России. Но интерес к явлению в России связан с повесткой дня, конструируемой масс-медиа [5]. Научных исследований на эту тему куда меньше. Отметим три работы, которые позволяют, помимо прочего, подтвердить, что кидалты являются признанным проявлением ювенилизации.

Хотя статьи Л. Горалик [5] и Е. Ярской-Смирновой, М. Вороны и Г. Карповой [10] написаны в разное время и посвящены разным аспектам данного явления (Горалик пытается проанализировать причины возникновения кидалтов, а группа Ярской-Смирновой занимается анализом моделей поведения), в целом авторы приходят к схожим выводам.

Обе публикации рассматривают кидалтов как пример проникновения детских моделей поведения в жизнь взрослых [10, с. 296–297]. Другая общая черта – отмеченная авторами нестабильность паттернов поведения, которая и приводит взрослых к детству, которое оставалось «в пределах досягаемости» [5] вместе со своими поведенческими моделями и нормами. Л. Горалик описывает кидалтов именно как следствие уже происходившего размывания границ между возрастными группами, группа Ярской-Смирновой не отрицает этой позиции, рассуждая, что кидалты – своеобразный ответ на вызовы изменчивой современности [10, с. 299–300].

В том, что самым ярким и заметным проявлением ювенилизации стали именно кидалты, нет ничего удивительного, – считает автор третьего текста о ювенилизации, Э. Калькутт. В книге «Pop Culture and the Erosion of Adulthood» («Задержка развития: поп-культура и эрозия взросления») [12] он описал специфические модели поведения, которые возникали на его глазах вследствие «эрозии (разложения) взрослости», или ювенилизации.

Калькутт пересказывает слова американского критика Дж. Албриджа: после II Мировой войны западное общество не имело новой модели поведения взрослых. Результатом этого, по мнению Албриджа, стала «фетишизация» юности и детства, смещение акцента и внимания именно на этот период жизни. Юность «из периода жизни преобразуется в вечное объяснение инфантильности и ребячества» [12, с. 7].

* Примеры можно найти по следующему адресу: <http://www.psychologytoday.com/basics/mid-life-crisis>

За несколько лет эта ситуация приводит к буму поп-культуры, созданной для молодёжи. «Поп» отражает её ценности и модели поведения, подчёркивает отсутствие у молодёжи образцов действия, их страхи перед взрослыми и перед будущим, то есть глубокий культурный разлом между представителями разных поколений. В текстах рок-групп и битников примечательны сюжеты, в которых молодой герой не знает, что ему делать в своей будущей жизни [12, с. 3–6], панически боится взросления. Свойственные тем годам мысли Э. Калькутта находят в песне группы «The Who» с рефреном «fore I die before I get old» («надеюсь умереть до старости»).

Эти ощущения не исчезают у людей с наступлением взрослости. Следствие – рост ощущения безоружности против отчуждённого мира, и, как следствие, масса фобий. Они становятся основой современной культуры, причиной, с одной стороны, доминирующей иронии [12, с. 169], с другой стороны, «побега» в детство как отдыха от вечно меняющегося мира. Убегаю в детство, послевоенные поколения стремятся найти в себе «внутреннего ребёнка» и жить с ним в равновесии [12, с. 98]. Это, по мнению Калькутта, является причиной омоложения моделей поведения.

Ювенилизация как символическое потребление. Первая гипотеза основана на теориях Н. Элиаса и М. Фуко. Оба исследователя придерживались схожей позиции. Н. Элиас отслеживал то, как формируется сознание, свойственное сообществу. Его словами – этос. М. Фуко рассматривал механизмы, которые приучали индивидов к этосу. Он использовал другие термины: «эпистема», или «система сознания». Этос, согласно их концепциям, формирует сознание индивидов, диктует им действия и подсказывает решения в определённых ситуациях [9, с. 16].

Основным средством распространения эпистем, согласно теории Фуко, становится дисциплинарная власть. Главный принцип её действия – контроль пространства, в котором обитает индивид [8, с. 206], и контроль над его телом [8, с. 221].

Интересна эпистема, которую Н. Элиас рассматривает в книге «Придворное общество». Он исследовал, как человек подтверждал свой социальный статус потреблением, на примере французского дворянства времён Людовика XIV. У феодалов того времени существовал «этос престижного потребления» [9, с. 28]. Они должны были, так как были дворянами, чтобы подтвердить свой социальный статус [9, с. 81–83].

Общество постепенно перешло на иные модели. Но правила потребления никуда не исчезли, они лишь вышли за рамки одной только аристократии и распространились в буржуазной среде, наследовавшей принципы «дворянства шпаги» [9, с. 89–90].

И пусть потребление сегодня экономно и предполагает создание накоплений, человек всё же тратит, и далеко не всегда делает только необходимые для жизни покупки. Трата не потеряла свою функцию маркировки – выражаемое в приобретениях социальное и экономическое положение по-прежнему является важным элементом конструирования личного образа. Об этом свидетельствуют наблюдения Ж. Бодрийяра, описанные в книге «Система вещей». Покупка определённых видов мебели (обязательно массивной, декоративной и минимально функциональной) маркирует человека как представителя буржуазии, привыкшего жить в просторном личном доме. Покупка диванов-раскладушек показывает в человеке представителя среднего класса, живущего в небольшой съёмной квартире [3, с. 23–23, 27–28].

Ювенилизированные индивиды, в частности, кидалты как нельзя лучше демонстрируют эту тенденцию, что подтверждается текстом Е. Ярской-Смирновой. Увлечение игрушками и мультфильмами становится потреблением, которое, согласно существующему этосу, подтверждает их принадлежность к группе, участниками которой они себя считают [10, с. 299].

Кроме того, потребляемые предметы могут быть средством конкуренции между ювенилизированными индивидами. Они демонстрируют друг другу, как много денег и труда вложено в их игрушки. Это позволяет интерпретировать, например, результаты шести интервью, проведённых мной в рамках исследования одного небольшого сообщества. Его участники, игроки в солдатиков, косвенно демонстрировали труд, вложенный в раскраску, и деньги, которые им потребовались для покупки игрушек.

Ювенилизация как поиск «твёрдой» современности. Книги З. Баумана можно считать расширенным продолжением трудов И. Гофмана. Единственным различием их концепций является, помимо терминологии, то, что Бауман рассматривает общество, постоянно существующее при конфликте индивида и исполняемых социальных ролей, в то время как во времена первого между ними ещё не было конфликта. Но его возможность была предсказана в первой работе Гофмана [6, с. 302].

Бауман пишет о мире, где этот конфликт в разгаре. Стабильность общества времён Гофмана миновала, и в двадцать первый век мы вошли в иное времени и пространстве [1, с. 17–18].

В этом времени предприятия вынуждены гнаться за новыми рыночными тенденциями, став для этого мобильными, гибкими. Мобильность обеспечена минимумом кадров, что приводит к сокращениям. Это формирует «краткосрочную» ментальность [1, с. 30]. Как следствие, время становится «текучим», непостоянным, изменчивым. Сотрудник предприятия больше не привязан к своему месту работы. Он вынужден постоянно менять места и саму деятельность, если полученная ранее специальность на рынке не нужна. Очередной экономической кризис делает актуальными новые виды деятельности, а потерявшие в результате кризиса крах – ненужными [1, с. 31].

Новое пространство так же «текуче»: человек передвигается от одной сцены к другой, из одной роли в другую, не меняя своей позиции в пространстве. «Текучесть» жизни придаёт мобильный телефон. Звонки поступают от коллег, родственников и друзей, как следствие, человек вынужден часто менять социальные роли. А теперь телефон перенимает ещё и почтовую переписку, функции управления банковским счетом, функции книги, телевизора, плеера, магазина... Высокая мобильность отщепляет индивида от прежних сообществ, «индивидуализирует» его [2, с. 32]. Индивидуализация приводит к потере комфорта.

Пространства каждый должен делить для себя индивидуально, создавая целую карту мира, основанную на личном мировоззрении и имеющихся знаниях [2, с. 63–64]. Человек вынужден создавать личные границы, так как общие были разрушены со смертью дисциплинарного общества. В этом помогает идентичность. Идентичность – общность, к которой человек себя причисляет. Идентифицировать себя можно с любым объектом или группой – например, профессиональной, политической, гендерной и так далее.

Идентичность не просто привносит чувство стабильности. Она – основа исполнения любой социальной роли. Но роли меняются, а с ними – и идентичности. Вчерашний представитель «офисного планктона» сегодня политический активист – это явление нормально для «текучей современности» [2, с. 127].

Ювенилизация здесь – разновидность идентичности, идентификация с более

молодыми возрастными группами или какими-либо практиками, с ними ассоциированными, включающая в себя презентацию и организацию жизненного мира за счёт этих практик. Так, кидалты не только идентифицируют себя с детскими практиками. Они ещё и конструируют свой образ жизни – время, географию своей жизнедеятельности и т.д. – согласно своей идентификации, а также стремятся каким-то образом сконструировать с её помощью цельный образ себя в окружающем мире [2, с. 146–147].

Репрезентация идентичности несёт за собой неминуемое столкновение интересов, а также потребность в политиках. Для ювенилизированных индивидов столкновение неминуемо: «серьёзный» окружающий мир конфликтует с «несерьёзным» миром уже упомянутых кидалтов. Их модели поведения, ценности и нормы не воспринимаются обществом всерьёз, и противопоставить этому отказу в серьёзном восприятии они ничего не могут. Реакцией на это становятся описываемая Калькуттом ирония – строительство символического барьера между ювенилизированными индивидами и окружающим миром, ощущение кидалтами собственного бессилия [12, с. 175].

Это показывает необычный аспект теорий Баумана и Гофмана: анализ ювенилизации на примере российской действительности невольно затронет проблему политики.

Интерес будет представлять и то, как конструирует карту своего обитания кидалт, на какие зоны он делит свой мир в связи со сформированной идентичностью и каким образом делит своё время в связи с ней. Интересно будет увидеть то, какие смыслы привносит эта идентичность в привычные всем улицы города и как носитель видит известные проблемы и ситуации.

В заключение рассмотрим еще раз основные гипотезы, которые были сформированы на базе имеющихся данных и научных теорий. Рассматривались гипотезы для исследования социального явления, которое стало отмечаться в последние годы, – ювенилизации моделей поведения. Было дано определение ювенилизации, пояснены возможные варианты явления, в том числе кидалты. Были рассмотрены две гипотезы для исследования этого социального явления.

Первая гипотеза основана на теориях Н. Элиаса и М. Фуко. Она представляет ювенилизацию как практики по сохране-

нию тела, которые предписываются эйдосом. Практики кидалтов рассматриваются как маркирующее социальный статус потребление. В зависимости от сумм, затраченных на детские практики, такой индивид и устанавливает свой статус.

Другая теория – концепция З. Баумана и И. Гофмана. Согласно ей, кидалт – это одна из идентичностей, основанная на принятии социальных ролей ребёнка и ассоциации себя с ними.

Каждая из гипотез показывает специфический аспект для исследования этого явления. Так, гипотеза на базе работ М. Фуко и Н. Элиаса позволяет рассмотреть стратегии поведения, выработанные среди ювенилизированных индивидов, то, как они, демонстрируя результаты инвестиций, создают себе положение в различных сообществах.

А гипотеза, основанная на текстах И. Гофмана и З. Баумана, позволит рас-

смотреть, как в связи с ювенилизацией конструируются новые идентичности и образцы поведения, как индивиды конструируют свои образы в новом мире, как эти образы влияют на их представление о мире и каким образом ювенилизированные индивиды, в соответствии со своими представлениями о мире, действуют в различных ситуациях.

Данная статья – лишь тезисный обзор двух теоретических концепций. Фактически, показан набор концепций, с помощью которых можно исследовать социальное явление. Но то, какие концепции и в какой комбинации будут отобраны для интерпретации эмпирического материала, покажет, скорее всего, исследовательская интуиция – на данном этапе можно было лишь наметить предварительные результаты, которые может дать тот или иной подход к исследованию ювенилизации.

Список литературы:

- [1] Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002 – 390 с.
- [2] Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 230 с.
- [3] Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 230 с.
- [4] Бочаров В. Антропология возраста. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. – 196 с.
- [5] Горалик Л. Маленький Принц и большие ожидания // Линор Горалик, 2012. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://linorg.ru/little_prince.htm (09.08.2012)
- [6] Гофман И. Презентация себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 303 с.
- [7] Омельченко Е. Субкультуры, поколения, солидарности? К вопросу о концептуализации новых форм коммуникации в молодёжной среде // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – с. 478–488.
- [8] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 380 с.
- [9] Элиас Н. Придворное общество. – М.: Языки славянской культуры, 2002 – 348 с.
- [10] Ярская-Смирнова Е.Р., Ворона М.А., Карпова Г.Г. Кидалт вы или обыкновенный человек? Визуальное производство стиля // Визуальная антропология: городские карты памяти. – М.: Вариант, ЦСГИ, 2009. – С. 294–309.
- [11] Vytheway B. Ageism. – Philadelphia: Open University Press, 1995. – 142 p.
- [12] Calcutt A., Arrested Development. – London: Cassel, 1998. – 262 p.
- [13] Cognitive Analytic Therapy and Later Life: A New Perspective on Old Age. – New-York: Brunner-Routledge, 2003. – 232 p.

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Социологическое изучение процесса социальной работы требует более углублённого использования ресурсного подхода. Данный подход позволяет анализировать степень усилий, прилагаемых клиентами для успешной социальной интеграции и адаптации. Активизация собственного ресурсного потенциала изменяет отношение клиента в том числе к процессу социальной работы с ним, делая его взаимодействие с социальной службой более партнёрским и взаимоконтролирующим.

Ключевые слова:

клиент, ресурс, ресурсный подход, социальная адаптация, социальная работа.

Социальная работа как профессиональная деятельность предполагает взаимодействие с человеком, обладающим индивидуальным потенциалом адаптации и развития. Этот потенциал является слагаемым тех ресурсов, с помощью которых можно активизировать устремления человека к переменам в собственных деятельности и мировоззрении. Актуальными становятся вопросы: как эти ресурсы распознать, как их использовать и как привести человека к осознанию необходимости развивать эти ресурсы в дальнейшем.

Социологическое видение проблем социальной работы позволяет комплексно проанализировать важнейшие аспекты успешности социального взаимодействия клиентом. Одним из таких аспектов и является уровень реализации ресурсного потенциала клиента. При этом именно социальная адаптация является универсальной технологией социальной работы, направленной на вхождение индивида в систему социальных отношений.

Внешние и внутренние ресурсы в совокупности с осознаваемой готовностью их развивать и использовать создают тот самый личностный потенциал, который определяет успешность человека на разных этапах жизнедеятельности [4, с. 134].

Потенциал человека является многоуровневым и многогранным явлением, обеспечивающим качество человеческой жизнедеятельности во всех сферах жизни. Величина этого потенциала предопределяет уровень и качество адаптации индивида к резко изменяющимся условиям, направления и скорость его личностного развития, эффективность противодействия негативному влиянию внешней среды. С одной стороны, потенциал человека закладывается природой и предполагает наличие генетически предопределённых особенностей физиологии и психики человека; с другой

стороны, на количественные и качественные характеристики потенциала человека влияют условия социальной среды, в которой человек формировался – начиная от качества питания и заканчивая качеством социального окружения. Эти характеристики напрямую воздействуют на здоровье человека, адаптированность его психики, качество психических функций (памяти, внимания, мышления и т.п.), его склонности, интересы, мотивы, ценностные ориентации и иные составляющие человеческого потенциала.

Было бы неправильным предполагать, что даже сформированный и социализированный человек является чем-то законченным, завершённым, и его потенциал больше не в состоянии прирастать новыми элементами и качественными характеристиками. Важную роль в развитии человеческого потенциала на индивидуальном уровне играет работа над собой, над собственными недостатками, над новыми, желаемыми свойствами тела и психики. Склонность человека к самосозданию является важнейшим личностным качеством, определяющим направленность всех процессов развития внутренних составляющих человеческой сущности. Работу над собой можно по праву назвать третьим фактором, после природного и социального, воздействующим на различные стороны потенциала человека. Однако сила этого фактора определяется степенью социальной зрелости личности, способностью осознавать необходимость внутренних перемен и моральной готовностью инициировать и поддерживать в себе эти изменения.

В процессе социологического осмысления проблем развития ресурсного потенциала клиентов социальных служб необходимо отталкиваться не столько от структурно-функциональной парадигмы, сколько от символического интеракцио-

низма или сопряжённых с ним концепций. Это обусловлено не только тем, что структурный функционализм исчерпал себя в исследованиях социальных взаимодействий (с чем можно поспорить), но и наличием тонких особенностей выстраивания клиентами социальных служб повседневных практик развития собственной социальной интегрированности. Эти особенности проявляются: 1) в уникальной системе ожиданий, которая формируется у клиента по отношению к социальной службе, а также к конкретному социальному работнику; 2) в трудностях ролевой самоидентификации, ожидающей клиента в процессе освоения новых практик взаимодействия с окружающим миром. Активизация собственных ресурсов, а также «делегирование» социальному работнику полномочий по вхождению в мир ресурсов клиента являются сложными процессами, требующими трансформации ценностей, притязаний, самооценки клиента [4, с. 82].

Ресурсы человека можно условно разделить на внутреннее и внешнее. К внутренним относятся здоровье (физиологический потенциал) человека, активность психических функций, уровень интеллекта, способности и таланты, информированность, жизненный опыт, адекватная самооценка, нравственная убеждённость. К внешним – наличие устойчивого круга коммуникативных партнёров, поддерживаемые родственные связи, занятость, увлечения, постоянный материальный доход, собственная безопасная территория проживания, источники информации. Сталкиваясь с клиентом в первый раз, опытный социальный работник пытается оценить его ресурсную обеспеченность как во внешнем проявлении, так и в плане наличия психологических качеств, необходимых для успешного решения его проблемы. Именно подход с позиций объективной оценки ресурсов индивида является одним из условий реализации принципа адресности в социальном обслуживании индивида.

Поскольку различные категории клиентов отличаются по типу социальной проблематики, то ресурсный подход к определению глубины их проблем тем более наталкивает на выработку диаметрально противоположных подходов к социальной работе с ними. Среди пожилых граждан далеко не все имеют подорванное здоровье, следовательно, потребность в медико-социальных услугах у обозначенного сегмента низкая. Но при этом даже среди таких пожилых встречается те, кто не выработал собственную стратегию старения,

не определился с ведущей деятельностью в пожилом возрасте, одним словом, кто нуждается в нахождении собственной модели старения. Подход к работе с такими клиентами и комплекс предоставляемых им услуг в этом случае будут совсем другими, в отличие, скажем, от ограниченных в самообслуживании клиентов отделений надомного обслуживания. Инвалид трудоспособного возраста, ограниченный в передвижении, может иметь высокий уровень интеллекта и активную жизненную позицию, следовательно, именно этот ресурс необходимо ещё больше активизировать в процессе социальной работы с ним. Другой инвалид имеет слабо выраженные физические дефекты, но при этом отличается нелюдимостью и слабым развитием мотивационной сферы. Работа с таким клиентом требует разработки противоположной по сути стратегии и тактики налаживания контактов, применения реабилитационных методик социальной интеграции. Иными словами, только объективный анализ ресурсной обеспеченности клиента (что есть – чего нет) позволит выбрать индивидуально применимый путь поддержки клиента и соответствующие технологии работы с ним.

Такой ресурс, как здоровье, неоценим, когда речь идёт о социальной адаптации клиента, необходимости поддержания и использования его физической устойчивости в целях приспособления к изменяющимся условиям внешней среды. То же можно сказать и о процессе социальной реабилитации. Улучшение физического самочувствия (вследствие лечебной физкультуры или иных терапевтических методик) является залогом обретения обновлённого хода мыслей, новых ценностей, расширения перспектив освоения окружающего мира. Таким образом, развитие и укрепление одного ресурса становится основанием для активизации ресурсов иного профиля. Наличие талантов и способностей (к игре на музыкальных инструментах, рисованию, иным видам творчества) является не менее важным ресурсом, позволяющим человеку самоутверждаться, получать похвалы от окружающих, повышать самооценку, практиковать творческую релаксацию. Это в целом способствует как реабилитационному процессу (например, в случаях с инвалидами или дезадаптированными детьми), так и профилактике различных девиаций в поведении клиента. Жизненный опыт пожилого человека, его воспоминания, являются ресурсами, позволяющими применять их как при непосредственной

84 | работе с данным клиентом («терапия воспоминаниями»), так и в процессе работы с детьми и подростками (в виде организационных встреч с ветеранами, бесед о войне и т. д.), что также идёт в пользу и пожилому человеку. Сложность заключается в том, что в процессе работы необходимо осознать: 1) какие ресурсы у клиента уже имеются в развитом состоянии, 2) какие ресурсы имеются, но при этом нуждаются в развитии, 3) какие ресурсы у клиента полностью отсутствуют. Определив это, можно разработать технологическую основу работы с клиентом, где позиции 2 и 3 могут предопределить *направления* решения проблем клиента, а позиция 1 – *механизмы* решения проблем.

Технологизация социальной работы, предполагающая, помимо прочего, использование чёткой и упорядоченной системы методов, ведёт к тому, что комплексные методики работы с клиентами должны быть ориентированы на использование потенциала личностных качеств и внешней среды клиента. Ресурсы человека имеют все основания становиться объектами технологий социальной работы в двух аспектах:

– технологии, используемые в работе с клиентом, должны быть направлены на пробуждение и активизацию тех элементов ресурсного потенциала, которые нуждаются в развитии;

– технологии социальной работы основаны на активном использовании наиболее развитых ресурсов клиента в целях активизации иных, менее развитых или «дремлющих» ресурсов клиента.

При такой постановке проблемы снимаются многие недоработки в сфере обеспечения адресного подхода к оказанию социальных услуг и максимизации использования внутреннего потенциала и потенциала внешней среды в социальной работе с клиентом. Часть ответственности за успех, например, социальной реабилитации, ложится на клиента, заставляя его адекватно осознавать грани собственных возможностей и направлять усилия на самопреодоление и работу над собой. Это, в свою очередь, становится ещё одним основанием для формирования модели субъектно-субъектных отношений в процессе использования различных технологий социальной работы [5, с. 221].

Автономность и самоопределение клиента очень важно в плане сохранения его самооценки, повышения его творческой активности и т.п. Но это явление может иметь и обратную сторону. Если речь идёт о со-

циально неблагополучной семье, о лицах, страдающих теми или иными формами зависимости, о детях с девиантным поведением, то определять грани автономности нужно с большой осторожностью. Причём эта проблема имеет двойственный характер. При чрезмерной свободе может проявиться элементарный отход от вектора реабилитационных мероприятий, что снизит их эффективность; при подавлении автономности у клиента может нарастать протест против чрезмерной опеки, авторитарности социальных работников. Однако не стоит забывать, что есть значительная категория клиентов, чья социальная уязвимость не обусловлена девиациями (инвалиды, пожилые, брошенные дети), и многие из них становятся зависимыми по более объективным причинам. В данном случае проблема нахождения граней автономности и зависимости клиента не будет являться слишком острой в случае своей нерешённости, тем более что это не ликвидирует возможностей использования ресурсо-развивающего подхода в работе с ними.

Характерным примером развития ресурсного потенциала клиентов социальных служб является технология социальной адаптации малоимущих семей при помощи социального контракта. Суть этой методики сводится к тому, что органы социальной защиты выдают деньги малоимущей семье не в качестве пособий, а в виде целевых выплат, потратить которые можно на организацию собственного дела, повышение образования и т.п. Технология социального контракта обнаружила свою востребованность именно тогда, когда работа социальных служб в деле оказания социальной помощи малоимущим окончательно была признана абсолютно неэффективной в плане роста экономической самостоятельности и реализации внутренних ресурсов семей. Напротив, внедрение программ по самообеспечению малоимущих семей в российских регионах (Тюменская область, Пермский край, Республика Коми, Волгоградская область) имело массу позитивных последствий в деле роста уровня реализации ресурсного потенциала семьи. В числе этих последствий:

– повышение степени включённости членов семьи в социальные процессы, расширение сферы социальных контактов, как следствие – повышение уровня коммуникативной адаптированности;

– рост уровня благосостояния семьи, потребления продуктов питания и товаров первой необходимости;

- укрепление дисциплинированности и ответственности членов семьи в вопросах распоряжения капиталом;

- снижение степени зависимости семьи от действий социальных служб, законодательных нововведений, изменений нормативов оказания помощи;

- формирование у детей отношения к стратегии самообеспечения как к основополагающей в вопросах повышения семейного благосостояния;

- развитие способностей долгосрочного планирования доходов и расходов семейного бюджета;

- формирование отношения к социальной помощи как условности, исходящей из партнёрских отношений с государством в лице органов социальной защиты и возложения на себя ответственности за адекватное использование социальной помощи;

- общее повышение мотивационной сферы членов семьи (как на самообеспечение, так и на потребление и саморазвитие).

Подобные социальные технологии открывают новый этап в развитии подходов российских социальных служб к решению проблемы бедности. Социологический анализ ресурсного развития клиентов позволяет утверждать, что выход семьи на самообеспечение коренным образом меняет структуру отношений семьи с органами социальной защиты и уполномочившим их государством. Данные отношения становятся в большей степени партнёрскими, конструктивными, направленными на обоюдное снижение нагрузки в вопросах социальной адаптации и увеличения благосостояния. Эффект от реализации данной программы носит долговременный характер и выражается не только в увеличении доходов семьи и выходе её из категории малоимущих, но и в трансформировании мотивационной сферы семьи. Программы внедрения технологий социального контракта являются рыночно-ориентированными и способствуют снижению иждивенчества со стороны работоспособных граждан [3, с. 127].

Естественно, работа по выбору путей активизации ресурсов индивида в процессе оказания ему социальных услуг требует особого склада ума социального работника и его специфического видения стратегических целей социальной работы. Проницательность, аналитический ум, диагностические и прогностические способности, умение убеждать клиента и заставлять его поверить в себя – малый перечень свойств и характеристик социального работника, технологизирующего свою работу в условиях необходимости развивать и использовать ресурсный потенциал человека. Это и есть характеристики социального работника, видящего в клиенте не столько объект, сколько субъект позитивных изменений.

Модернизация социального обслуживания населения предполагает оптимизацию деятельности социальных служб и повышение результативности деятельности социальных работников. В существующих условиях это немыслимо без апробации и внедрения таких технологий, которые направлялись бы на актуализацию и активизацию потенциала клиента в том ракурсе, в котором этот потенциал остаётся нерастраченным и нуждающимся в развитии. Комплексное внедрение ресурсо-развивающих технологий социальной работы должно привести не только к снижению нагрузки на социальные службы в плане решения усугубляющихся проблем, но и сыграть профилактическую роль в сдерживании процессов нарастания социальной проблематики. Активное использование ресурсов человека в процессе социальной работы приводит нас к принципиально новой модели взаимодействия клиента и социальной службы. Эти отношения в большей степени становятся направленными на самоактивизацию клиента и снижение его иждивенческого настроения. Поэтому объективная ресурсная диагностика и ресурсо-развивающие технологии призваны открыть очередной этап развития и совершенствования отечественной социальной работы.

Список литературы:

- [1] Ерусланова Р.И. Технологии социального обслуживания лиц пожилого возраста и инвалидов на дому / Учеб. пос. – М.: «Дашков и К», 2009. – 232 с.
- [2] Платонова Н.М., Платонов М.Ю. Инновации в социальной работе / Учеб. пос. для студ. учреждений высшего проф. образования. – М.: Академия, 2011. – 256 с.
- [3] Социальная политика региона: учебное пособие / Под ред. И.П. Скворцова. – М.: КНОРУС, 2010. – 448 с.
- [4] Теория социальной работы / Учебник для бакалавров / Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой, М.В. Вдовиной. – М.: Юрайт, 2011. – 345 с.
- [5] Технология социальной работы / Учебник для бакалавров / под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой. – М.: Юрайт, 2011. – 503 с.
- [6] Энциклопедия социальных практик / Под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. – М.: «Дашков и К», 2011. – 660 с.

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В XXI ВЕКЕ

УДК 316.34
ББК 63.5

М.М. Прудникова

ПОНЯТИЕ ЭТНОСА И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ (ПОНЯТИЕ ЭТНОСА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПОНЯТИЕМ НАЦИИ)

Обосновываются различные формы принципа дополнительности и необходимость его использования для выработки полипарадигмального подхода к категории «этнос», рассматривается соотношение понятий этнос и нация.

Ключевые слова:

диаспора, культура, нация, этнос, этничность.

Приверженцы социокультурной сущности этноса настаивают, чтобы этнос понимался как социальный организм, и определяют его как исторически складывающуюся общность людей. В отечественной науке эти трактовки наиболее ярко были представлены Ю.В. Бромлеем и Л.Н. Гумилевым. В частности, Ю.В. Бромлей считает, что этнос «может быть определён как исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [3, с. 57–58]. Он также предлагает различать этнос в широком смысле (когда его понятие приближается к понятию нации) и в узком смысле, или «собственно этнос». Для последнего он употребляет термин «этникос». Такое различие для нашего исследования не является существенным. Мы полагаем, что процесс формирования человека как субъекта предметной деятельности, общества, культуры и этносов – это один и тот же процесс.

Схожую с Ю.В. Бромлеем концепцию понимания этносов в рамках культурно-исторического подхода предлагает Ю.И. Семенов. Понятие «этнос» он связывает исключительно с социальными факторами: культурой, языком, самоидентификацией, самосознанием. Существование этносов он относит к классовому, или цивилизо-

ванному, обществу. В структуре этносов он выделяет: 1) этническое ядро – компактно живущую на определенной территории основную часть этноса; 2) этническую периферию – компактные группы представителей данного этноса, так или иначе отделенной от основной ее части; 3) этническую диаспору – отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности [8, с. 39]. На наш взгляд, у Ю.И. Семенова можно выделить очень важный момент: этнос – это явление становящееся, развивающееся, имеющее сложную структуру и обладающее рядом существенных признаков. Пожалуй, нельзя согласиться с его категоричным утверждением, что «этнос есть общность социальная и только социальная» [8, с. 37]. Биологическое играет важную роль как в телесной организации представителей того или иного этноса, так и в их самоидентификации. Л.Н. Гумилев подчеркивал биологическую природу этноса, определяя его как результат развития биологической популяции, мы уже рассматривали выше и вернемся к ней в следующем разделе.

Как правило, эти подходы рассматриваются как альтернативные и взаимоисключающие. Однако для решения различного рода исследовательских задач, на наш взгляд, их можно рассматривать как взаимодополняющие. Но такой подход может мыслиться в двух формах: 1) по аналогии с принципом дополнительности квантовой механики – т.е. при признании мировоззренческой, методологической,

концептуальной, социально-политической, историко-культурной и т.д. равнозначимости примордиалистской и конструктивистской интерпретаций этничности в зависимости от целей и задач, ставящихся исследователем; 2) на основании выдвижения некоей третьей, принципиально иной по отношению к обеим интерпретациям, концепции этничности.

Это связано не только с целевыми установками исследователя, но и со сложным характером самого объекта исследования. В частности, когда мы пытаемся понять и объяснить сохранение этнической самоидентификации внутри того или иного доминирующего этноса представителей этнических меньшинств несмотря на частичную, а иногда и полную утрату языковой, культурной и социальной идентификации, мы не можем не учитывать биогенетический фактор этого явления. Ярким примером такой самоидентификации является еврейский этнос, некоторые представители которого, зачастую полностью интегрируясь в социокультурное пространство доминирующего этноса, сохраняли свою самоидентичность благодаря кровнородственным связям и внешней идентификации по биогенетическим параметрам.

В то же время у многих народов существовал обряд усыновления, который, как правило, имитировал естественные процессы деторождения (проползание между ног старшей женщины рода, сидящей на скамье, сосание ее груди, помещение под рубашку усыновительницы и т.п.), а также взаимоотношений родителей и детей (например, усыновляемый припадал к обнаженной груди усыновительницы со словами: «С сегодняшнего дня я твой сын, а ты мне мать», – и получал ответ «Я твоя мать, а ты мне сын»), с одной стороны, и публичности процедуры, с другой. Это являлось неким фактом установления новой связи «кровного» родства и причисления усыновленного к данной родовой общине со всеми вытекающими из этого последствиями. Вот почему представляется более уместным использование синтетической модели этноса, предложенной О.С. Тереховым в своем диссертационном исследовании «Динамика межэтнических конфликтов XX века: социально-философский и теоретико-исторический анализ» [10]. Согласно этой модели, разработанной в рамках социальной онтологии Н.С. Розова, развивающей идею «трех миров» К. Поппера, выделяются «вариации для этнических признаков:

– в биотехносфере: от формы лица и черепа, цвета кожи (подобные признаки неизменяемы или крайне сложно поддаются изменениям), до одежды, прически, оружия и мебели;

– в социосфере: от структуры семьи, рода, клана (подобные структуры крайне сложно поддаются внешним изменениям и конструированию извне), до заново создаваемых и изменчивых этнических группировок и диаспор (представляющих собой структуры с открытой возможностью вступления);

– в психосфере: от темперамента, неосознаваемых архетипов языка – генетических задатков психики, до меняющихся идей и идеологий, которые навязываются и передаются в этнической среде;

– в культуросфере: от ядерных символов культуры и владения родным языком, до восприятия неологизмов, многоязычия и различных эффектов внешнего культурного влияния» [10, с. 9].

В рамках такой модели этнос представляется в виде ядра, в которое входят представители данного этноса по праву рождения, или «по праву крови», имеющие определенные антропологические признаки принадлежности к данному этносу, свободно владеющие родным языком без акцента, выполняющими ритуалы жизненного цикла (принятие новорожденного в сообщество, брачные и похоронные церемонии), демонстрирующих определенное повседневное поведение, характерное для данного этноса, и окружающих его слоев (оболочек этнического ядра).

Вокруг ядерной группы О.С. Терехов выделяет три таких слоя. Первый слой состоит из лиц, рожденных от моноэтнических родителей ядра этноса, но не соблюдающих традиции, которые являются обязательными для соответствующей этнической группы. Второй слой включает детей межэтнических браков, в которых один из родителей принадлежит либо к ядерной группе, либо к первому слою вокруг этнического ядра. Третий состоит из «этнических иммигрантов», не имеющих кровного родства с данным этносом, но стремящихся ассимилироваться и в определенной мере быть принятыми в него.

Таким образом, под этносом можно понимать биосоциокультурную межпоколенную общность, состоящую из различным образом интегрированных в нее слоев (ядерной группы этноса и оболочек этнического ядра), идентифицирующих себя с этой общностью.

Но этнос – это становящееся явление. На первом этапе этнос – это по большей части природное, непосредственное, самооткровенное явление. Культура его проста и примитивна. На втором этапе происходит его опосредствование собой. В нем все больше появляется свое иное – культурное, которое все больше вытесняет природное и этнос все более обретает черты социальности. Обычно этот этап связывают со становлением народности. Но искусственность, подражая естественному, им живет и в силу этого к себе начинает относиться критически. На этом этапе происходит становление нации. Теперь требуется не только критика, но и новое утверждение, усиленное антигетерогенным отрицанием. По логике, если получится, то возможен синтез в виде всемирно-исторического этнического образования.

С.Г. Кара-Мурза в книге «Демонтаж народа» пишет, что термин «этнос» является «родовым» для таких понятий как племя, народность, народ, нация [6, с. 55]. Относительно этих понятий также нет единого мнения. Не ограничиваясь понятием этноса, рассмотрим в общих чертах и о других понятиях. Атомом этнической общности можно, видимо, считать род как совокупность кровных родственников, которые ведут свое происхождение от общих предков по материнской или отцовской линии. Совокупность родов, взаимосвязанных общей культурой и сознанием общего происхождения, образует племя. Уже на этой стадии развития этносов, помимо биогенетических факторов, начинают приобретать факторы социокультурные: общность культуры, языка, территории, хозяйственной деятельности, религиозных представлений и т.п. В еще большей мере социокультурные признаки характерны для народности, которая возникает в период разложения первобытнообщинных отношений, и которая характеризуются преобладанием не кровнородственных, а территориальных и культурно-языковых связей. Сегодня родовые отношения не утратили полностью своего значения, хотя их роль значительно снизилась в современном индустриальном и постиндустриальном обществе. В частности, родовая структура общества в них практически исчезла.

Следующей ступенью в развитии этноса является нация. Как этносоциальный организм категорию «нация» рассматривает Л.М. Дробижина [4, с. 73]. В то же время В.А. Тишков считает, что следует полностью отказаться от этого понятия

в связи с невозможностью дать ему научно обоснованное определение [12, с. 5, 7]. Ю.В. Бромлей и Ю.М. Бородай одним из важных и необходимых признаков нации считают наличие у нее государственности [2, с. 34].

В «Новейшем философском словаре» указывается, что нация – это «полисемантическое понятие, применяемое для характеристики крупных социокультурных общностей индустриальной эпохи. Существует два основных подхода к пониманию нации: как политической общности (политические нации) граждан определённого государства и как этнической общности (этно-нация) с единым языком и самосознанием» [11, с. 460]. А.Г. Здравомыслов первый подход называет модернистским, второй – примордиалистским [5, с. 166–167]. При ближайшем знакомстве видно, что примордиалистский подход к рассмотрению понятия «нация» очень напоминает примордиалистский подхода к пониманию этноса. К тому же понятия «этнос» и «нация» в этих подходах, по существу, определяются одинаково.

Представители модернистского подхода к пониманию нации утверждают, что они появляются в истории человечества лишь на определённой стадии ее развития: при переходе от аграрных обществ к индустриальным. Исторически эта стадия совпадает с появлением капиталистических отношений, впервые сформировавшихся в Западной Европе. По нашему мнению, наиболее продуктивно подошел к определению сущности нации и к решению проблемы её соотношения с этносом Ю.М. Бородай. Он писал, что «этнос и нация – вещи, конечно, родственные и вместе с тем принципиально разные» [1, с. 315]. Если этнос складывается естественно, стихийно, то о нации, утверждает Ю.М. Бородай, этого сказать нельзя. Одним из признаков нации он считает государственное самоопределение. Согласно его концепции, «этнос сам по себе не нуждается в государственности, поскольку этническое единство исходно основывается не на искусственно сконструированных рациональных юридических нормах, но на самобытных стихийно сложившихся обычаях и присущих данной общине бессознательных представлениях – архетипах» [1, с. 317].

В русле данной трактовки сущности нации её соотношение с этносом выглядит следующим образом. В течение длительного исторического периода, характеризующего К. Марксом эпохой господства отно-

шений личной зависимости [7, с. 100–101], а Ф. Тённисом – господством общности (Gemeinschaft) [9, с. 9], существуют такие социальные общности, которые можно подвести под понятие этноса. А с утверждением (сначала в Западной Европе, а затем постепенно – и в большинстве регионов мира) эпохи, именуемой К. Марксом эпохой отношений вещной зависимости [7, с. 101], а Ф. Тённисом – обществом (Gesellschaft) [9, с. 9–10], начинают формироваться и утверждаться нации. В этой связи связь между этносом и нацией есть, прежде всего, связь между менее развитой формой общества и более развитой. Это – отношение «по вертикали», или «по иерар-

хии». Согласно диалектике развития, более развитая форма снимает внутри себя менее развитую (менее развитые).

Но с формированием нации этническое все-таки сохраняется как нечто вполне актуальное, потому что дело обстоит таким образом, что нации состоят из людей, а эти люди обладают вполне конкретными этническими характеристиками. И должно пройти достаточно много содержательно наполненного и постоянно изменяющегося в своем содержании времени, чтобы этнические различия для людей, составляющих нацию, перестали быть существенными, а то и вовсе перестали существовать.

Список литературы:

- [1] Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М.: «Гнозис»; «Русское феноменологическое общество», 1996. – 413 с.
- [2] Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М.: Наука, 1988. – 207 с.
- [3] Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- [4] Дробижева Л. М. Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы. – 1976, № 6. – С. 64–73.
- [5] Здравомыслов, А. Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 286 с.
- [6] Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. – М.: Алгоритм, 2007. – 704 с.
- [7] Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – 559 с.
- [8] Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М.: «Современные тетради», 2003. – 776 с.
- [9] Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ред. Л.Г. Позднякова; пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб: «Владимир Даль», 2002. – 451 с.
- [10] Терехов О.С. Динамика межэтнических конфликтов XX века: социально-философский и теоретико-исторический анализ: автореф. дис. ... к. филос. наук. – Новосибирск, 2008. – 25 с.
- [11] Терешкович П.В. Нация // Новейший философский словарь. – Минск: В.М. Скакун, 1998. – С. 460.
- [12] Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации / Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. – М., 1993. – 72 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ Л.Н. ГУМИЛЕВА КАК ПАРАДИГМАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА В ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИИ XXI ВЕКА

Показывается, что существует парадигмальная научная школа Л.Н. Гумилева в форме развивающейся исторической этнологии. Историческая этнология предстает как важнейшая часть человековедения XXI века – ноосферного человековедения.

Ключевые слова:

биосфера, географический детерминизм, живое вещество, историческая этнология, ноосферная этнология, ноосфера, ноосферогенез, пассионарогенез, этногенез, этнология, этнос.

В 2012 г. мы отмечаем 100-летие со дня рождения Льва Николаевича Гумилева – мыслителя ученого, поэта, на мой взгляд, титана последнего, вернадскианского, цикла эпохи Русского возрождения [19, с. 395–432].

Характеризуя интегрально научное наследие Л.Н. Гумилева, его можно назвать исторической этнологией. Гумилев фактически заложил основы исторической этнологии как науки об этносах, которая резко отличается по своей парадигме от этнографии, что вызвало резкое неприятие в среде этнографов и историков. Острая дискуссия вокруг идей Л.Н. Гумилева не стихает, потому что теория этногенеза с концепцией пассионарного толчка, сама методология научного познания исторической реальности бытия многообразия этносов на Земле были революционным нововведением, находящимся в пространстве идей В.И. Вернадского – учения о биосфере и ноосфере, ставящем на новой научной основе проблему единства хозяйствующего на Земле человечества и Биосферы, Природы, определенной соподчиненности человечества, его хозяйства, социума законам бытия природы как организмической целостности.

Лев Николаевич заострял проблему диалектики в движении социоприродного единства, которая делает социальную эволюцию человечества нелинейной, спирально-циклической, подчиненную ограничениям и спирально-циклическим закономерностям эволюции Биосферы и в целом Космоса. В «Биографии научной теории, или Автонекрологе» он, цитируя мудрое стихотворение китайской царевны из династии Чэн, плененной и выданной за тюркского хана в VI в., замечает: «Не странно ли, что китаянка VI века мыслила категориями диалектики, а европейские филистеры XX века признают только линейную эволюцию, которую они называют прогрессом и считают нарастающей по ходу

времени. Конечно, не следует отрицать прогресс в социальном развитии человечества, но ведь люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации (земному притяжению), электромагнитным полям и термодинамике» [5, с. 17]. И далее он так формирует исследовательскую задачу: «Нам надо найти ту форму движения материи, в которой наряду с социальной и независимо от нее живут люди уже больше 50 тысяч лет и которая, будучи природной, является формой существования вида *Homo sapiens*» [5, с. 17–18].

В результате этого поиска появляется историческая этнология Л.Н. Гумилева, основным методом становления которой становится метод эмпирических обобщений В.И. Вернадского, реализуемый на разных системных уровнях и пространственно-временных метриках учета исторических событий и процессов. Осмысливая свой подход к письменным источникам древности, Лев Николаевич подчеркивал: «Самым легким путем для ответа на интересующий нас вопрос было бы традиционное обращение к письменным источникам. Но вот беда, источники – нет, не молчат, они либо лгут, либо уходят от ответа на вопрос. Обобщенное видение было недоступно хронистам XIII – XIV вв., а научное, эмпирическое обобщение как метод исследования и доказательств принято только в XX в. благодаря работам В.И. Вернадского» [3, с. 45]. Гумилев, адресуясь к возможным оппонентам, подчеркивает, что «эмпирическое обобщение», согласно В.И. Вернадскому, имеет достоверность, равную наблюдаемому факту» [4, с. 30]. «Иными словами, – писал Л.Н. Гумилев, – естественные науки преодолели молчание источников и даже извлекли из этого пользу для науки, поскольку избавились от лжи, всегда содержа-

щейся в источнике или привносимой нами самими путем неадекватного восприятия. Так почему от этого отказываются историки? Привлекая природу как источник, мы обязаны привлечь и соответствующую методику изучения» [4, с. 30].

Историческая этнология – это новая, гумилевская парадигма организации знаний об этносах и этнической истории или истории этносов, главным методом которой становится метод эмпирических обобщений Вернадского на почве синтеза географии, включая этническую географию, ландшафтную географию, истории и учения В.И. Вернадского о биосфере и живом веществе, в частности, представлений о геобиохимических циклах и энергии.

Гумилев определяет этнос как сложную категорию, имеющую несколько смысловых измерений. Попытаемся представить их в виде системы определений и положений:

1. Этнос – это «феномен биосферы или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической хронологией исторических событий» [4, с. 15]. Как феномен биосферы, этнос и, соответственно, этническая субстанция бытия человека и общества накладывают «свою печать на специфику хозяйственного поведения и на специфику функционирования «государства – общества» [18, с. 33], выражают собой своеобразное единство хозяйства, социальных общностей людей и кормящего ландшафта.

Данное определение Л.Н. Гумилева делает историческую этнологию важнейшей составной частью ноосферогенеза XXI в., становящегося ноосферного образования и ноосферной человеческой революции [13]. Связывая будущее этнологии как науки об этносах с биосфероведением в парадигме Вернадского и, соответственно, с естественным и естествоведческой методологией познания, Гумилев сознательно подчеркивал причастность своей мировоззренческой установки науковедческому прогнозу К. Маркса: «Сама история является действительной частью истории природы, становления природы человека. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [6, с. 124.]. «Ныне, – замечал он, – мы стоим на пороге создания такой единой науки» [4, с. 20], и историческая этнология, определение этноса как фено-

мена биосферы становятся шагом на пути становления такой единой науки [13].

2. Этнос – это «явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специфическое значение в строении биосферы Земли» [4, с. 24]. Человек как живой организм, часть живого вещества Биосферы «входит в биосферу Земли и участвует в конверсии биоценоза» [4, с. 23] и, поэтому, несмотря на созданную им техносферу, на то, что он – «мыслящая индивидуальность», «не выходит за пределы живой природы, которая является одной из оболочек планеты Земля» [4, с. 23].

3. Этнос – это «естественно сложившийся человеческий коллектив», зарождение, становления развития которого, весь цикл его жизни «происходит на поверхности Земли в тех или иных географических условиях», когда ландшафт начинает выступать фактором, «представляющим экономические возможности» для существования таких «естественно сложившихся человеческих коллективов» – этносов [4, с. 35]. В этом контексте теория этногенеза по Гумилеву реабилитирует географический детерминизм в новом качестве – этногеографическом.

Используя теорию «географического ландшафта» Л.С. Берга, его «хорономический принцип эволюции», связывающий географию с биологией через категорию «месторазвитие», Л.Н. показывает, что этногенез связан с месторазвитием, с кормящим ландшафтом, что хорономический принцип Берга работает через систему «закономерностей развития этноса» [4, с. 38].

Гумилев подчеркивает, что этнос – системно-природное образование, и ведущими факторами этногенеза могут быть разные – резко отличающиеся у разных этносов: язык, религия, культура, вид деятельности и т.п.

4. Этнос – это система, «имеющая свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняется от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затух» [4, с. 91]. Л.Н. Гумилев подчеркивал, что «структура этнического стереотипа поведения – это строго определенная норма отношений: а) между коллективом и индивидом; б) индивидов между собой; в) внутриэтнических групп между собой; д) между этносом и внутриэтническими группами» [4, с. 91]. Эти нормы поведения пронизывают все области жизни и быта, воспринимаемая в данном этносе как естественные и пото-

му не тягостные. Историческая динамика стереотипа поведения выражает собой историческую динамику и самого этноса.

5. Этнос как «реальная этническая целостность» – это «динамическая система, включающая в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями». При этом, «традиция» выступает в роли «управляющей системы» [4, с. 101].

В этносе как динамической системе воплощен «реальный момент взаимодействия социального с биологическим» [4, с. 105].

Этносы как системы имеют иерархическое строение и включают в себя «субэтность», «субэтнические образования, иногда оформляющиеся в виде сословий» (пример – поморы, казаки в России), «консорции» (группы людей, объединенных одной исторической судьбой), «конвексии» (группы людей с однохарактерным бытом и семейными связями) [4, с. 105–108]. Гумилев подчеркивает: сложность этноса как системы обеспечивает ему устойчивость [4, с. 106].

6. Этносы – организмическая система или система-организм, обладающая «способностью к саморегуляции» [4, с. 107]. При этом, чем сложнее структура системной организации этноса, тем выше «сопротивляемость этноса внешним ударам», тем выше его антиэнтропийность.

7. Этносы могут создавать суперэтносы. Суперэтнос – это группа этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическими общением. Суперэтнос, по Л.Н., определяется «исключительно степенью межэтнической близости» [4, с. 109, 110]. Он считал, что в России–СССР сложился такой российский суперэтнос, цементирующим звеном которого выступает русский этнос. Суперэтносы, в отличие от этносов, не способны к дивергенции.

Как видим, этнос, по Гумилеву, является категорией, которая описывается, противоречивой системой определений (понятий). В этом состоит вся сложность в самом описании этноса как предмета исторической этнологии. Чтобы ее раскрыть, нужна диалектическая методология, нужен особый род «невидимых» качеств – род системно-социального качества [16]. Именно в этом пункте истинный диалектик расходится с «методологическим индивидуалистом» в науке, который кроме рода предметно-вещественного качества больше ничего в предмете науки знать не хочет.

«Реквием по этносу» В.А. Тишкова, яркого оппонента Л.Н. Гумилева и привержен-

ца принципа методологического индивидуализма в теории познания, обусловлен по своей сути все тем же «восстанием» против любых «коллективов» и описывающих их «коллективистских» понятий, которое начал еще К. Поппер. По Карлу Попперу, исходящему из принципа методологического индивидуализма, кроме конкретных индивидов и межличностных отношений (коммуникаций) ничего не существует [7; 8]. Отсюда – культ ситуационного подхода и отрицание историзма, по Попперу – «историзма», и отрицание «общества» как коллективистского понятия. Утверждая, что, по Гегелю, «общество – это все, и индивид – ничто», Поппер подчеркивает, что его концепция «не предполагает существование коллективов. Если я, к примеру, говорю, что мы обязаны обществу разумом, я всегда имею в виду, что разумом мы обязаны определенным конкретным индивидам» [8, с. 261]. Иными словами, абсолютизируя индивидуализм, «методологические индивидуалисты» в общественных науках, отрицают вслед за Поппером, Хайеком, любые социальные целостности («коллективы») как самостоятельные сущности, а вслед за этим – и историю как историю народов, обществ, этносов и любых социальных целостностей.

По В.А. Тишкову, возможна этнология «без этноса и даже за пределами этничности» [20, с. 33]. Иными словами, за отрицанием «коллективистских» понятий методологических индивидуалистов стоит де-факто отрицание социальных или социоприродных системных образований, в том числе таких, как этнос, народ, нация, общество, коллектив и т.п., и, следовательно, – и их истории.

В этом пункте Гумилев противостоит все обширной армии «методологических индивидуалистов» в пост-модернистской науке, «попперизму» [10; 17], как методологии, противостоящей историзму. Он подчеркивал: «мы имеем право рассматривать этнос как особую систему из социальных и природных единиц с присущими им элементами. Но если так, то этнос – не просто скопище людей, теми или иными чертами похожих друг на друга, а целостность различных по вкусам и способностям людей, продуктов их деятельности, традиций, географической среды, этнического окружения и степени пассионарности, а также ее тенденции к увеличению или уменьшению» [5, с. 223]. Причем, последнее свойство этноса, как целостности, связано с обладанием элементами «организмических множеств», по Н. Рашевскому, «всеми видами активности»,

приводящими «к образованию статических или динамических структур» [5, с. 223].

Историческая этнология как гумилевская парадигма системной организации научного знания об этносах, включающая в себя и историю этносов или этноисторию, и этногеографию, теорию этногенеза и концепцию циклов жизни этносов, концепцию этносферы как части биосферы, рождается естественным путем на основе объединения метода эмпирических обобщений В.И. Вернадского и историко-генетического метода и принципа историзма.

Фактически созданная творчеством Л.Н. Гумилева историческая этнология предстает как парадигмальная научная школа в человековедении уже XXI в., и это еще нужно осознать представителям современной науки.

Категория «парадигмальная научная школа» была предложена нами в 2012 г. [13]. В этой работе сделана классификация видов научных школ, в том числе были выделены «научные школы парадигмального уровня», такие, например, как «научные школы Ньютона, Эйнштейна, Н. Бора, Пригожина» [13, с. 5]. Лев Николаевич Гумилев может считаться основателем научной школы, задающей новую научную парадигму в области этнознания – научной школы исторической этнологии.

Ранее я писал: «Прорывной характер гумилевской парадигмы этнологии, в моей оценке, в том и состоит, что он связал этногенез через категорию “этносферы” с категорией “биосферы”, с учением В.И. Вернадского и о биосфере, и о ноосфере, с его представлением о геохимической энергии. Этническая субстанция бытия человечества предстает не только как его некое промежуточное состояние, в котором доминируют биоэволюционные начала, пропущенные через фильтры культуры и социума, но и, что самое главное, как некий «трансформатор» воздействия Космоса, Солнца на социальное человечество. Можно отметить, что гелиобиология Чижевского по отношению к человеку через теорию этногенеза Гумилева приобретает новые этногенетические основания. Монолит разумного живого вещества, который репрезентирует человечество, имеет циклику и ритм в своем качестве синхронизированный с цикликой – ритмом Биосферы, в которой отражается циклика – ритм воздействия космических лучей и солнечного ветра. Этот ритм Л.Н. Гумилев раскрывает через учение о пассионарном толчке в циклах жизни этносов или этногенетических

циклах. С другой стороны, этнос предстает трансформатором воздействия Земли, в первую очередь ландшафтно-климатического разнообразия (Гумилев заостряет внимание на ландшафтном взаимодействии Природы с человеком), через особенности хозяйствования, на социальное человечество. Происходит реабилитация географического детерминизма не в форме его абсолютизации (от которой дистанцируется Гумилев), а в относительной форме, которая становится частью основания [Большой Логике Социоприродной Эволюции] БЛСЭ» [15, с. 54, 55].

Теория этногенеза Гумилева – стержневая теория исторической этнологии. В его публикациях она предстает как история этногенеза, в основном – на пространствах Евразии, в единстве с историко-ландшафтно-географической детерминацией, которая раскрывается как эмпирическое обобщение в науковедческой экспликации этого метода В.И. Вернадским.

Гумилев задает вопрос: где и какой стороной смыкается человечество с природой и окружающей географической средой? И отвечает: стороной своего этнического бытия [5, с. 144].

В диалоге с П.В. Флоренским «Помни о Вавилоне», состоявшемся в 1989 г., Л.Н. Гумилев заостряет внимание на том, что человечество вступило в «эпоху перехода в ноосферную единую земную цивилизацию», и в этом историческом контексте перед коллективным человеческим разумом «встают два вопроса: найти общий язык между народами и государствами и общий язык с природой. Нерешение задач – гибель. В первом случае, имея в виду ядерную войну, – мгновенная. Во-втором, – в результате тотальной экологической катастрофы – медленная и мучительная» [5, с. 317, 318]. Таким образом, теория этногенеза и историческая этнология, которую разрабатывает Л.Н. Гумилев, имеет свою миссию по отношению к будущему человечества – стать одним из оснований ноосферогенеза XXI в., позитивного решения проблемы становления ноосферной цивилизации человечества в форме планетарной кооперации этносов (народов) и на основе этой кооперации – управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества, предполагающей установление ноосферного духовного экологического социализма [11].

Т. Шутова так подчеркнула значение гумилевской теории этногенеза 23 года назад (в 1989 г.): «на водоразделе истории с географией покоится теория этногенеза.

94 На водоразделе естественных и гуманитарных знаний – учение о ноосфере – наука будущего, где они соединяются в единое мировоззрение. Спасибо собеседникам, что осветили дорогу, ведущую к Храму ноосферы» [5, с. 327].

Каковы парадигмальные основания научной школы исторической этнологии Л.Н. Гумилева? Проинтерпретируем их с позиций теоретической системы ноосферизма [12].

1. Этногенез, этноэволюция человечества есть связующее звено между социальной эволюцией – историей человечества – и природной эволюцией – эволюцией Биосферы.

П.В. Флоренский в беседе с Л.Н. Гумилевым так проинтерпретировал это парадигмальное основание гумилевской парадигмы исторической этнологии: «ваш этнос – наш ландшафт, как говорили сватья в старое доброе время. Биосфера организуется в ландшафты, люди – в этносы. Эти два явления сосуществуют и имеют тот общий знаменатель, который позволяют естественнику и гуманитариию корректно беседовать – это история взаимодействия техники и природы через механизм этноса. И отношение людей к окружающей среде меняется в зависимости от фазы этногенеза» [5, с. 323].

2. Этнос, таким образом, есть фактор особого вида социобиологического единства, играющий свою роль в ноосферогенезе, сопровождающем, по В.И. Вернадскому, антропную эволюцию (антропогенез), отражая циклы и социоприродной гармонии, и социоприродных катастроф [5, с. 317].

Проблема, которая вытекала из опыта этно-экологической истории и которую осознавал Л.Н. Гумилев, и которую до сих пор не осознают современные «этнологи» (или «этнографы»), состоит в том, что в современных условиях развивающегося глобального экологического кризиса (или первой фазы Глобальной экологической катастрофы [4, с. 15]) императив выживаемости требует решения тех «двух вопросов», сформулированных Гумилевым – становление планетарной межэтнической гармонии и становление социоприродной – ноосферной гармонии.

Данное парадигмальное основание определяет историческую этнологию в будущем как ноосферную этнологию – составную часть ноосферизма, как единой ноосферной науки. Понимал ли эту ноосферную функцию формируемого им теоретического здания исторической этнологии Л.Н. Гумилев? – Внимательное исследование его ра-

бот, особенно последнего этапа его творчества, показывает – понимал!

Он писал: «В этнической среде человек или этнос может не сделать чего-либо вредного для природы, частью которой является он сам. Значит, необходимо предвидеть последствия своих поступков в отношении природы, ибо любая ошибка может стать роковой. Не стоит повторяться и рассказывать о множестве поводов для борьбы против цивилизации в защиту природы, хотя эта тема и входит в компетенцию этнологии» [4, с. 472–473].

3. Теория этногенеза через теорию пассионарных толчков (пассионарогенез), по Л.Н. Гумилеву, отражает в себе воздействие космической организованности Вселенной на этноэволюцию человечества, является еще одним подтверждением «Меморандума С.Н. Булгакова – В.И. Вернадского – А.Л. Чижевского» – меморандума космической организованности живого мироздания, манифестации космо-органноцентрического взгляда на Вселенную и ее составляющие [14, с. 507].

Развитие космического «измерения» этнологии и есть основание становления ноосферной этнологии как формы развития научной школы исторической этнологии Л.Н. Гумилева. Именно в ее теоретическом пространстве пассионарогенез как феномен исторической этнологии в парадигме Л.Н. Гумилева, получит завершенное обоснование. «Говоря о возможных источниках пассионарных толчков, мы не отбросили только одну гипотезу – космическое излучение. Правда, при нынешнем уровне знаний о ближнем космосе, эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих. Если эта гипотеза и в дальнейшем не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией. Допуск в плюс-минус 50 лет – величина ошибки для определения длины инкубационного периода (Гумилев имеет в виду 2-ю фазу этногенеза – «пассионарный подъем», этап – «инкубационный период» – С.А.) – невелик, а практическая ценность данных об энергетических вариациях в ближнем космосе за 4 – 5 тысячелетий несомненна» [4, с. 473].

В работе «Теория этногенеза Л.Н. Гумилева и гелиобиология А.Л. Чижевского – гелиокосмическая революция в общей научной картине мира на протяжении XX века» (2008) [19, с. 401–413] я показал, что «энер-

гетизм этногенеза Л.Н. Гумилев связывает с «биохимической энергией живого вещества» по Вернадскому, не расшифровывая ее происхождение. Но в дальнейшем он приходит к гипотезе, что ее проявления, циклика или ритм, несут на себе влияние космобиосферных связей, которые затем трансформируются в этно-биосферные связи» [19, с. 407].

4. Этногенез, по Л.Н. Гумилеву, есть «этногенетический полидетерминизм» [19, с. 407], в котором раскрывается взаимодействие «истории», «географии – ландшафтоведения», «экологии» и «генетики» [5, с. 44]. Этническое поведение человека, совокупностей людей, которые получили название этносов, выражает собой «этноэволюционную приспособляемость» человека [19, с. 407], в первую очередь, к «кормящему ландшафту» [5, с. 77]. Эта приспособляемость и есть системообразующий фактор в системообразующем этносе (как этнической системы), в котором отражается своеобразная форма динамического неравновесия между человеком и геобиоценозом, в основе которого лежит обмен энергиями [5, с. 129].

Физико-энергетическое основание этногенеза в теоретической системе исторической этнологии Л.Н. Гумилева полностью опирается на учение о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского, в частности на теоретические положения работы «Химическое строение биосферы земли и ее окружения» [5, с. 132].

Можно утверждать, что открытием Л.Н. Гумилева является «внутриэтническая эволюция, которая равно не похожа на социальную и биологическую» [4, с. 235], и движителем которой является переход к «этноландшафтному равновесию» [4, с. 235]. Из этого следует, что этнос, как преобразователь циклики гелиокосмического воздействия на Землю и живое вещество Биосферы в циклику этносоциальной эволюции, приобретает значение «преобразователя развития общества через его этническую субстанцию» [18].

Отметим, что именно этот момент не замечают многие современные социологи. Витальная социология есть социология жизненных сил, которую развивает алтайская научная школа социологов во главе с С.И. Григорьевым [1; 9]. Историческая этнология, теория этногенеза дает очень много для теоретической экспликации категории жизненных сил общества. Л.Н. Гумилев подчеркивал: «биологическая эволюция внутри вида *Homo sapiens* сохраняется, но приобретает черты, не свой-

ственные прочим видам животных. Филогенез преобразуется в этногенез» [4, с. 23]. И антропосфера включает в себя «этносферу» (понятие, введенное Л.Н. Гумилевым).

Из этого вытекает и особое качество в понимании социобиологического единства человека. Биологичность человека приобретает характеристику его этнобиологичности [19, с. 408].

По этому поводу в 2008 г. я писал: «при этом, этнобиологичность не есть только биологичность, а есть и этносоциальность человека... этнос есть особая форма проявления эволюции человека как биосоциального существа. В этносе происходит синтез биологической и социальной эволюции, приводящий к новому качеству биологической эволюции – этнической, циклика или ритм которой проявляет воздействие циклики или ритма «матери-Природы» – Биосферы, Земли, Солнца, Космоса на живое вещество человечества, народов, этносов, и через него – на историю человечества, частью которой является циклика или ритм этноистории человечества, открытые Л.Н. Гумилевым» [19, с. 408, 409].

В заключение отметим, что историческая этнология Л.Н. Гумилева в системе ноосферизма дает дополнительные основания к пониманию путей решения проблемы XXI века – проблемы перехода человечества к управляемой социоприродной (социобиосферной = ноосферной) эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества – единственной стратегии выхода человечества из экологического тупика Истории – первой фазы Глобальной экологической катастрофы.

Следует помнить предостережение великого представителя эпохи великого Русского возрождения Льва Николаевича Гумилева: «вандализм не ограничивает поле своей деятельности памятниками искусства. Он еще более губителен, когда его объектом является беззащитная природа» [4, с. 447].

Л.Н. Гумилевым создана парадигмальная научная школа исторической этнологии, время признания которой еще впереди.

Лев Николаевич Гумилев – поистине масштабная возрожденческая фигура вернадскианского цикла эпохи Русского возрождения в XX в., человек ноосферного будущего человечества и России. Л.А. Вознесенский писал о нем: «Человек редкой эрудиции, прежде всего, в области истории, географии, этнографии (этнологии), сопряженных с ними дисциплин, он к тому же был великолепным знатоком литературы и особенно – поэзии... Лев Николаевич

не только хранил в своей бездонной памяти стихи множества поэтов – он и сам получил от обоих своих родителей удивительно образное мышление и прекрасный поэтический дар» [2, с. 19].

Этночеловековедение и этнонароведение Льва Николаевича Гумилева поистине масштабны и космоноосферны по своей сути. Он очень тонко подметил проблему Наблюдателя при создании любой теории и проблему, стоящую перед любым исследователем: как избежать ложной позиции Наблюдателя-исследователя: «представим себе наблюдателя, который изучает не весь ход капли до земной поверхности, а любые два сантиметра в середине пути. Он неизбежно придет к выводу о ложности закона Ньютона: ведь капля, по его наблюдению, движется не только вниз, но вбок и часто вверх. Вывод ложен, но логичен, ибо ошиб-

ка скрыта в постановке задачи: допущено право исследователя на сужение темы, без координации с окружающими проблемами. И пусть не говорят, что такого не бывает! На аналогичную методичку, ведущую к заведомым заблуждениям, жаловался еще Аку-Аку Тура Хейердала.

Представленный нами на суд читателей трактат имел целью не столько уяснение истории как таковой, сколько понимание истории как пособия для решения проблем естествознания, в частности изучения биосферы. Прямое же изучение динамики этнических систем, как ее части, возможно лишь при обработке исторического материала методами естественных наук... Установление взаимозависимости этой динамики с ландшафтными изменениями и есть та задача, которая решается этнологией» [4, с. 472].

Список литературы:

- [1] Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы Неклассической социологии. – М.: РУСАКИ, 2000. – 206 с.
- [2] Гумилев Л.Н. Дар Слов мне был обещан от природы / Полное собрание художественного творческого наследия. – СПб.: Росток, 2004. – 624 с.
- [3] Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи / Предисл. В.Ю. Ермолаева. – М.: Экопрос, 1994. – 624 с.
- [4] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 496 с.
- [5] Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 42.
- [7] Поппер К. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. – М.: Межд. Фонд «Культурная инициатива» SOROS FOUNDATION (USA), 1992.
- [8] Поппер К. Открытое общество и его враги. Том II. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ., под общ. ред. В.Н. Садовского. – М.: Межд. Фонд «Культурная инициатива», SOROS FOUNDATION (USA), 1992.
- [9] Социология жизненных сил человека – парадигма настоящего и будущего / Ред. С.И. Григорьев. – М., 1998.
- [10] Субетто А.И. Критика «экономического разума». – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 508 с.
- [11] Субетто А.И. Манифест ноосферного социализма. – СПб.: Астерион, 2011. – 108 с.
- [12] Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: Астерион, 2001. – 527 с.
- [13] Субетто А.И. Ноосферная научная школа в России: итоги и перспективы – СПб.: «Астерион», 2012. – 76 с.
- [14] Субетто А.И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке. – СПб.: Астерион, 2010. – 544 с.
- [15] Субетто А.И. От В.И. Вернадского к Л.Н. Гумилеву: этногенез в системе ноосферогенеза // Учение Л.Н. Гумилева и современность / Ред. колл.: Л.А. Вербицкая (гл. ред.), А.И. Чистобаев (зам. гл. ред.), К.Б. Клоков, А.В. Норин, В.Т. Пуляев, А.И. Субетто, Е.В. Маслова (отв. секр.). – СПб.: НИИХимии СПбГУ, 2002. – С. 51–57.
- [16] Субетто А.И. Очерки теории качества (авторская ретроспекция). – М.: Исслед. центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, 2002. – 108 с.
- [17] Субетто А.И. Свобода. Книга первая. Критика «либерального разума» (научная монографическая трилогия). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 232 с.
- [18] Субетто А.И. Системный анализ современного общества (Научный доклад) – СПб.: Астерион, 2004. – 88 с.
- [19] Субетто А.И. Эпоха Русского Возрождения в персоналиях. I том. Титаны Русского Возрождения. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 500 с.
- [20] Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

КЫПЧАКИ: ЭТНОС И ЕГО ИМЯ

Известный в средневековой арабо-персидской историографии термин «кипчак» в ходе истории менял своё содержание: в VIII–XI вв. это был этноним племенной общности, затем, начиная с 1030 года и до XIII в., кипчаками называют всех, этнически разных, кочевников Дешт-и Кипчака; в золотоордынский (XIII–V вв.) и последующие периоды истории этот термин снова стал этнонимом племенной общности превратившихся в новейшее время в этнические группы в составе нескольких современных народов: алтайцев, башкир, казахов, каракалпаков, киргизов, ногайцев, татар и узбеков.

Ключевые слова:

государство, Дешт-и Кипчак, Золотая Орда, кипчаки, этникон, этническая группа этноним.

У каждого этноса есть название (этноним). Большинство этносов известны исследователям по их самоназванию, другие – по имени, данному соседями (например, народ, называемый финнами, себя называет «суомайсет»). Подчас под одним названием (этниконом) подразумевается целая группа этносов, имеющих разные самоназвания. Подобное случается либо по незнанию, либо тогда, когда этническая принадлежность не имеет значения. Так, например, в ряде стран (США, Франции и т.д.) всё население России именуют русскими. Нечто подобное происходило в разные исторические периоды с названием «кыпчак (кипчак)», когда в средневековой арабо-персидской историографии кипчаками именовали не только собственно кипчаков, но и все кочевые племена Кипчакской степи (Дешт-и Кипчак) и разобраться в конгломерате степных племён «кто есть кто» весьма сложно. Дело усложняет и то, что кипчаки хорошо известны на Востоке, прежде всего в Средней Азии, Иране, Закавказье и в соседних арабских странах.

В средневековых европейских и византийских письменных источниках, а так же на Руси сведений о кипчаках нет. Подчас конкретные этнические группы, как например, люди хана Атрака (XII в.), ушедшие из донских степей в Грузию, на Руси именуются половцами, а в Грузии – кипчаками, причём на Руси кипчаки, а в Грузии половцы не известны. То, что в Грузии древнерусское название «половцы» (древнерусская калька тюркского этнонима «сары») неизвестно – это понятно, непонятно другое: почему на Руси, в Византии и странах Европы неизвестны кипчаки. Этот факт вызывает сомнение в правомерности применения термина «кыпчак» в отношении тех или иных этнических (племенных) групп, например,

половцев. Так как термин «кыпчак/кипчак» использовался в восточных, прежде всего, в мусульманских, источниках для обозначения широкого круга степных племён, то возникает необходимость определить когда термин «кыпчак» обозначал этнос собственно кипчаков, а когда под ним подразумевались этнически разные племена. Для этого следует рассмотреть происхождение и историю самих кипчаков.

СИР/СЕЯНЬТО. Во времена царствования китайских династий Суй (581–618 гг.) и Тан (618–906 гг.) в степях от Алтая до Великой Китайской стены кочевали многочисленные племена теле или тегрег, т.е. «тележники». Из 11 известных китайцам племён «тиелэ» (теле) наиболее многочисленными и сильными были сеяньто («сиры» древнетюркских памятников) и хойху («уйгуры»). Эти два этноса постоянно соперничали за гегемонию в степи: после падения первого Тюркского каганата (630 г.). В борьбе за власть в степи между хойху и сеяньто, последние одержали победу. Они создали свой каганат с центром на реке Толе, однако уйгуры во главе токуз-огузов с помощью китайских войск разгромили Сирский каганат (646 г.). В 679 г. племена сиров (сеяньто) поддержали антикитайское восстание тюрков-ашина (господствующий этнос в Тюркском каганате) и стали вторым (после тюрков) в племенной иерархии во втором Тюркском каганате (681–745 гг.). И тут восстали главные соперники сиров – токуз-огузы во главе с уйгурами, разгромившие с помощью того же Китая второй Тюркский каганат (744 г.). На этот раз сиры (сеяньто) подверглись истреблению, уцелевшие бежали на Северный Алтай, получив от победителей (токуз-огузов) название «неудачный», «злополучный» – кычак [7, с. 160], ставшее этнонимом побеждённых.

Если в древнетюркских рунических надписях Тоньюкука (726 г.) и в памятнике Бильге-кагану (735 г.) в качестве господствующих племён в Тюркском каганате названы тюрки и сирь, то в надписи Элетмиш Бильге-кагана (760 г.) в сообщении о господстве в недавнем прошлом над уйгурами тюрков и сиров, вместо сиров вписаны «кыбчаки» [7, с. 156]. Итак, 735 г. – последнее упоминание сиров (сеяньто), 760 г. – первое упоминание кыпчаков в древнетюркских надписях, а с 885 г. они под названием хифшах/хифчак/кипчак известны в арабо-персидской историографии.

КИПЧАКИ. 760–1030 гг. Бежавшие на Северный Алтай сирь (сеяньто), подчинив местные (на Алтае очевидно угорские) племена, создают новый племенной союз, получивший название «кыпчак». Прозвище с уничижительным смыслом становится самоназванием по существу нового этноса, возникшего на основе старого этноса, причём забывается и старый этноним и семантика нового этнонима.

Смешавшись с местными племенами и численно усилившись, кыпчаки продвигаются за Иртыш, расселяются по территории современного Казахстана и попадают под власть кимаков, точнее их каганата. Вскоре государство кимаков и его население стало объектом внимания исследователей из Ирана и других стран ислама. Из них первым о кипчаках написал в своей «Книге путей и стран» (885 г.) персидский географ из Хорасана Ибн Хордадбех (820–912 гг.). В описании путей на восток, автор коснулся территории тюркских племён. Он пишет: «Страна тугузгузов (токуз-огузы) – самая обширная из тюркских стран. Граничат они с ас-Сином (Китай), ат-Туббатом (Тибет) и карлуками. Затем идут ал-кимак (кимаки), ал-гузз (огузы), ал-джигир (чигиль), ат-туркаш (тюргеши), азкиш (азкиши, азы), хифшах (кипчаки), хирхиз (киргизы), ал-харлух (карлуки) ал-халадж (халаджи), обитающие по ту сторону реки» [6, с. 66].

Указанные Ибн Хордадбехом племена обитали на следующих землях: тугузгузы (уйгуры) на территории с центром в области Турфан и Гучэн; кимаки – в среднем течении Иртыша, западнее их кочевали кипчаки, огузы занимали большую территорию к востоку от Волги до Семиречья с центром в низовье Сырдарьи; чигили обитали на северной стороне Иссык-куля, тюргеши – в Семиречье; племя «азкиши» – в Узгенде и Фергане, киргизы – в верховьях Енисея; карлуки в середине VIII века обосновались в долине р. Чу (Семиречье).

Более подробно о кимаках (их тюркское название «йемеки») и кипчаках на основе более ранних источников написал в своём сочинении «Укращение летописей» (1049–1053 гг.) иранский историк Гардизи, попутно изложив легенду об образовании государства кимаков и формировании этнического состава его населения. Кипчаки в государстве кимаков занимали обширную область, называвшуюся Андар аз-Кипчак. Они обладали известной автономией и имели собственного владельца – ставленника кимацкого кагана [2, с. 206]. Завершает кимацкую эпоху в истории кыпчаков «Диван» – сочинение иранского поэта и путешественника, чиновника сельджукского султана Насир-и Хосрова, в котором степи севернее реки Сырдарьи им в 1030 г. были названы Дешт-и Кипчак – «Степью кипчаков» или «Кипчакской степью». Это означало, что с этого времени главными в степи стали кыпчаки, а в «Истории Масуда» Абу-Фазла Бейхаки (1035 г.) они названы непосредственными соседями Хорезма [2, с. 174].

КЫПЧАКИ в 1030–1240 гг. Лидерство кыпчаков в Дешт-и Кипчаке не означало, что они создали своё государство, подобно тому как это сделали их предки сеяньто или предшественники – кимаки. Бытует мнение, не подтверждённое достоверными фактами, что в Дешт-и Кипчаке вплоть до 1130-х гг. существовала «конфедерация» кипчакских племён, нарушенная походом хорезмшаха Атсыза [2, с. 202]. Скорее всего, с возвышением кипчаков, степь сразу же разделилась на отдельные владения, причём во главе некоторых стали «ханские» племена из кыпчаков под началом своих ханов. Сколько было кипчакских племён – неизвестно (в памятнике Бильге-кагану, 735 г. названо «шесть сиров», но ведь это были не кипчаки, а их предки). В середине XII в. известно лишь два крупных владения в Дешт-и Кипчаке – сгнакское на Сырдарье с центром в Сыгнаке и племени ильбари (эльбурли) в Северном Приаралье [2, с. 206], причём сыгнакское владение возглавляли ханы из кимацкого, не кипчакского племени уран/каи [2, с. 114–115].

Племя ильбари (ольбурлик) все исследователи определяют как кипчаков, хотя по сообщению династийной хроники «Юаньши» в XII в. с берегов Селенги пришло в страну Юйболи (Ильбари) племя байаут (судя по этнониму монгольское), хан пришельцев, устранив местного хана, занял его место и принял местный этноним [2, с. 201]. Возможно, поэтому и Джуджани,

и Джувейни, персидские современники монгольского нашествия на Хорезм, в перечне народов, покорённых монголами, называют ильбари (ольбурлик) и кипчаков раздельно, как самостоятельные этносы [1, с. 189]. Таким образом, в период гегемонии кипчаков в Дешт-и Кипчаке (1030–1229 гг.) Махмуд аль Кашгари был последним известным мусульманским исследователем, назвавшим в своём труде «Собрание тюркских наречий» («Диван Лугат ат Турк», 1074–1078 гг.) кипчаков в качестве особого этноса [9, с. 13–15]. Во всех остальных мусульманских источниках термин «кипчак» стал собирательным названием всех кочевых племён, среди которых совершенно «потерялись» сами кипчаки.

Язык кипчаков. М. Кашгари подразделяет «тюркский» (древнетюркский) язык на два наречия – западное и восточное, которые подразделялись на племенные «языки» (диалекты). На западном наречии говорили племена булгар, сувар, печенегов, огузов, кипчаков и йемеков; на восточном – племена чигиль, тухси, ягма, ыграк, джарук, кыргыз и уйгур. На «своих» (не на тюркских) языках говорили племена басмыл, кай, татар, ябаку. Кроме того, автор даёт сравнительный анализ некоторых диалектов, в число которых входят «языки» кипчаков, огузов и йемеков. По его данным наиболее близки были между собою «языки» кипчаков и огузов: из 52 слов кипчакского диалекта, исследованных М. Кашгари, 16 слов свойственны только кипчакам, остальные – общие с другими диалектами, в том числе 32 – общие с огузским, по 6 слов с йемекским и суварским и т.д. [11, с. 52]. Таким образом, длительное соседство обусловило сравнительную лингвистическую близость кипчаков и огузов.

Физический облик кипчаков. Мнение о европеоидности кипчаков, основанное на сомнительных письменных источниках, неверно. Больше доверие вызывают данные палеоантропологии, основанные на массовом материале. Здесь главное условие достоверности – верная этническая идентификация палеоантропологического материала, которая проводится археологами на основании погребального обряда. В данном случае ввиду общности погребальных обрядов многих тюркских (в частности погребения с конём) племён, их конкретная (племенная) идентификация затруднена. Поэтому описание физического облика кипчаков несколько условно и имеет общий характер. Поскольку в IX–XI вв. страна кипчаков (Андар аз-

Кипчак) находилась на территории Улутая по рекам Тургай, Сарысу до Таласа [2, с. 163], целесообразно рассмотреть данные палеоантропологии на соответствующей территории соответствующего времени. По материалам палеоантропологии Центрального Казахстана домонгольского времени, кипчаки (мужчины) характеризуются крупной головой, широким (скуластым) лицом (скул. диам. – 142,3–143,2 мм), слабо выступающим носом (угол выступления – 22,0–22,9), средним ростом; несколько более монголоидными были кипчаки Приуралья [3, с. 250–251, табл. 36]. Эти данные свидетельствуют, что средневековые кипчаки были представителями смягчённого варианта южно-сибирской расы. Если сравнить их физический облик с обликом, например, кимаков и половцев, то кипчаки более монголоидны, чем кимаки (скул. диам. – 139,2 мм, угол выст. носа – 22,8) и даже половцы (скул. д. – 141,6 мм, угол носа – 29,0), монголоиднее кипчаков лишь байауты с реки Селенги (скул. д. – 143,8 мм, угол носа – 20,7), а если сравнить средневековых кыпчаков (кипчаков) с современными народами, то казахские, ногайские и башкирские этнические группы «кыпчак» в большей степени (чем, например, кыргызские или узбекские «кыпчаки») сохранили генетическую преемственность со своим средневековыми предками. Таким образом, по физическому облику кимаки, кипчаки и половцы **отличались** друг от друга разным соотношением европеоидных и монголоидных черт.

В определении физического облика кипчаков встал вопрос о каменных изваяниях как части погребального обряда. Существует мнение (С.А. Плетнёвой, например) о, по меньшей мере, близости ранних половецких изваяний XI в. с памятниками некоторых районов Казахстана этого же времени, именуемых «кыпчакскими» [12, с. 36]. Подобное мнение не бесспорно. Дело в том, что предки кипчаков сиры (сеяньто) подобных памятников не ставили, во всяком случае, на Северном Алтае их нет, что касается кипчакской принадлежности памятников Казахстана твёрдой уверенности в этом нет, так как нет доказательств этого. Там, где обнаружены памятники подобные половецким (Семиречье, Прииртышье), кипчаков в то время не было, памятники Центрального Казахстана названы кыпчакскими, главным образом, по времени и месту их установки, тогда и там, где обитали кипчаки, а ставили изваяния кипчаки или другие племена – не известно [5, с. 68]. Наконец, если эти

каменные изваяния были кипчакскими, то почему кипчаки перестали их ставить в XII в., когда господство кипчаков в степи, особенно на территории современного Казахстана, было реальным? В степных районах, близких к Хорезму, кочевые племена, в том числе кипчаки и сложившийся в XII в. племенной союз канглы (жители берегов реки Канг, т. е. Сырдарьи), испытывавшие сильное и всестороннее влияние мусульманского Хорезма, массами стали переходить в ислам. Но и в других районах проживания кипчаков изваяний того времени не обнаружено, у кипчаков подобного обычая не было.

Этнический состав Кипчакской степи в XII – первой трети XIII в.

Казахстанский исследователь арабских источников по истории Казахстана Б.Е. Кумеков приводит сведения нескольких авторов по этническому составу кочевых племён Дешт-и Кипчака. Правда, жили эти авторы в то время, когда племена Кипчакской степи уже были покорены монголами и стали частью населения Золотой Орды, но в их сочинениях были использованы более ранние источники. Б. Кумеков объединил сведения указанных авторов в две группы: ан-Нувайри (1279–1332 гг.) и Ибн Халдун (1332–1406 гг.) в одной группе, Ахмед ат-Тини (1235–1318 гг.) и ад-Димашки (1301–1349 гг.) – во второй [10, с. 118]. Все они жили в государстве мамлюков (в Египте и Сирии), среди которых было немало выходцев из Кипчакской степи. Согласно их данным, этнический состав племён Дешт-и Кипчака был следующим: 7 племён (борили или ильбари, дурут/дортоба, токсоба, бурджогул, карабирикли, джерсан) указаны всеми названными авторами, кроме них в сочинениях Ан-Нувайри и Ибн Халдуна указаны кангароглы, кулабаоглы, анджоглы и кунун/котан, а у ат-Тини и ад-Димашки – йемеки, манкуроглы, аль арс, бузанку (по Кумекову те же баджна), куманку (куманлы), уз, баджна и башкурт. Общее в сведениях, приведённых указанными авторами – то, что в них нет этнонима «кипчак». Среди указанных племён много этнически явно не кипчакских: йемеки (кимаки), узы (огузы), башкирд, аль арс (асы, аланы), баджна (бечене, печенеги), токсоба. Как особый этнос известны с XII в. канглы (кангароглы указанных авторов). Показательно, что Джуджани в перечне народов, покорённых монголами, кипчаков, йемеков, канглы и даже ильбари (борили или эльбори – «ханское» племя в Дешт-и Кипчаке) называет в качестве отдельных этносов [1, с. 237].

Об ильбари имеются сведения, что на их территорию переселилось с Селенги племя байаутов, хан которых сместил хана ильбари, но его племя приняло прежний этноним [2, с. 201]. И из какого же племени был Бачман, ведший борьбу с монголами до своей гибели в 1237 г.? Ильбари (эльбори) или байаут (из последнего был хан Тутухта, перешедший на службу монголам).

Определена этническая принадлежность племени бурджоглы, оказалось, что они (бурджаны других арабских авторов, бурчевичи русских источников) не «из кипчаков», а «из северокавказских алан» [13, с. 26–27]. Этничность остальных племён (карабирикли, анджоглы, кулабабагы/кут-лугоглы/, джерсан, кунун/котан, куманлу) не ясна. Этноним карабирикли («черношапочные») соответствует летописным чёрным клобукам, однако, однозначно определить их этническую принадлежность – это чёрные клобуки, пленённые монголами и переселённые ими за Волгу или другое племя, сходное лишь по названию, не представляется возможным.

По вышеприведённым данным ясно одно: под кипчаками в восточных, особенно арабо-персидских, источниках подразумевались все кочевые племена Дешт-и Кипчака без различия их этничности. Ибн Халдун приводя список племён Дешт-и Кипчака, отметил, что не все кипчаки «одного рода» [4, с. 18]. Рассказывая о соперничестве между племенами дурут и токсоба, ан-Нувайри назвал первое племя «из кипчаков», второе – «из татар», т.е. монголов. Он ошибся, т.к. оба племени были тюркоязычными, но первое было, вероятно, из западных тюрков, а токсоба, т.е. токуз-оба – из восточных (о которых арабам было известно, что они были соседями «татар»). Оба племени известны в русских источниках под русскими названиями «тёртробичи» и «токсобичи». Монгольское оба – «род» (токсоба), не характерно для многих других племён типа канааглы (кангароглы) или анджоглы, т. е. с оглы («сын»), для которых обычно тюркское окончание. Возможно, это не случайно. Монгольское «оба» заимствовано из монгольского языка восточными тюрками, жившими в соседстве с монгольскими племенами, например, с киданями или с племенем кай. Указанные тёртробичи и токсобичи – не кипчаки, так как этноним «кипчак» в то время на Руси не известен.

С конца XII в. на основе родственных связей начинается политическое сближение сырдарьинского владения кипчаков

с Хорезмом. Ханы этого владения (по Рашид-ад-Дину из племени уран), добровольно признав своим сюзереном хорезмшаха, делают его послушным орудием своей воли. Однако данные источников об этнической идентичности племени, игравшего важную роль в Хорезме накануне его завоевания монголами неоднозначны. Известно лишь, что это было племя матери Мухаммада, последнего реально правившего хорезмшаха, имевшей на сына сильное влияние. Но источники называют несколько племён: Рашид-ад-Дин – уран, Джувейни – канглы, ан-Несеви – байаут [2, с. 230].

Рашид ад-Дин жил позже других авторов, но имел обширную информацию. Джувейни и ан-Несеви, точнее ан-Насави, были современниками событий, описываемых ими. Современные историки периода монгольских завоеваний признают, что из них наиболее достоверны сведения ан-Насави [14, с. 4], в том числе и об этнической принадлежности Теркен-хатун. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави (родился в Хурандиз, крепости в хорасанском округе Наса), будучи с 1224 г. секретарём Джелал ад-Дина Манкбурны, бывшем хорезмшахом в изгнании (1220–1231 гг.), очевидно лучше других знал родословную бабушки своего господина. Вот что он пишет в 19 главе «Жизнеописания султана Джалал ад-Дина Манкбурны» о матери хорезмшаха Мухаммада Теркен-хатун: «Она была из племени баят, а это одна из ветвей племени емек. Она была дочерью хана Жанкиши, одного из тюркских государей. Такиш – сын Ил-Арслана, женился на ней, как жениятся государи на дочерях государей. Когда власть перешла к султану Мухаммаду по наследству от его отца Такиша, к нему примкнули племена емеков и соседних с ними племён» [14, с. 87]. Таким образом, «этническими» родственниками Теркен-хатун были баяты, а не байуты [14, с. 326, прим. 1]. Вместе баятами в Хорезме находились другие им родственные племена емеков и канглы (отсюда разногласие источников в определении этнической принадлежности матери хорезмшаха).

Итак, в результате внимательного изучения источников установлено следующее:

1) большая часть кочевых племён Дешт-и Кипчака кипчаками не являлась;

2) в арабо-персидской историографии XII–XIV вв. этноним «кипчак» в перечне племён Дешт-и Кипчака отсутствует, возможно, племенное объединение кипчаков в условиях их лидерства в степи распалось на т. н. «ханские» племена;

3) «ханское» племя в Приаралье ильбари (варианты: эльбори, ольберлик) было подчинено ханом племени байаут, принявшим этноним побеждённых, т. е. «новые» ильбари – фактически байауты;

4) «ханское» племя Сыгнакского владения баят – ветвь емеков (кимаков), а не кипчаков.

Согласно рассмотренным здесь источникам, этнические кипчаки в начале XIII в. арабским авторам вообще не известны. Кипчаками называли все племена Дешт-и Кипчака. Так, например, арабский географ Абуль Аббас Ахмад ибн Фадлаллах ал Умари (1298–1349 гг.), описывая тюркизацию монгольских племён Золотой Орды, называет все местные племена Дешт-и Кипчака кипчаками, а всех завоевателей – татарами [8, с. 223]. Таким образом, в этот период этникины «кипчак» и «татар» стали собирательными наименованиями местных и пришлых племён без определения их реальной этнической принадлежности.

В 1219–1237 гг. кипчаки (и имевшие власть, и её не имевшие), потеряв независимость и оказавшись в разных улусах монгольских завоевателей, снова «обрекли» этничность (в виде родоплеменных групп) и сумели сохранить этноним, даже оказавшись в разных улусах монгольской державы. Однако в ходе распада Золотой Орды и развития её политических (и этнических) наследников – государств (Крымское, Казанское, Узбекское, Казахское ханства и Ногайская Орда) и соответствующих им народов кипчаки вошли в их состав. Со времени образования новых этносов и по настоящий момент они существуют лишь в качестве частей этих народов – этнических групп под древним названием «кыпчак» (с вариантами произношения в соответствии с языками народов, в состав которых они входят). Следует отметить, что в XX столетии в ходе так называемого, национального размежевания в Средней Азии, могли сложиться в особый этнос ферганские кипчаки – в качестве такового они были зафиксированы в переписи населения СССР в 1926 г. (33,4 тыс. чел. в Ферганской долине Узбекистана).

Ферганские кипчаки сложились на основе «осколков» разных казахских племён, бежавших от нашествия джунгар 1722 г. и получивших от местных жителей название (по традиционному названию Казахстана – Дешт-и Кипчак) «кипчаки». Пришельцы по языку, внешнему виду и хозяйству (кочевники, овцеводы) весьма отличались

102 | от местного населения (земледельцы), в результате чего беглецы сложились в особую группу «кипчак» [4, с. 78–80]. К концу XX в. в ходе консолидации узбекского этноса ферганские кипчаки вошли в его состав.

Современное развитие процессов консолидации имеет закономерные, хотя и негативные последствия для этнических групп – они исчезают, растворяясь в «своём» этносе, теряя свои особенности. С ними уйдёт в историю и этноним «кыпчак».

Список литературы:

- [1] Арсланова А.А. Остались книги от времён былых... Персидские исторические сочинения монгольского периода по истории народов Поволжья. – Казань, 2002. – 237 с.
- [2] Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, Каз.ССР, 1989, – 291, [2]с.
- [3] Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.
- [4] Евстигнеев Ю.А. Кыпчаки/половцы/куманы и их потомки (к проблеме этнической преемственности). – СПб.: Астерион, 2011, – 128 с.
- [5] Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. – Новосибирск, изд-во Ин-та археологии и этнологии Сиб. Отд.РАН, 2004. – 128 [2] с.
- [6] Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. – Баку: ЭЛМ, 1986. – 291, [2] с.
- [7] Кляшторный С.Г. Кыпчаки в рунических памятниках // *Turcologica*/ К 80-летию академика АН А.Н.Кононова. – Л., 1986. – С. 153–164.
- [8] Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 2-е изд., исправл. и доп. – 368 с.
- [9] Кононов А.Н. М.Кашгари и его «Дивану Лугат ат тюрк»// Советская тюркология. – 1974. – №1. – С. 3–17.
- [10] Кумеков Б. Об этническом составе по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – Вып. 2. Археология и история. – М., 1990. – С. 118–127.
- [11] Курышжанов А.К. Махмуд Кашгари о кыпчакском языке // Советская тюркология. – 1974. – № 1. – С. 52–60.
- [12] Плетнёва С.А. Половцы. – М.: Изд-во «Ломоносовъ», 2010. – 211 с.
- [13] Хамидуллин С.И. Бурджаны в истории Евразии // Восток (Oriens). – 2011. – №5. – С. 22–33.
- [14] Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Ман кбурны. – Баку: Эли, 1973. – 450 с.

УДК 811
ББК 87.7

О.А. Губанов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СИМВОЛ И СИМУЛЯКР: ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Символ и симулякр рассматриваются как бинарная оппозиция. Прослеживается, как эти понятия фигурируют в истории философии. Выявляется онтологическая, гносеологическая и семиотическая специфика символа и симулякра. Осмысливается проблема симулякра современной художественной культуры, в том числе виртуальной.

Ключевые слова:

бытие, восприятие, дигитальная культура, виртуальная культура, постмодернизм, символ, симулякр.

Глобальная проблема современной эстетики – миграция художественной культуры в виртуальную реальность. Этот процесс сопряжён с дигитализацией, массмедиазацией, трансгуманизацией искусства. Из преобразующе-отражающего искусство трансформируется в операционально-нейтральное. В условиях культурной парадигмы начала XXI века категория символа уступает своё место паракатегории симулякра. Действует принцип постмодернистской «рокировки» – магистральное и маргинальное меняются местами.

Для понимания принципиальных отличий символа от симулякра проследим, как эти термины интерпретируются в истории философии. Оба понятия – символ и симулякр – впервые были отрефлексированы на научном уровне у Платона. Он противопоставляет символ дофилософскому мифу. У Платона символ выступает синонимом дискурсивно-рационалистической аллегории, то есть его смысл может быть сведён к некой логической или этической формуле (см. Платон «Символ пещеры»). Согласно античному мыслителю, символ воплощает божественную идею, которая отождествляется с истинным бытием. Но Платон говорит и о недостоверных отражениях этой идеи, копиях, искажающих свой прототип, которые он называет симулякрами. Платон рассматривает симулякры исключительно в негативном ключе, связывает их с призраками, подделками, вымыслами. Он лишает симулякры онто-

логического статуса, как неправдоподобные подобию.

Апеллируя к трансцендентным сущностям для объяснения природы символа, Платон тем самым прочно закладывает традицию теолого-метафизической «мистификации» этой эстетической категории, как выразились бы позитивисты. Вот только несколько дефиниций и трактовок символа, данных в хронологическом порядке, где сильно иррациональное или связанное с чем-то потусторонним, запредельным и, в конце концов, не интеллигибельное начало. Неоплатонизм в лице Дионисия Ареопагита всё зримое признаёт символом незримой, сокровенной и неопределимой сущностью Бога, причем низшие ступени мировой иерархии символически воссоздают образ верхних ступеней, делая для человеческого ума возможным восхождение по смысловой лестнице [1].

Символом в искусстве, согласно И. Канту, является красота как выражение эстетической идеи, но символическое при этом – есть вид интуитивного, противопоставляемого дискурсивному, интеллектуальному. По И. Гёте, символ представляет много тысяч других случаев, указывает на все остальное и охватывает все случаи, которые возможны. Его активная сила, порождающая множество представлений, бесконечна. А раз бесконечна, значит всегда остается что-то недостижимое, до конца невыразимое, какая-то загадочность и тайна [2].

П.А. Флоренский определяет символ как бытие, которое больше самого себя, как нечто являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно через него объявляющееся [10].

Эту трансцендентально-эзотерическую линию понимания символа в истории философии резюмирует Ю.М. Лотман, давая следующее определение: символ есть высшая и абсолютная незнаковая сущность, где содержание иррационально мерцает сквозь выражение и играет роль как бы моста из рационального мира в мир мистический [8, с. 191].

В XIX–XX вв. совершаются попытки рационализировать или десакрализовать понятие символа. Так, например, Г.Ф. Гегель не разделяет символ и аллегорию, отчасти возвращаясь к эллинистической трактовке: символ должен вызывать в нашем сознании не самого себя как данную конкретную вещь, но лишь то всеобщее качество, которое подразумевается в его значении. Например, лев – символ силы, лисица – хитрости, круг – вечности и т.п. [3, с. 14–15].

Г. Гадамер считает, что смысл символа и символического в том, что в нём осуществляется отсылка парадоксального рода: символ сам воплощает то значение, к которому отсылает [7, с. 120–123].

Неокантианец Э. Кассирер предлагает рассматривать человека как «животное символическое», а язык, миф, религию, искусство и науку как «символические формы», посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос. С Э. Кассирером солидаризируется Л. Уайт, который считает, что именно использование способности к символизации привело к возникновению культуры. Без символа не было бы культуры, а человек был бы просто животным [9, с. 375]. К. Юнг пишет, что история Европы – это история деградации символического знания под напором развития науки и техники [11].

Эту мысль подтверждает Ж. Бодрийяр. Он прослеживает несколько фаз развития образа (а образ и символ, как известно, коррелируют между собой) в его соотношении с фундаментальной реальностью: отражение (аристотелевско-винкельмановский тип) – искажение (возрожденческий тип) – маскировка отсутствия (промышленный тип) – антиреференциальность (постиндустриальный тип). Последняя фаза связывается с тотальной симулякризисом культуры и искусства. В своих социолого-семиотических исследованиях Ж. Бодрийяр отмечает, что симулякр отличается внешней «сделанностью»,

поверхностным конструированием непрозрачного, самоочевидного артефакта, лишённого референциальной функции. Симулякр предлагает избыток вторичного, а не уникальность оригинального. В постмодернистской ситуации проникновение симулякров не только в искусство, но и в жизнь обретает легитимность, осознаётся в качестве факта [7].

Ж. Делёз разрабатывает онтологическую проблематику симулякра. Он дискредитирует платоновский идеализм, указывая что никакая модель Другого не может противостоять головокружительной бездне симулякров. А значит само понятие подлинности, соответствия утрачивает смысл. Симулякр не репрезентирует ничего, он имманентен реальности, так как потенциально изначально присутствует в структуре бытия. Симулякр, по Ж. Делёзу, – это не деградирующая икона, не имитация, а действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Следовательно, можно констатировать, что «переворачивание платонизма вверх ногами» приводит к демистификации симулякра, его отрыву от трансцендентного референта. Нерепрезентативная модель симулякра – мощное подспорье в проекте постмодернистской деконструкции логоцентризма [4].

Симулякр становится базовым понятием виртуалистики. По мнению В.А. Емелина, виртуальная реальность – это ризоматическое киберпространство симулякров, в котором происходит децентрация и смерть субъектов [5]. Н.Б. Маньковская считает виртуальные художественные артефакты автономизированными симулякрами, в которых материализуются идеи Ж. Дерриды об исчезновении означаемого, его замене правилами языковых игр [7]. В.А. Кутырёв отмечает, что качество виртуальной реальности выше, чем собственно человеческой. Конечная перспектива экспансии информационных и дигитальных технологий, по В.А. Кутырёву, – создание полностью искусственных, нечеловеческих миров [6].

Действительно, с точки зрения *animal symbolicum*, виртуальное поколение уже принадлежит к гиперреальной сфере «пост-». Дефицит символического в современной культуре (анти-культуре, ультракультуре, контркультуре) парадоксальным образом связан с пресыщенностью как бы-символическим. Благодаря научно-техническому прогрессу, таким его продуктам как мультимедиа и электронные дигитальные технологии, массам во всех частях зем-

ного шара сегодня предоставляется возможность выбирать исключительно самое лучшее из всего возможного: лучшая мировая классика – литература, музыка и т.д. – всё имеет виртуальную общедоступную копию. Эта пресыщенность рафинированной эстетически-заряженной культурной продукцией обесценивает её, поскольку навязывается слишком агрессивно и по всем законам рынка. К тому же молчаливое большинство не обладает достаточным эстетическим и вообще культурным опытом для адекватного восприятия величайших художественных откровений, для масс – это релакс-досуг.

Не теряют ли произведения искусства свой эстетический шарм, эстетическую ауру в процессе «утилитарно-релаксационного» либо просто неадекватного, не аутентичного восприятия, обусловленного недостаточной инкультурацией реципиента-потребителя XXI века? Или поставим вопрос иначе. Является ли символическое неотъемлемым свойством эстетического, и что остаётся в художественных объектах, когда в них теряется связь с символическим, когда они воспринимаются неадекватно? Ответ: они превращаются в постмодернистский, посткультурный симулякр.

Онтология симулякра виртуально-дигитальна, она медиатизированно-технологизированная. По сути, это квазионтология, антионтология, которая поглощается гносеологией.

Симулякр всегда есть несоответствие, искажение, затемнение истинности. Истинности бытия и сущего как их нескрытости. Но как можно сокрыть бытие и сущее? Посредством их не тождественного самим себе представления. Сокрывать бытие и сущее может познаваемый объект. Он способен выдавать себя за то, чем не является или трансцендировать субъекта к ничто. Познаваемый объект, антиреференциальный и лишённый эйдоса, может позиционировать свою пустоту как некую явленность смысла, как нечто значащее, т.е. наделённое семантикой. На самом деле познаваемый объект может быть бессодержательной, ни на что не указывающей (не денотативной) синтаксической структурой, знаком с нулевым значением. Вернее значением, зависящим от контекста самопрезентации, в котором появляются некоторые коннотации.

Бытие и сущее могут сокрываться в процессе познания объекта субъектом. Объект может восприниматься несообразно своей сущности, вследствие каких либо препятс-

твий для правильного понимания. Аутентичность познания-восприятия зависит от релевантности отношений между объектом познания и познающим субъектом.

Разоблачение метафизики и логоса как её центра снимает вопрос об имманентном содержании художественного объекта в пользу деконструкции его семантики и синтактики. Децентрируется и познающий субъект, то есть, говоря семиотическим языком, прагматический аспект также нивелируется. Для гуру постмодернизма – Ж. Дерриды – восприятия вообще не существует. Подобные эпатажирующие заявления направлены на деканонизацию автора художественного текста, десакрализацию его творчества, которое всегда редуцируется к «следам».

Культура, движущаяся под знаменем «логоцентризма», согласно представлениям философов-постмодернистов, превратилась в собственный симулякр. Идея линейного прогресса была отвергнута, идеалистический метафизический нарратив исчерпал себя на заре нового тысячелетия. Постмодернизм легитимировал человека-simulacrum, заменив им Человека символизирующего. Опираясь на философию постмодернизма, деконструктивизма, можно сказать, что симулякр есть мета-категория человеческого существования в рамках культуры. Процедура деконструкции, направлена, в том числе, на выявление скрытых мотивов создания текста, маргинальных смыслов самих текстов («весь мир – это текст» – один из лозунгов деконструктивизма). Этот «каузальный детектив» изобличает «принцип добра», и отрицает Абсолют в качестве предельного значения художественного объекта, признавая его симулякром. А вместе с тем считая симулятивной и всю его деятельность по созданию художественного текста, так как исходная предпосылка метафизики о наличии некоего Духовного (потустороннего) «референта» ложна. В этом свете всё эстетическое бытие человека представляется симулятивным.

Следовательно, художественная культура сквозь призму постмодернизма предстаёт неким психическим симулякром. Психическим – значит связанным со всей совокупностью душевных процессов: ощущением, восприятием, памятью, эмоциями. Демистифицируется объект познания. Развенчание и ниспровержение эстетико-метафизической монады – Духа – тянет за собой ряд более мелких, локальных деконструкций – деконструкции чувств, понимания, содержания, смысла и др.,

вообще, фетишизации творца. Соответственно, дискредитируется и познающий субъект, так как постмодернизм манифестирует принципиальную невозможность адекватного познания художественно-эстетических объектов, а так же ставит под вопрос автономность сознания субъекта.

Значит проблема возникновения когнитивного диссонанса при восприятии художественных объектов, с одной стороны, лишается смысла, так как отрицается наличие истинного, внутренне присущего им содержания, оно признаётся симулякром. С другой стороны, когнитивный диссонанс оказывается тотальным в связи с неспособностью субъекта установить релевантные отношения с художественно-эстетическим объектом, означающее которого оказывается либо «плавающим» (наделённым бесконечной множественностью контекстуальных, маргинальных смыслов), либо вообще зачёркивается-перечёркивается, то есть, перестаёт денотировать что-либо, теряет референта.

Систематизируем факторы субъективной симулякризации эстетического восприятия художественных объектов:

- неверная психологическая установка на восприятие; нежелание духовно погрузиться в художественный объект (трансцендировать к нему своё «я»), но попытка подчинить его собственным нуждам, такой утилитарно-прагматичный подход к восприятию;

- неспособность субъекта воспринять объект в единстве составляющих его частей, в результате чего объект деформируется в сознании-представлении реципиента, утрачивая свою целостность, уникальность, самоидентичность;

- недостаточное знание культурного контекста, синтаксиса и семантики (не говоря уже о лексике, если речь идёт о литературе) художественного объекта субъектом, непонимание его структуры.

Осмыслим семиотические отличия символа от симулякра. Если символ это такой кентавр – полуобраз-полузнак, то симулякр – это знак без образа. Симулякр – есть изначально пустой, антиреференциальный знак, но аккумулирующий смыслы по принципу нонселективной деконструкции. Символ есть некий референциальный знак-лик трансцендентного, которое бесконечно шире этого знака. Символ аккумулирует, симулякр рассеивает, символ созидает, симулякр деконструирует, символ «присутствует», симулякр выдаёт отсутствие за присутствие, символ связан с трансцендентным, симулякр замкнут на имманентном.

Симулякр подвергает символ реутилизации. Символ – космоантропоцентричен, симулякр техноцентричен. Суть символического искусства – выражение красоты, гармоничности, полноты бытия, симулякры лишены этого. Симулякр конвенционален, он не имеет объектной ценности, но лишь субъективно-квазисубъективно-групповую-как-бы-всеобщую. Симулякры симулируют символичность.

Символ выводит людей из «автоматизма восприятия» жизни, создаёт видение предмета-объекта (образ), формирует ценностные критерии, детерминированные сакральной, духовной глубиной трансцендентного означаемого. Ведь означающее и означаемое связаны между собой как причина со следствием, то есть каузальность интенциональна. Процесс символизации, означивания разворачивается по принципу-антипринципу ризомы, поэтому цель (означающее) «мерцающая». Так как цель мерцающая, то и интерпретация мерцает, детерминирована «здесь и сейчас».

Явление (трансцендентное нечто) шире своего знака, призванного его означать, ибо все ресурсы субъективной репрезентации (а для символического со-бытия необходим акт коммуникации, восприятия) дают о себе знать, формируют представление. Но и знак-символ шире означаемого феномена, он, отрываясь от него, ускользает дальше и дальше, начинает жить своей собственной жизнью.

Символ – аккумулятор всех процессов семиозиса, релевантных ему в некотором отношении. Символ эпичен и архаичен, вмещает предыдущий опыт предшествующих поколений, он конвенционален и бесконечен, он эксплицитен и имманентен, он микромодель Мира. Символ – посредник неопишемого, не могущего быть выраженным иначе, как через этот символ. Симулякр уничтожает время, аксиологические установки, созданные им, действуют не далее сегодняшнего дня. Симулякр растворяет в себе не только прошлое, но и будущее. Подтверждение тому – духовный кризис европейских и славянских народов. Это народы, испокон веков жившие символизацией. Потребность в ней осталась, но сами символы сегодня больны, они стали атавизмами, тенями прошлого. Люди испытывают что-то типа фантомных болей (есть такое понятие в медицине).

С феноменологических позиций, симулякр – это антифеномен. Симулякр – это нечто, не имеющее эйдоса. Смысл в симулякр привносится, но он случаен и, как это ни парадоксально для постмодернизма,

трансцендентен симулякру. Изоморфный смысл для самопредставления мог бы выбрать и другой симулякр, то есть связь их неорганична, если это понятие вообще может фигурировать в постмодернистском тексте. Более того, сам смысл симулятивен, он спекулятивен. Он – ряд коннотаций, потерявших след в метафорической вечности. Смысл – есть некая симулятивная вспышка, возникающая на зыбких стыках как-бы-означающего и как-бы-означаемого, на нейрофизиологическом, рациональном, чувственном уровнях восприятия.

Симулякр зачеркивает центр, смещает его, а сам остаётся децентрированным. Симулякр метафорически телесен. Симулякр – это перечёркивание смысла. Это игра не означающих знаков. Симулякр виртуален. Он существует лишь на уровне воображения, всего не-природного, это ряд бесконечных сопутствующих как-бы-смыслов, комментариев к символу-образу-эйдосу, но в то же время это отсутствие денотаций. Это бесконечное манипулирование символом, подрыв его сути, паразитирование на нём. Это маргинализация художественного образа. Симулякр – это когда вместо ноэзиса имеешь дело с ловлей призраков.

Симулякр – это не сам предмет, но лишь представление о нём. Дигитальное пространство гиперреально, а потому оно симулятивно. Симулякр таит в себе величайшую печаль по утраченному Имени Отца. Он вынужден скитаться по ризоме www, предлагая себя, в действительности

предлагая отрицание себя, перечёркивание себя, ибо лишён самости. В отличие от «божественного» эйдоса симулякр более человечен, слишком человек ещё в том, до-символическом, до-сакральном смысле и одновременно пост-символическом, пост-сакральном. Симулякр – есть символ минус первоначало, феномен минус эйдос. Отречение от Имени Отца есть разочарование в ценностях метафизики, плач по её исчерпанности. Симулякр – это иронично-ностальгические похороны художественного образа-символа-эйдоса.

Специфика виртуальных как-бы-эйдосов (а по сути, концептов-моделей) и виртуальных копий как-бы-эйдосов (копий концептов-моделей) в их зыбкости и эфемерности. Эйдетики-космическую фантазмагорию бытия постмодернизм превратил в ризоматический хаосмос, населённый симулякрами.

Дигитальная культура – это арт-пространство по воспроизводству симулякров, в том числе некорыстное, некоммерческое. Всё должно иметь дигитальную копию или дигитальное бытие. Если чего-то нет в дигитальном пространстве, значит этого не существует как культурного феномена. Но, попадая в дигитальное пространство, нечто лишается своей «естественной среды обитания», своей самости, превращается в симулякр. Выхолащивается, вымывается эйдос. Дигитальная культура – это симулякр апокалипсиса, новая среда обитания для некоего нового (как-бы) – художественно-эстетического опыта.

Список литературы:

- [1] Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. – К.: Дух і Літера, 2001. – С. 155–161. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Symbol.html> (07.09.2012).
- [2] Басин Е.А. Искусство и коммуникация: очерки из истории философско-эстетической мысли. – М.: МОНФ, 1999. – 240 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/basin_iskusstvo_and_communication/9.aspx (07.09.2012).
- [3] Гегель Г.В. Эстетика: в 4 т. Т. II Лекции по эстетике. Часть вторая. Развитие идеала в особенные формы прекрасного в искусстве. – М.: Искусство, 1969. – 327 с.
- [4] Делёз Ж. Платон и симулякр // Новое литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 72–93. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/intent/07deleuze.html> (07.09.2012).
- [5] Емелин В.А. Виртуальная реальность и симулякры. М., 1999. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (07.09.2012).
- [6] Кутырёв В.А. Философия постмодернизма. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – 95 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/postmodernphil.html> (07.09.2012).
- [7] Лексикон неклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В.В.Бычкова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 607 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/303812/read> (07.09.2012).
- [8] Лотман Ю.М.. Избранные статьи в 3 т. Т. I. – Таллинн: Александра, 1992. – 480 с.
- [9] Мартынов, В.Ф. Культурология. Теория культуры: Учебное пособие. – Минск: АСАР, 2008. – 848 с.
- [10] Философия культуры. Становление и развитие / Под редакцией М. С. Кагана и др. СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 448 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Fil_Kult/34.php (07.09.2012).
- [11] Юнг, К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. – 304 с. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.razumei.ru/files/others/pdf/Yng_arhetip_i_simvol.pdf (07.09.2012).

ПОЛИФОНΙΑ И ПОСТМОДЕРНИЗМ В РОМАНЕ У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

Исследуется связь структурных особенностей постмодернистского текста, таких как специфика времени-пространства, интертекстуальность, связь позиций автора и рассказчика с идеями М.М. Бахтина о полифонии и диалоге. Предполагается, что специфика построения постмодернистского романа обусловлена современной мировоззренческой установкой. Делается вывод о том, какие элементы современного мировоззрения стали основой построения романа У. Эко «Имя розы».

Ключевые слова:

диалог, картина мира, полифония, постмодернизм, роман, хронотоп, художественный текст.

Одним из главных способов понять мировоззрение определенного исторического периода, его эстетические и этические ценности, во все времена был анализ произведений художественной литературы. Каждый из существующих методов исследования художественного текста дает представление о тех или иных его особенностях. Биографический метод анализа текста исследует процесс формирования творческой биографии писателя, взаимодействие авторской и художественной реальностей. В рамках культурно-исторического метода художественный текст воспринимается как документ эпохи: свидетельство географического положения и исторической ситуации, в которой находится страна в период написания произведения. Создатель сравнительно-исторического метода А.Н. Веселовский видел историю литературы как «историю общественной мысли в образно-поэтических формах»; процесс создания художественного произведения – как эстетический акт [11, с. 60–61]. Социологический метод исследует литературу как одну из форм общественного сознания, художественный текст воспринимается его сторонниками как выражение закономерностей материальной культуры народа. Главная слабость методов исследования текста, вдохновленных позитивистской философией, состоит в отношении к тексту как к иллюстрации действительности, исторической и социальной, и как к способу ее критики.

В рамках формального метода художественный текст воспринимается как полноценная эстетическая единица, самостоятельная художественная реальность. Важнейшими достижениями формального метода являются исследования эволюции систем и концепции содержательной формы. Представители структурного метода разработали понятийный аппарат для изучения структуры текста, описания

лингвистических картин мира, мифа, быта в произведении. Несмотря на потенциальную универсальность структурных методов, попытки их абсолютизации не дали результатов: до сих пор не существует единого метода исследования художественного текста как такового.

Литературная герменевтика, наука о толковании текстов и принципах их интерпретации, оказала решающее воздействие на научную мысль XX-го в. Ф.Д.Э. Шлейермахер, автор универсальной теории понимания, выводил возможность понимания текста из его генезиса. В. Дильтей провел границу между объяснением и пониманием, тем самым обозначив специфику не только предмета, но и метода гуманитарных наук. Г. Гадамер внес важные коррективы в теорию понимания: ограничение суждений о тексте, отсылающих к какой-либо действительности, кроме самого текста, и запрет на сведение смысла текста к его замыслу [11, с. 155–159]. Эстетика воздействия – это эстетика диалога между текстом и читателем, обусловившая изменение подхода к тексту в 60-х годах XX в. Ее основу составляют философские концепции Э. Гуссерля, феноменологическое литературоведение Р. Ингардена, ключевые положения герменевтики. Важнейшие механизмы понимания текста открыты Ингарденом, который говорил о «дистраивании» произведения читателем в процессе восприятия – «конкретизации» [11, с. 186–190]. Идеи рецептивной эстетики развивал Л.С. Выготский, который разработал основные положения анализа эстетической реакции [8].

Важным вкладом М.М. Бахтина в теорию понимания и восприятия стала концепция диалогичности. Художественное произведение Бахтин рассматривает как диалог и одновременно как реплику в большом диалоге эпохи – сложную и неоднозначную. Исследователь уделяет особое

внимание неоднородности художественного текста и его многоголосию, вводя понятие полифонического романа – такого, в котором множество голосов звучит неслитно, самостоятельно по отношению к единому свету авторского мнения. Образцом полифонического романа М.М. Бахтин называет произведения Ф.М. Достоевского, особо подчеркивая, что и восприятие подобных романов не должно быть монологическим [2]. Концепция Диалога как единственной продуктивной формы сосуществования разнородных идей и мнений оказала огромное влияние на философию культуры XX в.

Актуальным является вопрос о соотношении постмодернистской эстетики и идей Бахтина о полифонии, диалогичности, карнавальной культуре [15; 16]. Широко распространено суждение о том, что постмодернизм является радикальным воплощением в жизнь бахтинских идей – такого мнения придерживаются, в первую очередь, сами постмодернисты, постулирующие диалогичность как базовую идейную установку [18]. Отечественные исследователи творчества М.М. Бахтина, в том числе В.А. Махлин, указывая на фактическую монологичность модернистских и постмодернистских практик, отмечают, тем не менее, что для западной мысли Бахтин был важнейшим оппонентом, Другим, с мнением которого невозможно не считаться [15]. Внести некоторую ясность в вопрос о влиянии наследия М.М. Бахтина на европейскую мысль XX века может обращение к художественной литературе, анализ ключевых текстов постмодернизма.

В современных исследованиях анализ художественных текстов с точки зрения бахтинских идей во многом сводится к выделению карнавальных мотивов и прочих содержательных элементов, созвучных бахтинской эстетике. Недостаточно изученной представляется идеологическая составляющая структурных особенностей современного текста, таких, как особый хронотоп, децентрация повествования, размывание позиций автора и рассказчика. Эти структурные моменты являются в постмодернистском дискурсе конструктивными и смыслообразующими, интертекстуальность становится мировоззренческой доминантой. Для того чтобы выяснить, в какой мере структурные особенности постмодернистского текста воплощают идеи М.М. Бахтина о полифонии и диалоге, целесообразно обратиться к материалу художественной литературы.

Одним из ключевых произведений постмодернизма является роман У. Эко «Имя розы». Этот текст неоднократно становился объектом исследований во всем мире. Ю.М. Лотман в послесловии к русскоязычному изданию «Имени розы» называет роман семиотическим, а рассуждения главного героя Вильгельма Баскервильского – своеобразным практикумом по семиотике [12, с. 653]. Роман обманывает ожидания читателя, его структура оказывается значительно сложнее заявленных в начале книги детективной и исторической фабул. Настоящим сюжетом произведения является проведенная главным героем реконструкция фактов, событий, текстов, подбор универсального кода, способного придать смысл и целостность разрозненным явлениям [12]. Ю.М. Лотман упоминает об отражении идей М.М. Бахтина в тексте У. Эко, в первую очередь, в дискуссии героев о смехе, а также говорит о карнавальности как одной из образных доминант романа (более подробно карнавальные элементы в романе рассмотрены у О.С. Осовского [16]). Однако замечания Лотмана о структурных особенностях романа, таких, как «размноженность» рассказчика, обманные ходы сюжета, намеренное обнажение художественных приемов, наводят на мысли о более глубокой структурной, мировоззренческой связи романа с идеями диалога и полифонии.

Исследование времени-пространства произведения, его хронотопа, показывает, что роман несет в себе следы множества веков и множества стилей. На первый взгляд, повествование заковано в жесткие, почти классицистические рамки временного и пространственного единства: действие происходит в одном итальянском монастыре в течение семи дней. Роман «Имя розы» конца XX века подчеркнуто воспроизводит время-пространственное единство, постулированное в XVIII веке только для театра. Это «избыточный», утрированный признак стиля другой эпохи, тонкая пародия на попытки исторического романа соблюсти объективность и достоверность повествования. Другие эпохи, к которым относится произведение, обозначены автором во введении с характерным названием: «Разумеется, рукопись». Введение повествует о попытках автора установить подлинность случайно попавшей к нему рукописи и потере им всяких ее следов в процессе изысканий. «Не так уж много, надо признать, имелось аргументов в пользу опубликования этого моего итальянского перевода с довольно сомнитель-

ного французского текста, который, в свою очередь, должен был являть собой переложение с латинского издания семнадцатого века, якобы воспроизводившего рукопись, созданную немецким монахом в конце четырнадцатого» [17, с. 10]. Сам автор обозначает эпохи, стиль которых отразился в произведении: XIV век – средневековье, которое породило изначальный текст; XVII век – барокко, которому повествование обязано некоторыми элементами эстетики, такими как избыточная описательность; XVIII век – классицизм, вдохновленный рациональной философией, его признаком может считаться деление на главы и наличие подзаголовков, кратко описывающих содержание глав, т.е. жесткое структурирование текста. XX век: возникновение и исчезновение рукописи, проблемы перевода и стилизации, описанные автором. XXI век: в произведении намечены проблемы, с которыми неизбежно столкнется переводчик при публикации книги, например, на русском языке в 2010 году. Вот как меняются языки текста в соответствии с эпохами: средневековая латынь (первоисточник XIV в.) → латынь XVII в. → французский XVIII в. → итальянский XX в. → любой из языков перевода XXI в.

Язык перевода равноправно входит в цепочку текстовых дискурсов, что обеспечивает открытый финал: фабула кажется завершенной, но жизнь рукописи продолжается. Таким образом, текст, внешне поддерживающий единство пространства и времени, оказывается принадлежащим множеству эпох и языков – а, значит, и мировоззрений. Мировоззрения всех эпох сосуществуют в нем, взаимодействуют, сочетаясь с чертами тончайшей пародии.

Действие произведения фактически протекает в пространстве монастыря. При его описании акцентируется внимание на горизонтальности («не устремляясь ввысь, а крепко сросся с землей»), сходстве со скалой (как будто он был ее продолжением). Важно также, что Храмина – центральная точка, вокруг которой происходит действие, была выстроена раньше монастыря («проклятые камни»), т.е. сохраняет крепкую связь с языческим прошлым. Однако форма древних камней отвечает всем представлениям людей о пропорциях и небесной гармонии: количество башен, углов, окон, расположение частей монастыря по сторонам света – все это сделало аббатство самым красивым и соразмерным из всего, что когда-либо видел Адсон из Мелька. При описании церкви, доминирующей

быть духовным центром аббатства, значимым является направление вглубь (не ввысь), тяжесть, нависание. Ритм росписи портала представляет собой «гармонию порывов и отпряданий в наклонении тел, противородном, но странно-красивом» [17, с. 54], что подчеркивает неестественность попыток человека воссоздать мировой порядок, недостаточность его представлений о мировой гармонии. Именно архитектура, по словам Адсона, отважнее всех стремится воссоздать собою миропорядок, и аббатство задумано людьми как модель мироздания. В этом модельном мироздании (брат Вильгельм однажды восклицает, что, воистину, здешнее аббатство – микрокосм) происходит локальный, столь же модельный апокалипсис. Но мир не перестает существовать, он оказывается шире и богаче всех представлений человека о нем, и жизнь библиотеки продолжается в истории странствий рукописи Адсона Мелькского.

Судьба рукописи, ставшей основой романа, проецируется на сюжетобразующую погоню за рукописью второй части «Поэтики» Аристотеля. Но еще более сюжетная судьба второй части «Поэтики» проецирует реальную судьбу первой, и на сегодняшний день единственной «Поэтики» и других сочинений Философа. Впервые европейская общественность ознакомилась не с оригиналом книги, а с латинским изданием XV-го века с предисловием арабского философа Аверроэса. Рукопись второй части «Поэтики» в романе была подшита вместе с несколькими текстами, первый из которых был на арабском языке. Затем последовало множество переизданий настоящей «Поэтики», спародированных в описании переизданий истории Адсона. Не случайно рассказчик говорит, что «это повесть о книгах, а не о несчастной повседневности...» [17, с.12]. Судьба рукописей в произведении У. Эко повторяет пути человеческого знания: первоисточник (истина) – всегда утерян, но отголоски его можно найти во множестве вторичных и третичных источников – изрядно преобразованными и искаженными. Так, главный герой романа, «детектив» Вильгельм Баскервильский мог, еще не читая второй части «Поэтики», кратко пересказать ее содержание, исходя из первой «Поэтики», а также из других книг, отражавших ее как в осколках зеркала. Так и любой человек может представить себе приблизительно истину, исходя из множества ее отголосков, разбросанных в мире. В этом контексте знаменитое булга-

ковское выражение «Рукописи не горят!» может быть прочитано как «Истина существует». Не опровергая этого утверждения, У. Эко мог бы добавить: «Истина существует, но нам в чистом виде она недоступна – первоисточник всегда утерян»; или, по словам П. Флоренского: «Если истину можно искать, значит, она существует».

Центральной сюжетной коллизией является дискуссия о смехе: смеялся ли Христос? Она начинается при первом появлении героев в Скриптории и заканчивается чтением Аристотеля и сожжением аббатства. В этой дискуссии сталкиваются две формы средневекового мировоззрения. Взгляд Хорхе на смех и в целом на дозволенное догматичен, не допускает размышлений и сомнений, полностью исключает свободу воли. Если кто-то сомневается, считает герой, то он должен найти ответ у отцов Церкви (а если они об этом не писали – значит, предмет не достоин размышлений). Средневековая мысль могла не допускать представления о смехе Спасителя на основании логики, о чем говорит С.С. Аверинцев: если смех – это освобождение, то в ситуации абсолютной свободы, в которой находится Христос, смех становится излишним [1]. Однако герой романа У. Эко, Хорхе и Бургоса, далек от подобных рассуждений: он утверждает, что смех от Дьявола. Ю.М. Лотман находит в самом образе Хорхе параллели с описаниями некоторых воплощений Дьявола: феноменальная память, хранящая, но не преумножающая знания, мотивы автономности, разделения, не допускающего живого Диалога [12]. Это как будто олицетворение мысли М.М. Бахтина о том, что слово само по себе не существует, а вырванное из контекста, насильно отделенное от других слов – умирает. У.Эко не скрывает здесь своего мнения: любые представления, превращённые в догму, застывшие формы – это зло. «Ты дьявол, – говорит Вильгельм Хорхе. – Дьявол – это не победа плоти. Дьявол – это высокомерие духа. Это верование без улыбки. Это истина, никогда не подвергающаяся сомнению». Но такой же догмой стало бы и учение Вильгельма, если бы в следующей же строке не подверглось развенчанию: «Ты хуже дьявола, минорит, – отвечает Хорхе. – Ты шут» [17, с. 599–600].

При всем обаянии отца Вильгельма, автор на протяжении повествования не дает читателю строить иллюзий об абсолютной правоте героя: он всегда приходит слишком поздно, выдает несостоятельные версии, открыто признается в слабости и бессилии. Интересно описание последней его

встречи с Хорхе, когда Адсон поражается, как похожи эти ученые люди, как ловко говорят на одном языке и, может быть, каждый из них испытывает своеобразное удовольствие от признания другого. Здесь возможно говорить о психоаналитической ситуации встречи с Другим и ее результате: кратком миге удовольствия перед надвигающейся катастрофой [4]. Мировоззрение отца Вильгельма основано на аналитической логике, и потому допускает многообразие и неоднородность сущего. Философская база его идей лежит в первых ростках натурфилософии, преклоняющейся перед Богом в природе, во всем многообразии бытия. Это направление средневековой мысли предшествовало философии Нового Времени, было ее предтечей.

Логика повествования так же неоднозначна, как и хронотоп. На первый взгляд, повествование укладывается в детективный сюжет – поиски убийцы, которые сливаются с поиском рукописи – причины всего происходящего. В процессе повествования детективный сюжет теряет логичность и единство, распадаясь на множество собственных модификаций. Заявленный в повествовании рассказчик, Адсон Мельский, изначально раздвоен: молодой человек, воспринимающий события непосредственно, и старец, рефлектирующий над ними много лет спустя. На протяжении повествования фигура рассказчика размножается до бесконечности – если учитывать множество интерпретаторов, переписчиков и переводчиков рукописи. Двое из них отмечены четко: тот, кто писал подзаголовки глав, переводя Адельма из первого лица в третье, и, конечно, сам Умберто Эко (или его авторская маска), говорящий от первого лица в «Предисловии» и «Примечаниях автора». Другие рассказчики-интерпретаторы не так заметны, но тут и там видны следы их присутствия, например, в сносках с переводами иноязычных, в частности латинских выражений, примечаниях и пр.

Картина мира, воссозданная в произведении, может быть лучше всего передана словами Алана Лилльского, цитируемыми в произведении: «Всей вселенной нам творенье – / Будто бы изображенье, / Книга или зеркало» [17, с. 31]. Вселенная – книга, но не обычная, с классическим сюжетом, непрерывной фабулой и предсказуемым финалом. Это, скорее, утраченная рукопись, следы и отголоски которой видны во множестве книг и набросков, написанная к тому же не на одном языке, а на невообразимом вавилонском наречии, состоящем

112 | из обрывков слов и фраз. Упорядочить все это многообразие, привести его к определенной логике представляется невозможным: ведь сюжет романа – это последовательное уничтожение всех посягательств человека на восстановление мировой гармонии.

Исследование произведения У. Эко выявило некоторые особенности романа, отвечающие установкам постмодернизма: вместо множества героев и сюжетных линий, характерных для классического европейского романа, здесь множество, потенциальная бесконечность рассказчиков, пространств и времен. Ощущение бесконечности и многообразия мира создается в произведении за счет множества имплицитных, неслышных голосов – за счет возможности множества голосов, их потенциальной бесконечности. Такой подход к многоголосию текста, через множество потенциальных интерпретаций, характерный для произведений постмодернизма, по-новому реализует полифоническую установку, описанную М.М. Бахтиным. В романе найдены новые способы «освободить» идеи и голоса от единого авторского мнения, включить их равноправно в диалог: художественный, социальный, исторический.

На основе анализа романа «Имя розы» можно сделать следующие выводы о мироощущении людей конца XX века. Характерным для современного мировоззрения является изменение подхода к исследованию: сегодня это уже не поиск единой истины, а подбор релевантного способа интерпретации. Важным является последовательное описание провала всех существующих ценностей: от просветительской веры в разум до демократической веры в людей, окончательно опровергнутых «вавилонским столпотворением» при тушении пожара. Скептическое отношение к любым ценностям и осознание их опровержимости является неотъемлемой частью современного мироощущения. Взамен дискредитированным ценностям произведение предлагает открытость новому, уважение к единичному и частному вне попыток обобщения и типизации. Потенциальная множественность и неопределенность толкований текста постулирует принятие чужой субъективности со всеми ее возможными ошибками и заблуждениями, диалог с ней на равных, отдавая отчет в собственной субъективности и несовершенстве. Эта полифоническая, по сути, установка является основой зарождающегося нового мировоззрения XXI века.

Список литературы:

- [1] Аверинцев С.С. Бахтин, смех и христианская культура // М.М.Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – С. 7–19.
- [2] Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского – М.: Прибой, 1929. – 244 с.
- [3] Бахтин М.М. Эпос и роман. – М.: Азбука, 2000. – 304 с.
- [4] Башляр Г. Психоанализ огня / пер. Н.Кисловой. – М.: Прогресс, 1994. – 174 с.
- [5] Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. – Киев, 1991. – 407 с.
- [6] Валицкая А.П. О статусе эстетики // Эстетика сегодня: состояние, перспективы / Мат-лы научной конференции. Санкт-Петербург, 20–21 окт. 1999 г. – СПб.: С.-Петербурб. филос. Об-во, 1999. – С. 21–24.
- [7] Валицкая А.П. Русская эстетика XVIII века. М.: Искусство, 1983. – 240 с.
- [8] Выготский Л.С. Психология искусства. Анализ эстетической реакции. – М.: изд-во «Лабиринт», 1997. – 416 с.
- [9] Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. – 1990, № 4 – С. 127–163.
- [10] Журавлева А.А. Эстетика пространства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.04. – СПб: изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 168 с.
- [11] Зинченко В.Г. Литература и методы ее изучения. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 280 с.
- [12] Лотман М.Ю. Выход из лабиринта // Эко У. Имя Розы. – М., 1998. – С. 650 – 669.
- [13] М.М. Бахтин: Pro et Contra в 2-х томах. Т.1. – СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 2001. – 552 с.
- [14] Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
- [15] Махлин В.Л. Наследие М.М.Бахтина в контексте западного постмодернизма // М.М. Бахтин как философ / под ред. С.С. Аверинцева, Ю.Н. Давыдова, В.Н. Турбина и др. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
- [16] Осовский О.Е. Научное наследие М.М. Бахтина и гуманитарная мысль сегодня. – М., б.и., 1991. – 32 с.
- [17] Эко У. Имя розы / Перев. с итал. Е.А. Костюкович. – СПб.: Симпозиум, 2009. – 640 с.
- [18] Hassan I. Towards a Concept of Postmodernism // The Postmodern Turn: essays in postmodern theory and culture. – Guilford Press, 1987. – 267 p.

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ АРХЕТИПОВ СЮЖЕТОВ О МОРСКИХ ДЕВАХ В КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ «РУСАЛКА» А.С. ПУШКИНА)

Сюжеты о морских девах функционируют в культуре с давних времен. Они претворены в музыку, литературе, поэзии, изобразительном искусстве. Основу этих сюжетов составляет система архетипов, трансформирующаяся от произведения к произведению. Рассмотрению изменений в системе архетипов «русалочьих» мифов на примере драмы «Русалка» Пушкина посвящена настоящая статья.

Ключевые слова:

архетип, образы художественного произведения, сюжеты о морских девах.

До сих пор драма Пушкина «Русалка» не рассматривалась на предмет отражения и трансформации в ней системы архетипов сюжетов о морских девах¹, хотя загадочность, таинственность, связанные с волшебным сюжетом, и реалистичность, злободневность вызывают неугасаемый исследовательский интерес к произведению [9; 2; 23]. Проблема архетипов, в свою очередь, втягивает в круг обсуждения ряд легенд о «родных сестрах» героини Пушкина – Ундине, Лорелее, Русалке и пласт посвященных им разномандровых сочинений [5; 6].

В преддверии XIX в. в структуре рассматриваемых сюжетов мотив предательства либо отсутствует, либо едва намечен. В большинстве фольклорных образцов [3] русалки выступают в качестве изначально присущих водной стихии духов [15, с. 10–13; 16], или утонувших некрещеными детей [1]: и те, и другие, несмотря на разноречивые отношения к человеку, необязательно имеют в прошлом драматические любовные обстоятельства. На рубеже XVIII–XIX вв. благодаря романтической художественной практике [4] образ главной героини обогащается жертвенными и мстительными семами. В системе архетипов русалочьих мифов появляется новый герой – неверный возлюбленный и выкристаллизовывается мотив предательства, провоцирующий героиню на самоубийство, а затем мечь, осуществляемую ею уже в волшебной ипостаси.

«Русалка» задумывается Пушкиным в 1926 г., в Михайловском; впоследствии он возвращается к ней в 1829, 1930 и 1832 годах [2, с. 51–82]. Система архетипов «Русалки», с одной стороны, базируется на пласте бытующих в народе поверий, хорошо усвоенных поэтом, а с другой, он, очевидно, был знаком и с имевшими успех поэтическими и театральными произве-

дениями на волновавшую тему [17, с. 340]. Таким образом, Пушкин опирается на уже откорректированную временем систему сюжетов о морских девах, в которой одним из ключевых моментов выступает мотив предательства, выводящий события в трагедийную плоскость. Вместе с тем, в поэт вносит и что-то *свое*, являющееся уникальным продуктом только лишь его творческой переработки сюжета.

Обращает внимание отсутствие в драме имен главных действующих лиц, в том числе и героини. В общении с Отцом она именуется Дочерью, с Князем – Любовницей, в финальных сценах – Русалкой. Схематично в самих именах обрисованная линия «дочь – любовница – русалка» определяет фабулу произведения и архетипичность образа героини, которая проходит вехи одного и того же пути, predeterminedного для множества дочерей-любовниц-русалок до и после нее, и в этом отношении созданный Пушкиным образ аутентичен. Вместе с тем, архетип обогащается новыми гранями: будущая Русалка в самом начале повествования – живая женщина, а не «иное» существо. Пушкин реализует сюжет не только лишь в фантастическом (как это делалось до него), а и в социально-психологическом ключе. Так, волшебная сфера, связанная с появлением русалок, предстает перед взором читателя лишь в конце драмы; напротив, в социальную подоплеку событий поэт погружает сразу же, противопоставляя знатного Князя и простую дочь мельника.

Иная картина в «Ундине» Фукке. Поскольку героиня изначально является духом воды, флёр сказочности окутывает все повествование, «одевая» в соответствующие тона и социальный конфликт. Нет в драме Пушкина часто сопутствующей сюжетам о

114 морских девах христианской подоплеки, органично вписанной в ткань «Ундины» Фуке. Таким образом, Пушкин отсекает многие романтические атрибуты развертывания сюжета [4] и сосредотачивается на трагедийных *жизельских* коллизиях.

Характеристика следующего образа – возлюбленного героини, именуемого в драме Князем, также прошла проверку временем: герой отличается величием, знатностью, но не обладает ни йотой присущей героине внутренней силы и не проходит испытания, предавая любовь в угоду социальным выгодам. Таковы рыцари в «Ундинах» Фуке, Гофмана и Жуковского, таков Видостан в «Русалке» Краснополяского, таков и пушкинский Князь. Важными интертекстуальными нитями, обусловленными архетипичностью образа, связаны два последних персонажа. Князь Пушкина наследует многие черты Видостана: мощь, власть и, в то же время, отсутствие волевого «стержня». По-видимому, неслучайно Пушкин практически «копирует» у Краснополяского контекст, окружающий Видостана, когда он предается воспоминаниям о былых днях любви: этот нюанс мгновенно нивелирует разделяющее героев временное расстояние и актуализирует в сознании внимательного читателя проблематику архетипов:

«Русалка» Пушкина	«Русалка» Краснополяского
Князь (Идет к деревьям, листья сыплются). Что это значит? листья, Поблекнув, вдруг свернулись и с шумом Посыпались как пепел на меня [19, с. 418].	Видостан (садится под дерево) Я как будто приколдован к этому месту... (Листья с дерева сыплются на него. Вскочив.) Что это значит? Какое невидимое существо окружает меня? [14, с. 115]

Драма «Русалка» создавалась параллельно с романом «Евгений Онегин» [17, с. 186–187], и образные сферы произведения естественно переплелись. Каким бы странным не выглядел тезис о схожести их фабул, тому есть основания, поскольку они демонстрируют почти идентичные схемы: влюбленность героини, предательство возлюбленного, смерть/перерождение героини (*иная* жизнь), возвращение «раскаившихся» возлюбленных. Переключки меж героями так взаимообогащают друг друга разными гранями одного и того же образа, что имеет смысл прибегнуть к наглядному воспроизведению их речей, адресованных героиням:

Евгений Онегин	Князь
Но я не создан для блаженства; Ему чужда душа моя...	Мой милый друг, ты знаешь, нет на свете, блаженства прочного...
Судите ж вы, какие розы Нам заготовит Гименей...	Сама ты рассуди. Князь не вольны, Как девицы – не по сердцу они Себе подруг берут...
Сменит не раз младая дева Мечтами легкие мечты; Так деревцо свои листы Меняет с каждою весною. Так, видно, небом суждено. Полюбите вы снова... [20, с. 67–68]	Твою печаль утешит бог и время... [19, с. 406–408]
Боже мой! Как я ошибся, как наказан... [20, с. 151]	Я счастлив был, безумец!.. и я мог Так ветрено от счастья отказаться [19, с. 423]

Реалистическую тенденцию подтверждают изменения, произошедшие в структуре архетипа соперницы. Вспомним, что Берталяда в «Ундине» Фуке и Жуковского лишена добрых чувств, чему доказательством служит отказ от только что обретенных после долгой разлуки отца и матери [10; 25]. Сходные трактовки основанные на противопоставлении доброго начала героини и злого – соперницы, с неперменной акцентуацией семы «разлучницы», присущи большинству сюжетов о морских девах. Иной подход демонстрирует Пушкин, обрисовывая Княгиню с явной теплотой: «Ты всем взяла: красою ненаглядной, / Обычаем и разумом» [19, с. 416]. Отсутствие злого умысла, искренняя любовь к Князю, близость к народу трансформируют образ, «исправляя» его недобрые черты. По-видимому, процесс модификации архетипа соперницы применительно к русалочьим сюжетам был начат еще Краснополяским: Милослава проста в общении и, по словам самого Видостана, «природа щедро наградила ее красотою и кротостью» [14, с. 123].

Важной семой обновленного образа соперницы становится желание иметь детей [19, с. 416], с одной стороны, еще более усиливающее расположение к ней и, с другой, акцентирующее наличие в системе еще одного архетипа – ребенка. Желанный для Княгини, он оказывается реально существующим для Русалки и будто связывает незримыми нитями их обеих. Русалочка обрисована Пушкиным в соответствии с определяющими семами этого образа: из единственного в драме монолога становятся очевидными ее неискренность в людс-

ких делах, ласковость и удивительное очарование [19, с. 421–423].

Мы рассмотрели наследованные драмой «Русалка» архетипы. Настал черед обратить внимание на те, что еще не являлись принадлежностью системы до Пушкина. Совершенно новыми персонажами в драме оказываются мельник и топоопределяющий нюанс – мельница. Подчеркнем, что ранее героиня русалочьих мифов обычно являлась дочерью рыбака (Лорелея) или волшебным существом в человеческой, часто рыбацкой семье (Ундина). Во всех сюжетах о морских девах подчеркивается близость к реке, морю, озеру. Пушкин в этом отношении следует традиции и, вместе с тем, вносит и качественно иное – в драме действие происходит у *мельницы* на воде.

Чтобы раскрыть семантику важно в структуре сюжета топографического «сдвига» обратимся к интерпретации образа мельницы в культуре. В христианстве мельница служила одним из сакральных символов, связанных с пресуществлением Христа [8]. В карело-финском эпосе «Калевала» фигурирует таинственная мельница Сампо, при помощи которой можно получить богатство и счастье [12]. Из-за универсального для многих народов символа зерна как эквивалента циклически умирающей и возрождающейся жизни, мельнице, наряду со свойствами «кормилицы», приписывались и обратные. Предметом обработки «могло стать не только зерно, соль и т.д., но и человеческое тело»: обычны были случаи человеческих жертвоприношений мельнице [24]. Из фольклора амбивалентный образ мельницы проникает в живопись (Питер Брейгель Старший, Иероним Босх) и литературу (Сервантес). В русском фольклоре мельница – ставшее традиционным место сношений с «нечистью». Примеров неоднозначного истолкования этого образа может быть множество, однако для нас важно уяснить следующее – мельница служит своеобразным «водоразделом» между жизнью и смертью, в ее жерновах могут перемалываться человеческие судьбы.

Пушкин, очевидно, был хорошо знаком с таким пониманием мельницы. Во время ссылки в Михайловском поэт работает над «Евгением Онегиным», в том числе, над сценой Поединка [17, с. 186], ярко запечатлевшей роковую семантику рассматриваемого топа: дуэль разворачивается близ мельницы [20, с. 108]). В сходном значении этот топ фигурирует в начале драмы «Русалка». Мельница становится немой «свидетельницей» того, как в финале первой сцены разворачивается своего рода ин-

версия свадьбы. С одной стороны, налицо все свадебные атрибуты: богатое ожерелье жениха для невесты, денежный «выкуп» отцу. Есть и все необходимые персонажи для такого случая – пара влюбленных и отец невесты. С другой, вместо верной любви – разлука и предательство, вместо драгоценного ожерелья героиня чувствует на себе «холодную змию», вместо богато украшенного венца срывает с себя «венеч позорный», которым венчал не священник, но «враг лукавый», вместо приличествующего случаю глагола «обвенчались» звучит роковое «мы развенчались», вместо прославления родителям раздаются проклятия отцу родному, вместо счастливой жизни, – смерть [19, с. 410–411]. Вместо «космоса» – «хаос»: мир разрушен, произошел сбой в желанном ходе событий...

Вспомним устоявшееся мнение и о мельнике. Недаром мельницы строились на отшибе деревни: согласно крестьянским убеждениям, мельнику так «сподручнее» колдовать, поскольку неотъемлемой семей этого архетипа является ворожба. Фольклорная традиция естественно продолжена художественной. Одним из примеров воплощения образа мельника в русской культуре является знаменитая комическая опера М. Соколова на либретто А. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» (1799), центральный персонаж которого аккумулирует архетипические черты: «Мельник не только корыстен, но и сметлив, находчив, хитер; в нем есть подлинная удаль и размашистость» [7, с. 135]. В точно очерченном образе угадывается и пушкинский Мельник. Начальные сцены «Русалки» демонстрируют его ухватистость, здравый расчет, что проявляется в реалистичных наставлениях дочери и стремлении даже «кровной» ценой заполучить выгоду – он в буквальном смысле реализует статусы «колдуна, обманщика и свата». Символично то, что в сцене наставлений именно *Мельник* общается с дочерью, изворотливая жилка побуждает его к полудиничным урокам родной «кровинке». Когда Князь уезжает и на его глазах разыгрывается подлинная трагедия, в мельнике «просыпается» *Отец*, и теперь уже в иной ипостаси он выслушивает горькие упреки дочери. Следующая грань – сумасшедший *Старик*, мнящий себя «здешним вороном».

Новый штрих в образе отца героини – безумие – имеет важный семантический аспект. В ноябре-декабре 1824 года, в Михайловском, Пушкин приступает к написанию «Бориса Годунова» [22, с. 135]. Для

создания образа юродивого Николки (сцена «Площадь перед собором в Москве») Пушкин обращается к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. В прославленной книге так представлен облик юродивого Иоанна: «с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса; а Борис молчал и не смел сделать ему ни малейшего зла <...>. Такие юродивые, или блаженные, <...> могли всякого, даже знатного человека укорять в глаза беззаконную жизнь» [13, с. 309]. В православной литературе юродивые также находят запечатление, примером чему является раздел в труде Серафима Слободского: «они вели необычный образ жизни, иногда представлялись как бы лишенными рассудка <...>. Вместе с тем, они в иносказательной форме обличали зло в мире, как словами, так и действиями» [11, с. 698].

Нет нужды акцентировать архетипичность образа юродивого для русской ментальности; обратим лишь внимание на то, что он имеет выраженную социальную «подкладку». Юродивый презирая общественные условности, обладает правом *обличения в лицо сильных мира сего в их беззакониях* – названное можно рассматривать как основную сему рассматриваемого архетипа. Во взаимоотношениях сумасшедшего «здешнего ворона» и Князя в финале «Русалки» наличествует интертекстуальный «маршрут» от Николки к Старику – оба образа роднят избыточные слова, отсылающие не к человеческому, но Страшному Суду и вечному приговору:

Николка	Старик
«Николку маленькие дети обижают... Вели их резать как <i>зарезал ты маленького царевича</i> » [21, с. 322]	«В твой терем? Нет! Спасибо! / Заманишь, а потом меня, пожалуй, <i>удавишь ожерельем...</i> » [19, с. 420]

Очевидно, какое значение поэт придает отцу героини и как еще более смещаются в связи с этим акценты в системе архетипов сюжетов о морских девах. Амбивалентной трактовке персонажа мы обязаны как фольклору, так и социально-историческим реалиям России: преломленный сквозь призму этих знаний опыт поэта смог породить именно такой многосмысловой образ.

Реалистичность «Русалки» не раз акцентировалась в работах пушкинovedов. Вместе с тем, трактовка драмы только в этом ключе, на наш взгляд, не может учесть все грани произведения и обедняет возможную его интерпретации. Драматургия

пушкинской «Русалки», наряду с отражением реалистичного вектора, отличается *подчеркнутой мифологичностью*: строение драмы во многом обусловлено имманентными мифу требованиями композиции, в числе которых назовем принципы парности, повторяемости и цикличности.

Противоположности, образующие противоречивые *пары*, присутствуют в образах главных действующих лиц. Героиня, в начале повествования обнаруживающая черты простоты и непосредственности выражения чувств, в финале демонстрирует властность и мстительность. Князь, предстающий перед читателем, как слабый и, в общем-то, несимпатичный персонаж, в итоге раскрывается в подлинном раскаянии и искренних чувствах. Мельница – неотъемлемое от поэтики «Русалки» место действия – присутствует как в начале, так и в финале драмы, образуя своего рода контрастную «пару». От сопоставления с картинами нехитрого и безмятежного счастья начала первой сцены еще острее чувствуется трагизм финала драмы, еще фатальнее выглядит развалившаяся мельница как символ разрушенного счастья. Рассмотренная несостоявшаяся свадьба героини и Князя, уже на другом хронологическом витке, повторяется в сцене свадьбы Князя и Княгини, однако эта «пара» объединяет противоположности: инверсию свадьбы и свадьбу настоящую, которые, в свою очередь, тесными узми связаны соответственно с эсхатологическими и креационными мифами.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют функционирование в образной драматургии «Русалки» бинарных оппозиций, наличие которых, на наш взгляд, – не столько результат авторской продуманности композиции, сколько следствие присущих самому мифологическому инварианту свойств, проникающих и в художественное произведение на его основе.

Стержнем любого мифа является цикличность как претворение природного круговорота [18]. «Биение» подобных циклов находит отражение и в исследуемой нами драме и, в конечном счете, сводится к универсальной спирали «рождение/жизнь – умирание/смерть – воскрешение/новая жизнь».

Резюмируя, подчеркнем, что архетипичность образов и мотивов, представленных поэтом, обогащение фабулы сюжета социально-психологическим истолкованием присущих ему персонажей и появление новых – все это углубляет *мифопоэтическую сторону* «Русалки». Синтез «омифологизированной реальности» и «реалистичного

мифа», универсального и индивидуально-го, вечного и мгновенного, по-видимому, является причиной неоскудевающего ин-

тереса к произведению и служит залогом его востребованности и непреходящей современности во все эпохи.

Список литературы:

- [1] Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 2. – С. 64–128.; Т. 3. – С. 61–99.
- [2] Борисова Н.А. Лирическая драма А.С. Пушкина о Русалке: Источники, творческая история, поэтика. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 196 с.
- [3] Верба Н.И. Источники представлений о морских девах в XIX веке: опыт характеристики // Музыкальная культура глазами молодых ученых. Вып. 6. – СПб.: Астерион, 2011. – С. 22–44.
- [4] Верба Н.И. К проблеме пересечения архетипов сюжетов о морских девах с мировоззренческими константами эпохи романтизма // Общество. Развитие. – 2012, № 2. – С. 124–128.
- [5] Верба Н.И. О претворении «русалочьей тематики» в культуре эпохи романтизма // Музыкальная культура глазами молодых ученых: Сборник научных трудов. Вып. 5. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 27–32.
- [6] Верба Н.И. Сюжеты о морских девах в культуре романтизма: к проблеме архетипов // Музыкальная культура глазами молодых ученых. Вып. 5. – СПб.: Астерион, 2010. – С. 32–49.
- [7] Гозенпуд А.А. Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки. Очерк. – Л.: Музгиз, 1959. – 782 с.
- [8] Евангелие от Иоанна 12:24.
- [9] Жданов И.Н. «Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. – 40 с.
- [10] Жуковский В.А. Ундина. Старинная повесть из Ламотт Фуке в стихах В.А. Жуковского. – СПб.: А.Ф. Девриен, 1912. – 95 с.
- [11] Закон Божий: Для семьи и школы / Сост. Протоиерей Серафим Слободской: Изд. 6-е. – Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2008. – 714 с.
- [12] Калевала: Карело-финский народный эпос / Перевод Л.П. Бельского. – Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1956. – 338 с.
- [13] Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 12 томах и 3 кн. Т. 9. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – Кн. 3. – 592 с.
- [14] Краснопольский Н.С. Днепровская русалка // Борисова Н.А. Лирическая драма А.С. Пушкина о Русалке: источники, творческая история, поэтика. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 109–194.
- [15] Кун Н.А. Мифы и легенды Древней Греции. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 304 с.
- [16] Лабулэ Э. О духе верований в феи в Германии и Франции // Лабулэ Э. Арабские, турецкие, чешские и немецкие сказки: в 2 т. Т. 2. – СПб.: Издательство Н.И. Ламанского, 1869. — С. 126–133.
- [17] Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Пушкин А. С. Евгений Онегин. – СПб.: Искусство-СПб, 2008. – С. 179–518.
- [18] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа: 2-е издание, репринтное. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 406 с.
- [19] Пушкин А.С. Драма «Русалка» // Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т. Т. 2. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 403–423.
- [20] Пушкин А.С. Роман «Евгений Онегин» // Пушкин А.С. «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство-СПб, 2008. – С. 7–176.
- [21] Пушкин А.С. Драма «Борис Годунов» // Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х т. Т. 2. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 265–338.
- [22] Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Институт русской литературы; Примеч. сост. Б.В. Томашевского. 4-е изд. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979. Т. 10: Письма (1815– 1837) – Л., 1979. – 711 с.
- [23] Сдобнов В.В. К истокам пушкинской «Русалки» // Время и текст: Историко-литературный сборник. – СПб.: Академпроект, 2002. – С. 30–38.
- [24] Соколов М.Н. Христос у подножия мельницы-Фортуны. К интерпретации одного пейзажно-жанрового мотива Питера Брейгеля Старшего // Искусство Западной Европы и Византии. – М.: Наука, 1978. – С. 132–156.
- [25] Фуке Ф. де ла Мотт Ундина. – М.: Наука, 1990. – 554 с.

¹ Имеются основания для объединения всего многообразия в одно понятие «сюжеты о морских девах», поскольку в большинстве своем они демонстрируют общую схему: неперемное родство со стихией воды, выход в наш, человеческий мир, связь с человеком, предательство со стороны человека и возвращение в родную стихию, месть, или, напротив, прощение человека. Общепринятое понимание системы позволяет рассматривать структуру легенд, поверий, сказаний о морских девах не как набор первообразов, но как организованное целое, элементы которого состоят между собой во взаимодействиях. Система архетипов, представленная русалочьим фольклором, как любая другая открытая система, имеет свойство модифицироваться в зависимости от исторического контекста, в котором она в очередной раз воссоздается.

МЕДИАИСТОРИЯ: ОТ ПОНИМАНИЯ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУТИ И ПОНЯТИЯ

Анализируются основные значения термина «медиаистория» в публицистическом и научном дискурсе. На основе анализа дефиниций «медиа», «средства массовой информации» и «история» предлагается авторское определение понятия «медиаистория».

Ключевые слова:

история, медиаистория, медиа, средства массовой коммуникации, средства массовой информации.

История средств массовой информации – популярное направление исследований, которое наиболее активно ведется в рамках собственно истории, но так же и журналистики, гораздо реже – политологии, философии и филологии. Отличие истории СМИ от истории журналистики заключается, прежде всего, в определении объекта изучения: в первом случае в качестве такового выступает комплекс средств производства и трансляции массовой информации, предназначенной для массовой аудитории, или отдельные его составляющие (периодические издания, радио- и телерадиовещательные кампании), во втором случае – журналистика.

Несмотря на то, что среди многочисленных определений журналистики есть и обозначение ее как «системы СМИ» или «комплекса каналов передачи массовой информации» (Е.П. Прохоров), невозможно говорить о полной тождественности, синонимичности понятий «СМИ» и «журналистика», на что указывает ряд исследователей (С.Г. Корконосенко, М.М. Ковалева и др.). С известной долей образности СМИ можно определить как пространство, в котором происходят творческие, коммуникативные, технические процессы, осуществляя свою деятельность представители различных профессий, функционируют разнообразные структуры. Итогом всего этого является создание общественно-важной, значимой для широкого круга потребителей информации, которая преподносится аудитории в печатных, аудио- и аудиовизуальных формах.

Признавая структурную сложность и многоаспектность СМИ, специфику их продукта, особенности взаимодействия всех субъектов информационно-коммуникативного процесса, исследователи вводят в научный оборот термины, созданные с использованием корневого форманта «медиа». С помощью таких дефиниций акцентируется внимание на особеннос-

тях функционирования средств массовой информации (медиапланирование, медиаинформирование), их содержания (медиаконтент, медиатекст), результатов деятельности (создание медиадействительности) и т. д. Сформировался также целый ряд научных дисциплин, в рамках которых ведутся медиаисследования. Можно сказать, что уже оформились российские научные школы, изучающие медиаэкономику (Е.Л. Варганова), медиалингвистику (Т.Г. Добросклонская), медиафилософию (В.В. Савчук), медиаобразование (А.В. Федоров), медиакультуру (Н.Б. Кириллова) и др. Необходимо отметить, что отечественные ученые, опираясь на опыт зарубежных коллег, не калькируют западную терминологию, а разрабатывают собственные определения терминов.

Вместе с тем такое понятие, как «медиаистория», пока не получило широкого распространения в научной среде. На наш взгляд, причиной этого служит отсутствие четких определений самого термина и обозначения объекта изучения такой истории. Так, например, в публицистическом дискурсе «медиаистория» имеет несколько значений.

1) Истории, которые рассказывают масс-медиа. От реальных историй, имевших место в действительности, их отличает в значительной мере повторяющийся сюжет и наличие стереотипных образов, которые делают героев и события более «узнаваемыми». Типичными примерами могут служить медиаистории из личной жизни «звезд», которые часто напоминают байки, анекдоты и прочие произведения устного народного творчества, содержащие существенную долю вымысла.

2) Комплекс публикаций в СМИ, по которым можно проследить этапы жизни, карьерного роста, профессиональной или общественной деятельности человека. В этот набор могут входить также материалы не только о событиях с его непосред-

твенным участием, но и упоминающие о персоне, содержащие его высказывания, мнения и т. д. Такое портфолио позволяет определять степень публичности человека, его известность в определенных кругах или для широкой аудитории.

3) Прошлое, описываемое в СМИ. Под воздействием исторических (так и псевдо-исторических) медиаматериалов формируются представления аудитории о событиях минувших лет, десятилетий, веков, а также историческое сознание целых поколений. Такая медиаистория прошлого подвержена влиянию прежде всего политического и экономического факторов. Личностный фактор, который особенно заметен на уровне выбора журналистом респондента и отношения специалиста к теме интервью, также нередко определяет выбор освещаемых событий, ракурс их рассмотрения, трактовки и выводы. В отличие от научной истории медиаистория мозаична, не дает полного представления об историческом процессе в целом, о связи и закономерности событий, акцентируя внимание на отдельных фрагментах прошлого, освещение которых позволяет заинтересовать аудиторию. Медиаистория, создаваемая неспециализированными изданиями, на наш взгляд, в значительной степени мифологизирована, субъективизирована, политически ангажирована. Она способствует не сколько просвещению, но в большей степени деформации представлений людей о прошлом.

4) История средств массовой информации города, региона, страны. Материалы такого типа обычно содержат описание наиболее ярких и интересных моментов, связанных с созданием и развитием масс-медиа, примеры, факты и воспоминания очевидцев.

В научном дискурсе под медиаисторией понимается: а) история средств массовой информации; б) история медиа, как совокупности всех средств, способствующих донесению информации до потребителя и организации общения между людьми, социальными институтами и организациями на всех уровнях и во всех сферах. В первом случае медиаистория может рассматриваться как составная часть истории журналистики, во втором – истории массовых коммуникаций. Проведенный нами анализ иностранных научных Интернет-ресурсов показал, что в них медиаистория, помимо названных, рассматривается еще в двух значениях – история журналистики во всех ее проявлениях и архив печатной, аудио- и визуальной информа-

ции, совокупность которой может служить отражением особенностей той или иной эпохи, деятельности организаций, групп населения и т. д.

Многозначность понимания исследуемого термина и относительная его «новизна» в российском научном обороте не позволила до настоящего времени выработать такую его дефиницию, которая точно отражала бы суть, содержание, особенности основного объекта медиаистории. Вместе с тем, нам видится перспективность использования данного понятия в научном дискурсе, что обусловлено высокой «емкостью» составляющих его слов – «медиа» и «история».

Прежде всего, необходимо определиться с различиями терминов «медиа» и «масс-медиа». Под первым чаще всего подразумеваются средства массовой коммуникации (СМК), тогда как с помощью второго обозначаются средства массовой информации (СМИ). Однако в научной литературе нередко встречается синонимичное использование этих понятий, притом, что исследователи достаточно четко разграничивают СМК и СМИ, представляя второе составной частью первого. Можно назвать множество причин такого «вольного» и нестрогого терминологического использования англоязычных дефиниций. Однако согласимся с мнением В.В. Савчука, который считает, что, «вобрав в себя весь спектр значений – СМИ, массмедиа, средства связи и коммуникации, новые медиа, цифровые и экранные технологии – термин «медиа» обрел статус термина с неопределенным содержанием» [6, с. 67].

В научной литературе принято ссылаться на значение этого слова в английском языке, где оно обозначает, в том числе, носитель информации, посредствующее звено (посредника), способ, средство. Однако проведенный нами сравнительный анализ англо-русских и английских словарей показал, что в них достаточно часто словом media обозначаются средства массовой информации без соответствующего уточнения (mass media). Следовательно, при определении основного, базового значения термина «медиа» необходимо опираться на изначальное его значение в латинском языке (medium) – середина, центр.

Media, являясь множественным числом от medium, приобретает дополнительный «объем», способность объединить в себе сразу несколько значений. Именно этим можно объяснить широкое «вхождение» медиа в состав различных научных терминов (см. напр., медиедина, медиестика – дисципли-

лина, изучающая историю средних веков; медиальный (в медицине) – расположение какой-либо части тела организма ближе к его срединной (медианной) плоскости; медиана – отрезок, соединяющий одну из вершин треугольника с серединой противоположной стороны, и проч.).

Медиа как посредник в процессе общения между людьми на групповом и общественном (массовом) уровне определяется как средство коммуникации и распространения информации, носитель информации, как совокупность устройств (технических средств) для приобретения, записи, копирования, тиражирования, сохранения и передачи информации. Медиа или «средство коммуникации, – по классическому определению Г.М. Маклюэна, – есть сообщение», сущностью которого в свою очередь «является то изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела» [5, с. 10]. Сущность коммуникации в «электрическую эпоху» канадским ученым трактуется как «движение информации» [5, с. 101]. Следовательно, медиа, используя все достижения науки и техники, общественной мысли, «продвигают» информацию в массы, способствуют организации и поддержанию процесса коммуникации и таким образом изменяют «человеческие дела», т. е. и само общество и его жизнь.

Многоаспектность понимания медиа отмечают и современные ученые. Например, Н.Б. Кириллова оценивает их как транслирующий канал и считает, что «это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [2, с. 22]. То есть в широком смысле медиа непосредственно участвуют в создании и трансляции культурных ценностей, культурной информации, а также сообщений, влияющих на формирование или трансформацию культуры, как среды и продукта человеческой деятельности, фактора, определяющего условия и образ жизни людей. Этот процесс имеет свою продолжительность во времени – историю, изучение которой позволяет проследить и собственную историю медиа как средства (посредника) и среды коммуникации.

СМИ, в качестве синонима которых в большинстве случаев в научном и публицистическом дискурсе используется словосочетание масс-медиа (mass media), определяются как совокупность печатных периодических изданий, радио- и телерадиовещательных организаций, ин-

формационных агентств. В последнее десятилетие в эту систему также включают Интернет-ресурсы и конвергентные СМИ, соединяющие в себе признаки различных масс-медиа. Широкое понимание сущности, целей и задач средств массовой информации, осознание их роли в обществе и значимости вклада в развитие общественной жизни позволяет исследователям предлагать оригинальные определения масс-медиа. Так, например, В.С. Чижда характеризует СМИ как специализированные информационные технологии современной культуры, «которые транслируют знания в общество и об обществе; зафиксированы в материальных формах человеческой деятельности (аудио-, видеопродукция, электронные носители информации и так далее); передают социальный опыт и содержание культуры» [7, с. 255]. На наш взгляд, в этом значении масс-медиа отчасти оказываются схожи с медиа, но все же сохраняют свою отличительную черту – содействие информационному обеспечению коммуникации, а не установлению и поддержанию коммуникационных контактов в целом. Следовательно, медиа и масс-медиа не могут рассматриваться как тождественные понятия, поскольку СМИ являются, скорее, частью коммуникационной системы, одним из средств коммуникации.

Различия между ними можно увидеть и в продолжительности истории того и другого. Возникновение масс-медиа связывают с изобретением И. Гутенберга, которое позволило массово тиражировать печатную, в том числе, периодическую продукцию. Хотя первые газеты, которые стали использовать возможности наборных литер и книгопечатного станка, появились гораздо позднее – в начале XVII в., сначала в Германии (1609 г.), а потом и в других европейских городах. Таким образом, мировая история СМИ (без учета пражурналистских явлений) насчитывает 400 лет. История отечественных масс-медиа, ведущая отсчет с выпуска петровских «Ведомостей» (1702 г.), на век короче.

Медиа имеют более древние исторические корни. Первые средства вербальной и невербальной коммуникации появились на заре человечества. По мере необходимости расширения круга, масштабов общения, усложнения целей установления контактов люди изобретали и использовали средства, которые позволяли вывести коммуникацию на массовый уровень и в итоге – придать ей глобальный характер. Поэтому в качестве средства общения,

передачи информации можно рассматривать практически любой предмет, изображение, явление, достижение человеческой мысли. Это в значительной степени затрудняет точное определение значения термина «медиаистория».

Вторая часть рассматриваемого понятия также обладает многозначностью: история – это и процесс развития человечества, и наука, изучающая прошлое во всем его многообразии, и форма познания прошедшего, минувшего. История, в отличие от других конкретных общественно-гуманитарных наук, является, по выражению И.Д. Ковальченко, наукой комплексной, интегральной, имеющей дело со всеми общественными явлениями. Объектом познания исторической науки, по мнению известного методолога, служит «вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества» [4, с. 55]. Следовательно, медиаистория, если рассматривать ее как научную дисциплину, изучающую происхождение (изобретение), развитие трансформацию всех средств коммуникации, логично вписывается в общеисторический научный контекст.

Одним из первых медиаисториков можно назвать вышеупомянутого Г.М. Маклюэна, поскольку именно он составил и описал периодизацию истории СМК. Ученый выделил три основных ее этапа: 1) первобытная дописьменная культура, в которой преобладали устные средства коммуникации; 2) письменно-печатная культура, породившая «типографского и индустриального» человека; 3) эпоха электричества, в которой электронные средства коммуникации (телеграф, телефон, телевидение и компьютер) являются продолжением нервной системы человека и преобразуют все стороны его психической и общественной жизни [1].

Приведенных аргументов вполне достаточно, чтобы обозначить медиаисторию как историю СМК и далее активно дискутировать о том, что же конкретно должна изучать эта дисциплина. Так, например, И.В. Кирия, признавая в качестве «классических медиаисториков» Е.А. Вартанову, Я.Н. Засурского и Г.В. Жиркова (но при этом не упоминая таких известных историков СМИ, как Р.П. Овсепян, Б.И. Есин и др.), отмечает, что они «фокусируются на истории как эволюции преимущественно контента в его формах, жанрах и методах регулирования. При таком подходе история медиа представляется как автономное социальное поле». Автор предлагает иную

постановку задачи для медиаистории: «изучать то, каким образом коммуникации сопровождали социально-экономическое развитие общества» [3].

Но в этом случае в сферу рассматриваемой дисциплины помимо исследования истории СМИ нужно будет включать, например, изучение становления и развития железнодорожного транспорта, средств наземной и космической связи, туризма, архитектуры, библиотек и других самых разнообразных средств, участвующих в процессе коммуникации. Медиаисторики получают возможность активно и настойчиво вторгаться в историю, например, языка, как важнейшего средства коммуникации, провозглашая диктат методологии исторических, а не филологических исследований. Несомненно, что наделение медиаистории такими широкими «полномочиями» может вызвать законное возмущение со стороны представителей тех наук, чьи традиции, методологическая база, понятийный аппарат уже сформированы и признаны научным сообществом.

Следовательно, если нельзя следовать «букве», то нужно искать компромисс на уровне «духа», т. е. интуитивно понимаемой сущности медиаистории. Для начала можно исключить из «ведения» этой научной дисциплины технические средства коммуникации (транспорт, связь и т. д.), ограничившись изучением тех СМК, которые участвуют в коммуникационных процессах в духовной, культурной сфере. Следующим шагом будет вычленение из медиаистории тех средств коммуникации (кино, книги, искусство), которые, на наш взгляд, не играют явную и активную роль в современном массовом общении, для которого характерно циркулирование с высокой скоростью огромных потоков информации на глобальном информационном пространстве.

В качестве одного из аргументов в пользу сужения спектра изучаемых тем в медиаистории можно назвать и то, что активно развивается такая научная дисциплина, как медиаведение (медиалогия, в некоторых источниках – теория медиа), которая изучает взаимосвязь медиа с обществом, их роль во всех сферах общественной жизни и использование средств коммуникации в этих областях. Вполне закономерным, на наш взгляд, станет развитие исторического направления в рамках медиаведения, которое позволит органично соединить теорию СМК с их историей.

Однако мы не призываем ограничить медиаисторию изучением прошлого лишь

средств массовой информации. СМИ необходимо рассматривать не только как средство, но и среду, стимул, инструмент массовых информационно-коммуникативных процессов. На протяжении всей своей истории они порождали новые явления в общественной жизни, активно участвовали в формировании общественного мнения и исторического сознания, традиций и ценностей, стереотипов мышления и установок поведения. СМИ аккумулировали в многочисленных публикациях исторический опыт и знания, накопленные поколениями, народами, человечеством в целом, фиксировали историю жизни и деятельности, как отдельных личностей, так и многочисленных групп людей. Но и люди также активно участвовали в создании и функционировании масс-медиа. Пропущенную «сквозь себя» действительность, «приправленную» собственными мыслями, идеями, оформленную благодаря творческим талантам в форму медиатекстов, они представляли другим, вызывая ответную реакцию со стороны аудитории. Получается, что без человека не было бы СМИ, а без СМИ не было бы современного человека.

Мы разделяем мнение многих ученых о том, что история – и как процесс, и как наука – антропоцентрична, поскольку в центре ее всегда находятся люди, которые

созидают и фиксируют свое прошлое, сохраняя таким образом память о нем. Следовательно, медиаисторию можно и нужно рассматривать, прежде всего, как историю социальную, изучающую общение и человеческую деятельность, которые происходили в пространстве, сформированном СМИ (медиапространстве), и с использованием масс-медиа, как средств и каналов коммуникации.

Акцент на историчности этих процессов, выдвигание на первый план именно истории, делает возможным, несмотря на явную междисциплинарность рассматриваемой научной дисциплины, использовать в качестве основной методологию исторических исследований. Это позволит исследователям избежать излишнего углубления в теорию коммуникации или журналистики, соблюдать принципы объективности, научности и историзма при рассмотрении и оценке прошлого, полноценно изучать в том числе региональную медиаисторию с учетом различных факторов, оказывавших на нее влияние. Мы считаем, что такой подход так же создаст условия для выявления особенностей, характерных именно для российских средств массовой информации, которые формировались и функционировали в специфических условиях царской, советской и современной России.

Список литературы:

- [1] Архангельская И.Б. Творческое наследие Г.М. Маклюэна в контексте развития теории коммуникации. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.mcluhan.ru/articles/tvorcheskoe-nasledie-gerberta-marshalla-maklyuena-v-kontekste-razvitiya-teorii-kommunikacii/>
- [2] Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2005. – 448 с.
- [3] Кирия И.В. Коммуникационная власть: как медиа сопровождают экономическое развитие. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://regconf.hse.ru/uploads/c6043fd2c7a7050db2352ca508c7bc3763fd92dd.doc>
- [4] Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Отделение историко-философских наук. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
- [5] Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.–Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.
- [6] Савчук В.В. Российский домен медиафилософии // Политическая концептология. – 2011, № 4. – С. 66–71.
- [7] Чижма В.С. СМИ как подсистема культуры // Омский научный вестник. – 2010, № 3 (88). – С. 254–257.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНКУРСНОЙ ПРАКТИКИ В РОССИИ

Предлагается культурологический взгляд на конкурсную практику в современной художественной культуре России. Конкурс рассматривается как одна из действенных технологий культурной жизни. Исследование базируется на материалах Международного конкурса творческих работ «Герценовский университет в сердце Петербурга» и сопоставлении данной инициативы с другими значимыми конкурсными проектами.

Ключевые слова:

конкурс, креативность, современное искусство, художественная культура, университет.

Художественный конкурс – одна из действенных технологий культурной жизни. Конкурсная активность современной культуры – ее интенсивность, эклектичность и, зачастую, скандальность – высока и имеет тенденцию к дальнейшему росту. В этом контексте привлекает внимание инициатива РГПУ им. А.И. Герцена по проведению международного художественного конкурса, она сформировала вариант классического конкурсного события, в некоторой степени, альтернативного существующей конкурсной практике. Анализ проекта Герценовского университета, думается, позволит сделать некоторые выводы о специфике механизмов в современной отечественной художественной среде в целом.

Инициативы. Изобразительное искусство в РГПУ им. А.И. Герцена преподавалось с XIX в. В 1959 г. был основан художественно-графический факультет, продуктивно работающий и по сей день. За это время факультет подготовил сотни преподавателей изобразительного искусства и десятки признанных мастеров, его выпускники действуют по всей России, факультет играет видную роль в системе петербургского художественного образования [5], но, с инициативой художественного конкурса Герценовский университет выступает впервые.

В художественной среде конкурс – организованное соревнование в области искусства нескольких лиц или сообществ с целью выявить наиболее достойного – традиционный механизм организации художественной жизни (на поступление в учебное заведение – училище, мастерскую, курсы, академию) или на место работы, на создание художественного произведения (памятника, интерьера, росписи и т.п.). Конкурс может иметь самостоятельное значение, а также входить в регламент других мероприятий: фестивалей, смотров, премий, пленеров, выставок. Арт-конкурс мо-

жет иметь разный масштаб (от локального, замкнутого на отдельную организацию или местность до интеринституционального и международного), и разную степень профессионализма (от детских смотров искусств до состязаний заслуженных мастеров).

Кроме решения внутрицеховых задач художественный конкурс всегда становится пространством решения силами искусства общекультурных, социальных, политических, идеологических, коммерческих и многих других вопросов. Конкурсные инициативы всегда пограничны, интеграционны: в формате конкурса всегда либо происходит привлечение общественного внимания (публики, власти, меценатов, покупателей и т.д.) к искусству, либо социум использует потенциал «мира искусства» для реализации своих интересов. (Здесь спектр мотиваций обширный: от самых высоких – донаторских до самых конкретных, таких как продвижение бренда или «отмывание денег» – перевода денежных средств из теневой экономики в официальную для того, чтобы иметь возможность пользоваться этими средствами открыто и публично). Но чаще ситуация поливалентна – конкурс становится пространством пересечения многих интересов, поэтому конкурсное событие становится специфическим маркером породившей его ситуации [3].

Традиционным поводом для масштабных художественных конкурсов, имеющих, как правило, государственный патронаж, является разнообразие юбилейные даты: годы рождения значимых мастеров искусств национального масштаба, национальные праздники, решающие вехи в истории страны и т.п.

Также государственные и крупные общественные структуры традиционно инициатируют арт-конкурсы, посвященные глобальным проблемам современности, острой социальной тематике. Так, одна из

самых распространенных конкурсных тем (особенно, в искусстве фотографии) – экологическая. Всемирный фонд дикой природы (WWF) совместно с медиа-порталом Cyberbrothers в форме конкурса привлекает внимание к проблемам изменения климата. Под эгидой ООН (ООН и Youtube) проходит конкурс видеосюжетов «Цели развития тысячелетия», в котором авторам предлагается рассказать мировым лидерам, какие перспективы развития тысячелетия важны для них и что нужно сделать мировому сообществу для их достижения. Другой конкурс видеofilmов – «Провинциальный дневник», – обращает к жизни современной российской провинции, направлен на выявление и поддержку талантливой молодежи регионов.

Распространены конкурсы, объявленные отраслями российской экономики, которые, преследуя задачи собственного пиара, поддерживают художественные акции. Например, фотоконкурс «Почта России: вчера, сегодня, завтра» направлен на привлечение внимания общества и государственных структур к сфере деятельности почтовой связи в России, повышение престижа почтового работника, в центре внимания конкурса – прошлое почты, ее сегодняшний день и перспективы развития.

Новое в российской конкурсной практике – это задача через арт-мероприятие привлечь внимание к определенному бренду или компании-производителю. Компанией Sapop проводится фотоконкурс «Мой Sapop». Бренд Campbell's некогда увековечил Энди Уорхол, изобразив банки томатного супа. Теперь «Campbell's» организует конкурс художников, стремясь, чтобы взаимосвязь Campbell's и арта была восстановлена, а участники почувствовали себя частью легендарного бренда. Конкурс заявлен как некоммерческий проект, его цель – выявить лучших художников, дизайнеров, скульпторов, способных в ближайшем будущем стать законодателями тенденций в мировом искусстве. Но, по сути, проводится привлечение внимания российского потребителя к продукции компании. Другой похожий пример – это Международный художественный конкурс «Арт Момент», учрежденный компанией Henkel в честь 30-летия клея «Момент». Конкурс проводится среди профессиональных живописцев, имея целью «раскрытие визуального художественного образа бренда “Момент”». Также компания «Хенкель» последние шесть лет проводит организацию ежегодного конкурса Henkel Art.Award. в странах Центральной

и Восточной Европы для молодых деятелей искусства.

Конкурсная инициатива Герценовского университета интересным образом объединила эти варианты. Основным импульсом для запуска конкурса послужил 215-летний юбилей университета.

Однако конкурс стал не только оригинальной формой организации и проведения большого университетского праздника, но и формой поддержания и продвижения имиджа вуза. Идея конкурса могла позволить университету в формате художественной акции заявить о себе на городском, всероссийском и международном уровнях и закрепить свой статус творческой и новаторской образовательной институции. Любопытно, что куратор конкурса Алена Васильева (сама искусствовед и художник, но не специалист по связям с общественностью!), формулируя тему и регламент мероприятия, четко обозначила основания «герценовского бренда» и предложила художникам творчески интерпретировать их. Общая тема конкурса представляет вариант грамотного и тонкого позиционирования институции. В формулировке «Герценовский университет в сердце Петербурга» проговаривается неоспоримое (фактическое расположение вуза в «центре центра» города – квартале, очерченном Невским проспектом, набережной Мойки, знаменитой решеткой Казанского собора, переходящей в Казанскую улицу и улицей Гороховой), которое созвучно с чувственным, эмоциональным – ценностью университета для связанных с ним петербуржцев (обучавшихся или работавших в этих стенах, любящих этот уголок города). Также лингвистически формулировка темы элегантно ассоциируется с фамилией Александра Ивановича Герцена, имя которого носит университет¹. Согласно регламенту конкурса, авторам было предложено три базовых идеи: «История» (РГПУ – старейший педагогический вуз России), «Уникальный архитектурно-ландшафтный ансамбль» (университет расположен в дворцово-парковом комплексе, не имеющем аналогов в архитектуре учебных заведений России, над сооружениями которого работали архитекторы А.Ф. Кокоринов, Ж.-Б. Валлен-Деламот, Ф.-Б. Растрелли, Дж. Кваренги, А. Порто, Д. Квадри и др.), «Легенда о Пеликане» (РГПУ наследовал от Воспитательного дома его герб – изображение пеликана, кормящего своих птенцов и олицетворяющего самоотверженную родительскую любовь; это изображение помещено на центральных воротах и фрон-

тонах нескольких корпусов университета и является его узнаваемым символом).

В итоге художники, работа над пейзажами университетского ансамбля, композиции с пеликанами или историческими картинами, фактически работали над формированием современного имиджа Герценовского университета, сообщая ему узнаваемость, популяризируя его. Если в рассмотренных конкурсах «Арт Момент» или «Мой Сапог» цель «продвижения бренда» ставится «в лоб», добровольно навязывается авторам, согласившимся за возможность победить в конкурсе работать над образом организовавшей его компании, то в герценовском конкурсе задача брендинга, кажется, даже не была отрелегирована самими организаторами проекта, поскольку столь безупречно в имиджевом плане выстроенный проект не был должным образом освещен даже городскими СМИ.

Напротив, аксиологическая функция проекта была реализована обстоятельно и последовательно. Герценовский университет – старейшее образовательное учреждение России, отсчет своей истории он ведет 1797 г., когда по распоряжению императора Павла I был основан Петербургский Воспитательный дом. С этого времени здесь велась образовательная деятельность, готовились педагогические кадры для всей страны. Цель Герценовского конкурса была сформулирована так: «приобщение художников, ученых и широкой общественности к миссии учителя и высоким достижениям российского педагогического образования, лидером которого является университет». Эта тематика – школы, наставничества, учиничества, – на первый взгляд, непопулярная сегодня, получила отклик в художественной среде. Многие конкурсные работы были посвящены образу учителя, Мастера, сюжетам творческого обучения, самоопределения человека в искусстве.

В содержательном плане герценовский конкурс, безусловно, получил успешную реализацию. Он не только объединил художественные произведения, посвященные педагогическим сюжетам, но и действительно восстановил контакты университета с художниками-выпускниками, поддержал творческие устремления своих студентов и педагогов и создал пространство для их сотворчества, освежил связи университета с художественными вузами Петербурга и международными арт-сообществами. Таким образом, герценовский художественный конкурс актуализировал традиционную, но, видимо, важную и сегодня идею,

специфичную для педагогического вуза, и нашедшую отклик художников – идею поддержки престижа профессии учителя. Эта инициатива не имеет аналогов в российской конкурсной практике и, конечно, должна быть продолжена и использована для утверждения позиций РГПУ им. А.И. Герцена как ведущего педагогического вуза, а также повышения интереса к художественному образованию в университете

Комплекс Арахны. В конкурсе приняли участие более 150 художников, широко представивших Россию – от Чукотки и республики Коми до Дагестана и Белгорода, и мир – от Мехико до Пекина. Это хороший показатель для конкурса, который проводится впервые и посвящен достаточно локальной теме. Среди участников мероприятия было немало художников, не связанных с университетом, но привлеченных самой конкурсной ситуацией.

Конкурсы и профессиональный статус художника взаимосвязаны. Начиная с Нового времени конкурсы – привычные вехи биографий художников и архитекторов. Победы и поражения в конкурсах являются значимыми маркерами развития художественной карьеры. Так, в российской истории изобразительного искусства XVIII–XIX вв. важными моментами начала пути художника являлись конкурсы на академические медали, дававшие художнику право на дальнейшее обучение за границей и сразу выделявшие его среди других выпускников Академии.

Постоянное и успешное участие в конкурсных мероприятиях знаменуют стабильное положение мастера в художественном сообществе. Проигрыш в лучшем случае говорит о том, что данный художник «не в формате» конкурса, он по стилю своего художественного мышления не отвечает регламенту мероприятия. В худшем случае, поражение свидетельствует об опале, немилости автора у «диктаторов художественного вкуса» своего времени. Эта опасность, таящаяся в любом конкурсе для его участников, фактически обозначена уже в античном мифологическом повествовании о художественном состязании – соревновании в искусстве ткачества Афины и Арахны, закончившейся для последней пожизненными мучениями.

Априори конкурс призван провести независимую экспертизу – выявить объективное положение вещей, лучшего мастера, проект или произведение. Но зачастую единодушно результаты конкурса не принимаются художественным сообществом, возникают мнения (иногда частные,

иногда поддерживаемые большинством) о пристрастности жюри, нечистоплотности участников и т.п. Без такого рода кривотолков фактически не обходится ни одно конкурсное мероприятие. И здесь опять вспоминается миф об Арахне, согласно которому работа, которую выткала девушка, не уступала по красоте работе Афины, но в изображениях ее было усмотрено неуважение к богам. И по данному (вдруг заявленному!) критерию конкурсной оценки Арахна проиграла состязание. Победа была присуждена Афине, которая к тому же уничтожила творение соперницы, оскорбила ее, чем довела до попытки самоубийства и, наконец, превратила девушку в паука. Этот мифологический сюжет наводит на мысль, что «темная сторона» соперничества неизбежна в конкурсной практике, кто-то всегда останется обделен вниманием, даже в таких (например, спортивных) состязаниях, где есть строгие количественные параметры для оценки результатов. В художественных же соревнованиях оценка часто субъективна и тенденциозна, критерии размыты, что в еще большей мере провоцирует критику конкурсного мероприятия.

Скандалных сюжетов и в истории искусства, и в современной художественной практике вокруг конкурсов множество. Но будь то события вековой давности или текущего года, исчерпывающую картину внутренней жизни конкурса восстановить сложно². Почему в результате конкурса на возведение Исаакиевского собора за него все-таки взялся никому не известный молодой французский зодчий, амбициозно представивший на суд жюри сразу двадцать четыре разноплановых проекта? Или какова была подоплека шумихи с политическим оттенком вокруг Премии Кандинского 2008 г., когда премия была отдана Алексею Беляеву-Гинтовту, известному своими ультраправыми взглядами? Был ли это способ привлечения внимания к конкурсу – самой крупной российской частной премии в области современного искусства или реальное столкновение идеологических воззрений художников [4]? Важным остается, какое решение принимает жюри конкурса, кого называют лучшим, какому проекту (или автору) дают «путевку в жизнь», как это отражается на современном художественном процессе, его направляет и характеризует и какое историческое значение обретает.

Особая позиция автора – отказ от участия в конкурсе, за которым, как правило, – вызов сложившимся правилам художест-

венной жизни, стремление их расшатать и, одновременно, привлечь внимание к своей творческой позиции. Хрестоматийный пример – «Бунт четырнадцати» – вызывающий отказ лучших выпускников Императорской Академии художеств, возглавляемых И.Н. Крамским, от участия в конкурсе на Большую золотую медаль, проводившемся к 100-летию Академии³. Художники отказались работать на строго заданную конкурсную тему и просили предоставить им свободный выбор сюжета. Совет Академии проигнорировал просьбу конкурсантов, чем спровоцировал их выход из Академии. Современный пример – коллизия участия/неучастия арт-группы «Война» с провокационной политической акцией на Литейном мосту во Всероссийском конкурсе в области современного визуального искусства «Инновация» и, в итоге, получение группой главной премии 2011 года.

Определенный риск (комплекс Арахны) испытывает и институция, инициирующая конкурс. С одной стороны, как было показано, арт-конкурс – это серьезная возможность саморепрезентации для организатора, вместе с тем, художественное состязание (опять по сравнению со спортивными соревнованиями) может развиваться несанкционированно, спорно, оцениваться неоднозначно, чем стихийно подрывать имидж инициатора проекта, вплоть до его дискредитации. Так, Академия художеств в контексте «Бунта четырнадцати» явственно показала консерватизм своей системы, а Министерство культуры РФ, под эгидой которого проводится «Инновация», вынуждено было отделиться от мнения жюри конкурса, отдавшего первенство группе «Война»: «Министерство культуры этот выбор не одобряет и от него дистанцируется. Бюджетные деньги на эту номинацию не выделяются, и в работу жюри мы не вмешиваемся. Министерство считает, что проект группы «Война» ничего общего с культурой не имеет, а скорее напоминает хулиганскую выходку» (цит. по [7]).

Герценовский конкурс, как и большинство подобных мероприятий, сохранил тон праздничного и гармоничного художественного действия. Во многом такой настрой был обеспечен усилиями кураторов проекта, предусмотревших немалое количество номинаций, а значит и призовых мест. Организаторы проявили редкую деликатность в отношении художников, отметив всех финалистов проекта поощрительными подарками и наградами от более чем 30 попечителей, чем был несомненно снят обычный конкурентный ажиотаж и драма-

тизм конкурса. С другой стороны, конкурс изначально (на уровне перечисленных в регламенте видов искусства) отстранился от актуальных художественных практик, как раз и несущих в себе провокативный импульс, способных генерировать альтернативную интерпретацию конкурсной темы, заострять проблематику, привлекать к ней внимание. Более того, в ряду представленных на итоговой конкурсной выставке произведений в традиционном формате живописи, скульптуры или графики не было работ, стилистически отступающих от современной «академической школы», апологетом которой является факультет изобразительного искусства университета. Думается, такой художественный эскапизм не был на пользу конкурсу в целом, он лишил проект витальности, драматургической полноты.

Креативная активность. С инициативой крупного международного художественного мероприятия Герценовский университет выступил впервые. Вместе с тем, факультет изобразительного искусства работает в университетской структуре уже более 50 лет, с ним в разные годы сотрудничали видные отечественные мастера⁴ и теоретики искусства, на протяжении десятилетий университет Герцена (не будучи профильным вузом) уверенно занимал третье место в сфере петербургского художественного образования⁵. Но, подобно тому, как в традиционном школьном образовании дисциплины художественно-эстетического цикла находились на периферии системы, ресурсы «худграфа» долгое время не получали столь выраженной реализации в жизнедеятельности мощной педагогической институции. Проведенный силами факультета изобразительного искусства международный конкурс, на мой взгляд, позволил сменить акценты. Конкурс визуализировал ту силу, которую в современном социуме обретают так называемые креативные сообщества.

Исследователи современной культуры и экономики говорят о фундаментальной трансформации процесса труда, когда ключевое значение обретают виды деятельности, основанные на творчестве. О формировании к началу XXI в. новой страты, общности людей, творческой элиты, писали О. Тоффлер, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, В.Л. Иноземцев. Ядро «креативного класса» составляют люди, занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых

технологий и нового креативного содержания [8]. Творчество перестает быть прерогативой исключительно художника. Р. Флорида говорит, что талант и креативность исходят практически от каждого человека – необходимо научиться использовать «глобальные потоки таланта». Особое значение в стратегиях креативной экономики отводят «творческим кластерам» – территориальным и идеологическим единениям на определенной замкнутой территории креативных личностей и институций [2].

Факультет изобразительного искусства проявил себя именно как творческий кластер в структуре университета. Понятный конкурсный механизм сотрудники факультета успешно экстраполировали на адаптацию и продвижение имиджа университета в целом. Проект, основанный на ресурсах факультета, получил качественное интеллектуальное, научное, менеджерское, экспозиционное, дизайн-обеспечение. Связи факультета с различными художественными институциями города позволили привлечь в проект важных акторов – экспертов, попечителей, авторов – то есть расширить круг лиц, работающих на проект.

Жюри – представительный орган любого конкурса; уровень жюри, по сути, – главное свидетельство статуса конкурсного мероприятия, качества его экспертизы и высказанной оценки. Конкурс может проводиться с пафосом, иметь внушительный призовой фонд, но если в жюри не будет значимых для современного арт-процесса персон, его результаты не будут восприняты всерьез. Ситуация, когда состав экспертного совета не оглашается, должна предотвратить попытки влиять на решение судей. Но зачастую состав жюри, напротив, становится информационным поводом, предлогом привлечь внимание общественности к конкурсу.

Герценовский конкурс собрал канонический и характерный состав экспертов. Под началом председателя СПб отделения Союза художников РФ, народного художника РФ А.С. Чаркина и ректора РГПУ им. А.И. Герцена, проф. В.П. Соломина в жюри конкурса работали видные теоретики искусства, заслуженные художники и кураторы, критики.

Интересным, подлинно креативным компонентом мероприятия, явилась система попечительства конкурса. Куратору Алене Васильевой удалось привлечь к поддержке конкурса очень разноплановые, но отличающиеся активной жизненной позицией и открытостью институции. Это были заслуженные госструктуры (ЦВЗ

«Манеж») и молодые компании (галерея «ДэДиС», Детская галерея «На Васильевском»), организации, работающие в сфере искусства (Общество акварелистов, Центр Start-Академия, галерея «Русская живопись», Выставочный зал Московского района, мастерские «Великий город»), или, на первый взгляд, не связанные с ним (Петербургский зоопарк), статусные международные партнеры (Консульство Китайской народной республики, Общество эстонской культуры) и фонды (Фонд им. Д.С. Лихачева, Фонд Михаила Шемякина, Союз китайских художников и музыкантов в Санкт-Петербурге). Важно, что каждый «попечитель» увидел в герценовском конкурсе возможность для плодотворного взаимодействия, творческого, заинтересованного диалога. Попечители оказали прямую поддержку художникам, выделив денежные премии и подарки, заинтересовавшим их авторам, участникам конкурса сделаны предложения, ориентированные на продолжительное сотрудничество-сотворчество, такие как выставки, совместные проекты и программы. Это не типичная для современной конкурсной практики ситуация. Обычно конкурс (а также все страсти вокруг него) заканчивается торжественным объявлением результатов. В случае Герценовского

конкурса и инициированного университетом попечительского внимания к нему выставка финалистов и церемония подведения итогов явились лишь кульминацией, вслед за которыми должны последовать ряд творческих мероприятий (выставок, мастер-классов, печатных и медиа-публикаций), развивающих идеологию проекта.

Итак, конкурсные мероприятия в современной культуре имеют серьезный потенциал привлечения широкого внимания к общественным проблемам и деятельности целых институций и одновременно формируют обостренную ситуацию оценки жизнеспособности этих проблем и структур. Университет выступил институцией с сильным идеологическим базисом, своей темой – классической, но неожиданно востребованной, получившей искренний отзыв как в художественной среде, так и у зрителя; институцией с явным креативным потенциалом, носителем которого являются сотрудники, сформировавшиеся в стенах вуза и способные гибко и компетентно переосмыслять и «продвигать» свою alma mater. Вместе с тем, конкурс выявил ригидность университетской среды, аккуратность в выходе на дискурсивные вопросы современного образования и современного искусства.

Список литературы:

1. Басс В.Г. Петербургская неоклассическая архитектура 1900–1910 годов в зеркале конкурсов. Слово и форма. — СПб.: Изд. Европейского ун-та в С-Петербурге, 2010
2. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика XXI, 2006.
3. Ляшко А.В. Художественный конкурс как форма экспертизы// Философия и культурология в современной экспертной деятельности: Коллективная монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — С 242–250.
4. Молок Н. Дело Беляева-Гинтовта// Журнал «Артхроника» – 2009. – № 1. – С.78–91.
5. Некрасова-Каратеева О.А. Наука и творчество в магистерской подготовке художника-педагога// Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 3. – С. 183–186.
6. Северюхин Д. Я. «Бунт четырнадцати» и Санкт-Петербургская артель художников: уточнение старой истории //Журнал «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ» —2009. – № 1. – С. 144–160.
7. Семендяева М. «Война» с победным концом// «Коммерсантъ». – 2011, № 62.
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее – М.: Классика XXI, 2007.

¹ А.И. Герцен родился в семье богатого помещика И.А. Яковлева; мать – немка Луиза Гааг. Брак родителей не был оформлен, и Герцен носил фамилию, придуманную отцом (от нем. Herz – сердце) – «сын сердца».

² В этом плане интересен исследовательский опыт Вадима Басса, рассматривающего в своих работах профессиональные механизмы утверждения классики на материале архитектурных конкурсов начала XX века, проектах и текстах, относящиеся к важнейшим состязаниям эпохи [1].

³ Свободное от прежних идеологических доктрин переосмысление истории «Бунта четырнадцати» предлагается в [6].

⁴ Одним из главных вдохновителей конкурса стал народный художник РФ, заслуженный деятель искусств РФ, заведующий кафедрой рисунка РГПУ им. А.И. Герцена, профессор Валерий Александрович Леднев.

⁵ Факультетом руководит заслуженный художник РФ, профессор кафедры живописи Владимир Арсентьевич Кузмичёв.

СОВЕТСКИЙ ПЛАКАТ (1917–1941): МЕЖДУ ИСКУССТВОМ И МЕДИЙНОЙ ТЕХНОЛОГИЕЙ*

Советское массовое изобразительное искусство можно рассматривать как медийную технологию. Анализ плакатного материала позволяет проследить знаковые изменения в советском искусстве вообще: в том, что касается статуса произведения искусства, его местонахождения, технологии художественного производства, фигуры художника.

Ключевые слова:

плакатное искусство, российская графика, советский лубок, советский плакат, советское изобразительное искусство.

В. Полонский в 1925 году утверждал, что «коммунистическая революция победила не штыками, а печатным станком» [6, с. 14]. Захват «печатного станка» был произведен большевиками в форме конфискации имущества типографий и запрета на публикацию не только оппозиционных газет, но и аполитичной лубочной продукции [9, с. 235]. Эта монополизация печатных медиа была одной природы со знаковым «захватить почту, телефон, телеграф». Плакатное искусство изначально рассматривается новой властью в одном ряду с прессой, радио и кино, благодаря своим возможностям осуществления контроля: массового распространения, охвата широкой аудитории. Период гражданской войны характеризуется повсеместным распространением, можно сказать, засильем плакатной продукции. Художественный критик Б. Земенков писал в журнале «Советское искусство» в 1925 году: «Я думаю, что у каждого в памяти улицы Москвы и провинции, агитпункты железнодорожных станций, набитые армейцами и спекулянтами, клубы и театры, заборы – сплошь залепленные плакатами... Плакатной лихорадкой был охвачен весь РСФСР» [2, с. 67].

Считается, что мифологизация значения средств связи в революционном перевороте – это позднейшее изобретение сталинской культуры, канонизированное снятыми в конце 1930х годов кинофильмами Михаила Ромма «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» [11, с.54]. Однако тенденция повышенного внимания к сетевым способам передачи информации и осознания символического значения, которое имеет медийная технология, налицо с 1918 года. Ярким примером могут служить «Окна Российского телеграфного агентства (РОСТА)»: иллюстрируя телеграфные новостные сообщения, плакаты

адаптировали их для массовой аудитории, заставляя преодолевать не только географические расстояния, но и социальную дистанцию. Кроме стремления к охвату массовой аудитории, интересно, что Окна РОСТА демонстрируют попытку превратить ручной художественный труд (результатом которого становится обычно штучный оригинальный авторский продукт) в массовое производство, достичь нечеловеческой скорости и промышленных объемов. Известно, что за годы гражданской войны в Москве было изготовлено 1600 «Окон РОСТА», каждое из которых было размножено в 150 копиях. Если учесть, что один выпуск «Окон» в среднем состоял из восьми отдельных рисунков, то мы получим впечатляющие данные об изготовленных вручную двух миллионах рисунков.

Теоретики 1920-х годов всерьез задумывались о новой иерархии искусств в новой культуре, и успешный опыт функционирования плаката в динамично меняющейся социокультурной реальности тех лет не мог не приниматься ими во внимание. Большевицкие теоретики отводили искусству роль начала, вносящего элементы более совершенной организации в общественное производство, и именно связь с массовым производством определяла социальную значимость искусства, ставшую неизмеримо более важной, чем формальные характеристики отдельных произведений искусства. Очевидно, что не любое искусство способно было стать производственным. «Буржуазное» искусство насквозь индивидуалистично: «Станковая картина ... представляет собою самостоятельный, самоценный, в себе замкнутый мир: не даром она нуждается в рамке!» [1, с. 33]. Кроме того, станковое искусство по определению музейно, поскольку в капиталистическом обществе существует «перепроизводство» произведений искусства, которому не может соответствовать

* См. иллюстрации на 4-й стр. обложки.

уровень спроса со стороны отдельных частных лиц. Между тем потребление искусства, как и его производство, должно стать массовой практикой.

Организация массового потребления искусства невозможна без технических средств связи, начиная с развития транспортной сети, которое само по себе уже было идеологически нагруженным способом освоения как географического, так и социального пространства. По железным дорогам перемещались не только пассажирские и товарные составы, но и агитпоезда; по водным магистралям – агитпароходы. Таким же способом контроля над территорией, связывания ее в единое целое и создания новой социокультурной общности были радиофикация, электрификация, индустриализация. Тот факт, что принятый к исполнению план электрификации основывался на сочетании радиальной и сетевой моделей, демонстрирует баланс между центром и периферией в идеале общественного устройства. Организующая инициатива исходит из центра, однако основу новой социокультурной идентификации составляет представление о ликвидации пространственной иерархии, подобной уничтожению классовых перегородок.

Аналогичным образом новое советское искусство базируется на идеале демократизации и массовости. Станковое искусство (для которого неотъемлемо понятие индивидуального художественного творчества, а качество оригинального изобразительного продукта традиционно определяется в соответствии с формальными критериями) закономерно теряет лидирующие позиции в советской иерархии искусств. Художник-станковист лишается прежнего высокого статуса, даже будучи пролетарием: «Станковая картина, каков бы ни был ее сюжет, всегда будет продуктом буржуазного искусства, хотя бы ее делал пролетарий; и оттого, что она станковая, и оттого, что она – картина, ее удел – никогда не быть пролетарской. ... Недоступная массовому потреблению, не связанная ни с какой практической социальной функцией, случайная по своему местонахождению, она органически не способна на такой реальный эффект, который оправдывал бы затраты усилий на ее производство» [1, с. 35].

Перечисление признаков несостоятельности станковой картины весьма показательно в смысле утверждения идеала нового искусства: произведение искусства новой эпохи должно быть доступным для массового потребления, связанным с практической социальной функцией, тиражи-

руемым. Местоположение такого произведения должно обеспечивать широкий доступ к нему, а затраченные на производство ресурсы должны уравниваться с приносимой пользой, опять же напрямую зависящей от массовости потребления художественного продукта. Искусство, таким образом, превращается в медийную технологию, чью роль в создании коллективного советского субъекта трудно переоценить: технические средства служат для конструирования единого тела советского человека, являются экспансией этого коллективного тела, а не просто посредником в коммуникации между политической элитой и рядовым гражданином.

Искусство советского плаката наиболее близко подошло к идеалу массовости и технологичности. Массовое распространение продукции всегда было его первоочередной задачей. Техническая сторона производства плакатной продукции также изначально была делом коллективным, включающим, помимо художников, граверов, типографских рабочих и т.д. Кроме того, с первых месяцев советской власти и (как минимум) до середины 1930-х годов можно зафиксировать очевидные усилия по привлечению масс к созданию художественного образа плаката.

Сконцентрировав исследовательское внимание на плакатном искусстве, проследим знаковые изменения в советском искусстве вообще: в том, что касается статуса произведения искусства, его местонахождения (распространения), технологии художественного производства, фигуры художника.

Несмотря на множество иконографических, стилевых, технических связей революционного плаката с традицией российской графики начала XX века, несмотря на низкое качество многих созданных в первые революционные годы плакатных произведений, советские теоретики, приступившие в 1920е годы к написанию новой истории искусства, объявили революционный плакат вершиной и эталоном изобразительного искусства современности. Действительно, никогда ранее искусство не имело такого важного социального значения, никогда оно так близко не подходило к идеалу «искусство есть жизнестроение» [3, с. 46] как в эти годы: «Искусство плаката производственно – по структуре, общественно – по выполняемой функции и агитационно – по идеологии» [13, с. 22]. Критикуя отдельные плакаты и отдельных плакатистов, теоретики раннего советского времени никогда не ставили под сомне-

ние приоритетное место советского плаката в системе изобразительного искусства: «В формах хорошо построенного плаката не отражается (как в станковой картине) субъективный мир автора, а напротив, – его изобразительной, конструктивной, текстовой стороной говорит та социальная среда, которая породила данный плакат» [13, с. 23]. Именно вокруг плаката как специфического произведения искусства группируются другие виды массовой изобразительной продукции раннего советского периода: советский лубок и советская массовая картина. Они представляли собой вариации плакатного искусства, которому с наступлением мирного времени приходилось приспосабливаться к изменившемуся пространству функционирования произведений и к специфическим запросам разных категорий зрителей.

Поскольку в период нэпа частные издательства вновь получили право печатать собственную продукцию, главным конкурентом политического плаката стал лубок, соответствовавший вкусам как крестьянской, так и городской аудитории. Для того чтобы сохранить лидирующие позиции, плакат взял курс на поглощение по отношению к лубочной продукции, провозгласив новый вид изображений «лубочный плакат»: «Форма старого лубка – пассивно-созерцающая... Новый лубок будет тем агитационным искусством, форма которого является типичной формой искусства пролетарского... Это будет специальная форма агитации в деревне» [13, с. 51, 56]. В поисках новых форм и сюжетов для нового советского лубка крупнейшие издательства АХР и ГИЗ объявили в 1929 году конкурсы (среди профессиональных и самодеятельных художников) на лучший лубок¹. Очевидной целью являлась идеологическая реабилитация лубка как вида домашнего настенного изображения. «Лубки попадали не только в избу крестьянина – теперь колхозника, но и в квартиры рабочих, в рабочие клубы. Интерес рабочего зрителя к изобразительному искусству намного вырос» [8, с. 25].

Взяв курс на функционирование в интерьере, советский плакат заимствует художественный язык не только у лубка, но и у станковой картины. При этом появление нового жанра изобразительного искусства – «массовой картины», технология изготовления и распространения которой была близка плакатному производству, не расценивается как шаг назад. Наоборот, как отмечает автор статьи в журнале «Плакат и художественная репродукция»

художник Трошин: «Плакатное искусство подходит к новой фазе своего развития. Требования жизни выдвинули новый вид изображения – массовую картину» [14, с. 14]². Исполнение первоначального рисунка для последующего литографского воспроизведения Трошин советовал поручить именно художнику-плакатисту, которого обязывал думать «о создании новой формы плакатного искусства» [14, с. 15]. Большой тираж – вот первоочередная ценность и принципиальное отличие «массовой картины» от станковой картины в ее привычном понимании. Естественным поэтому стало обращение с живописным или графическим оригиналом как с «полуфабрикатом»³. Каждая из копий обладала большей значимостью, чем уникальный оригинал, именно за счет зрительских знаний о многотысячном тираже и за счет идентичности множества копий друг другу. И хотя отдельные художники пытались протестовать («этот оригинал (а не репродукция) должен идти на выставки (где бывает и по сто тысяч посетителей – вот вам тираж!), в музеи, клубы и т.д.» [12, с. 16]), но общая тенденция была сильнее.

Производственная организация изготовления картинно-плакатной продукции кристаллизовалась в 1930-е годы в деятельности Изогиза на основе принципов «коллективизации художественного труда» [4, с. 20]. От практики заказа оригинала плаката отдельному художнику издательство переходит к бригадному методу работы и «научной организации труда», стремясь максимально сблизить художественное производство с любым другим производственным процессом. На каждом из этапов работы над плакатным эскизом формируются бригады; еще до начала работы определяется целевая аудитория и целевое пространство экспонирования произведений; в ходе работы художники обращаются в коллектор и лабораторию; редакция помогает им организовать «зарядовые вылазки» на промышленное производство или в колхоз. Декларируемой перспективой в начале 1930-х годов был «призыв на художественную работу выдвиненцев с производства из числа рабочих-ударников» [4, с. 20].

Знакомство с периодической литературой по изобразительному искусству рубежа 1920–1930-х годов, позволяет заметить, что поощрение получают два типа новых художников, которые должны помогать друг другу, организовать «взаимное шефство»: с одной стороны – самодеятельный художник из рабочей или крестьянской среды, не потерявший связь с производством

или лишь побочно занимающийся изобразительным творчеством («Не беда, что они рисуют слабо»⁴). С другой стороны – профессиональный художник: грамотный методист, руководитель изокружка, который осознает, что самодеятельный рабочий художник – не «самородок», не «кандидат в художники», а, прежде всего, «рабкор, отличающийся от обычного рабкора только формой передачи того или иного волнующего его факта» [7, с. 9]. Главное для изобразителя – не талант, а постоянное присутствие в жизни любого коллектива: «в низовой печати, в стенгазетах – районных, заводских и т.д.» [7, с. 9].

Среди основных причин того, что плакат выдвигается на лидирующие позиции в системе изобразительных искусств – массовость охвата аудитории, коллективный характер работы по изготовлению произведения, а также заметная тенденция отхода от искус-

ства как досугового потребления («бегство от станка»⁵). Стремление к максимальной экспансии в социальном пространстве вынуждает плакат к поискам новых медийных и художественных форм. Если советское искусство 1920–1930-х годов принципиально стремится стать масс-медиа [10], то советское плакатное искусство – наиболее подходящая технология для осуществления этой медийной функции. Определение плаката как технологии позволяет очертить этот феномен более продуктивно и менее противоречиво, чем те определения, в основе которых лежит поиск формальной, художественной, стилевой, жанровой специфики⁶. Ведь технологическая сторона советского плаката (наличие целенаправленных усилий по организации процесса производства и массового распространения продукции) – это его наиболее устойчивый признак.

Список литературы:

- [1] Арватов Б. Искусство и классы. – М.–Петроград: ГИЗ, 1923. – 88 с.
- [2] Земенков Б. Карикатура в советской общественности // Советское искусство. – 1925, № 6. – С. 66–70.
- [3] Иоффе И.И. Культура и стиль. – Л.: Прибой, 1927. – 366 с.
- [4] Коллективизация художественного труда // Бригада художников. – 1931, № 2–3. – С. 20.
- [5] Курелла А. Советского лубка нет // 30 дней. – 1929, № 5. – С. 45.
- [6] Полонский В. Русский революционный плакат. – М.: ГИЗ, 1925. – 192 с.
- [7] Пророков Б. О пролетискусстве и художорчванстве // Бригада художников. – 1931, № 2–3. – С. 9.
- [8] Русский советский лубок (печатная массовая картина) в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1921–1945: Каталог / Сост. Л.М. Мельникова. – Л., 1962. – 164 с.
- [9] Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин / Пер. с англ. – М.: Изд. центр «Тerra»; Изд. дом «Экон. газ.», 1996. – 301 с.
- [10] Советская власть и медиа: Сб. ст. / Под ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсен. – СПб.: Академический проект, 2006. – 621 с.
- [11] Спикер С. Сталин как медиум. О сублимации и десублимации медиа в сталинскую эпоху // Советская власть и медиа: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера и С.Хэнсен. – СПб.: Академический проект, 2006. – С. 51–58.
- [12] Счет художника // Бригада художников. – 1932, № 2. – С. 16.
- [13] Тарабукин Н.М. Искусство дня. Что нужно знать, чтобы сделать плакат, лубок, рекламу, смонтировать книгу, газету, афишу, и какие возможности открывает фотомеханика. – М.: Всерос. пролеткульт, 1925. – 134 с.
- [14] Трошин Н. О массовой картине // Плакат и художественная репродукция. – 1935, № 1. – С. 14–ф15.

¹ Критиков, однако, не удовлетворили результаты конкурса: «Никто в настоящее время не может ответить на вопрос, что такое лубок, каким он должен быть в наше время? Художники, во всяком случае, этого не знают. Но и заказчики – издательства – не имеют ясного представления и не могут дать указания художникам, что именно они ждут. Само собой разумеется, что отсутствие ясности в вопросе о целевой установке советского лубка является главным тормозом создания его» [5, с. 45].

² «Требования жизни» выводились из предполагаемого письма колхозников советским художникам, опубликованного ранее в газете «Советское искусство», в котором колхозники выражали желание, чтобы их растущие потребности в авторских картинах, выполненных масляными красками, эффективно удовлетворялись. Причем картина такого рода должна была, согласно требованию колхозников, иметь подпись, кратко разъясняющую ее содержание. В ответной статье в журнале «Плакат и художественная репродукция» художник Трошин давал ответ на вопрос, «какая же на первых порах должна быть массовая картина».

³ «... дело в том, что картина для работников Изогиза и типографии – “полуфабрикат”... Судьба самого оригинала никого не интересует» [12, с. 16].

⁴ «...создать организованное пролетарское изобразительное искусство, воспитать своих больших художников-профессионалов можно будет только тогда, когда будет создана широкая база массового художественного творчества» [7, с. 9].

⁵ Термин Б. Арватова.

⁶ Классификации плакатной продукции 1920-х гг. включают помимо различных видов печатной изобразительной продукции стенгазеты, иллюстрированные диаграммы, фотомонтажи, конструктивные «плакаты» из фанеры (фигуры с движущимися конечностями), «живые плакаты» (короткие инсценировки) и т.п.

ПОНЯТИЕ «ФОРТЕПИАННОЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ» КАК ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Предпринята попытка внести ясность в сложившуюся в музыкальной практике противоречивую картину трактовки основных понятий, относящихся к сфере фортепианных переложений. Наиболее объективная информация о понятиях представлена в музыкальных справочных изданиях, анализ которых осуществлен в статье. Делается вывод о необходимости разграничения смысловых значений следующих терминов: аранжировка, транскрипция, обработка, переложение, фантазия, парафраза.

Ключевые слова:

аранжировка, обработка, парафраза, переложение, транскрипция, фантазия.

В исполнительской практике XX–XXI вв. наметилась тенденция активного обогащения нотного фортепианного репертуара различного рода переложениями, представляющими значительный объем массива издаваемой сегодня нотной продукции. Сложившаяся ситуация существенным образом повлияла на актуализацию исследовательского интереса к этому виду композиторской деятельности. В частности, в научных трудах представлены разнообразные толкования понятия «переложение» в зависимости от всей полноты диапазона трансформации первоначального нотного текста (оригинала) как следствие работы аранжировщика. Спорность некоторых суждений побудила нас попытаться отразить сложившуюся в исследовательской практике картину на основе интерпретативного подхода к анализу информационного материала представленного в основном в справочных и энциклопедических изданиях.

Во избежание путаницы в вопросах терминологии определим сущность понятий «транскрипция», «переложение», «аранжировка», «обработка», «парафраза», «фантазия». Мы не будем приводить все существующие значения перечисленных терминов, закрепившихся в научной практике, используя только необходимую нам в данном контексте информацию, извлеченную из ряда научных текстов. Так, попытка проанализировать и соотнести содержание терминов «аранжировка», «обработка», «транскрипция», «переложение» осуществлялась в работе Н. Иванчей на основе данных восемнадцати отечественных и зарубежных музыкальных энциклопедий и словарей [4, с. 31–32]. Обращая внимание на вариативность решения проблемы дефиниции в отечественных и зарубежных словарях, автор в конце первой главы приводит таблицу терминов, основанную на семи источниках,

при необходимости сокращая данную в них информацию [4, с. 50–53]. В частности, формулировка термина «аранжировка», почерпнутая из статьи «Музыкального энциклопедического словаря», откорректированная Иванчей путем частичного изъятия текста, с отсутствием необходимого в данном случае комментария, искажает суть понятий «аранжировка» и «транскрипция» [4, с. 50]. Согласно таблице, в результате сокращений текста источника «аранжировка» противопоставляется «транскрипции» (имеет самостоятельное значение), которая, в свою очередь, трактуется отлично от «обработки» по тому же принципу (относительности самостоятельности), что, на наш взгляд, с логической точки зрения, неточно. Обратившись непосредственно к источнику информации, выясняется, что в тексте энциклопедической статьи явно прослеживается разграничение понятий «транскрипция» и «аранжировка» по принципу художественной самостоятельности от оригинальной версии произведения в первом случае и наличием вспомогательной функции приспособления оригинала к другим условиям исполнения во втором. Точное определение понятия «аранжировка», отраженного в статье из «Музыкального энциклопедического словаря» выглядит следующим образом: «В отличие от транскрипции, которая является творческой обработкой и имеет самостоятельное художественное значение, Аранжировка обычно ограничивается приспособлением фактуры оригинала к техническим возможностям какого-либо инструмента, инструментального состава или голоса, вокального ансамбля» [1]. Таким образом, смысл понятий проясняется и возникшее противоречие снимается.

Попытаемся на примере четырех музыкальных словарей и энциклопедий, изданных на русском языке [7–9; 22], проанализировать варианты трактовки терминов

«аранжировка», «транскрипция», «переложение», «обработка», «парафраза», «фантазия» [1–3; 5; 6; 10–23] и создать более объективную картину определения критериев их общности и различий, сфокусировав при этом внимание на степени трансформации первоначального нотного текста. Данные энциклопедий позволяют утверждать, что, несмотря на имеющиеся точки соприкосновения интересующих нас определений (некоторые из них можно сгруппировать по степени сходства), существуют позиции, позволяющие их разграничить.

Одним из самых универсальных терминов оказывается «переложение». Авторы статей «Музыкальной энциклопедии» и «Музыкального энциклопедического словаря» под редакцией Ю.В. Келдыша, а также «Энциклопедического музыкального словаря» под редакцией Б.С. Штейнпресса и И.М. Ямпольского не персонифицировали это понятие каким-либо отличительным свойством, а использовали его как вспомогательное средство для формулировки таких интересующих нас дефиниций как «Аранжировка», «Обработка», «Транскрипция». Это дает повод рассматривать «переложение» как максимально всеобъемлющее понятие, связанное с трансформацией нотного текста, границы которого простираются от примитивного уровня бытования до наивысшей степени сложности, имеющей место в сути данного явления. Ярче всего раскрывается смысл этого феномена через термины «аранжировка» и «транскрипция», что подтверждает вышесказанное.

Также, благодаря информации статей «Аранжировка» в русскоязычных энциклопедиях*, можно определить степень дифференциации, которой пользуются авторы для разведения понятий «аранжировка» и «транскрипция». Становится очевидным, что термин «аранжировка» представлен сравнительно с «транскрипцией» как более упрощенный вариант «переложения». Подразумевается приспособление оригинала к техническим возможностям другого инструментального или вокального состава, а также облегченное изложение музыкального произведения для исполнения на том же инструменте, что определяет границы допустимого вмешательства в изначальный текст, исключая элемент соавторства с композитором. При этом не стоит забывать, что «аранжировка» в

настоящее время активно используется в контексте джазовой музыки.

Термин «обработка» наиболее полно представлен в «Музыкальной энциклопедии». В сравнении с «транскрипцией», его развитие осуществлялось в зеркальном соотношении: «до XVIII века “обработка” рассматривалась как нечто равнозначное оригинальному композиторскому творчеству, в последующее же время в связи с ростом значения индивидуального начала в музыке, стала побочной, второстепенной областью» [10, с. 1070]. В последнее время понятие «обработка» чаще всего ассоциируется со сферой народных песен.

«Транскрипция» же подразумевает, как и «аранжировка», переложение музыкального произведения, при этом имеющая, в отличие от нее, самостоятельное художественное значение. В статье Г.М. Когана в определении транскрипции имеет место следующая фраза: «К жанру транскрипции ошибочно относят парафразы» [5, с. 589]. Более подробное разъяснение можно найти на страницах «Музыкального энциклопедического словаря» в определении термина «парафраза»: «инструментальная концертная пьеса, главным образом для фортепиано, основанная на темах популярных песен, арий из опер и др. Эти темы нередко подвергаются значительным преобразованиям, выступают в новых соотношениях друг с другом. Этим парафраза отличается от транскрипции» [12]. Следовательно, «транскрипция» по возможности сохраняет формообразующее начало.

Сложнее оказывается выявить разницу между родственными терминами «парафраза» и «фантазия». Оба определения относятся к жанровой сфере концертной музыки виртуозной направленности, подразумевая исключительно свободную трактовку авторского текста. Исходя из определений, данных в энциклопедиях и словарях, «парафраза» является производной частью «фантазии», т.к. именно она («парафраза») раскрывается через обозначение инструментальной «фантазии», а не наоборот. В определении «фантазии», сравнительно с другими терминами занимающем лидирующую позицию по объему информации, термин «парафраза» не упоминается. Вышесказанное дополняют данные «Энциклопедического музыкального словаря» Штейнпресса и Ямпольского. В определении «парафразы», представленном в этом издании, найдена та нить, которая позволяет развести эти два понятия: «Парафраза <...> по типу приближается к свободной фантазии, но отличается от нее более прос-

*В «Музыкальной Энциклопедии» под ред. Ю.В. Келдыша, статья «Аранжировка» написана И.М. Ямпольским [23]. В остальных статьях, посвященных «Аранжировке» [1–3] авторы не указаны.

тым построением» [15]. Но эта разделительная черта касается скорее характеристики структурных особенностей, а не степени трансформации первоисточника.

Если попытаться коротко суммировать данные статей из анализируемых энциклопедий, становится очевидным, что терминологическая база, в сферу которой входит весь комплекс всевозможных переложений, основывается непосредственно на принципе вариативности бытования произведений-оригиналов. Имеется ввиду переложение для другого инструментального состава, а также адаптированное изложение музыкального произведения для исполнения на том же инструменте согласно заданным целям. Не менее важны те нюансы, на основании которых мы полноправно имеем возможность утверждать о специфических отличиях в рамках рассматриваемых терминов. Так, «аранжировка» имеет дополнительное значение

использования в джазовой музыке, «транскрипция» с XIX века стала употребляться в качестве самостоятельного концертно-виртуозного жанра, «обработка» прочно утвердилась в фольклорном аспекте музыкальной области. Термины «парафраза» и «фантазия» в данном контексте стоят особняком, представляя собой не процесс, а скорее результат творческой деятельности (конкретные произведения).

Терминологическая база, в которую входят такие определения, как «транскрипция», «аранжировка», «переложение», «обработка», косвенно затрагивающие жанровую сферу относительно родственных понятий «фантазий», «каденций», «парафраз» и т.д., представляет собой обширную систему, внутри которой заключено множество противоречий и условностей. Это, с одной стороны, затрудняет процесс исследования, с другой – порождает у многих исследователей стремление внести ясность.

Список литературы:

- [1] Аранжировка // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 37.
- [2] Аранжировка // Энциклопедический музыкальный словарь / Авт.-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 25.
- [3] Аранжировка // Музыкальный словарь Гроува / пер. с англ., ред. и доп. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 2007. – С. 48.
- [4] Иванчей Н. Фортепианная транскрипция в русской музыкальной культуре XIX века / Дисс. ... канд. иск. – Ростов-на-Дону, 2009. – 211 с.
- [5] Коган Г.М. Транскрипция // Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. Г.В. Келдыш. Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 589–590.
- [6] Кюрегян Т.С. Фантазия // Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. Г.В. Келдыш. Том 5. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 767–771.
- [7] Музыкальная энциклопедия / Гл. ред. Ю.В. Келдыш. Том 1–6. – М., 1973–1982.
- [8] Музыкальный словарь Гроува / Пер. с англ., ред. и доп. Л.О. Акопяна. – М., 2007.
- [9] Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М., 1990.
- [10] Обработка // Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. Г.В. Келдыш. Том 3. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – С. 1070–1073.
- [11] Обработка // Энциклопедический музыкальный словарь / Авт.-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 359.
- [12] Парафраза // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 410.
- [13] Парафраза // Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. Г.В. Келдыш. Том 4. – М.: Советская энциклопедия, 1978. – С. 178.
- [14] Парафраза // Музыкальный словарь Гроува / Пер. с англ., ред. и доп. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 2007. – С. 652–653.
- [15] Парафраза // Энциклопедический музыкальный словарь / Авт.-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 380.
- [16] Транскрипция // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 551.
- [17] Транскрипция // Музыкальный словарь Гроува / Пер. с англ., ред. и доп. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 2007. – С. 874.
- [18] Транскрипция // Энциклопедический музыкальный словарь / Авт.-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 516.
- [19] Фантазия // Музыкальный словарь Гроува / Пер. с англ., ред. и доп. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 2007. – С. 903.
- [20] Фантазия // Энциклопедический музыкальный словарь / Авт.-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 532.
- [21] Чинаев В.П. Фантазия // Музыкальный энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 570.
- [22] Энциклопедический музыкальный словарь / Авт.-сост. Б.С. Штейнпресс и И.М. Ямпольский. – М., 1966.
- [23] Ямпольский И.М. Аранжировка // Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. Г.В. Келдыш. Том 1. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – С. 193.

ПЕНСИОНЕРСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКА-МЕДАЛЬЕРА А.Ф. ВАСЮТИНСКОГО

На основе документальных материалов и литературных источников впервые исследуется период творчества российского художника-медальера, выпускника Императорской академии художеств А.Ф. Васютинского (1858–1935), связанный с его пребыванием в пенсионерской поездке по странам Западной Европы.

Ключевые слова:

А.Ф. Васютинский, Императорская академия художеств, медаль, медальерное искусство, пенсионерская поездка, плакета.

Творчество Антона Фёдоровича (Афоциевича) Васютинского (1858–1935), известного российского мастера медальерного искусства, получившего профессиональное образование в Императорской Академии художеств (1881–1888), нашло отражение в ряде небольших по объему статей и очерков, опубликованных в художественных журналах и монографиях по медальерному искусству. Между тем полного представления о разных этапах творческого пути мастера они не дают. Так, до последнего времени оставался неизученным пенсионерский период творчества художника, связанный с его пребыванием в странах Западной Европы (1889–1893).

В ходе проводимого исследования в музейных фондах и частных собраниях России были выявлены произведения медальера, а в архивных фондах Санкт-Петербурга – документы (личное дело и ежегодно присылаемые из-за границы отчеты А.Ф. Васютинского, письма А.П. Боголюбова И.И. Толстому), позволившие реконструировать и исследовать пенсионерский период в творчестве мастера.

Отметим, что за всю историю медальерного класса Императорской Академии художеств Антон Васютинский был единственным выпускником, удостоенным пенсионерской поездки. По словам художника, российское медальерное искусство в тот период было «брошено на произвол чиновников, в полное их распоряжение и сведено до степени входящего и исходящего номера» [3, с. 55]. Это положение

не только не устраивало художников, но и беспокоило императора Александра III, пожелавшего поднять пришедшее в упадок искусство медали «на степень времен императрицы Екатерины, Александра I и Николая I» [1, л. 99]. По мнению членов Совета Академии художеств, в определенной мере этому должно было способствовать пенсионерство Антона Васютинского.

Удостоенный большой золотой медали¹ и звания классного художника за конкурсную медальерную программу «Геркулес убивает трехглавую гидру» (1888)² (рис. 1), он был «отправлен для усовершенствования в медальерном искусстве за границу на четыре года в качестве пенсионера Академии художеств, считая с января 1899. Срок этот с Высочайшего соизволения продолжен еще на один год» [2, л. 2].

В соответствии с «Инструкцией для пенсионера А.Ф. Васютинского», первые полгода художник должен был работать на Монетном дворе Санкт-Петербурга с целью изучения «способов и приемов резьбы маточников на штемпелерезной машине, перевода штемпелей, закалки их и печатания штампов» [1, л. 51]. Результатом стали два маточника. На первом Васютинский «изучал более плоскую резьбу, а на втором – более рельефную» [1, л. 59]³.

Во время пребывания за границей русскому художнику необходимо было посещать монетные дворы и медальерные заведения разных стран, в течение первых двух лет вылепить портрет (с натуры или по фо-

тографии) и вырезать его на стали, в конце второго года прислать в Совет Академии эскиз медали на избранную тему, к концу четвертого года по утвержденному Советом Академии эскизу медали выполнить лепку и вырезать штемпель. Ежегодно пенсионер обязан был отчитываться перед Советом Академии художеств о проделанной работе, прилагая восковые и гипсовые слепки со своих произведений и слепки со штемпелей из сплава олова со свинцом.

Первым европейским городом на пути Васютинского стала Вена. Из отчёта художника в Совет Академии следует, что в этот период его внимание было направлено, главным образом, на деятельность Венского Монетного двора (старейшего в Европе, основанного в 1194 г.) и Академии художеств, в состав которой, помимо учебного заведения, входила Картинная галерея, включавшая полотна выдающихся мастеров живописи XVIII–XIX вв., и гравюрный кабинет, представлявший собой одно из лучших графических собраний Австрии. Обе коллекции, подобно коллекциям Музея Российской академии художеств, служили учебным материалом для учащихся. В отличие от Санкт-Петербургского Монетного двора на Венском все заказы выполнялись частными художниками и мастерами, изготавливающими маточники на штемпелерезной машине. По предположению Васютинского, студенты Венского медальерного класса Академии художеств выполняли учебные работы на штемпелерезной машине [1, л. 61].

Практическим результатом уроков, полученных Васютинским у венского придворного медальера Антона Шарфа (Anton Scharff, 1815–1903), стали два портрета из воска – копии с работ мастера (рис. 2) и два женских портрета с натуры⁴.

По дороге в Париж Васютинский посетил Мюнхен, где побывал на художественной выставке, оставившей впечатление «очень хороших работ, но ничего выдающегося» [1, л. 62]. В отчете он отметил, что по медальерному искусству там «ничего не было выставлено» [1, л. 62].

Почти весь пенсионерский срок Васютинский провел в Париже, однако у него была возможность выезжать в другие города и страны. Художнику удалось побывать в Лондоне, посетить старейший Королевский монетный двор Великобритании, который по своему техническому оснащению переживал не лучшие времена: выработали свой срок даже заводские штемпелерезные машины. Не вызвало интереса у русского художника и искусство английской меда-

ли. Он лишь отметил, что там «ничто <...> не свидетельствует, насколько англичане интересуются этим искусством» [1, л. 64].

В Париже Васютинский изучал миниатюрное искусство сначала под руководством Поля Дюбуа (Paul Dubois, 1827–1905), потом – Жюля-Клемана Шаплена (Jules Clement Chaplain, 1839–1909). По рекомендации проживавшего в Париже живописца А.П. Боголюбова (1824–1896) он поступил учеником к члену Французской Академии изящных искусств и Института Франции профессору Луи-Оскару Роти (Louis Oscar Roty, 1846–1911), однако невнимание последнего к русскому пенсионеру способствовало обращению Васютинского к г-ну Дюбуа – директору Парижской школы и члену Института Франции, направившего его к Шаплену – известному медальеру и члену Института. При этом начинающий медальер продолжал пользоваться советами Дюбуа.

За границей Васютинский понял главное: искусство медали не должно быть изолированным от других видов искусства, как это было в России. Оно должно развиваться наряду с живописью, рисунком, скульптурой, произведениями декоративно-прикладного и монументально-декоративного искусства. Произведения медальерного искусства должны непременно экспонироваться на художественных выставках. Рассматривая экспонаты на Всемирной выставке в Париже (1890), Васютинский сделал для себя важный вывод: произведения медальерного искусства должны отличаться хорошим вкусом автора, и в этих произведениях содержание должно главенствовать над техникой.

В отчете за 1890 г. Васютинский, коннувшись технической оснащенности Монетных дворов Вены, Парижа и Лондона, отметил, все они заметно уступают Санкт-Петербургскому Монетному двору, однако художественный и исполнительский уровень готового изделия медальерного искусства у них на порядок выше российского. Причину художник назовет позже, в 1911 г., в своем докладе на Первом всероссийском съезде художников в Санкт-Петербурге. Суть ее состоит в том, что забота о существовании медальерного искусства в России «перешла к людям, ничего общего с искусством не имеющим» [3, с. 55].

Документальные материалы свидетельствуют, что в первый год пребывания в Париже Васютинский, моделируя голову, много работал с натуры и фотографии, однако в Совет Академии художеств посылал лишь те произведения, которые считал удавшимися, в их числе – женский порт-

138 | рет (1890), ныне хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа.

Известно, что в 1890-е гг. Франция переживала взлёт искусства модерна, объединившего и творчески переработавшего орнаментальные и изобразительные начала разных видов искусства. Столь яркое явление в искусстве и культуре не могло не привлечь Васютинского и не сказаться на его творчестве. Испытав влияние нового стиля, в 1890-е гг. он создал ряд женских портретов в медальонах («Elisabeth Bureau», 1890 и «Lydie», 1890), в одностороннем медальоне «Mignon» (1890, в переводе – «милая»), в плакетах («Женский профильный портрет», 1892) (рис. 3) и «Victorine Coquelin», 1893). Идеи нового искусства с характерными для него мифологическими сюжетами и образами юных героев нашли отражение в односторонней плакете «Венера и купидон» (1893)е. Стилизованные под искусство модерн женские образы с их прическами, кружевом платьев, S-образным выразительным изгибом спины позволяли художнику отходить от академических традиций.

В 1891 г. в Совет Академии художеств Васютинский отправил медаль с портретом художника-мариниста И.К. Айвазовского, два женских портрета, переведенные в гальванопластику, и медаль с натурным портретом профессора живописи А.П. Боголюбова, выполненную на Парижском монетном дворе на штемпелерезной машине, с приложением моделей (рис. 4). По словам В.В. Алексева, последняя показала «большой успех» автора «в технике медальерного искусства» [1, л. 75].

В личном деле Васютинского хранится набросок будущей итоговой медали, посвященной «Августейшему покровителю искусств императору Александру III». Как и к медали, запечатлевшей образ Боголюбова, автор приложил подробное объяснение замысла композиции оборотной стороны, однако Совет Академии в отзыве на проект медали, постановив «выразить хвалу», композицию не одобрил [1, л. 76]. Документы 1899 г. свидетельствуют, что памятную медаль Васютинский исполнил по собственному желанию, и что она была «Высочайше одобрена» с поручением исполнить штемпеля, однако из-за перемен в Министерстве финансов осуществления не получила [1, л. 102–109].

Упорный труд русского медальера на протяжении 1891 г. Общество французских художников отметило Почетным дипломом [4, с. 96]. В следующем 1892 г. Васютинский обратился в Совет Академии с прошением разрешить участвовать в ежегодной акаде-

мической выставке и включить в каталог модель браслета, исполненного «по случаю серебряной свадьбы Их Величеств»⁶, портрета Александра III, головы Христа в терновом венце, трех женских портретов и «типа мальчика из погребальной процессии древнего Рима» [1, л. 82]. Судя по письму Алексева в канцелярию Императорской Академии художеств от 30 марта 1892 г., семь работ из гальваноластики, присланные Васютинским в Санкт-Петербург, вошли в состав выставки и экспонировались в академическом зале «в раме под стеклом» [1, л. 83]. Учитель Васютинского Алексеев оценил художественное и техническое достоинство всех экспонатов, хотя изображение Спасителя «по исполнению» показалось ему «слабее других» [1, л. 83].

Высоко оценили труд медальера и члены императорской семьи: «Государь Император во все милостивейшем внимании к трудам г-на Васютинского по исполнению медали и браслета соизволил пожаловать награду в 500 рублей в поощрение трудов его по медальерному искусству», а Государыня Императрица «за образ Христа Спасителя на молитвенник Ея Императорскому Высочеству Великой Княжны Ксении Александровны» высказала художнику благодарность [2, л. 4].

Важной оценкой работы Васютинского за границу стал отзыв его учителя Жюль-Клемана Шаплена, в котором тот ходатайствовал перед Советом Академии о продлении пенсионерского срока своему русскому ученику еще на год («для полного усовершенствования») и на прежних условиях содержания (в размере 1350 рублей в год) [1, л. 89]. Президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович поддержал эту просьбу [1, л. 86]. В результате 30 июля 1892 г. Александр III подписал приказ о продлении пенсионерского срока Васютинскому еще на один год [1, л. 90].

В 1892 г. русский художник принял участие двенадцатью своими работами в выставке парижского Салона [11, с. 216]. В односторонней плакете «Jules Clement Chaplain» (1892), изображающей поясной портрет мужчины в академическом мундире с орденом Почетного легиона на груди, Васютинский создал портрет своего французского учителя. Используя стилистические и изобразительные особенности почерка Шаплена, медальер применил типичную для творчества французского мастера прямоугольную форму плакетки, профильный ракурс, линию и рисунок. При этом графика шрифта была не столь безупречна, а лепка формы не так экспрессивна, как у самого учителя. Но и эта полу-штудия – полу-твор-

Рис. 1. А.Ф. Васютинский. Медаль «Геркулес убивает трехглавую гидру». Медь. Диам. 64 мм. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № РМ-9072. Фото А.Я. Лаврентьева.

Рис. 2. А.Ф. Васютинский. Копия с работы А. Шарфа. Вена. 1889. Медаль «Портрет неизвестного вправо». Воск, шифер. Диам. 178 мм. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № РМ-11002. Фото А.Я. Лаврентьева.

Рис. 3. А.Ф. Васютинский. Плакета «Женский портрет». 1892. Медь. 60×72 мм. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № РМ-12837. Фото А.Я. Лаврентьева.

Рис. 4. А.Ф. Васютинский. Медаль «В память 50-летия художественной деятельности А.П. Боголюбова». 1891. Медь. Диам. 46 мм. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № РМ-7355. Фото А.Я. Лаврентьева.

Рис. 5. А.Ф. Васютинский. Плакета в честь русского посла в Париже А.П. Моренгейма. 1892. Медь. 150×220 мм. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № РМ-8138. Фото А.Я. Лаврентьева.

ческая работа для начинающего художника явилась большим шагом вперед. В ней живой чувственный портрет сменил умозрительную идеализацию образа, характерную для русской медальерной пластики тех лет.

В том же 1892 г. Васютинский создал портрет русского дипломата, посла в Париже барона Э.П. Моренгейма (рис. 5), медаль «Paul Bugeau» и плакету с портретом русского скульптора Марка Антокольского.

Основной работой 1893 г. стал портрет великого князя Владимира Александровича. Получив модель медальона, изображенный остался доволен работой Васютинского и утвердил следующую надпись: «Великий князь Владимир Александрович» [1, л. 93]. Документальные материалы свидетельствуют о том, что в 1893 г. медальер выполнил также рисунки медалей в память «Священного Коронования Их Императорского Величества», за что ему «Всемилоостивейше назначено в награду 1000 рублей» [2, л. 10].

Исполненные в том же 1893 г. медаль «В память Помпея Николаевича Батюшкова» и плакета «Paul Dubois» дают основания для выявления наметившихся изменений в стилистике работ начинающего медальера: сохранение чувственности натуры в художественном образе.

Пятнадцать произведениями художник принял участие в очередном парижском Салоне [11, с. 216]. Помимо портретов в Париже медальер создал несколько плакет на свободные темы. Это «Сцена в парке», «Живопись» и «Страсти Христа». «Сцена в парке», по всей вероятности, представляла собой заказную работу. На ее примере видно, с каким изяществом Васютинский привносит в медальерную пластику изобразительные приемы хорошо знакомого ему искусства живописи: сюжетную композицию, фрагментарность ее построения, обилие деталей. При этом сам рельеф, с присущим ему разнообразием фактур и игрой высотами, выполнен в соответствии с законами медальерного искусства.

Серебряная плакета «Живопись» (по существу являющаяся портретом жены) представляет собой «аллегория живописи», но не идеализированный образ, а портрет конкретного человека. Собственно, «аллегория» заключается лишь в позе изображенной. Целостность ее фигуры и обилие бытовых деталей автор приводит в гармоничное единство. Выразителен рельеф формы – то высокий, а то почти сливавшийся с фоном. Эти художественно-пластические особенности станут отличительной чертой художественного языка произведений Васютинского.

Присущее ранним работам медальера обилие деталей (подчас наивных), наличие излишне откровенных образов-аллегорий и подражание учителям теперь сменилось обобщенностью форм и строгостью силуэта, к которым всегда тяготел Васютинский.

Вернувшись в конце 1893 г. в Санкт-Петербург, Васютинский подал прошение на Монетный двор об определении его на должность старшего медальера. [1, л. 97] и 17 декабря 1893 г. приказом по Санкт-Петербургскому Монетному двору занял эту должность [2, л. 11].

Одним из первых произведений, созданных Васютинским в Санкт-Петербурге, стал портрет его учителя, медальера Алексеева (1894). В России начинающий медальер продолжил принимать участие в выставках. На академической выставке 1894 г. император Александр III приобрел две витрины с его медалями и плакетами. Но показателем общего невнимания к отечественному медальерному искусству явился каталог этой выставки, в котором под фамилией А.Ф. Васютинский приведено обобщенно – «медальоны» [7, с. 14].

Васютинский, заявивший о себе как о высококвалифицированном специалисте, наряду с И.Е. Репиным и М.М. Антокольским в 1895 г. был удостоен чести рисовать с натуры будущего императора Николая II для создания эскизов лицевых сторон наградных медалей Николая II и крупной монеты⁷. Отметим, что до этого случая ни один портрет императора, создаваемый на медали и плакете, по наброскам с натуры не исполнялся. Натурное рисование явилось подготовительной работой для лицевых сторон коронационных медалей Николая II и для новой монеты [11, с. 217].

В 1895 г. художник создал медаль «В память Н.И. Лобачевского» – парадный портрет ученого в сюжете с государственными наградами. Погрудный портрет занимает почти всю плоскость. Сверху по окружности нанесена надпись. Все эти элементы отвечают классической медальной композиции, однако сам образ трактован по-новому: традиционный медальерный профиль здесь заменен на фас, взгляд направлен не «победоносно» вверх, а, напротив, вниз. При внешнем соблюдении законов исполнения парадного портрета образ сочинен как камерный, интимный, раскрывающий человека не через государственные заслуги, а через его личность. Такой подход свидетельствует о мастерстве художника и, вместе с тем, является приметой эпохи: в тот же период, по такому же принципу создавал свои парадные портреты живописец В.А. Серов.

Уроки, полученные Васютинским за границей, с годами все чаще проявлялись в его творчестве. Традиционное композиционное построение художник дополнял деталями, сочиненными в соответствии с каждой новой темой. Так, для портрета А.Ф. Давыдова (1908) – директора Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов России – он выбрал форму плакеты, в которой все компоненты композиции (шрифт, точность пропорций) свел в единое гармоничное целое.

Произведением, в котором воплотились все навыки, полученные автором в Академии художеств и в мастерских Парижа, стала медаль в память 50-летия Археологического общества с изображением Чертомлыцкой вазы. Ее создание ознаменовало начало зрелого периода творчества Антона Васютинского, появление уникального ху-

дожественно-пластического языка мастера, суть которого заключается в особой лепке рельефа (то растворяющегося на фоне, то четком, высоком, но всегда безупречном по рисунку), в умении автора находить выразительную деталь-аллегория, раскрывающую замысел композиции, гармонично сочетать тончайшие детали и большие плоскости.

Учеба в Императорской академии художеств с ее требованиями классической композиции и строгого рисунка, занятия у европейских медальеров и опыт заграничного, в первую очередь, французского медальерного искусства последней трети XIX в. с присущим ему живописным рельефом и подробной повествовательностью, эпоха модерна с ее стремлением превращать массовое в уникальное и, конечно, сама личность Антона Федоровича Васютинского – соединились в его художественно-пластическом языке.

Список литературы:

- [1] Васютинский А.Ф. Личное дело. – Научный архив РАХ (в Санкт-Петербурге). – Ф. 7, оп. 3, ед. хр. 68.
- [2] Формулярный список А.Ф. Васютинского о службе. 1888–1903 гг. – РГИА. – Ф. 570, оп. 8, ед. хр. 28.
- [3] Васютинский А.Ф. Медальерное искусство в России // Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде. Декабрь 1911 – январь 1912. Т. III. – СПб., 1912. – С. 55–58.
- [4] Гдалин А., Робинсон Д. Первый медальер Советской России // Советский коллекционер. Сб. статей. Вып. 20. – М.: Радио и связь, 1982. – С. 94–105.
- [5] Дневники императора Николая II / Под общ. ред. и с предисл. К.Ф. Шаццлло. – М.: Орбита, 1991. – 672 с.
- [6] Двести лет Академии художеств СССР: Каталог выставки. – Л.; М.: Искусство, 1958. – 242 с.
- [7] Каталог выставки 1894 г. в Императорской Академии художеств. – СПб.: Типография Р. Голике, 1894. – 19 с.
- [8] Кондаков С.Н. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. Ч. 2. – СПб., 1914. – 458 с.
- [9] Сыч Т. Русский медальер Антон Федорович Васютинский // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2009, апрель. – С. 60–67.
- [10] Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата / Пер. с нем. М.Г. Арсеньевой; отв. редактор В.М. Поттин. – М.: Радио и связь, 1993. – 408 с.
- [11] Шукина Е.С. Два века русской медали. Медальерное искусство в России 1700–1917 гг. – М.: Терра, 2000. – 272 с.
- [12] Шукина Е.С. Монограммы и подписи на русских медалях XVIII – начала XX веков. – Киев: Юнона-монета, 2002. – 154 с.
- [13] Шукина Е.С. Работы А.Ф. Васютинского 1895 г. // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г. – М.: ФГУП «Государственный Исторический музей», 2009. – С. 287–289.

¹ Ошибочные данные, приведенные С.Н. Кондаковым [8, с. 247], о том, что А.Ф. Васютинский получил медаль второго достоинства, повторены в ряде последующих изданий, в том числе в каталоге выставки «Двести лет Академии художеств СССР» [6, с. 100]. Согласно «Формулярному списку А.Ф. Васютинского о службе. 1888 – 1903 гг.», художник «воспитывался в Императорской Академии художеств, где окончил курс наук с золотой первого достоинства медалью [выделено мною. – Л.Е.], и определением Совета Академии 31 октября 1888 г. удостоен званием классного художника первой степени» [2, л. 1].

² Конкурсная медальерная программа «Геркулес убивает трехглавую гидру» (1888), выполненная А.Ф. Васютинским под руководством академика медальерного искусства и старшего медальера Санкт-Петербургского Монетного двора Василия Владимировича Алексеева (1822–1901), с успехом изучившего за границей резьбу штемпелей для медалей посредством гравировальной машины, отвечала лучшим традициям художественного академического образования, представляя собой классицистическую композицию и безупречную технику исполнения.

³ Одновременно с работой на Санкт-Петербургском Монетном дворе А.Ф. Васютинский проходил обучение на Педагогических курсах, учрежденных при Императорской Академии художеств, и по их окончании (1889) получил «Свидетельство I разряда на право преподавать рисование в средних учебных заведениях» [1, л. 48].

⁴ Находятся в собрании отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

⁵ Находятся в собрании отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

⁶ По словам автора, оригинал браслета «принадлежит Ея Величеству» [1, л. 82].

⁷ В 1895 г. будущий император Николай II трижды позировал А.Ф. Васютинскому [5, с. 62].

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЖИВОПИСНОГО ЭТЮДА ИНТЕРЬЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ XIX–XX ВЕКОВ

Рассматриваются этюдные интерьеры в живописи русских мастеров 19–20 веков. Анализируются способы выделения главных элементов пространства и быстрого переноса их на холст.

Ключевые слова:

живопись, зарисовка, интерьер, художник, этюд.

Интерьер как жанр в этюдной интерпретации складывается на рубеже XIX–XX вв. В этюдном изображении интерьеров художники находили первоначальные наброски для картин. К написанию подобных этюдов обращались В.В. Верещагин; передвижники К.В. Лебедев, А.В. Моравов, П.А. Родимов, В.Д. Polenov, В.М. Максимов, представители объединения «Мира искусства» А.Н. Бенуа, К.А. Сомов, М.В. Добужинский, З.Е. Серебрякова, К.Ф. Юон, М.В. Якунчикова, представители «Нового общества художников» А.В. Средин, Н.Ф. Петров, Б.М. Кустодиев, члены «Союза русских художников» К.А. Коровин, С.Ю. Жуковский, С.А. Виноградов, П.И. Петровичев и др.

О проблеме интерьера в живописи на страницах журналов писали В.Ф. Круглов, М.Н. Соколов, Д. Смолев, Э.Я. Лонгинская, Г. Стернин, Т.В. Карпова и др. Исходя из сложившихся представлений, можно сформулировать следующее определение: **живописный этюд в интерьере есть камерное воплощение причастных человеку вещей в пространстве**. Построение пространства интерьера в картине происходит в зависимости от преследуемой художником цели. В подсобном этюде решение интерьера фиксируется не продуманно, а в эмоциональном состоянии, иногда предполагает случайную композицию. В живописи можно рассматривать интерьер русской избы, храмовый интерьер, публичный интерьер, интерьер парадных зал, интерьер художественной мастерской, интерьер жилой комнаты.

В изобразительном аспекте храмовый интерьер имеет этнографическую и историческую ценность. Таковыми являются этюды В.В. Верещагина. Серия этюдов, в том числе интерьеров церквей, привезенных художником из Архангельской и Вологодской губерний, определяет своеобразный тип северной бревенчатой постройки. Архитектурное оформление внутреннего пространства русской деревянной церкви пред-

стает в произведениях В.В. Верещагина космологичным. Явный пример – этюд «Паперть сельской церкви. В ожидании исповеди» (1894), где Верещагину удалось передать через форму интерьерного пространства атмосферу волнующего предстоящего действия для пришедших односельчан.

В другом северном этюде «Внутренний вид деревянной церкви Петра и Павла в Пучуге» (1894) художник прибегает к вертикальной композиции ввиду необходимого изображения колонн русского национального стиля. Художник создает образ за счет глубинной насыщенности и деликатно выписывает сквозь плетеные окна несколько звонких лучей солнца, не разрушая при этом общего вида целостной гармонии храма. Фигурка сидящего поодаль человека сливается со всем интерьером, она является важным изобразительным акцентом в композиционном решении и завершает мысль художника.

Этюд «Резной столб в трапезной Петропавловской церкви в селе Пучуги Вологодской губернии» – своего рода художественная зарисовка памятника зодчества, здесь интерьер служит фоном для главной идеи. Верещагина интересовали резьба и иконопись храмов. Это также подтверждает этюд «Врата Сольвычегодского собора» и этюд «Иконопись церкви в Бело-Слуде» (1894), где художника привлекли своей строгостью характерный для ранних сельских храмов простой тябловый иконостас.

Интерьеры В.В. Верещагина поражают точностью рисунка, изящной проработанностью. Маленький размер работ усиливает впечатление камерности. Вот что сам художник пишет в своем дневнике: «Я лично полагаю, что... не учиться на живой летописи истории мира – значит вырвать самые интересные страницы из книги своего бытия» [5, с. 7].

Этюды из других поездок, к примеру «Внутренний вид церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского» (1888), несколько отличаются композици-

онно. В данном этюде Верещагин вносит в пространство фигуры прихожан, что вовсе не делает этюд открытой жанровой картиной, потому, как главенствующую роль занимает внутренний вид постройки бывшего монастыря с неповторимым очертанием стенных перекрытий и игуменским местом. Излюбленным приемом во многих этюдах художника становится распределение в большом темном пятне акцентов света, что хорошо выражено и в этой работе.

В этюде «Иконостас церкви Святого мученика Иоана Богослова на Ишне, близ Ростова Ярославского» (1890) художник демонстрирует нам Царские врата времени Ивана Грозного. В этой работе Верещагин концентрирует все внимание зрителя на центральном инвентаре. Он выписывает аналой с парчовой ризой, как бы из сумерек выхватывает горящие блики золоченых лампад и подсвечников и объединяет их Царскими вратами, тем самым композиционно усиливает центральную часть этюда.

С этюдами русского севера можно сопоставить цикл восточных работ художника. В картине «Япония. Храм в Токио» передано величие убранства алтарной части. Праздничность, торжественность, нарядность интерьера японского храма символизирует общение с божеством. Как и в изображении «Иконостаса в церкви Иоана Богослова», в данной работе Верещагин пишет позолоту алтарных врат и храмовую отделку на «черном» фоне, что производит эффект богатства и величия. В этюдах русской церкви несмотря на богатое убранство, Верещагин подчеркивает внутренний аскетизм.

В этих этюдах парадность и красочность и нарочитость атрибутов божеств, представляющих буддийскую религию, изображается художником как прямое функциональное значение. В этюде-зарисовке «Непал. Молитвенный барабан» (1875) Верещагин не заполняет полностью холст, художник фиксирует случайно взволновавший его момент. В этюдах «Статуя Вишну в храме Индры в Эллоре» и «Три главных божества в Буддийском монастыре Чингачелинг в Сиккиме» (1875) внимание художника сосредоточено на скульптурных изображениях Будды как самоцели, вне окружения. Здесь нет прямого изображения интерьера, и из-за этого в этюдах теряется чувство внутреннего пространства. В полотне «Вход в храм Никко» (1903) Верещагин точно определяет перспективу внутреннего строения ансамбля и приемом четко выложенных линий прониженно и сдержанно передает идею картины.

Этюды интерьеров русской избы популярны в творчестве многих живописцев. Излюбленным мотивом становятся изображения русских печей, красного угла в избе, или место детской с люлькой. В акварельном этюде «Деревенская божница» (1883) В.И. Суриков запечатлевает иконостас сельского молитвенного дома. Василий Иванович, как и во многих своих акварелях, разрабатывает заинтересовавший его фрагмент. Укладывая краску цветными мазками, художник как бы создает мозаику из лоскутков, обрисовывает образа в окладах с рушниками и лампадами. Интерьер скромной обители в этюде художника воспринимается празднично. Совершенно по-иному вид дореволюционной крестьянской избы пишет В.Д. Поленов в этюде «Интерьер крестьянской избы». Художник весьма сдержанно в цвете изображает жилище бедняка, практически гризайлью, мягко, широко и пластично, охватывает внутренний вид избы. Поленов показывает мрачность и нищенскую атмосферу интерьера, в контраст звонкому пятну света в небольшом окне, тем самым, завершает композиционно произведение. В акварельной работе «В северной избе» (1889) художник избирательно концентрирует внимание зрителя на русской печи как главного центра и места в крестьянском доме. С одной стороны поленовский этюд это самостоятельная художественная зарисовка, с другой фиксация предмета быта и этюд для большой картины. Аналогично воспринимается этюд Максимова «Крестьянская изба» (1869) с изображением русской печки, где живописец сосредоточил все внимание на деталях и предметах утвари.

Противопоставлением интерьерных этюдов крестьянской избы у В.Д. Поленова служат кремлевские этюды царских палат. Поленов обращается к изображению теремной древнерусской архитектуры, ее нарядному одеянию. При написании «Золотых царициных палат» (1877) художника интересовала внутренняя архитектурная конструкция. Поленов в композиционном решении заостряет внимание на рисунке сводов и арочных окон. Художник словно любит узорчатой росписью палат, изысканной богатой отделкой и неповторимой эстетикой русского прикладного искусства. В своих этюдах ковровыми красочными узорами и декорировании царских хором Поленов словно пытается привлечь внимание к проблеме возрождения традиций древнерусского прикладного искусства. Хотя этюды кремлевской тематики Поленов не использовал в своих произведе-

дениях, тем не менее эти яркие и тонкие в изображении вещи стали образчиками для исторических замыслов и композиций художников – наследников традиций творчества Поленова.

В 90 годах XIX в. модным становятся изображения публичных интерьеров, кафе, кабаков. Французская атмосфера накладывает отпечаток на творчество К. Коровина, в стилистике которого сочетаются и импрессионизм и модерн. В картине «Парижское кафе. Утро» (1890-е) интерьер непрерывно связан с пейзажем. При этом данную работу нельзя отнести к жанровой сцене. В композиции хорошо передано ощущение утра и уличной пустоты. Колористической сдержанностью Коровин выражает привычное для официантов состояние раннего пробуждения.

В начале XX в. всплески импрессионизма в русском искусстве изменили живописное содержание картин и в целом повлияли на манеру их исполнения. Поощряется цветовая насыщенность работ живописцев С.Ю. Жуковского, Л.В. Туржанского, Л.И. Петровичева, С.А. Виноградова – художников, утвердивших этюд-картину на пленэре. В творчестве московских живописцев этюд становится самоцелью и в интерьерном жанре. У многих живописцев интерьер гармонично объединяет пейзаж и натюрморт. Веранда старой усадьбы дома изображается как часть интерьера или вид из окна, как воздушный коридор участвует в завершении пространства.

В большей мере своей неординарностью отличается Жуковский. Любовь Жуковского к пушкинской эпохе останавливает его в усадьбе Брасово. В усадебных интерьерах Жуковского чувствуется дух времени и уклад ее обитателей. Предметное наполнение в работах Жуковского богато и разнообразно. В картинах живописца сочетаются и парадность, и камерность.

В некотором роде, Жуковский приближается к традициям венециановской школы, но переиначивает образ в пространстве и перестраивает их в свой неповторимый стиль. Лучшие произведения художника «В комнате» (1920), «Малая гостиная в имени Брасова» (1916), «Былое. Комната старого дома» (1912), перенасыщены деталями, и поэтому в картинах теряется художественный образ. Например, в «Интерьере библиотеки старого дома» Жуковский раскрывает себя как истинный колорист. Мы видим насыщенную по краскам картину, со множеством ярких активных оттенков и бликов на полированном столе, расположенном на переднем плане. Отка-

завшись от многочисленных элементов в деталях, работы художника, приобретают форму этюдной выразительности, что убедительно доказывает ценность этюда. Это хорошо отражается в произведении «Радостный май» (1912). Картина наполнена жизнью и чувством весны, солнечного света. Легко и свободно Жуковский пишет кулисы деревянных стен, не «утяжеляя» их, оставляет кое-где подмалевочные просветы, что наполняет всю картину воздухом. Так же непосредственно написана мебель и картины, размещенные на стенах.

Этюд «В старом доме» (1913) написан живо и быстро. В этой работе происходит взаимодействие вечерней синевы за окнами и теплым комнатным светом. Брошенная шаль на кресле и женский портрет на стене придают лирическое настроение и немного вечерней грусти от былых воспоминаний. В этюде «Последний луч» Жуковский изобразил рабочий кабинет, возможно творческого человека. Проникающий в комнату неяркий свет создает атмосферу обыденности. В этом этюде Жуковский наделяет эстетической ценностью простые вещи, окружающие человека.

В работе «Весенние лучи» (1913) больше отводится площади пола и этим усиливается глубина интерьера. Мерцание, еще не достаточно яркого света, распространяется на подоконники, стены, мебель, и с помощью этого в комнате ощущается весна.

Мотив окна – это образно-смысловой элемент, он объединяет почти все интерьерные работы Жуковского. Сама картинность происходящего за окном неразрывно связана с действом, совершающимся внутри комнаты. В произведениях Жуковского органичность пейзажа и интерьера складывается и благодаря этюдной импровизации. Аналогичный мотив можно рассмотреть в картине К.Ф. Юона. «Августовский вечер. Последний луч» (1948). Экспансивные и синтетические черты русского модерна отразились во многих работах художников начала века. Интерьеры у Л.Н. Бенуа, Л.С. Бакста, С.Ю. Судейкина, В.Э. Борисова-Мусатова и многих других художников Серебряного века приобретают черты личной фантазии и собственного отображения реальной среды.

В парадных интерьерах художники постепенно отходят от строгих архитектурных форм и уже в начале XX в. воспринимают пространство своеобразно. Со временем к логическому упрощению приходит А.В. Средин, мастер виртуозного написания старинных вещей в интерьере. В картине «Портретная в имени Гонча-

В.В. Верещагин. Внутренний вид церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского. 1888.

В.В. Верещагин. Статуя Вишну в храме Индры в Эллоре.

В.М. Максимов. Крестьянская изба.

С.Ю. Жуковский. Бывшее. Комната старого дома. 1912.

В.Д. Поленов. Золотая царицина палата. 1877.

Р. Фальк. Красная мебель. 1920.

ровых «Полотняный завод» Калужской губернии» (1900-е гг.) Средин почти эскизно, раскидывая пятна, подчеркивает этюдной манере предметы интерьера. Это также хорошо заметно в этюде «Дворец в Архангельском. Зал Гюбера Робера» (1919), где художник не придерживается точной детальной фиксации. Мастер увлечен пластикой живописи и равновесным расположением предметов в пространстве зала. В «Дворцовом интерьере» (1910) всю роскошь Средин объединяет, смягчает жесткий блеск предметного золочения, списывает ненужные блики. Работа выполнена на картоне (где поверхность тянущая), что усиливает в этюде состояние мягкого окутывающего полумрака.

Интересным и своеобразным представляется интерьер в этюде М.В. Якунчиковой «Чехлы» (1907). Художница обращается к изображению парадной залы. Интерьер не выписывается детально. Архитектурные мелочи, мебель в авторской задумке обволакиваются пластично и идейно. Ступля в чехлах выглядят цельно и лаконично как аллегорические образы людей. Композиция картины делится диагональю, верхняя часть наполнена, а нижняя свободна. Справа вверху необходимым большим пятном находится объемная люстра, удерживающая угол. Достаточно места Якунчикова отдает паркетному полу с мягким отражением от мебели. В картине хорошо передана плановость, и дальний свет из окон добавляет воздуха. В общем колорите и цельном решении Якунчикова осовременила интерьер, достигла выразительности и смыслового созвучия.

Сюжет этюда Л. Туржанского «Интерьер» (1910) сопоставим по художественной выразительности с интерьером Якунчиковой. Художник также придерживается общего

колористического строя и ясности композиций. В логическом искажении столешницы происходит приближение этюда к стилю новых течений и направлений, замеченных так же в натюрморте П.П. Кончаловского «Комната в Испании» (1910), где чувствуется отголосок ваноговского влияния.

Сочиненные декорации, формирование предметной среды происходит через внутреннее осознание действительности трансформированной в собственные выраженные мысли, иногда через стилевые приемы. Упрощенность, этюдность в совокупности с пластическими возможностями становятся близки и сегодняшней модификации. Изысканность в творчестве «миriskусников» сменяется жесткими и острыми формами экспериментального характера, «авангардистов». Таким воспринимается интерьер Р.Р. Фалька «Красная мебель» (1920), где этюдность – своего рода прием, подача, эмоциональная степень выразительности. Насыщенность, острота, тревожность, в картине отражает вызов человека своему времени. В картине «Красная мебель» интерьер и натюрморт взаимосвязаны. По сравнению с реалистичным изображением «Красной комнаты» (1939) Жуковского, где цветовое напряжение сдерживается вертикалями окна, шторами, арочным абрисом предметов и зеленью пейзажа, психологическая вещь Фалька драматична, беспокойна в семиотичной взрывной динамике.

Этюды интерьеров как самостоятельные произведения представляют для искусства не меньшую ценность, чем законченные картины, так как наполнены исторической правдивостью и поэтикой, а внутреннее убранство интерьера отражает душевный мир человека, героя произведения.

Список литературы:

- [1] Горелов М.Н. Станислав Юлианович Жуковский. Жизнь и творчество. – М.: Искусство, 1982. – 271 с.
- [2] Интерьеры в русском искусстве / Альбом; В.М. Володарский и др.; вступ. ст.: Н.В. Розанова и др. – М.: Искусство, 2002. – 207 с.
- [3] Круглов В.Ф. Вновь атрибутированные интерьерные картины начала XX в. из собрания Государственного Русского музея // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1998. – М.: Наука, 1999. – С. 433–439
- [4] Лебедев А.К., Солодовников А.В. В.В.Верещагин. – М.: Искусство, 1988. – 206 с.
- [5] На Северной Двине. По деревянным церквям. Изд. 2-е. – М.: И.Н. Кушнерев и К., 1896. – 121 с.
- [6] Северюхин Д.Я. Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932) / Справочник. – СПб.: Чернышев, 1992. – 400 с.
- [7] Соколов М.Н. Интерьер в зеркале живописи: заметки об образах и мотивах интерьера в рус. и сов. искусстве. – М.: Сов. художник, 1986. – 228 с.
- [8] Союз русских художников (Москва). Выставка картин (16; 1922). Каталог XVI Выставки картин Союза русских художников: Москва. 1922 г. – М., 1922. – 15 с.
- [9] Смолев Д. В интерьере // Наше наследие. – 2006, № 77. – С. 158–169.
- [10] Степанова Светлана. Мир художника в зеркале мастерской // Русская Галерея. – 2000., № 1/2. – С. 13–16.
- [11] Стернин Г. Изобразительное искусство в жилом интерьере и жилой интерьер в изобразительном искусстве: 1830–1840-е гг. // Искусствознание. – 2000, № 1. – С. 426–440.

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ У ЦЗУЦЗЯНА

Рассматривается жизненный путь и творчество, исполнительская, педагогическая и общественная деятельность У Цзуцзяна – известного в Китае и во всем мире композитора, музыковеда, преподавателя. Он создал более ста произведений разных жанров – песни, хоры, камерные и оркестровые сочинения, музыку к балетам, драмам и кинофильмам. В России его деятельность малоизвестна, что должна исправить данная статья.

Ключевые слова:

музыкальная культура Китая, музыка XX века, национальные музыкальные традиции Китая, У Цзуцзян.

У Цзуцзян – один из самых известных и горячо любимых в Китае композиторов, чье творчество охватывает широкий круг жанров для различных инструментальных составов – симфонического оркестра, струнного ансамбля, ансамбля народных инструментов, хора, голоса в сопровождении фортепиано и т.д. Наиболее известными масштабными опусами являются струнные квартеты, симфоническая поэма «На родной земле», оратория «Борьба с наводнением», музыка к балетам «Русалка» и «Отряд красных женщин», написанная совместно с Ду Минсином. В сотрудничестве с Лю Дэхаем был написан Концерт для пипы с оркестром «Маленькие сестры степи». В творческом багаже композитора присутствуют многочисленные аранжировки традиционных песен, например, «Речная вода» для эрху с оркестром, музыкальная поэма «Лунный свет над рекой весной» для пипы с оркестром. Композитор обладает оригинальным стилем письма, сочетающим национальное своеобразие со знанием и безупречным владением европейскими композиционными приемами.

У Цзуцзян также является автором музыки к кинофильмам и драмам. Кроме того, он заявляет о себе как о блестящем исследователе, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи. Важным акцентом в педагогической биографии композитора выступает создание в 1962 г. учебника «Анализ музыкальных форм и композиций». В 1987 г. этот труд был награжден Национальной премией. Названный учебник и по сей день служит одним из основных пособий на факультете теории музыки и композиции Центральной консерватории музыки в Пекине. Со времени написания он неоднократно переиздавался (сегодня студенты пользуются двенадцатым изданием) и насчитывает многомиллионные тиражи [5].

У Цзуцзян, помимо выдающихся заслуг на композиторской и педагогической ни-

вах, широко известен и как общественный деятель, оказывающий заметное влияние на культурную политику в Китае и мире. Между тем, этот разносторонне проявивший себя музыкант практически неизвестен в России – нет ни специальных трудов, ни отдельных статей, посвященных его жизни и творчеству. Справедливости ради необходимо отметить, что и на родине его творчеству посвящены только отдельные статьи в периодических изданиях [1; 3; 4], в интернет-пространстве представлены интервью с ним [2]. Однако масштаб деятельности этой уникальной личности и то музыкальное наследие, автором которого он является, требуют особого исследовательского внимания.

У Цзуцзян появился на свет 24 июля 1927 г. в Пекине. Его родители родом из Цзянсу. Будущий музыкант не получил основательного школьного музыкального образования, но тяга к музыке побуждала заниматься самостоятельно, в чем он преуспел настолько, что в 1947 г. смог поступить на факультет теории музыки и композиции в консерваторию города Нанкина. Там он знакомится со своей будущей женой Чжен Ли Цинь: молодые люди учатся вместе на фортепианном отделении. Под руководством и с помощью Цзян Дин Сьена – преподавателя в Нанкине – У Цзуцзян в 1950 г. переводится в Центральную консерваторию (Пекин) и после ее окончания в 1952 г. остается преподавать там композицию.

В 1953 г. он отправляется в Советский Союз, в Московскую консерваторию. Его преподавателями были С.В. Евсеев, С.С. Скребков (полифония), Д.Р. Рогаль-Левицкий (инструментовка). У Цзуцзян учится вместе с дирижером Ли Делуном и певицей Го Шучжэнь¹. Во время обучения У Цзуцзян создает несколько аранжировок народных песен – «Простой цветок риса» для женского голоса и фортепиано (1953) и казахскую народную песню для

женского голоса и фортепиано «Ласточка» (1954). Премьера «Ласточки» для широкой аудитории состоялась в том же году. Спустя три года «Ласточка» снова исполнялась в Москве (1957).

Струнный квартет (1957) высоко оценивается профессурой Московской консерватории, транслируется советским радио и издается. Такой привилегии удостоиваются очень немногие студенческие опусы. В числе произведений написанных в Москве, следует также отметить Тему с вариациями для фортепиано (1954), изданную в Москве (1958), Сонатину в двух частях для скрипки и фортепиано (1956), Рондо для скрипки и фортепиано (1956), также вышедшее в свет в столице (1960), Симфоническую поэму в двух частях «На родной земле» для большого оркестра (1958). Дипломная работа У Цзущяна – оратория для большого симфонического оркестра, смешанного хора, сопрано и баритона «Борьба с наводнением» (1958) на основе стихотворения китайского поэта Го Мо Жо – демонстрирует блестящее знание начинающим композитором оркестрового письма и мастерское применение в названных произведениях полифонической техники: оба опуса заслуженно признаются широкой аудиторией Советского Союза, а впоследствии и на родине композитора – в Китае.

После завершения московского обучения музыкант в 1958 г. возвращается в Центральную консерваторию Пекина. Этот период отмечен гастрольными поездками в СССР, Англию, Чехословакию, Японию и другие страны, где У Цзущян совмещает исполнительную деятельность с судейской на многочисленных международных музыкальных конкурсах. Тогда же У Цзущян в содружестве с Ду Минсином пишет музыку к трехактному балету «Русалка» (1959–1961), премьера которого состоялась в Пекине (1961). В 1959 г. на основе музыки к балету обоими композиторами была создана Концертная сюита «Русалка» для фортепиано. В творческом союзе с Ду Минсином рождается также музыка к балету «Отряд красных женщин» (1964). Последнее произведение ожидает непростая сценическая судьба – во время Культурной революции оно издается с большими купюрами (1970), искажающими авторский замысел, и лишь по окончании этого сложного периода партитура балета в частично восстановленном виде снова выходит в свет. Полная – оригинальная – версия музыки к балету «Отряд красных женщин» будет издана спустя долгое время – в 2004 г. Драматические перипетии

изданий и переизданий музыки балета, купюры и восстановление полного музыкального текста – все это придает очень эмоциональную окраску высказываниям У Цзущяна о балете [2]. Когда композитор рассказывает о судьбе многострадального опуса, он не может сдержать негодования действиями «банды четырех»² и насаждаемой ими идеологией.

Как и в случае с балетом «Русалка», на основе музыки к «Отряду красных женщин» композиторы Ду Минсинь, Ван Янь Цяо (ученик У Цзущяна), Ши Ванчун, Дай Хунвэй создают Концертную сюиту (1964). В 60-е годы XX в. композитор пишет музыку к кинофильму «Двенадцатый поезд» (1960), а также музыку к драме «Женитьба Фигаро» (1963), поставленную Молодежным художественным театром в Пекинском дворце молодежи.

С 1970 по 1973 гг. У Цзущян является членом музыкального отдела «Гуанмин Дэйли»³, руководителем которого был Ли Делун. Композитора назначают в названный отдел по политическим соображениям: как известно, начиная с 1966 г. ситуацию в сфере культуры в Китае определяла так называемая Культурная революция, отразившаяся на судьбах многих художников, музыкантов, литераторов, драматургов. У Цзущян, согласно замыслу «банды четырех», должен был собирать доказательства о несоответствии работников музыкального отдела существующей идеологии и их связях с советскими музыкальными кругами. Однако У Цзущян, напротив, использовал свою должность для тайного вывоза из Советского Союза пластинок с записями запрещенных в Китае композиторов. Удивительно то, что подобная деятельность закончилась для Ли Делуна, У Цзущяна и других сотрудников музыкального отдела без трагических последствий. Это было опасное время и обретенные тогда крепкие дружеские связи послужили залогом привязанности У Цзущяна к «Гуанмин Дэйли»: впоследствии он с большой охотой публиковал статьи и интервью именно на страницах этого печатного издания.

С 1972 по 1974 год, одновременно с работой в «Гуанмин Дэйли», композитор пишет много музыки для Центрального оркестра (Пекин). Одним из показательных для того периода произведений являются аранжировки народных песен «Лунное отражение» для эрху и струнного оркестра (1973), созданная совместно с Хуа Енджунь⁴ и «Маленькие сестры степи» для пипы и оркестра (1973). Премьера этих сочинений из-за общей ситуации, опре-

деляемой Культурной революцией, стала возможной лишь в 1977 г. Произведения гибко сочетают в себе ярко выраженный национальный колорит и безукоризненно четкую форму, в которой явственно проступает знание У Цзюцзяном европейского композиционного опыта: этим гармоничным соединением объясняется большой успех «Лунного отражения» и «Маленьких сестер» как в Китае, так и за рубежом. В 1979 г. дирижер Сейдзи Одзавы и Бостонский симфонический оркестр с ошеломляющим успехом исполнили «Лунное отражение» и «Маленьких сестер степи» (солисты Лю Дэхай и Ван Ян-Цяо). Опусы оказались вполне адаптированными для американского слушателя: они снижали большой успех в США, где их исполняли под руководством дирижера Сейдзи Одзавы.

В 1974 г. У Цзюцзян возвращается преподавать на факультет композиции и теории музыки Центральной консерватории. С этого времени его карьера руководителя стремительно развивается: он получает звания доцента, профессора, назначается заместителем ректора (1978), а затем – ректором консерватории (1982). В 1979 г. У Цзюцзян избирается президентом Ассоциации китайских музыкантов (с 1985 г. – вице-президент). Занимая столь ответственные посты, У Цзюцзян много сил отдает общественной работе, с его помощью организовываются различные мероприятия, например Пятый всекитайский съезд работников культуры и искусства (1988). Он поощряет молодые музыкальные таланты к выступлениям на различных музыкальных конкурсах. Так, знаменитый китайский скрипач Ху Кун при поддержке У Цзюцзяна блестяще выступает на состоявшемся в 1980 г. в Хельсинки (Финляндия) Международном конкурсе исполнителей имени Сибелиуса. Помимо воспитания музыкальной мировой элиты, У Цзюцзян считает своим долгом поддерживать коллег: в 1978 г. он появляется на лондонском концерте китайского пианиста Фу Цонга, находящегося в эмиграции из-за гонений на него в период Культурной революции. Этот визит имеет решающее для карьеры пианиста значение, поскольку У Цзюцзян приглашает его вернуться на Родину. Позднее, во время гастролей в Филадельфии, У Цзюцзян с той же целью посещает Ма Сыцуна, который, как и Фу Цонг, эмигрировал из Китая во время Культурной революции. Необходимо отметить, что для подобных действий требовалась гражданская смелость: У Цзюцзян своим авторитетом восстанавливает в правах «опальных» на родине музыкантов.

У Цзюцзян неоднократно отмечает в интервью, что отдавая долг педагогической и руководящей работе, сам с большей охотой занимался бы музыкой, а не политикой. Так, с довольно значительными перерывами рождаются известные его сочинения – аранжировки «Речная вода» для эрху и оркестра (1980), «Слушая сосны» для эрху и струнного оркестра (1990) и «Чудесная ночь» для струнного оркестра (1990). В этот же период У Цзюцзян пишет музыку к драме Л. Толстого «Воскресение» (1987), постановки которой дважды осуществлялись Молодежным художественным театром в Пекинском дворце молодежи (1987 и 1993).

С 1991 г. композитор занимает важные посты в Государственных советах по искусству и образованию, становится вице-президентом Фонда имени Сун Цинлин⁵, президентом Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами, членом консультативных комиссий при Национальном симфоническом оркестре Китая, а также при Большом национальном театре (современное название – Национальный центр исполнительских искусств). У Цзюцзян неоднократно приглашается в качестве судьи на различные международные конкурсы. С 1999 г. У Цзюцзян избирается в Международный музыкальный совет при ЮНЕСКО, где служит в общей сложности шесть лет. С его помощью в 2007 г. в Китае был проведен 32-й Международный Музыкальный совет ЮНЕСКО. В настоящее время У Цзюцзян является Почетным ректором Центральной консерватории, Почетным председателем Ассоциации китайских музыкантов. Он обладает авторитетом и имеет влияние не только в музыкальных, но и общественных, политических кругах Китая.

В 2007 г. отмечалось 80-летие У Цзюцзяна: был организован целый ряд мероприятий для того, чтобы отдать дань должного уважения одному из самых значительных музыкальных деятелей страны. Национальный симфонический оркестр Китая исполнял его произведения, студенты и коллеги из Центральной консерватории собрались поздравить его. К этому времени заканчивается издание Полного собрания сочинений, начатого Народным музыкальным издательством в 2004 г. Помимо собственно музыкальных опусов, в Собрание вошли научные статьи и статьи в периодических изданиях, выступления в СМИ.

На торжествах присутствовали родные У Цзюцзяна: отец Ву Ин – известный археолог, исследователь китайской каллиграфии и живописи, один из основателей На-

ционального дворца-музея, старший брат У Цзу Гуан – литератор и драматург. В семье У Цзяцяна также немало музыкантов. Его жена Чжэн Ли Цинь является првосходной пианисткой, племянница Ву Шуан с отличием окончила вокальный факультет Центральной консерватории, продолжила свое образование в США и в наши дни радует слушателей замечательным сопрано. Сын У Цзуцяна У Ин – известный в Китае исполнитель-пианист, получивший фортепианное образование в Австрии, лауреат многочисленных международных конкурсов⁶. В настоящее время У Ин является деканом фортепианного факультета Центральной консерватории. У Цзуцяна с особенной гордостью подчеркивает в мно-

гочисленных интервью [1, 3, 4] независимость успехов близких – сына и племянницы – от своего авторитета в музыкальных кругах Китая, поскольку этапы профессионального, артистического становления они проходили самостоятельно в других странах без «опеки» отца и дяди.

Торжества, посвященные юбилею У Цзуцяна, еще раз закрепляют в сознании музыкальной общности Китая образ универсальной личности, каковым является юбиляр – композитор, педагог, руководитель и, наконец, политик. Во всех названных сферах деятельности У Цзуцяна показывает себя талантливым, целеустремленным и исключительно порядочным человеком.

Список литературы:

- [1] Джейсян Тан, Син Дай. Интервью с композитором У Цзуцяном // Известные Исполнители. – 2010, № 6. – С. 15–21. (кит. яз.)
- [2] Дженьюй Сюй. Искусство и поэзия в жизни длиною в 80 лет: У Цзуцяна – гость радиожурнала «Искусство и жизнь». – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.lw23.com/paper_148856761_2/ (кит. яз.)
- [3] Жуанжуан Лю. Попытки создать...: Интервью с известным композитором У Цзуцяном // Музыкальное творчество. – 2007, № 3. – С. 48–52. (кит. яз.)
- [4] Тингтин Гу. И в поэзии нужно бросить смеяться: Интервью с Председателем совета искусств, композитором и музыкальным педагогом У Цзуцяном // Северная музыка. – 2008, № 10. – С. 34–36. (кит. яз.)
- [5] Цзуцяна У. Анализ музыкальных форм и композиций / Учебник. – Пекин: Народное музыкальное издательство, 2011. (кит. яз.)

¹ Ли Делун и Го Шучжэнь – известные исполнители. Кроме того, они являются профессорами Центральной консерватории.

² «Банда четырех» – наименование политической фракции КПК, в состав которой входили четыре руководителя Коммунистической партии Китая, пришедшие к власти во времена Культурной революции 1966–1976 годов, а впоследствии обвиненные в серии изменческих преступлений. Членами группировки являлись: лидер фракции Цзян Цин, последняя жена Мао Цзэдуна и ее ближайшие сподвижники Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань и Ван Хунвэнь. «Банда четырех» успешно контролировала деятельность властных органов КПК на последних этапах Культурной революции, действуя от имени Мао Цзэдуна. Вместе с дискредитированным маршалом Линь Бяо они были объявлены двумя опаснейшими контрреволюционными силами «культурной революции» и официально обвинялись во всех беспорядках, происходивших в годы революции. Тем самым современная КПК переложила на них ответственность за неудачи «культурной революции».

³ «Гуанмин Дэйли» – периодическое печатное издание в Пекине.

⁴ Хуа Енджунь – исполнитель на эрху. Физический недостаток – слепота – не помешала этому музыканту быть выдающимся: в Китае его имя стало синонимом таланта и мастерства.

⁵ Сунь Ятсен и его супруга Сун Цинлин – ярчайшие политические и общественные деятели Китая XX в., выдающиеся граждане страны. Сунь Ятсен (1866–1925) – первый китайский революционер-демократ, великий мыслитель и политический деятель. Под его руководством в Китае произошла Синьхайская демократическая революция 1911 г., в результате которой свергнута монархия, существовавшая в Китае свыше 2000 лет. Модернизация Китая, как единой нации, прошла под эгидой трех народных принципов Сунь Ятсена (национализм, народовластие и народное благосостояние) и во многом стала возможной благодаря идеям российских революционеров начала XX в., с которыми Сунь Ятсен был хорошо знаком. Он не только успел многое сделать для улучшения положения китайского народа, но и сумел заложить прочный фундамент современного Китая. Сун Цинлин (1893–1981) – супруга Сунь Ятсена, почетный Председатель Китайской Народной Республики, видный деятель женского движения, борец за права человека. Сунь Ятсен и Сун Цинлин были зачинателями реальных дружественных контактов Китая с Советской Россией. Брак Сунь Ятсена и Сун Цинлин, их совместная работа и активная деятельность на благо китайского народа оказали глубокое влияние на историю Китая. После смерти супруга Сун Цинлин посвятила себя общественной работе в Китае и за границей, особенно в СССР, многие годы была председателем Общества советско-китайской дружбы. В настоящее время в Китае функционирует всемирно известный Фонд имени Сун Цинлин, поддерживающий различные международные проекты.

⁶ Известно блестящее выступление У Ина на одном из фестивалей Шопена в Польше, когда исполнитель был с восторгом встречен аудиторией, требовавшей его выхода «на бис» девять (!) раз.

КОНЦЕПЦИЯ УНИВЕРСАЛИЗМА В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОЛОЦКА И ПЕТЕРБУРГА

Сложившаяся в полоцком ареале в начале XVII в. церковно-певческая традиция оказала значительное влияние на русскую церковно-музыкальную культуру нового времени. Прослеживается глубинная, типологическая общность моделей культурного пространства Полоцка и Петербурга в XVII–XVIII вв., становление которых базировалось на идее универсализма, полиэтнической и многоконфессиональной структуры общества, укрепления славяно-греко-латинской идеи.

Ключевые слова:

богослужебно-певческие рукописи, Петербург, Полоцк, славяно-греко-латинская идея, церковно-музыкальная культура.

Благодаря своему географическому положению и историко-культурной ситуации, сложившейся в регионе, в XVII – нач. XIX вв. Полоцк находился в центре активных культурных, этнических и конфессиональных взаимодействий. Полоцкий культурный ареал, к которому примыкали также Витебск, Вильнюс, Смоленск, был полем непрестанных усилий сохранения чистоты Православия, теснимого здесь другими конфессиями. Социально-культурные тенденции, зародившиеся здесь, сыграли значительную роль в тех важных изменениях, которые произошли в российской культуре к концу XVII века, положив начало новому периоду истории церковной культуры – «петербургскому» или «синодальному». В настоящей статье выдвигается гипотеза о тесной взаимосвязи процессов становления церковно-музыкальной культуры Петербурга с полоцким ареалом, рассматриваются особенности их культурных контактов и взаимовлияний. Типологический и сравнительный подход в рассмотрении церковно-музыкального Полоцка и Петербурга в контексте движений европейкой культуры в целом может прояснить многие закономерности их развития.

Изучение церковно-музыкальной традиции Полоцка XVII – начала XIX века затруднено тем обстоятельством, что большинство рукописей и исторических документов, относящихся к этой теме, были рассредоточены по разным собраниям и во многом утрачены. Реконструкция облика полоцкого церковно-музыкальной традиции может быть вполне успешной при выявлении типологических черт, характеризующих весь культурный ареал Полоцка и определяющих специфику его музыкально-церковной жизни.

С начала XVIII в. Петербург начал строиться как полиэтническое и многоконфессиональное сообщество, в основании которого была положена идея универсализма, к тому времени уже получившая значительное распространение в полоцком регионе. Славяно-греко-латинская идея, нашедшая яркое воплощение в деятельности «сына Полоцкыя» [1] Франсиско Скорины, а затем активно продвигавшаяся Мелетием Смотрицким и Симеоном Полоцким, стала одним из стимулов трансформации системы приоритетов и ценностей музыкально-церковной культуры России с начала XVIII века, становлению новых форм и певческих стилей.

Идея универсальности имела политические и социально-психологические причины. Брестская уния 1596 г. оказала большое влияние на становление и развитие этой идеи, реализация которой растянулась на столетия.

Особенности белорусского церковного пения XVII–XIX вв. объясняются особым положением Православия, которое с XVI в. постоянно находилось здесь в противоборстве с другими конфессиями, прежде всего – с католичеством. В связи с особыми историческими условиями здесь была предпринята попытка создания униатской, греко-католической церкви, которая, сохраняя восточный обряд, следовала западному пути христианства.

В противостоянии христианских конфессий большое значение имело развитие систем образования. Католицизм, активизировавшийся после принятия Люблинской унии и создания Речи Посполитой (1569), сконцентрировал усилия на развитии своей системы образования (от школ до академий), книгопечатания,

* Публикация осуществлена при поддержке РГНФ, проект № 11-24-16002.

учреждении монастырей разных орденов, строительстве костелов. В бесплатных иезуитских школах, куда набирали детей из беднейших сословий, преподавали гуманитарные дисциплины, хоровое пение, обучали игре на органе и скрипке. Воспитанники школ обязаны были принимать участие в праздничных службах в костелах, играя в инструментальных капеллах. Большое значение в польской культуре имела деятельность Иезуитской Академии, которая была учреждена Стефаном Баторием в 1579 г. После первого раздела Польши (1772) эта территория была присоединена к Российской империи. Вскоре, в 1773 г. наступила ликвидация ордена иезуитов во всей Европе, но она не охватила иезуитские школы в Белой Руси, где они продолжили свою деятельность. Центр был в Полоцке, где представлял собой единственное высшее учебное заведение иезуитов в Европе. Начиная с 1780 года, центр посещали самые значительные деятели ликвидированного ордена, которые приезжали сюда со всей Европы. В 1812 г. Александр I возвел ее в ранг Академии. Привилегия была отменена в 1820 г., когда император приказал иезуитам немедленно покинуть Россию. Иезуиты создали в Полоцке культурную программу, реализованную, прежде всего на польском языке, активно использовался также латинский язык, который был языком дидактики и обряда. Сохранилось много рукописных и печатных свидетельств деятельности Академии, в том числе обширная документация царских ликвидаторов, подробно описывающих книжные собрания и рукописи. Книги и коллекции были изъяты и вывезены в Петербург и Москву, а в 1831 году в стенах академии было открыто Кадетское Училище (см. [17; 18]). При иезуитской Коллегии в Полоцке, также как при подобных заведениях в Вильне и Кракове существовала школа пения.

Большую роль в сближении восточной и западной музыки сыграл Иосафат, архиепископ Полоцкий (1580–1623), который был большим любителем музыки и сам был отличным певцом [8, с. 48]. Дьякон архиепископа Иосафата Дарахвий Лецикович (1600–1628) был известным певцом в хоре митрополита Игнция Пацея. По мнению А.Преображенского, «униаты проторили дорогу для латинского пения на наших клиросах» [4, с. 194]. Консервацию традиционных форм монодии в греко-католическом богослужении и появление многоголосия в храмах православных можно рассматривать как два различных

направления реализации славяно-греко-латинской идеи в церковно-музыкальной культуре.

Расширение культурной восприимчивости и достижение европейской учености, охватывающей весь круг церковнославянской, греческой и латинской культур, способной противостоять влиянию католицизма, было одним из таких путей, связанным с деятельностью православных братств в Полоцке, Витебске, Вильнюсе и др. городах. Братские школы были открыты в Слуцке, Новогрудке, Минске, Витебске, Мстиславле, Несвиже, Крычаве [2, с. 152]. Здесь активно практиковалось партесное пение.

Мелетий Смотрицкий в своих воспоминаниях упоминает партесное пение при богослужении в его время: «Когда я жил в монастыре в Вильне, мои верные из Белорусской Полоцкой епархии любили меня. Там каждое мое слово было законом. Если я входил в церковь или выходил из нее, всегда я был окружен сотнями людей. Когда я служил Литургию, пение было мастерским, на четыре хора» [5, с. 209]. Одним из активных поборников славяно-греко-латинской идеи и концепции универсализма был Симеон Полоцкий (1629–1680), православный монах, который, однако, по мнению многих исследователей был тайным униатом. На его духовную формацию решающее значение оказала система образования иезуитов: Киево-Могилянская академия, Виленская Академия и другие коллегии иезуитов [3, с. 362]. Благодаря этим школам он свободно владел польским и латинским языками, но «греческого же писания ничтоже мняше» [1, с. 71]. Симеон Полоцкий вел протоколы московских церковных соборов 1666–67 гг., записывая их латиницей на смеси церковнославянского и польского [2, с. 366] и умело замаскировывал в своих трудах заимствования из сочинений католических богословов.

Западноевропейская эрудированность и многоязычие, ориентированное на латинскую культуру, были характерной тенденцией людей его формации. В той же орбите противоборства восточного и западного христианства находился и деятель более раннего периода этой эпохи, Мелетий Смотрицкий (1577–1633), который на протяжении многих лет был активным поборником Православия, однако к концу жизни неожиданно для многих переходит в униатство.

В трудах этих церковных писателей, судьбы которых были непосредственно связаны с Полоцком и его культурным

ареалом, можно проследить развитие славяно-греко-латинской идеи, значительно повлиявшей затем также и на становление церковно-музыкального искусства петербургского периода русской истории. В условиях тесного контакта и противоборства различных христианских конфессий в этом регионе православная церковно-музыкальная традиция трансформировалась и видоизменялась, воспринимая характерное для этого культурного региона «многоязычие» и совмещая в богослужении партес (многоголосие западноевропейского типа) и монодию. В греко-католическом, униатском богослужении консервативный фактор был изначально заявлен как существеннейший: первоначально здесь было допущено только монодическое пение, маркирующее свою принадлежность к «греческому обряду». Однако рационализм и субъективизм, свойственные латинскому музыкальному мышлению, постепенно проникают в униатскую монодию «изнутри», трансформируя порождающие модели и изменяя основы музыкального языка. И первая, и вторая тенденция, характеризующая музыкальную культуру полоцкого ареала, оказались впоследствии синтезированы в церковно-певческой практике новой северной столицы.

В Петербурге было воспринято и развито многое из того, что зародилось на белорусских землях. С самого начала существования Петербурга белорусская культура была весьма востребована в новой столице, и это не случайно. Особенно тесны были связи с белорусской культурой в петербургской монашеской среде, поскольку Александр-Невский монастырь с момента своего основания пополнялся большей частью из юго-западных и северо-западных областей Российской Империи и из-за ее рубежа (так, в монастыре, например, было несколько греков). Исследование архивных документов позволило выявить целый ряд биографий таких людей.

В Александр-Невском монастыре при его образовании в начале 20-х гг. XVIII века сознательно формировалось полиэтническое сообщество, аналогичное многокомпонентной модели полоцкой культуры. Заложенная Феофаном Прокоповичем идея, сохранялась и в дальнейшем, вплоть до начала XIX века.

Материальным выражением процессов социально-культурной унификации, межконфессиональных и межэтнических взаимодействий, проявившихся в тенденциях певческой практики Полоцка и Петербурга, стали певческие рукописные книги.

Для нашего исследования особый интерес представляют рукописи из Полоцкой епархии, хранящиеся в собрании петербургской Певческой Капеллы в Российской Национальной библиотеке. Уникальна по своим художественным достоинствам еще одна певческая рукопись, хранящаяся в Рукописном собрании РНБ – это певческая книга, связанная с рукописной традицией Речи Посполитой, и отражающая в значительной мере основные тенденции искусства своего времени.

Православная церковно-певческая культура полоцкого региона находилась под влиянием различных инославных богослужбно-певческих культур: католическая и протестантская ориентировали на освоение многоголосия (хорального и полифонического), униатская поначалу опиралась исключительно на монодийное пение, являлась источником консервативных тенденций. Противостояние различных христианских конфессий на протяжении нескольких столетий определяло динамику и напряжение культурного развития полоцкого региона. «Внешняя» традиция скрытно проникает внутрь, маскируясь консерватизмом. При обязательном сохранении монодии в униатском богослужении принципы музыкального языка видоизменяются и рационализируются.

С начала XVII в. вместе с древним восточным богослужбным обрядом в униатских монастырях сохраняли традицию православного монодийного пения. Это было предметом особого внимания римской курии, издававшей документы, запрещавшие латинизацию греческого ритуала (Бреве папы Павла V 1615, и др.). При сопоставлении ранних и поздних Ирмологионов видно, что старый репертуар в целом сохранен, исключены и дописаны лишь некоторые напевы. Бережное отношение униатов к сохранению традиционного монодийного репертуара видно и по старопечатным нотным Львовским и Почаевским Ирмологионам (1700, 1709, 1766 и др.). Однако же постепенно в певческой практике униатов все больше и больше распространяются новые, нетрадиционные напевы (например, полиелей напева «мохнативского» или «литовского» в Старосамборском Ирмологии Иоанна Рижкевича [20]. С униатским богослужением, вероятно, связан «кравевский» или «езовицкий» напев, встречающийся в рукописях.

В униатских обителях богослужение с течением времени начинает испытывать сильное влияние музыкальной традиции римского обряда. Так, в Супрасльском

монастыре по указу митрополита К. Жавоховского основывается инструментальная капелла, а в Жировицком установлен 80-регистровый орган. Начинает появляться и многоголосие, причем, вполне вероятно, что, традиция партесного пения в униатских храмах была заимствована ими у православных братств, уже много десятилетий практиковавших этот стиль пения. Однако в некоторых униатских монастырях продолжали твердо придерживаться монодии в церковном пении даже до самого конца XVIII в.

Известны имена писцов певческих рукописей, белорусских Ирмологионов: Иоакима Глядкевича «мещанчука Туриска» [14], Авраамия, иеромонаха Святодуховского мон-ря (в Вильно?) (1764); указанного только по инициалам П.Ш. диакона «Базилианского монастыря Литовской провинции» [3]; иеромонаха Иосифа Загоровского [2]; Порфирия Клюбовского, иеромонаха витебского базилианского монастыря (1795). В Полоцке трудились Ян Дзяковский и Ян Кокля (ок. 1657 г.) [11, с. 43–44]. Известны гармонизации псалмов Сымона Пятроускаго-Ситняновича из Полоцка (1629–1680)*.

В конце XVI – нач. XVII в. весьма активизировалась издательская деятельность братств. Они публиковали богослужебную литературу для чтения в храме, однако певческие книги до конца XVII в. существовали только в рукописях.

В XVII–XVIII вв. православная и униатская книжность развивались параллельно. Белорусские Ирмологионы обеих конфессий в целом сходны между собой. Различия выявляются в деталях (памяти святых, упоминания храмов). В книгах обеих конфессий содержится поминовение польских королей («королевская милость»). В греко-католических Ирмологионах изредка встречаются также здравницы священноначалию (например, архиепископу Рафаилу – Супрасльский Ирмологион, 1638–1639) и песнопения в память униатских святых. Отличительной чертой таких Ирмологионов являются латинские гимны в переводах, например, «Dies irae» («День гневу. От латинска языка на словенский преведен»).

Типом певческой книги, связанным с бытованием полоцкой церковно-музыкальной традиции, также как для культуры всего белорусского региона, был Ирмологион. Для него характерен особый репертуар, длительное сохранение раздельноречия, постановка знаков придыха-

ния и ударений. Черты архаики, наиболее присущие униатскому богослужению, проявились и в характере книги Ирмологион. В основе Ирмологионов XVII в. обычно лежит четырехчастная структура: 1) Обиход; 2) Октоих и Ирмологий (в виде единого осмогласника или разделенных циклов); 3) Подобны; 4) Стихирарь с ирмосами (минейный), Триодь и Обиход Постный, Праздники (этот раздел изложен в порядке дней церковного года). Для Ирмологионов кон. XVI – 1-й пол. XVII вв. характерна многосоставность и четкость структуры: они состоят из большего числа разделов, имеют дробное расположение разных жанровых групп; в отдельные группы выделяются ирмосы иррозники (ирмосы на предпраздствия Рождества и Богоявления); Октоих представлен разными циклами стихир, изложенными по типам (наподобие Октоиха изборного); обиходная часть в основном помещается между другими разделами сборника.

В основе репертуара Ирмологионов XVII в., как православных, так и униатских, лежат поздние редакции песнопений знаменного распева, составляющие циклы Октоиха, Ирмология, Триоди и Стихираря. Помимо напевов, в названиях которых отразилось их украинское происхождение, в Обиходе простым и постном, расположенном в начальной и последней частях Ирмологионов («болгарский», «грецкий», «подгорский», «киевский» (редко – «печерский»), «острожский», «простый», «русский» или «русскийпростый»), присутствуют и напевы белорусского происхождения (супрасльский, кутеинский, слущкий, купятицкий, могилёвский). Напевы «сторосионовский», «иверский» и «вяцкий» также связаны с белорусской традицией. Новые напевы создавались по заимствованным моделям каллофонического пения, византийского происхождения путем их адаптации к существующей певческой практике. Это, например, херувимская песнь с названием «Виленское» (Ирмологион вавилианского Жировицкого мон-ря, 1649) [5] или «херувиклитовский» (Ирмологион православного киевского Межигорского мон-ря, сер. XVII в.) [6], которые совпадают с известным болгарским напевом 5-го гласа, известного в Московской в записи крюковой нотацией. Известен и другой болгарский напев херувимской, адаптированный в белорусской певческой практике. Он обозначен в раннем белорусском Ирмологине (1-я пол. XVII в., переписчик иеромонах Иона) как «Херувик Болгарский: архиепископа полоцкого Иоасафа Кунце-

* См. работы М. Куликовича в рукописном собрании Музея Ф. Скорины в Лондоне.

вича» в Жировицком Ирмологионе 1649 г. тот же напев носит название «кремонецкий». В православные Ирмологионы часто включались острожские напевы. В униатских Ирмологионах очень редко встречаются развернутые песнопения «греческого роспева», но необходимые для службы краткие песнопения с греческими текстами (обычно на слова «Кириеелеисон») – их характерная черта. Греческие роспевы были адаптированы в униатской практике в сокращенном и упрощенном виде. Это, например «подгорская» и «случкая» херувимская (Жировицкий Ирмологион, 1649) [7], в которых в концентрированном виде сосредоточены наиболее яркие интонации греко-балканских песнопений.

Сложившаяся в полоцком ареале певческая традиция оказала значительное влияние на русскую церковно-музыкальную культуру нового времени. Первоначально она была воспринята в московских монастырях, особенно связанных с деятельностью патриарха Никона (Ново-иерусалимский истринский монастырь). Белорусские певчие, прибывшие по его призыву в Москву, знакомились здесь с традицией великорусского знаменного пения и за счет нее дополняли свой репертуар. Это отразилось в составе певческих книг, выполненных ими в столичном граде.

Так, в Ирмологионе иеромонаха Гавриила Аранесовича, «полочанина, постриженца Черниговского», есть напевы «белорусский», «кутеинский», «простый», «московский», «болгарский» (Савин Сторожевский мон-рь, 1673) [13]. Первый из датированных нотопеиных Ирмологионов, известных в Москве, был переписан свящ. Тимофеем Куликовичем в Белом Ковеле при братской ц. Рождества св. Иоанна Предтечи (Оршанское воеводство, 1652 г) [4]. В Ирмологионах, выполненных белорусами в Москве и затем Петербурге содержатся «киевский», «острожский», «московский», «смоленский», «печерский», «симоновский», «польский», «кутеинский», «болгарский», «греческий», «невский», «жукковский». Ярким примером восприятия белорусской певческой традиции в Петербурге являются рукописи РГБ. Ф.304 (I) № 454, 455, написанные иеродиаконном белорусского происхождения Лаврентием Хоцятовским, который был уставщиком придворного хора в 40-х гг. XVIII в., а в 1761 г. был определен архимандритом Троице-Сергиевой лавры [15, с. 160]. В них сконцентрированы влияния латинской, греческой и церковнославянской певческой традиции, являя собой образец воплощения концепции универсализма в музыкальной культуре.

Список литературы

- [1] БАН Литвы. – F-19-262, л.1 об.
- [2] БАН Литвы. – F. 22. 71, 1769.
- [3] ГИМ. Син. певч. № 512, сер. XVIII в.
- [4] ГИМ.Син. певч. № 1368.
- [5] НБУВ ИР. – Ф. 1. № 3367.
- [6] НБУВ ИР. – Софийск. 112/645.
- [7] НБУВ ИР. – Ф. 1. № 3367., л.14.
- [8] Остен. Памятники русской духовной письменности XVII века. – Казань: Университет, 1865. – 209 с.
- [9] Панков А.А. Братства. Очерк истории западно-русских православных братств. – Св. Троице-Сергиева лавра, 1900. – 152 с.
- [10] Панченко А.М. Симеон Полоцкий \ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Часть 3. – СПб., 1998. – 362 с.
- [11] Преображенский А. Латинская ересь в русском пении XVII в // Орфей. Сб. статей. Кн. I.– Петроград, 1922. – 194 с.
- [12] Разумовский Д.В. Церковное пение в России. В 3-х выпусках. – М., 1867–69.
- [13] РГБ.Ф. 205. № 248.
- [14] РНБ. Капелла. Q.15. 1687 г.
- [15] Чудинова И.А. Пение, звоны, ритуал: Топография церковно-музыкальной культуры Петербурга. – СПб.: Ut, 1994. – 208 с.
- [16] Cursus vitae et certamen martyrii V.Josaphat Kuncевичi Archiep. polocensis. – Paris, 1865. – 231 p.
- [17] Kaduńska I. Akademia Połocka. Ośrodek kultury na Kresach. 1812–1820. – Gdańsk, 2004. – 308 p.
- [18] Kochanowicz J. Jezuickie bursy muzyczne w Polsce i na Litwie w XVIII wieku, cz.4 // Słownik geograficzny z uickich burs muzycznych (Materiały). – Krakow 2002. – S. 180–185.
- [19] Likowski E. Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w 18 i 19 w. – Warszawa, 1906. – 277 s.
- [20] Warszawa. Biblioteka Narodowa. Akcesja. 2662, 1748.

КОНТРАСТ В МУЗЫКЕ И ЕГО ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ В СОНАТЕ БАРОККО

Теоретически обосновывается новый подход к феномену контраста в музыке. Данное явление представлено в виде сложно организованной многоуровневой системы, включающей в качестве составляющих компонентов как общелогические нормы художественного мышления, так и иерархически дифференцированный комплекс имманентных музыкальных закономерностей. На основании всестороннего анализа сущности, структуры и значения контраста для различных уровней композиции выдвинута гипотеза о его жанрообразующей функции в крупномасштабных построениях, подтвержденная на материале сонаты барокко.

Ключевые слова:

барокко, жанр, композиция, контраст музыкальный язык, соната, форма.

Среди факторов, генерирующих жанровую структуру, в музыкальной науке традиционно выделяются происхождение, формы и условия бытования, исполнения и восприятия музыки, ее жизненное назначение, социальные функции, особенности содержания и формы [16; 20–22; 28; 33]. Наряду с этими, несомненно, объективными параметрами, процесс кристаллизации жанра и его последующая эволюция регулируются также социокультурным контекстом, эпохальными историко-стилевыми закономерностями и индивидуальным стилем творческого мышления автора [1; 6; 32]. Особое место в этом процессе занимает, на первый взгляд, узкоспециализированное, но, по сути, универсальное явление, обозначаемое понятием контраст¹. Данный феномен относится к числу основополагающих в области искусства, в том числе музыки [8; 11; 13; 15; 24]. Именно смысловыми и собственно музыкально-технологическими антиномиями, развертываемыми в динамике развития целого и его составных частей, определяется многомерность художественного содержания произведения. Вместе с тем, теоретическое осмысление этого феномена в музыковедении сопряжено прежде всего и главным образом с проблемами формообразования. В работах Б.В. Асафьева [2], И.В. Способина [23], В.П. Бобровского [3], Ю.Н. и В.Н. Холоповых [26; 27], Ю.Н. Тюлина [25], Л.А. Мазеля и В.А. Цуккермана [10; 29], В.В. Задерацкого [7], Е.А. Ручьевской [17], М.Ш. Бонфельда [4] данное понятие раскрывается в соотношении с основополагающими категориями: драматургия, композиция, музыкальная тема.

Однако контраст как явление имеет значительно более широкий ареал действия, представляя собой фундаменталь-

ное свойство мышления, в том числе художественного. Генезис его заключается в объективных предпосылках, присущих всем природным, общественным и познавательным процессам. «Корень всякого движения и жизненности – противоречие» [5]. Оно есть источник развития, изменения, перехода в новое качество. Противоречие, под которым понимается взаимодействие внутри единого объекта между взаимообуславливающими друг друга и взаимопроникающими противоположностями, вбирает в себя контраст как воплощение противостояния «резко выраженных противоположностей» [18, с. 249; 19, с. 94]. Материализация этого противостояния осуществляется в виде своеобразного диалога, развертываемого в пространственно-временном континууме. Диалог в данном контексте предстает в виде некоей универсальной сущности, пронизывающей все отношения и проявления человеческой жизни. В духовно-практической деятельности контраст представляет собой способ реализации диалога между природой и человеком, «Я» и «не-Я», миром внутренним и внешним, идеальным и материальным, ирреальным, мистическим и объективно существующим.

Контраст является первоосновой мифологического мышления. «Мир мифа драматичен: это мир действия, сил, конфликтующих могучих начал. Мифическое восприятие всегда насыщено эмоциями. Все видимое и ощущаемое окружено особой атмосферой – атмосферой радости или горя, отчаяния или волнения, подъема или депрессии... Все предметы оказываются добрыми или злыми, дружественными или враждебными, знакомыми или неведомыми, манящими или отталкиваю-

щими, пленительными или угрожающими» [34, р. 77].

В музыкальном искусстве контраст есть отражение вечной сущности мира и жизни. Сама идея отождествления элементов музыки (отдельных тонов, интервалов, ладовых, ритмических и мелодических форм, внешнего вида и характера звучания инструментов) с многообразными космогоническими и материальными субстанциями несет в себе тенденцию различения противоположностей, ибо резко несходны по своим онтологическим признакам воплощаемые в музыке природные стихии, времена года, день и ночь, мужское и женское начала и т. д.

В широком плане контраст включает различия между существенным и второстепенным, необходимым и случайным, неизменным и преходящим, константным и переменным, устойчивым и мобильным. Оппозиция может быть дополнена характеристиками иного плана, в частности: общепринятое, типическое – индивидуальное, чужое – свое (в манере письма), привычное – непривычное, понятное – непонятное (о степени традиционности музыкального высказывания), консонантное – диссонантное, периодичное – аперидичное (о метроритме) и т. д.

Множественны проявления контраста в музыкальной композиции. Прежде всего – это противопоставление и единение разнонаправленных начал: эмоционально-чувственного, характеризуемого ярко выраженной эмотивной функцией, и интеллектуально-рационального, с его аналитико-операционными установками, основанными на абстрагировании и логике. Наряду с этим контраст определяет концептуальную структуру произведения и способ, форму ее практического осуществления. Сферой действия противоположностей становятся как эстетический план содержания – например, антитеза гармонии и дисгармонии, так и общелогические нормы мышления: диалектическая анти-тетичность устойчивости и неустойчивости (ладофункциональной и ритмической), симметрии и асимметрии (структурно-синтаксической), континуальности, неделимости связного целого и дискретности, прерывистости, расчлененности. Различного рода противопоставления обнаруживаются также на уровне элементов музыкального языка: восходящее и нисходящее движение мелодической линии, динамика *f* и *p*, прозрачная и насыщенная фактура и др. Элементы осознаются как контрастные при разворачивании их во временной пос-

ледовательности, в содержательно-смысловой динамике музыкально-драматургического процесса.

Принципиальное значение для понимания контраста имеет сравнение структурных компонентов не столько по принципу рядоположенности, сколько по характеру возникающих между ними отношений². Так, неустой обнаруживает свою природу только в процессе реального тяготения в устой. В противном случае неустойчивый элемент, например диссонирующий гармонический комплекс, может выполнять тоническую функцию, т. е. выступать в качестве устоя. Общий исторический ход музыкального мышления фактически реализует на практике идею все более возрастающей эмансипации неустойчивости и надделения ее несвойственными прежде функциями. В сущности, контраст в музыке представляет своего рода диалог отдельных элементов текста, составляющий первооснову композиции в целом и ее составных частей, одновременно и разрушающий и поддерживающий единство системы.

Контраст есть явление процессуальное, раскрывающееся в динамике отношений. Реализация его возможна лишь в контексте разворачивания музыкальной мысли, в диалогическом взаимодействии различных компонентов структуры, раскрывающем их несходство, а также иницирующем и обеспечивающем процессуальность композиции.

Контекстуальное значение контраста заключается в том, что он выступает в качестве, с одной стороны, фактора порождающего, определяющего процесс создания, с другой – порождаемого, характеризующего его конечный результат и служащего, в свою очередь, творческой предпосылкой для переосмысления, обновления первого, порождающего фактора.

Исторически контраст формируется в сложное многоуровневое явление, включающее как общелогические нормы художественного мышления, так и иерархически дифференцированную систему собственно музыкальных параметров (об этом см. [30, с. 30–34]).

Подобный подход к данной дефиниции позволяет поставить вопрос о жанрообразующей функции контраста. Жанр – система, интегрирующая в себе определенные типы содержания и формы, и поскольку контраст рассматривается традиционно как один из основополагающих, наряду с тождеством, принципов музыкальной формы, естественно предположить его участие и непосредственно в жанрообразова-

нии. Гипотеза подтверждается тем, что в целом ряде случаев контраст в сочетании с другими факторами определяет жанровую модель композиции.

Жанр в комплексе его составляющих организуется в реальном художественном произведении системой содержательно-образных и структурно-синтаксических элементов. Вместе с тем, не все уровни системы обладают специфическим жанровым контекстом. Каждый из элементов в отдельности может иметь и фактически имеет широкий ареал проявлений. Суть же жанрового содержания³ (примеч. 3) определяется наличием конкретных специализированных элементов и способом их взаимодействия в иерархии целостного образования. Иными словами, в качестве общелогической нормы художественного мышления контраст имеет всеобщий характер, охватывая все компоненты музыкальной структуры. Жанрообразующая же его функция включается на уровне содержания, регламентирующего в свою очередь драматургию и музыкальную форму произведения. Именно в содержании репрезентируются семантические, образно-ассоциативные функции контраста, отражающиеся как в смысловом облике тематизма, так и в способе развертывания процессуальной стороны музыкальной композиции.

Следует отметить, что контраст не является универсальным жанрообразующим фактором. Сфера его действия охватывает, прежде всего, крупномасштабные построения: сюита, соната, трио, квартет и другие ансамблевые композиции в области камерно-инструментальной музыки; увертюра, концерт, симфония, симфоническая поэма – в оркестровой; опера, балет и иные музыкально-театральные разновидности. В так называемых миниатюрах, «малых» структурах участие его в жанрообразовании носит факультативный, избирательный характер, проявляясь лишь в тех случаях, когда композитор обращается к контрастному типу содержания и соответствующим формам.

В камерно-инструментальной музыке жанрообразующая функция контраста рельефно обнаруживается в жанре сонаты. На наш взгляд, контраст составляет существенную первооснову сонаты, определяет ее содержание, интонационную драматургию, композиционные особенности. Развитие жанра в целом отражает динамику движения самой идеи контраста как одного из основополагающих принципов в общей эволюции художественного мышления. Вместе с тем, с другой стороны, в со-

нате складываются специфические формы «взаимодействия противоположностей», впоследствии экстраполируемые на иные жанровые сферы и служащие импульсом обновления и обогащения творческих идей.

Жанрообразующие свойства контраста, его сущность, структура и функции, как и типология сонаты, непосредственно связаны с историко-стилевым контекстом. В каждую эпоху формируются свои приемы регулирования контраста, его типы, масштаб, характер включения. «Те средства, которые были достаточны для создания контраста в музыке эпохи Возрождения, окажутся слабыми в музыке барокко. В типовых формах классицизма контраст играет иную формообразующую роль, нежели в музыке барокко» [25, с. 209]. Несмотря, однако, на меняющийся стиливый контекст, контраст на всех этапах развития жанра обуславливает содержательно-смысловую логику сонаты, ее специфичность. В свою очередь, и соната занимает особое место в историческом развитии принципа контраста. По сути дела, само зарождение жанра в музыкальной культуре Ренессанса связано с различием, противопоставлением вокального и инструментального начал и свойственных им типов интонирования, хотя индивидуально своеобразная внутренняя структура жанра и соответствующие виды контрастов на данном этапе еще не сформированы (см. об этом [31, с. 42–54]).

Собственно контраст как жанрообразующий фактор складывается в эпоху барокко, искусство которого с максимальной полнотой отражает драматизм и конфликтность мироощущения времени. «Универсум барокко – поле игры и борения противоположных начал» [9, с. 55]. При этом суть противоположного интерпретируется весьма своеобразно. По словам немецкого философа Я. Бёме, «из Да и Нет состоят все вещи, будь то названо божеское, дьявольское, земное или какое-либо прочее. Одно из них, Да, есть чистая сила и жизнь, и есть божья правда, или сам Бог. Само по себе оно было неразлично без Нет. Нет есть противомет Да, или Правды, и существует, дабы правда открылась и стала чем-то, была бы внутри противоположности...И нельзя сказать, что Да и Нет – две обособленные и рядоположенные вещи, они суть одна-единственная вещь, разделяющая на два начала и образующая два центра, где каждое в себе самом проявляется и изъясняет волю...Вне их двух, которые все проявляют в постоянном бо-

рении, были бы все вещи лишь Ничто и оставались в покое, вне подвижности. Истекающая воля желает несхожести, дабы могло зреть и распознавать вечное зрение» [цит. по: 9, с. 55].

Понимание мира как движения и соединения противоречий составляет фокус барочной поэтики и обуславливает особенности творческого метода эпохи. В художественном мышлении это приводит к переплетению мотивов строгой упорядоченности и свободы, полифонических и гармонических норм организации музыкальной ткани. Антитетичность выступает и как важнейший, восходящий к риторической диспозиции, принцип драматургии: единство постигается в осмыслении противоречий. «В музыке именно в эпоху барокко контраст был открыт и возведен в закон стилиобразования, соотношения жанров, архитектоники, динамики, организации времени в разнообразных практиках» [9, с. 57].

Основу музыкального стиля барокко составляет устойчивая система антиномий традиционного и инновационного, духовного и светского, вокального и инструментального, полифонии и гомофонии, а также напряженность и динамика развития, взрывчатая экспрессия и сильные аффекты. Особенности мышления породили новый тип художественной логики. Сущностное значение приобретает контраст типизированных образно-интонационных структур, определяющий общую направленность мелодико-тематического развертывания. Музыкальный процесс осознается как событийный, что приводит к чередованию или смещению контрастных явлений-образов, стиливых, жанровых антитез.

Свойственная эстетике и поэтике барокко концепция контраста экстраполируется на сонату, которая складывается в эту эпоху как жанр в единстве его содержательно-смысловых и композиционных параметров. Происходит типизация содержания в двух основных разновидностях: *sonata da chiesa* и *sonata da camera*. Для первой, как известно, характерно воплощение состояний объективных, «надличностных». Вторую отличает ориентация на танцевальность, жанровость, субъективно-лирическую образность.

Общая рационалистическая ориентация барокко предопределяет синтаксически расчлененную и вместе с тем целостную логическую организацию формы. Получает в сонате реализацию и типично барочная идея многоязычия, сказываю-

щаяся во взаимодействии традиционной и новой структурных основ, в интеграции элементов различных систем организации музыкальной ткани – полифонии и гармонии, средневековой модальности, аперриодичности и многоплановой регулярности, квадратности.

Интерпретируемый достаточно широко в контексте барочной эстетики принцип соответствий-репрезентаций в связи с сонатой может быть понят как установление в процессе драматургического развития сходства, аналогий, родства между различными элементами музыкальной системы. Следствием этого принципа является сознательная установка на конструирование развернутой композиции, подчиненной определенной логике взаимодействия ведущих музыкально-тематических комплексов, контрастных в своей первоначальной сущности и объединенных на основе принципа подобия. Используемая при этом техника контраста, противоречия и переосмысления согласуется с правилами широко распространенной «теории остроумия». Согласно Б. Грасиану, «изобретателю» этой теории, «соединить силою разума два противоречащих понятия – высшее искусство остроумия» [цит. по: 9, с. 111].

Контраст как важнейший жанрообразующий фактор определяет сущность сонатного мышления в эпоху барокко. «Этот объединяющий принцип возник из идеи контраста музыкальных движений и вызвал упорное и настойчивое стремление строить циклы из цепи разнохарактерных сопоставлений. Только мысль о чередовании контрастирующих тем внутри одного движения дала сонате окончательное выражение и крепкую и гибкую конструктивную базу. Из постепенного приближения к идее тематического контраста и связанного с ней принципа разработки, их находки и усвоения, а затем закрепления этой идеи состоит в сущности весь великий период образования сонатной формы» [14, с. 147].

С другой стороны, контраст, будучи генетическим признаком и критерием сонаты, формируется в контексте жанрового мышления в сложный системный объект. Прежде всего, в барочной сонате как циклической композиции кристаллизуется контраст жанрового, образно-интонационного содержания частей цикла. В частности, концепция *sonata da chiesa* базируется на последовательном развертывании резко противостоящих сфер: от возвышенной патетики, «речевой» декламационности (первая часть) к динамической энергии действия (вторая), далее – субъективно окрашенной лирике

(третья) и, наконец – стремительной моторике, обогащаемой нередко танцевальными ритмами (финал). В основе *sonata da camera* сопоставление разнохарактерных танцев: аллеманда – куранта – сарабанда – жига.

Областью антитетичности в барочной сонате становится также контраст полифонического и гармонического складов письма, особенно явственный в *sonata da chiesa*, строящейся на чередовании гомофонных и фигурированных частей.

Еще одной зоной действия контраста является темпо-ритмическая организация. Так, последовательность частей в типовом цикле основывается на резко выраженных в темповом отношении противоположностях: *Largo* или *Grave* – первая часть, *Allegro* – вторая, *Adagio* – третья и *Presto* – финал. В зависимости от количественного состава, варьируемого в реальной композиторской практике, используются также многочисленные модификации этой схемы.

Тональный, тематический виды контраста первоначально реализуются между частями цикла и лишь на определенном этапе развития жанра сфера действия их распространяется на рамки одной части.

В целом контраст являет собой универсальную, наряду с тождеством, норму логического, художественно-творческого, в том числе музыкального мышления и вместе с тем выступает атрибутивным жанровым признаком сонаты, порождающим и формирующим ее концептуальное содержание, образную систему, интонационную драматургию, композиционные особенности и собственно формообразовательные процессы. Барочный тип контраста характеризуется «отсутствием иллюзии мотивированных переходов эмоций» [12, с. 169], представляя в максимально концентрированном виде своего рода контрастно-полифоническое взаимодействие различных исторических планов: антично-средневековой традиции и новых законов музыкально-творческого мышления. Сложившиеся в эпоху барокко жанрообразующие функции контраста, его типы, масштаб, приемы регулирования, характер введения, взаимообусловленные и детерминированные историко-стилевым контекстом, получают интенсивное развитие в классической, романтической и современной сонате.

Список литературы:

- [1] Арановский М.Г. Структура музыкального жанра и современная ситуация в музыке // Музыкальный современник. – М.: Сов. композитор, 1987, вып. 6. – С. 5–44.
- [2] Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. 2-е изд. – Л.: Музыка, 1971. – 376 с.
- [3] Бобровский В.П. Функциональные основы музыкальной формы. – М.: Музыка, 1978. – 332 с.
- [4] Бонфельд М.Ш. Анализ музыкальных произведений: структуры тональной музыки: В 2-х ч. – М.: Владос, 2003. – Ч. 1. – 256с; Ч. 2. – 208 с.
- [5] Гегель Г. Сочинения: В 14-ти т. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1930–1959.
- [6] Дауноравичене Г. Некоторые аспекты жанровой ситуации современной музыки // *Laudamus* (к шестидесятилетию Ю.Н. Холопова). – М.: Композитор, 1992. – С. 99–106.
- [7] Задерацкий В.В. Музыкальная форма. – М.: Музыка, 1995, вып. 1. – 541 с.
- [8] Лебедева Е.В. Контраст в музыке как музыкальная категория (в аспекте музыки первой половины XX века) / Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Киев: АН УССР, 1980. – 25 с.
- [9] Лобанова М. Н. Западноевропейское музыкальное барокко: проблемы эстетики и поэтики. – М.: Музыка, 1994. – 317 с.
- [10] Мазель Л.А., Цуккерман В.А. Анализ музыкальных произведений. М.: Музыка, 1967. – 752 с.
- [11] Медушевский В.В. О динамическом контрасте в музыке // Эстетические очерки. – 1967, вып. 2. – С. 212–244.
- [12] Медушевский В.В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. – М.: Музыка, 1976. – 254 с.
- [13] Назайкинский Е.В. Принцип единовременного контраста // Русская книга о Бахе. – М.: Музыка, 1985. – С. 265–294.
- [14] Неф К. История западноевропейской музыки. – М.: Музгиз, 1938. – 304 с.
- [15] Петров А.Н. Выражение конфликта в инструментальной музыке: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М.: МГК им. П.И. Чайковского, 1985. – 24 с.
- [16] Попова Т.В. Музыкальные жанры и формы. 2-е изд. – М.: Музгиз, 1954. – 384 с.
- [17] Ручьевская Е.А. Классическая музыкальная форма. – СПб.: Композитор, 1998. – 267 с.
- [18] Словарь иностранных слов / 17-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1988. – 608 с.
- [19] Словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 2. – М.: Русский язык, 1982. – 736 с.
- [20] Смирнова Т. М. Проблема теории музыкального жанра / Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Киев, 1988. – 14 с.
- [21] Соколов О.В. Морфология музыки и ее художественные жанры. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 1994. – 220 с.
- [22] Сохор А.Н. Эстетическая природа жанра в музыке // Сохор А.Н. Вопросы социологии музыки. Т. 2. – Л.: Сов. композитор, 1981. – С. 231–293.

- [23] Способин И.В. Музыкальная форма. – М.: Музыка, 2002. – 400 с.
- [24] Тараканов М.Е. О выражении конфликтов в инструментальной музыке // Вопросы музыкознания. – М., 1956.
- [25] Тюлин Ю.Н. и др. Музыкальная форма. – М.: Музыка, 1974. – 359 с.
- [26] Холопов Ю.Н. Принцип классификации музыкальных форм // Теоретические проблемы музыкальных форм и жанров. – М.: Музыка, 1971.– С. 65–94.
- [27] Холопова В.Н. Формы музыкальных произведений. – СПб.: Лань, 2001. – 496 с.
- [28] Царева Е.М. Жанр музыкальный // Музыкальная энциклопедия. Т. 2. – М.: Сов. энциклопедия, 1974. – Стб. 383– 388.
- [29] Цуккерман В.А. Музыкальные жанры и основы музыкальных форм. М.: Музыка, 1964. – 159 с.
- [30] Шитикова Р.Г. Контраст в музыке: сущность, структура, функции (к проблеме постижения содержания музыкального произведения) // Современное музыкальное образование – 2004: Материалы международной научно-практической конференции (26–29 октября 2004). Ч. 1. – СПб.: ИПЦ СП-ГУТД, 2004. – С. 30–34.
- [31] Шитикова Р.Г. Соната как художественный код музыкального мышления Нового и Новейшего времени // Проблемы музыкального образования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – С. 42–54.
- [32] Шубина А.И. Проблемы жанрообразования в советской массовой песне: Автореф. дис... канд. искусствоведения. М., ВНИИ искусствознания, 1987. – 22 с.
- [33] Besseler H. Aufsdtze zur Musikdsthetik und Musikgechichte. – Leipzig: Reclam, 1978. – 469 s.
- [34] Cassirer E. An Essay On Man. – New Haven; London: Yale University Press, 1944. – 236 p.

¹ Этимология слова контраст восходит к фр. *contraste*, нем. *Kontrast*, итал. *contrasto*, *contrastare*, что переводится как «резко выраженная противоположность» [18, с. 249; 19, с. 94], а также «противостояние, различие» [15, с. 4].

² Дискуссионной в данном контексте является попытка разграничить дефиниции контраст и конфликт в работе А.Н. Петрова: «Контраст – понятие более статическое, рассматривающее явления в логическом аспекте... конфликт – понятие более динамическое, связанное с представлениями о действии, движении и противодействии» [15, с. 4]. Утверждение о статической природе контраста, на наш взгляд, не вполне соответствует специфике музыки как временного искусства. Применение понятия статики возможно лишь в метафорическом смысле.

³ Определение «жанровое содержание» принадлежит А.Н. Сохору [22, с. 246]. Ученый связывает его с социальной функцией музыки. На наш взгляд, понятие это имеет более широкий спектр значений, включая в себя и собственно музыкальные, интонационные смыслы.

«ПУШКИНСКАЯ СИМФОНИЯ» БОРИСА ТИЩЕНКО В МИРОВОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПУШКИНИАНЕ

Рассмотрены история становления, композиционная и тематическая характеристики «Пушкинской симфонии», соч. 38/125 (1967/1998) Б.И. Тищенко (1939–2010). Сравнение с музыкой к научно-документальному кинофильму «Гибель Пушкина» (1967 г.) свидетельствует, что в Симфонии использованы только темы из киномузыки. С «Пушкинской симфонии» начинается эра воплощения судьбы Пушкина в симфоническом жанре.

Ключевые слова:

жанр симфонической биографии, композиторская рефлексия, контрапунктическое сплетение, музыкальная семантика, монограмма, монотематизм, свободная форма, симфоническое мышление, сонатность.

Более ста лет облик А.С. Пушкина, его окружение стоят в центре внимания разных жанров литературы и филологии, что связано прежде всего с именами В.В. Вересаева, М.А. Цявловского, Ю.М. Лотмана, Б.Л. Модзалевского, Ю.Н. Тынянова, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, М.А. Булгакова. Аналогичное явление наблюдается в живописи, о чем красноречиво свидетельствовала выставка в ленинградском Манеже в 1984 г., посвященная А.С. Пушкину. Музыка, особенно ее симфонический жанр, значительно медленнее осваивала эту тему. В конце XX в., в связи с 200-летием со дня рождения поэта, его личность, события мятежной судьбы все более привлекают к себе внимание композиторов.

В европейском симфонизме тема судьбы художника появляется, начиная с середины XIX века: в творчестве Г. Берлиоза, Ф. Листа, позднее – Р. Штрауса, Г. Малера. В искусстве XX в., с его тягой к документализму, к фактологической точности эта тематическая тенденция усиливается. На рубеже XX–XXI вв. ярким примером является творчество Б.И. Тищенко (1939–2010). Об этом свидетельствуют его Симфонии № 5, 6. В «Dante-симфонии» № 1 (1997), по существу, произошло окончательное формирование жанра *симфонической биографии*¹. Судьбе А.С. Пушкина, его последним дням, посвящена «Пушкинская симфония» в трех частях или *двадцати двух стихотворениях*, соч. 38/125 (1967/1998)². То, что Тищенко создал «Пушкинскую симфонию», обусловлено всей динамикой его творчества. Человеческая психика, глубины сознания и подсознания творческой личности, с активными эмоционально-мыслительными процессами, с богатой событиями жизнью, составляют суть искусства композитора.

Особенность трактовки темы, образный строй и творческий метод Симфонии

связаны с ее художественным генезисом. В 1967 г. Б.И. Тищенко написал музыку к кинофильму «Гибель Пушкина» (автор сценария и режиссер Ф.А. Тяпкин)³. Фильм, снятый в Ленинграде на студии «Центрнаучфильм», не являлся жанром реалистической биографии. В нем нет развитой сюжетной линии, а представлены в определенном контексте образы-символы, окружавшие поэта в последние дни, и то, что было ему дорого в жизни. В фильме можно увидеть друзей и врагов поэта, пейзажи осеннего и зимнего Петербурга, Михайловского и Григорьевского, место дуэли у Черной речки, кабинеты Пушкина в Михайловском и на Мойке, портреты Пушкина и Натальи Николаевны, рукописи, рисунки; книги и вещи, которые видел поэт в смертный час, приглашение на панихиду. Фильм был рассчитан на *подготовленного* зрителя, вызывал активный ассоциативный ряд.

Композитор имел сценарий всех сцен (раскадровка включала 121 пункт), но без конкретных требований относительно музыкального материала. Четкий хронометраж, как в балетной партитуре, работа в заданном времени близка творческому методу Тищенко.

Изучение сценария⁴ с пометками композитора показывает, сколь избирательно он подходил к выбору сцен: кабинет Пушкина, осенний Петербург, ростральные колонны, Михайловское, светские рауты, выстрел Дантеса, отъезд Натальи Николаевны из Петербурга. То есть то, что вызывало особенно напряженную рефлексию или имело узловое драматургическое значение, или было наполнено движением. Ясно очерчивалась грань между двумя полярными мирами. В сценарии помечены и номера всех музыкальных фрагментов. (В чистовой партитуре кое-что поменялось местами, но основная разметка осталась прежней).

Все это породило обобщенно-философский, афористичный музыкальный язык. По пометкам в сценарии можно определить образный ряд того или иного музыкального фрагмента. Но музыка намного глубже и значительнее; она не иллюстрирует, а наполняет духовным смыслом каждый эпизод. Музыка к кинофильму «Гибель Пушкина» без изменений исполнялась в концертах как самостоятельное симфоническое произведение из тринадцати разделов, следующих друг за другом аттасса. Это был, по-видимому, первый симфонический опус, посвященный судьбе Пушкина (вокально-поэтическая симфония «Пушкин» А.П. Петрова и созданный на ее основе балет появились в 1978–1979 гг.).

Киномузыку и Симфонию объединяют единый музыкально-тематический материал и вдохновивший композитора зрительный ряд. *Зрительный ряд в Симфонии очень важен, несомненна и роль необычного сценария, в котором ни разу не появляется Пушкин. Показаны его рисунки, зачитываются письма*⁵. Но, используя полностью киномузыку, композитор поставил ее в новый смысловой аспект, поэтому в Симфонии своя образно-композиционная драматургия, иные масштабы.

Есть в Симфонии фрагменты, которые полностью соответствуют *кинопрообразу*. Например, без изменений вошли в нее №№ 5, 11, 12, причем оставшись в прежней драматургической последовательности. В *стихотворениях*, как Тищенко обозначил *микрочасти* Симфонии, №№ 1, 2, 3, 20 есть только эпизодические корректуры, в основном метроритмического рисунка (в частности, обостряется триолью ритм основной темы вступления). Однако встречаются перестановки материала, которые существенно влияют на «ход событий». Так, № 7 из киномузыки делится в Симфонии на два фрагмента, которые «разведены» по разным местам. Иное явление наблюдается в драматургической трактовке № 8, именуемого в сценарии «Раут» и соответствующего почти полностью III части Симфонии: он разъединяется в партитуре на девять фрагментов-*стихотворений*, отмечающих фазы в развитии музыкального сюжета. Само деление Симфонии на три части (хотя I и II следуют аттасса) свидетельствует о более детальной *режиссерской трактовке* композитора.

Есть существенные изменения и добавления к уже имеющемуся материалу. Почти в два раза увеличился № 4, посвященный светлой поэзии (I часть): появляется новый раздел со *светлым дыханием* – соло

альта на фоне струнных и арф с контрапунктом скрипки. В начале II части, посвященной горестным размышлениям поэта, к контрапунктирующим монодиям английского рожка и валторны добавляется голос виолончели. Фрагмент становится масштабнее, а со вступления фагота появляется новый материал. Значительно укрупняется за счет развития стихотворение 9 – «свидание в Камероновой галерее» (40 т. вместо 24-х в киномузыке), в два раза протяженнее становится *реквием* в конце Симфонии, усиливая ноту трагического.

Характеристичные добавления появились в центральном эпизоде средней части, посвященной светскому рауту. Это касается *образа сплетни*. Если в киномузыке звучит только одна солирующая скрипка, то в Симфонии – контрапункт двух солирующих скрипок, материал которых постепенно переходит во все скрипичные партии *divisi* и, наконец, в этот водоворот вовлекается весь оркестр. Причем тема сплетни на 6/8 контрапунктирует с вальсовой темой на 3/4, образуя гемиолу. Далее сплетня идет *задним ходом* – используется прием зеркальной инверсии. Образ стал значительно более колоритным, масштабным и характерным. И, наконец, нужно сказать о последнем штрихе мастера – о добавлении в конце Симфонии пяти тактов: у первых скрипок появляется восходящий ход по лутонам *g-gis-a-b*, и, таким образом, в *G-dur* вкрадывается минорная терция *b* как авторская подпись: *B* – это авторская монограмма по первой букве имени композитора – *Boris*, завершающая многие его произведения.

Благодаря всем большим и «малым» изменениям и дополнениям произведение стало целостнее и крупнее, а, главное, преодолена фрагментарность, свойственная киномузыке, сложилось симфоническое полотно. В нем ярко выражено развитие концепции и полноценно претворен принцип симфонизма мышления. Это уже не сюита со сквозным развитием, а развернутый трехчастный цикл: *Largo*, *Andante sostenuto*, *Andante*. Примат медленных темпов (с ускорением внутри частей) во многом создает основной эмоциональный тон: трагически-философского раздумья – рефлексия на видеоряд. Динамика трагического направлена к финалу: печально-горестным размышлениям поэта, а апогей трагического – в ее конце, после *выстрела Дантеса*.

В Симфонии неординарно трактуется сонатно-симфонический принцип, который проходит через все три части. Тради-

ционное понимание главной и побочной партий поднимается до уровня двух образных сфер и порожденного ими тематизма. Новаторство формы отражено в заголовке: «Пушкинская симфония в трех частях или 22-х стихотворениях». Но *к конкретным стихам здесь нет апелляции. Это 22 раздела Симфонии, представляющие собой более или менее цельные построения, которые объединены в три части. Название «стихотворения» связано с Пушкиным.* I часть – пять стихотворений, II – двенадцать, и финал – снова пять. Каждое стихотворение содержит свой материал. Они отделены паузами или сопоставляются друг с другом.

В каждой части *стихотворения* составляют стройную композицию. I часть – сонатная экспозиция, показ основных образов (главная партия – образ Петербурга – *стихотворение 1*, побочная – мир Пушкина, его тоскливые мысли, грустная и светлая лирика – *стихотворения 2–4* и завершение, подобно заключительной партии, – образ враждебного поэту окружения). В средней части вновь их противопоставление; часть построена по принципу концентричности с чертами рондальности, со вступлением: тяжелые размышления поэта сменяются развернутой композицией, средоточием негативного начала, где центром является вальс. В совокупности образуются две средние части – рефлексивное вступление и гротесковый вальс-скерцо. И медленный финал, трагический итог, подобный финалам Третьей или Пятой фортепианных сонат Тищенко. Это свободная композиция с чертами рондо-сонаты, концентрической и вариационной форм. Воплощается череда трагических размышлений (в кинофильме на этих кадрах рука Пушкина рисует пять фигур повешенных декабристов), мыслей о побеге, вновь грустных раздумий, обрывающихся выстрелом Дантеса, оплакивания и вознесения. В целом все три части Симфонии образуют грандиозную *сонатную форму с зеркальной репризой* как форму второго плана:

Структура каждого *стихотворения* включает простую форму – период, двух-, трехчастную, иногда – сквозную строфичность. Но в композиции обычно преобладает четное число. По мнению композитора, *числовой эзотеризм Пушкина сводится к двойке (в отличие от «троечника» Данте)*, что произвольно, как, порой, бывает у Тищенко, сказывается в композиции и средствах музыкальной выразительности. (В частности, в цикле *22 стихотворения*, 12 – в средней части, 10 в сумме – в крайних частях; дважды проводится вальс.)

Тема *грустной поэзии*, которая звучит в начале I части, как одна из основных тем, и ретроспектируется в финал, *услышана* композитором в поэзии Пушкина последних лет, ее мыслях о быстротечности жизни, предчувствии близкого трагического конца, о страстном желании бегства из чуждого мира: «На свете счастья нет, но есть покой и воля. / Давно завидная мечтается мне доля – / Давно усталый раб, замыслил я побег...». Мотив *стремления к свободе* заложен уже в первой, открывающей Симфонию, интонации (он ритмически обостряется триольной трактовкой), ему посвящено *стихотворение 19* из финала. Тема *грустной поэзии* сопоставляется композитором со строками «Вчера бродил я в этих рощах...» из стихотворения «Вновь я посетил», с образами трех сосен.

Воплощение самых горестных размышлений поэта, его тоски открывает II и III части. И хотя материал в обоих случаях различен, но круг средств выразительности един: камерная звучность (три инструмента в обоих случаях), *заунывная* монодия, котрапунктирующая с другими голосами и микроинтонации с *glissandi* (родственные Симфонии № 3), – семантика плача, *подъёмания*. И, наоборот, светлая лирика Пушкина (*стихотворение 4*) решена в фактуре аккордового склада у арфы, где в движении терций слышится интонация Магнификата Монтеверди. Этот образ продолжается в светлых темах кларнета и альта.

Другая образная сфера отражает окружение поэта в последние дни жизни: зимний Петербург, интерьеры светских раутов, чуждые ему дворцовые сплетни, интриги. Здесь слышны аллюзии балетных танцев – мазурки (*образ кавалергарда*), вальса; используются более быстрые темпы, резкая оркестровка, жесткие интонация – характерная семантика образов зла. Кульминация этой образной сферы сосредоточена в вихре зловещего вальса из второй части. Контрапунктирующий с вальсом фрагмент *развития сплетни* придает ему оттенок жесткого блеска, трескучего пустого многословия, что остроумно подчеркивается завершением вальса трещоткой.

Яркий разнообразный тематизм Симфонии возник на основе листовского принципа монотематизма. Исходное тематическое зерно – призывная тема вступления I части – очень емко по содержанию: это и стремление поэта к свободе, и военный клич («зорю бьют»), с которым связан образ Петербурга николаевской эпохи и т. д. Смысловая многозначность позволяет

придать материалу разные образные облики. Из него выстраивается и, казалось бы, совершенно противоположная тема *тоски, грустной лирики*; он лежит в основе образов зла, его триольная интонация виртуозно пронизывает сложные контрапунктические сплетения вальсового фрагмента, им завершаются картина царских покоев, на его трехголосных имитациях построена тема бегства (стихотворение 19).

В монтажном сцеплении материала важен принцип калейдоскопичности, а благодаря монотематизму и тематическим ретроспекциям достигаются монолитность формы, смысловая конкретность. Так, на интонациях *подвывания – фризрика смерти*, строится самый трагический фрагмент – оплакивания после выстрела Дантеса (остинатные короткие *glissandi* с сильным динамическим развитием у валторны, тромбона, солирующей скрипки и альты). Есть точные ретроспекции – темы *грустной поэзии* из I части в сцене гибели и *вознесения*. Причем после выстрела Дантеса основное тематическое зерно постепенно тесситурно опускается, а в последних тактах Симфонии – поднимается в самые высокие октавы, символизируя вознесение.

Ретроспективную арку между крайними частями создает повтор мощного раздела *tutti* из первого *стихотворения*, который в контексте финала приобретает черты масштабного реквиема. Во II часть, в стихотворение 8, где в конце дан образ *кавалергарда, блестящего салонного убийцы*, ретроспектируется зловещая музыка пятого *стихотворения*. Но здесь она «крупнее»: тихая звучность меняется на *f* и *ff*, вовлекается вся духовая группа, а не только медь, которая не только дублирует партии, звучит новая, образно значимая партия фгота. Таким образом, возникают стойкие семантические ассоциации, придающие Симфонии *quasi* сюжетность.

Новаторство произведения заключается в мастерском мотивно-фактурном

развитии, в редких тембровых и композиционных решениях (парный состав с ненормативной ударной группой). В цикле нет ни одного натуралистического приема. Даже момент гибели поэта воплощен музыкальными средствами – *glissandi* арфы с «обрывом» всех струн и ударом в подвешенную тарелку: *обрываются все струны жизни...* Музыкальный язык Симфонии явно перекликается с Третьей симфонией и «Коронацией Поппеи» К. Монтеверди (в 1967 г. Тищенко занимался ее расшифровкой).

С «Пушкинской симфонии» Тищенко, с его киномузыки, с вокально-поэтической симфонии «Пушкин» Петрова начинается эра обращения композиторов к судьбе поэта. Она трактуется ими как творческий феномен. Причем в произведениях Тищенко нет слов (даже в балете Петрова «Пушкин» звучит поэтическое слово – чтеца, солиста и хора).

В Симфонии Тищенко не воспроизведена хронологическая точность событий. Лишенная мелочной иллюстративности, музыка метко характеристична, семантически очень определена. Подобно тому, как в кинофильме «Гибель Пушкина» есть образы-символы, в Симфонии появляются темы-символы. А главное – передано светоносное движение мысли поэта, то основное, что характерно было для творчества поэта последних лет и для его судьбы. Это «основное» совпадает с выводами величайших ученых-пушкинистов. Даже выстрел Дантеса трактуется *внезапно*, буквально обрывая течение напряженных мыслей – именно так, как нечто непредсказуемое, восприняли дуэль Пушкина современники (вспомним «Пушкина в жизни» Вересаева).

Б.И. Тищенко, абстрагируясь от конкретной событийности, в «Пушкинской симфонии» дает обобщенное осмысление последних дней поэта как времени высочайшего духовного напряжения, глубоко-одионочества и еще раз подчеркивает трагедию безвременно ушедшего гения.

¹ «Dante-симфония» № 1 – пролог хорео-симфонической циклады из пяти «Dante-симфоний», основана на автобиографическом сочинении Данте «Новая жизнь».

² Премьера «Пушкинской симфонии» состоялась 17 мая 1999 г. в зале Санкт-Петербургской Академической капеллы им. М.И. Глинки. Исполнители – симфонический оркестр Капеллы, дирижер – В.А. Чернушенко.

³ Все факты по истории создания Симфонии основываются на беседе автора статьи с Б.И. Тищенко в декабре 1998 г. Точность изложения завизирована композитором.

⁴ Б.И. Тищенко любезно предоставил сценарий киноленты и автограф партитуры, по которым нами анализировалась «Пушкинская симфония».

⁵ Из беседы Б.И. Тищенко с автором статьи. Записано на аудиокассету. В дальнейшем этот источник не оговаривается. Слова композитора даются курсивом.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНИКИ КОМПОЗИЦИИ И. ШИЛЛИНГЕРА В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. БРАУНА

Техника композиции И. Шиллингера применялась в первую очередь авторами киномузыки, аранжировщиками и джазовыми музыкантами. Ее использование американским композитором-авангардистом Эрлом Брауном дало интересные результаты, аналогичные некоторым аспектам техники европейских композиторов второй половины XX века.

Ключевые слова:

Э. Браун, Булез, Дармштадские курсы новой музыки, колледж Беркли, О. Мессиан, Нью-Йоркская школа, техника композиции, И. Шиллингер.

Обучение технике композиции в XX веке было обречено претерпеть существенные изменения. Обилие направлений, стилей, техник (в том числе авторских) сделало невозможным ремесленное обучение композиторов по единому образцу. Увеличивающаяся дистанция между массовой и элитарной культурой также рождала значительную разницу в способах выражения и музыкальном языке. Композитор второй трети века с одной стороны оказался перед широким выбором возможностей; с другой – теперь он был лишен универсального базового инструментария. Одной из попыток решить проблему новой отправной точки в музыкальном образовании стала так называемая «Система музыкальной композиции Шиллингера» [6].

Иосиф Шиллингер (1895–1943) был легендой в среде авторов популярной музыки и джаза. Он родился в Харькове, получил образование в Петроградской консерватории, в 1928 году эмигрировал в США. Там Шиллингер разработал основанную на математическом подходе систему преподавания техники композиции, по которой занимался со своими частными учениками. Как ни парадоксально, изучение формальных закономерностей музыки привлекало весьма широкую и разнообразную аудиторию. Частная практика Шиллингера была обширной, в списке его учеников такие громкие имена, как Джордж Гершвин, Бенни Гудман и Гленн Миллер. Браун – один из немногих авторов «серьезной» музыки в этом ряду.

Эрл Браун (1926–2002) – композитор с необычной биографией. Ведущий представитель Нью-Йоркской школы наряду с Джоном Кейджем, Мортоном Фелдманом, Дэвидом Тюдором и Кристианом Вольфом, он изучал инженерное дело и математику в Северовосточном университете (Бостон), профессиональное образование получил в Доме музыки Шиллингера (ныне Музыкальный колледж Беркли), со дня основа-

ния специализирующемся на неакадемических направлениях.

Дом музыки Шиллингера открылся в Бостоне в 1945 году. Его основатель Лоуренс Берк использовал при составлении учебных курсов методы Шиллингера – своего учителя. Браун был один из первых студентов колледжа, пройдя курс обучения с 1946 по 1950 год. После окончания учебного заведения, с 1950 по 1952 год, он работал как авторизованный преподаватель системы композиции Шиллингера в Денвере, штат Колорадо.

В 1960-е, когда Браун преподавал на Международных Дармштадских летних курсах новой музыки, он вращался в среде композиторов, прошедших серьезную профессиональную подготовку. Пьер Булез занимался в классе Оливье Мессиана в Парижской консерватории, Карлхайнц Штокхаузен также брал уроки у Мессиана и с отличием окончил Кёльнскую Высшую школу музыки, Бруно Мадерна – выпускник Академии Святой Цецилии в Риме, Луиджи Ноно учился в классе Джана Франческо Малипьеро в Венецианской консерватории. Браун не уступал коллегам во владении современной техникой композиции; его новации в области нотации и формы вызвали широкий интерес и нашли последователей. Фелдман как-то заметил в интервью, что у Брауна «позаимствовали больше, чем у кого-либо из нас» [5, с. 12].

Получив признание, Браун охотно делился воспоминаниями о годах учебы и деталями замысла своих сочинений. Приведем выдержки из интервью композитора, в которых он рассказывает о первом знакомстве с методом Шиллингера: «В оркестре Рэндольф Филд^а я встретил парня из Нью-Йорка, который тогда изучал систему Шиллингера. Я видел эту книгу, что-то вроде математически ориентированной системы, и она весьма меня заинтересовала. Когда я вернулся в Бостон, Дом Шил-

лингера только открывался. <...> Тогда я подумывал о том, чтобы стать голливудским композитором, просто потому, что это было единственное, что я знал. Мой отец по воскресеньям в полдень слушал трансляции Нью-Йоркского филармонического оркестра. Но в целом в Луненберге, штат Массачусетс, не было классической музыки, которая могла бы меня увлечь. И так, я думал о чем-то шиллингеровском. Множество авторов киномузыки тогда прошло курс обучения у Шиллингера»² [7, с. 290].

Дом музыки не был единственным источником знаний для Брауна. Двенадцатитоновую технику он изучал у Рослин Бруг Хеннинг, американской пианистки, музыковед и композитора. «Будучи в Бостоне <...> я занимался частным образом у Рослин Бруг Хеннинг, потрясающего учителя. Ее докторская была посвящена полифонии двадцатого века. Мы начали с девятнадцатого века, проработали разные стили, вплоть до Баха. Затем мы перескочили к Бергу <...> Это было очень, очень важно для меня. Но Шиллингер был даже важнее, поскольку удерживал меня от академизма. Шиллингер умер в 1943, а я учился у людей, которые прошли курс обучения у него – то есть у штатных композиторов NBC и CBS из Нью-Йорка. Все они пережили нервный срыв и удалились в Бостон, чтобы преподавать» [7, с. 291].

Что же представляло собой педагогическое кредо Шиллингера? Он полагал, что весь процесс традиционного музыкального образования построен на подражании классическим образцам, или «мимикрии», от которой необходимо отказаться. Стремясь предоставить ученику широкий выбор возможностей, достигаемых, в том числе, методом математического моделирования, Шиллингер превратил занятия в увлекательную игру. Отказавшись от стилизованных норм предшествующих эпох и точного следования классическим образцам (с «научной точки зрения» не совершенным), он сохранил лишь основные правила музыкальной грамматики, сопроводив их стилистически нейтральными упражнениями и примерами. Именно поэтому система Шиллингера имела успех у авторов популярной музыки и композиторов-аранжировщиков, не нуждавшихся в глубоком изучении музыки академической традиции.

Впервые Браун упоминает о применении техники Шиллингера в аннотации к трем своим ранним сочинениям. Это «Три пьесы» для фортепиано (1951), «Перспективы» для фортепиано (1952) и «Музыка для скрипки, виолончели и фортепиано» (1952).

Автор поясняет: «это работы, в которых использованы 12-тоновые ряды и “сериально” сочиненные ритмические группы. С подобным совмещением звуковысотных рядов и ритмического оформления [figuration], с их буквально бесконечными возможностями целостного развития и варьирования, я первоначально столкнулся во время изучения шиллингеровской техники, но по концепции это идентично старой технике “изоритмической” композиции. Позднее я открыл, что шиллингеровские “ритмические группы” – это то, что Оливье Мессиаен называл “ячейки” [cellules]... то есть, элементы, подвергающиеся дроблению, умножению, распространению, перестановке и т.д.» [4].

Наиболее последовательно работа с **ритмическими сериями** представлена в пьесе «Перспективы». В произведении использованы 2 ритмические серии, обозначенные нами как **A** для серии в верхнем голосе (партия правой руки) и **B** для серии в нижнем голосе (партия левой руки). Каждая серия включает 4 ритмических группы; группы серии **A** обозначим как *a-b-c-d*; группы серии **B** – *e-f-g-h* (см. прим. 1).

Цифровые указатели со стрелками, расположенные над нотным станом (125↓, 55↓, 106↓ и т.д.), принадлежат Брауну и представляют собой обозначения темпа по метрону (рис. 1).

В «Перспективах» используются также 2 звуковысотные серии, 9 звуков в серии верхнего голоса (a) и 12 в серии нижнего (b). Продолжительность ритмических и звуковысотных серий не совпадает – если ритмические серии имеют продолжительность 3 и 4 такта, звуковысотные серии в верхнем и нижнем голосах занимают 1 и 1.5 такта соответственно (рис. 2).

Ритмические серии в «Перспективах» подвергаются перестановкам. **Перестановки «ритмического компонента»** [1, с. 52] – характерный прием техники композиции Шиллингера, которым в его книге посвящена целая глава [6, с. 46]. Шиллингер описывает два вида перестановок элементов музыкальной ткани, рассматриваемых первоначально в буквенном и числовом виде. Одна из них – общая перестановка, не сопровождающаяся точным описанием и характеризующаяся только количеством вариантов расположения данных элементов согласно правилам комбинаторики:

$$(P_n = A_n^n = n! = 1 \cdot 2 \cdot \dots \cdot n).$$

Вторая – круговая перестановка, где порядок чередования ограничен движением по воображаемому кругу, по которому расположены исходные элементы. При пе-

Рис. 1. Ритмические серии в фортепианной пьесе «Перспективы».

Рис. 2. Звуковысотные серии в фортепианной пьесе «Перспективы»

рестановке по часовой стрелке элементов ABC получаем варианты BCA CAB; против часовой стрелки – ACB, CBA и BAC.

Помимо перечисленных, существуют перестановки «высшего порядка», осуществляемые, например, по схеме:

$$A + B \rightarrow B + A$$

$$av\ cd \quad cd\ ab$$

В «Перспективах» применены перестановки различного уровня. Сначала чередуются ритмические группы – согласно Шиллингеру, это «перестановки высшего порядка». Затем чередуются и ритмические элементы внутри каждой группы. Как видно из приведенного на рис. 3 примера, используются разные виды перестановок. 3+2+1 – круговая перестановка, в данном варианте совпадающая с традиционным ракоходом. 4+3+1+2, 4+5+3+2+1 – общая перестановка.

Браун вспоминает: «я использовал технику Шиллингера задолго до того, как узнал Булеза и Штокхаузена. И когда я впервые разговаривал со Штокхаузеном в Кельне, в 1956, наш словарь был очень схож. У меня была шиллингеровская база, у него – сериальная, в духе Мессиана <...> Я не применял тотальный сериализм, но ритмическая организация была невероятно важна. И все это был Шиллингер» [7, с. 293].

Другой прием техники Шиллингера – «композиция плотности» [6, с. 1226] используется в электронной композиции Брауна для магнитной ленты «Октет I», написанной в 1953 году.

Согласно Шиллингеру, плотность партитуры, от соло до тутти, могла быть организована включением или выключением отдельных партий или гармонических «пластов».

На рис. 4 показана графическая схема, отображающая плотность [6, с. 1236]. Значения для единиц времени (по оси абсцисса) и плотности (по оси ордината) назначались по желанию автора и в зависимости от проработанности партитуры. Одна единица плотности (одна клеточка по вертикали) могла означать и партию одного инструмента и гармонический

Рис. 3. Перестановки элементов внутри ритмических групп в «Перспективах», тт.38–41.

пласт. В приведенном примере элементы $3d3t + dt + 2d2t$, где d – единица плотности, а t – единица времени, подвергаются перестановкам в сегментах, разделенных пунктирной линией.

Эрл Браун так говорит об этом в интервью: «Для меня плотность как композиционный принцип была одной из наиболее впечатляющих идей Шиллингера. Это привело меня к такой работе с оркестровой пьесой, когда я думал о максимальной плотности, которой смог бы достичь» [7, с. 306].

В аннотации к «Октету I» читаем: «Техника композиции, использованная в «Октете I», основана на статистических процедурах, примененных исключительно к горизонтальной и вертикальной плотности атак³; концепция под сильным влиянием моего изучения (и преподавания) шиллингеровской техники. <...> «Программа» [работы со звуком] была чем-то вроде палитры плотности для длительностей и атак, генерированная и распределенная при помощи «таблиц случайной выборки» (таблиц случайных чисел, используемых в статистических исследованиях), к которым я применил «напряженные смещения», чтобы достигнуть скорее варьирования плотности, нежели равномерного ее распределения» [3].

Графическая нотация – одна из новаций Брауна, которая также почерпнута у Шиллингера⁴. Последний придавал графическому отображению музыкальной ткани большое значение, оно обсуждается в первой же главе труда «Система музыкальной композиции Шиллингера» [6, с. 1].

Несмотря на то, что Шиллингер считал графическую запись нотацией будущего, в его трудах она выполнена только для одноголосия. Графики рисовались на миллиметровой бумаге, где горизонтальная

ось (абсцисса) отображает время, вертикальная (ордината) – высоту. Значение единицы времени определялось как наименьшая длительность, за единицу высоты Шиллингер рекомендовал принять полутона (рис. 5) [6, с. 251].

Шиллингер также практиковал графическую запись отдельных параметров музыкальной ткани – плотности, модуляционного плана, контрапунктических преобразований. Эти графики использовались для предварительной работы над композицией или в аналитических целях (см. рис. 4 и 6). На рис. 6 [6, с. 527] горизонтальная ось отображает время (так же, как и в остальных случаях использования графиков), а вертикальная – тональный сдвиг с единицей отсчета в один ключевой знак.

Браун вспоминает: «Именно Шиллингер привел меня к графической нотации. У меня очень много графических партитур, некоторые реализованы, а другие... пока

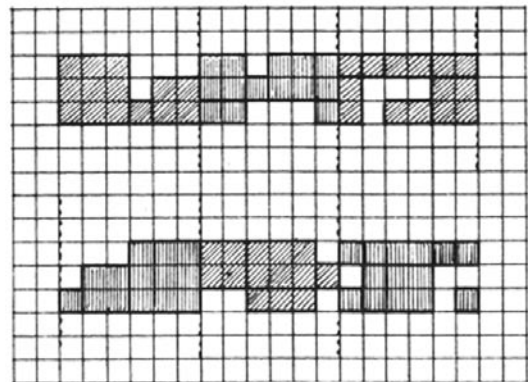

Рис. 4. Схема плотности.

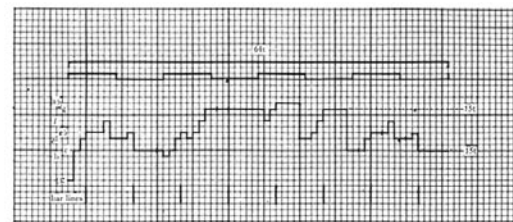

Рис. 5. Графическая нотация Третьей части Патетической сонаты Бетховена.

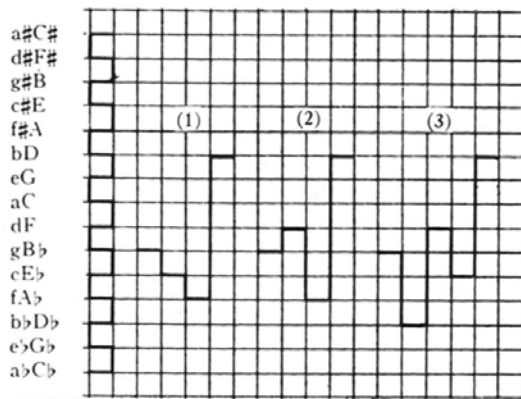

Рис. 6. Графическая запись модуляционного плана.

нет. Я всегда задумывал их с намерением потом осуществить. В конечном счете то, что я делал с новыми фортепианными пьесами, было реализацией моих графических партитур» [7, с. 307].

Самый известный пример графической нотации у Брауна – «Декабрь 1952» из сюиты «Фолио» (I). Каждая пьеса в сюите нотирована по-разному, начиная с более традиционных вариантов, и заканчивая пьесой «Декабрь», запись которой состоит из тридцати одного вертикально и горизонтально расположенного прямоугольника, обозначающего музыкальные события различной продолжительности и диапозона. Исходные звуковысотные и временные

параметры партитуры, как и инструментальный состав, должны установить сами исполнители.

Суммируя, необходимо отметить, что Браун воспользовался лишь некоторыми приемами техники Шиллингера, при этом значительно усложнив как схему работы с плотностью, так и приемы графической нотации. Он отказался от последовательного воплощения сериального принципа, а также от присущей Шиллингеру детерминистской эстетики «художественного производства» и «музыкальной инженерии». В противовес тотальному контролю рационального начала Браун предпочел концепцию открытой формы, ставшую объектом для заимствований и подражания.

Тем не менее, значение шиллингеровского метода для Брауна сложно переоценить. Непосредственные результаты его изучения – независимая работа над несколькими параметрами музыкального текста и вовлечение в процесс сочинения вычислений и графиков. Абстрактный характер обучения по системе Шиллингера предоставил Брауну и необходимый инструментарий, и полную свободу в отношении стиля. Так в одной точке пересеклись творческие устремления двух авангардистов: американского композитора Эрла Брауна и выпускника старейшей российской консерватории, ниспровергателя основ музыкального образования Иосифа Шиллингера.

Список литературы:

- [1] Иванова Е. Порги и Бесс Дж. Гершвина: поверить алгеброй гармонию. К проблеме практического применения техники композиции Шиллингера // Музыкальное образование в современном мире: диалог времен. Часть 2. Ред.-сост. Воронной. – М. СПб.: Перспектива, 2011. – С. 49–55.
- [2] Переверзева М. Эрл Браун: Между музыкой и графикой // Израиль XXI. Музыкальный журнал. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.21israel-music.com/Erl_Brown.htm#_ftn18
- [3] Brown E. Program Notes for Octet I. Commissioned by «Project for Music for Magnetic Tape». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.earle-brown.org/works.focus.php?id=15>
- [4] Brown E. Program Notes for «Three Pieces» for Piano; «Perspectives» for Piano and «Music for Violin, Cello and Piano». – Denver, Colorado, 1952. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.earle-brown.org/works.focus.php?id=11>
- [5] Feldman M. «Captain Cook's First Voyage» // Cum Notis Variorum: the newsletter of the Music Library. – University of California, Berkeley, 1989, № 131. – P. 7–12.
- [6] Schillinger J. The Schillinger System of Musical Composition: In 2 vol [4th ed.]. – New York: Da Capo press music reprint series, 1978. – 1640 p.
- [7] Yaffe J. An Interview with Composer Earle Brown // Contemporary Music Review. Vol. 26. – 2007, № 3/4, June/August. – P. 289–310.

¹ Оркестр на военной базе к Северо-востоку от Сан-Антонио, Техас, в котором Браун играл на трубе в конце Второй мировой войны.

² Здесь и далее перевод автора.

³ Согласно шиллингеровской терминологии, атака – это прозвучавший отдельный тон или аккорд (т.е. какое-либо музыкальное событие), а также время его вступления.

⁴ Подробнее о графической нотации у Эрла Брауна см. [2].

УДК 72.023: 691.11
ББК 85.11

Ю.А. Ломакин, С.А. Дунаев

ОБРЕТЕНИЕ ХРАМА НА ТАИЦКОЙ ЗЕМЛЕ (ИЗ ОПЫТА ВЫЯВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ)

Представлена история храма во имя Св. Равноапостольной Марии Магдалины в усадьбе Тайцы, на территории Городского поселения Тайцы, Гатчинского района Ленинградской области. Здание, в котором в конце XIX – начале XX века располагался храм, было выявлено в 2009 г. в результате работы, проделанной авторами настоящей статьи в составе творческого коллектива ООО «АРМ «КИФ». Здание храма является объектом культурного наследия – памятником архитектуры.

Ключевые слова:

архитектурно-художественная среда, культурное наследие, пейзажная живопись, усадебный парк, храм.

На территории Ленинградской области находится немало исторических поселений с интереснейшей историей, уникальными дворцовыми и садово-парковыми комплексами. Одно из них – городское поселение Тайцы (ГП Тайцы). Авторы настоящей статьи работали на территории ГП Тайцы в 2009 г. в процессе выполнения Проекта охранных зон объектов культурного наследия ГП Тайцы. Проект выполнялся на основании Архитектурно-реставрационного задания Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области (далее – Департамент) [7].

Среди памятников истории и культуры на территории ГП Тайцы (рис. 1) обращают на себя внимание два комплекса объектов культурного наследия – дворцово-парковый ансамбль усадьбы семьи Демидовых Тайцы («Большие Тайцы») и Таицкие храмы.

Хозяином Таицких земель в начале 1760-х годов стал Александр Григорьевич Демидов (1737–1803). При нем начинается строительство Таицкого дворцово-паркового ансамбля по проекту архитектора Ивана Егоровича Старова (1745–1808). Сама усадьба Демидовых в Тайцах довольно хорошо изучена. В 1980-е годы были проведены историко-архивные исследова-

ния и выполнено обследование усадьбы в натуре [6]. Позже проводились исследования главного усадебного дома – дворца [3]. Меньше внимания было уделено Таицким храмам, в связи с чем изучению их истории при разработке Проекта зон охраны было уделено особое внимание.

Самой старой из существующих на территории ГП Тайцы является церковь во имя Св. Блгв. кн. Александра Невского в дер. Александровка. Храм был построен по инициативе А.Г. Демидова и освящен 18 июля 1794 г. [9]. В конце XIX – начале XX века в Тайцах, которые в этот период формируются как дачный пригород Санкт-Петербурга [17; 18], было создано еще два храма. По инициативе застройщиков дачного поселка «Елизаветино-Таицкие ключи» в 1914–1917 гг. в Тайцах был построен храм во имя Свят. Алексия, митрополита Московского в Нео-Русском стиле [19]. Долгое время оставалась неизвестной судьба еще одного храма, существовавшего на территории ГП Тайцы – церкви во имя Св. Равноап. Марии Магдалины в Таицкой санатории.

Обремененное долгами последнего владельца имение Тайцы в 1869 году было выкуплено Удельным Ведомством.[8]. В 1897 г. по инициативе Общества русских врачей была учреждена «Таицкая санатория», для чего в январе 1897 г. из земель

Таицкого имения был выделен земельный участок в количестве 286,5 десятин «с находящимися на нем зданиями мызы Тайцы» [25, с. 468]. Церкви в усадьбе не было, ближайший храм – церковь Ал. Невского в селе Александровском. Для посещения храма больными это было далеко, да и общение больных с посторонними людьми было нежелательно. В связи с этим было принято решение о постройке церкви на территории усадьбы.

Церковь была устроена «в отдельном здании, служившем прежде магнитною обсерваториею...» [25, с. 470] (рис. 2).

Здание магнитной обсерватории (лаборатории) было построено незадолго до учреждения санатория, в 1896 году: арендатор дворца доктор А.Е. Феоктистов для своих ученых занятий построил деревянный павильон по проекту архитектора Р.Р. Марфельда. Павильон был построен в 60 сажнях (127,8 м) от главного дома. По описи усадебных строений, составленной в 1897 г., павильон доктора Феоктистова – это «строение деревянное, рубленое из сосновых бревен, на каменном фундаменте, крыто толью. Размер 9 сажен 1 аршин на 4 сажени». (19,9 × 8,52 м) [23]. Этот павильон и был перестроен под церковь по проекту архитектора А.А. Степанова. Освящение церкви состоялось 7 ноября 1898 г. [12]. «С.-Петербургский духовный Вестник» откликнулся на это событие статьей: «Церковь устроена в отдельно стоящем в парке здании, служившем магнитною обсерваториею. Церковь не велика, но пока вполне достаточна для наличного персонала санатории». Церковь, как и павильон, была деревянной. Размер ее 12 × 4 × 1,5 сажен (25,5 × 8,5 × 3,2 м). Церковь, видимо, имела звонницу [10, с. 1763]. После Октября 1917 г. церковь была закрыта, а в 1921 г. здание церкви было отремонтировано и приспособлено под общежитие для сиделок [14–16].

К моменту проведения исследования в 2009 г. этот храм считался уничтоженным во время Великой Отечественной Войны. Такого мнения придерживались авторы справочника «Земля Невская, православная» [13, с. 274], историк М.Ю. Мещанинов [5, с. 154].

Специалисты НИИ «Спецпроектреставрация», работавшие в Тайцах в 1983 и 2004 гг., также были уверены, что храм утрачен. В связи с этим судьба храма подробно не исследовалась. Авторами настоящей статьи было принято решение проверить обоснованность версии об уничтожении храма во имя Св. Великомученицы Марии

Магдалины. Проведенными архивными и натурными исследованиями удалось определить точное место, где находился павильон, построенный доктором Феоктистовым. Установлено также, что здание это, в котором до начала 1920-х годов находилась церковь во имя Св. Равноапостольной Марии Магдалины, с некоторыми искажениями, сохранилось.

Вывод о том, что здание сохранилось до настоящего времени, был сделан на основании ряда данных. Анализировались материалы из ранее опубликованных источников, в т.ч. работы М.Ю. Мещанинова, и вновь выявленные архивные материалы, конца XIX – начала XX века. Были выявлены и атрибутированы: планы павильона, построенного доктором Феоктистовым [23, с. 28–29], сметы и описание работ по приспособлению здания церкви под общежитие [15, с. 54–55]. Были также проанализированы данные современной топогеодезической съемки.

Анализ вышеуказанных материалов позволил сделать предположение, что церковь во имя Святой Равноапостольной Марии Магдалины находилась в здании, находящемся в 130 метрах южнее главного дома усадьбы, на исторической территории усадебного парка.

Натурное исследование показало, что в данном месте находится одноэтажное, деревянное, рубленое из бревен здание на каменном фундаменте (рис. 3).

По словам местных жителей, до 1996 г. это здание было общежитием, с 1996 г. – жилой дом на двух хозяев. С целью проверки предположения, что именно в этом здании находилась церковь Марии Магдалины, авторами настоящей статьи был проведен осмотр выявленного здания, обмер и фотофиксация. Результаты натурного исследования и обмеров подтвердили обоснованность предположения, что именно в этом здании находилась церковь. Основные габариты здания совпадают с размерами, указанными в чертежах павильона доктора Феоктистова, размерами здания церкви согласно описи 1925 года, обмерных чертежей 1946 года. Местоположение здания соответствует имеющимся в материалах ЦГИА СПб описаниям места, где находился павильон доктора Феоктистова, и, соответственно, церковь во имя Марии Магдалины. Сохранившиеся детали архитектурной отделки здания соответствуют периоду постройки церкви – концу XIX в.

С точки зрения авторов настоящей статьи, начало XXI века характеризуется рядом особенностей в отношении к памят-

Рис. 1. План Таицкого имения. 1881 г. Фрагмент [21].

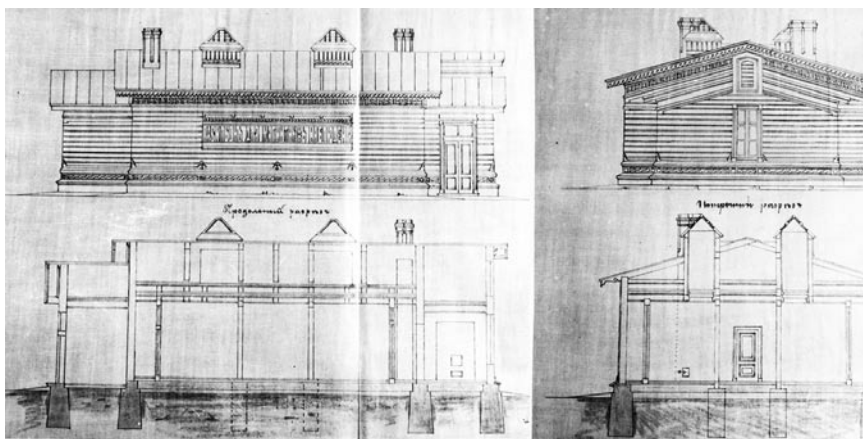

Рис. 2. Павильон для магнитных наблюдений. Архитектор Р.Р. Марфельд [24].

Рис. 3. Церковь Марии Магдалины. Современная фотофиксация [7, с. 99].

никам архитектуры. Это, прежде всего, большая значимость объектов «рядовой» застройки, создавшей архитектурно-художественную среду поселений, контекст, в котором находились памятники истории и архитектуры. Именно рядовая застройка становится хранителем исторического времени, свидетельством истории сложности морфологии архитектурной среды.

Принципиально важным моментом становится подлинность того или иного здания, архитектурного объекта. Как для большинства специалистов, так и в массовом сознании, подлинный исторический объект – храм, жилой дом, общественное здание, приобретает большую значимость, чем самая удачная современная стилизация исторического архитектурного стиля или воссозданный в современных материалах муляж памятника архитектуры.

Фактор подлинности становится не менее значимым, чем авторство знаменитого архитектора. Как писал В. Згура еще в 1922 году, «в старом искусстве мы поклоняемся иногда даже не произведению, а тому духу подлинного художества и творческого напряжения, в обстановке которого оно создавалось» [4, с. 13].

Важное значение приобретает то, что охрана памятников оказывается вовлеченной в сферу бизнес-интересов, связанных с недвижимостью, туризмом, индустрией развлечений. Для городов и поселений, отдельных субъектов бизнеса, экономически выгодным становится сохранение не только знаменитых, «раскрученных» памятников архитектуры, но рядовой, фоновой застройки.

Исходным материалом для исследовательской работы послужили списки объектов культурного наследия ГП Тайцы, представленные Департаментом. С целью обеспечить полноту и объективность проводимого исследования, были приняты меры для проверки представленных данных.

Проведенная работа позволила выявить три группы объектов, каждая из которых требовала индивидуального подхода в ходе дальнейшего исследования:

А. Объекты культурного наследия, внесенные в списки Департамента и реально существующие на момент проведения исследования.

Б. Объекты культурного наследия, внесенные в списки Департамента, но на момент проведения исследования либо утраченные, либо факт существования объекта нуждался в дополнительном подтверждении.

В. Объекты, обладающие признаками объектов культурного наследия, не внесенные в списки Департамента, в связи с тем, что ранее проводившимися исследованиями они были признаны утраченными.

Важнейшие аспекты работы на территории исторического поселения: а) в ходе исследования должны быть тщательно проверены сведения об объектах культурного наследия всех вышеуказанных категорий, б) принципиально важным является не только сбор информации, но и ее анализ, сравнение данных различных источников, вне зависимости от их общепризнанности или авторитетности. Историки архитектуры, искусствоведы, ранее выполнявшие исследования на территории Таицкого поселения, не пытались поставить ее под сомнение версию утраты здания церкви Марии Магдалины. Подход к проблеме независимо от научных взглядов исследователей, занимавшихся ею ранее, оперирование объективными данными позволило выявить памятник архитектуры, обладающий всеми признаками объекта культурного наследия.

Не менее важный аспект исследовательской деятельности – координация деятельности специалистов разных специальностей, их взаимодействие в рамках проводимой работы. На исторических картах и планах могут быть зафиксированы не все объекты, а с материалами современных топо-геодезических съемок работают архитекторы, а искусствоведы, как правило, доступа к ним не имеют.

Отсутствие координации в работе специалистов разных специальностей может привести к утрате возможности выявить объекты, имеющие важнейшее историческое и культурное значение. В нашем случае именно координация и регулярный обмен информацией между искусствоведами и архитекторами позволил поставить под сомнение факт утраты здания церкви, выявить по материалам современной топосъемки здание, в котором церковь могла находиться, подтвердить этот факт по результатам натурного исследования и дополнительного архивно-библиографического исследования.

Выявленный в ходе исследования памятник архитектуры – скромное деревянное здание, но это подлинный памятник своего времени, образец застройки, формировавшей архитектурно-художественную среду исторического поселения. В связи с этим в Департамент было внесено предложение о взятии здания церкви во имя Св. Равноап. Марии Магдалины под

государственную охрану в статусе выявленного объекта культурного наследия.

Выявление нового объекта культурного наследия – памятника архитектуры – было не единственным результатом работы в Тайцах. Архитектор И.Е. Старов создал в Таицкой усадьбе парк с уникальной системой прудов и протоков. Как выглядел Таицкий парк в период расцвета Таицкой усадьбы (кон. XVIII – середина XIX в.), отчасти можно представить на основании Планов усадьбы и парка, выполненных после 1869 г. и актов обследования парка [20–22; 24] Поиск визуальных материалов, способных передать красоту и очарование Таицкого парка позволил выявить живописные работы, посвященные Таицкому парку – работы художника В.Д. Орловского (1842–1914), пейзажиста, пользовавшегося известностью во второй половине XIX века, но в дальнейшем почти забытого.

О работе Орловского в Тайцах писал Ф.И. Булгаков: «В.Д. Орловский, оставаясь

несравненным пейзажистом преимущественно южной природы, не чуждался и мотивов из природы нашего Севера. И здесь он выказал редкий артистический талант. Ещё в 1878 году он усердно занялся этюдами в Тайцах, под Красным Селомъ, и потомъ дал целый ряд картин из этого поэтического уголка окрестностей Петербурга» [2]. В результате работы, проведенной совместно со специалистами ГРМ [11], помимо произведений Орловского Таицкой серии из фондов ГРМ, была выявлена и атрибутирована картина В.Д. Орловского с изображением окрестностей павильона Квеленбург, существовавшего в Таицком парке до конца 1930-х годов [1]. Ранее эта работа нигде не выставлялась. Анализ исследованных на сегодняшний день материалов о работе В.Д. Орловского в Тайцах позволяет предположить, что дальнейшее исследование прольет свет на архитектурно-планировочную композицию этого интереснейшего памятника на территории Ленинградской области.

Список литературы:

- [1] Архив Государственного Русского музея. – Ф(1), оп. 27, д. 901, 2009 г.
- [2] Булгаков. Ф.И. Альбомъ русской живописи. Картины В.Д. Орловскаго. Двадцатипятилетие его художественной деятельности. – СПб., 1888г. – 54 с.
- [3] Градостроительная, историко-культурная и технико-экономическая экспертиза недвижимого объекта, состоящего под государственной охраной – Усадебного комплекса А.Г. Демидова «Большие Тайцы». – СПб.: НИИ «Спецпроектреставрация», 2004. – 290 с.
- [4] Згура В.В. Старые Русские архитекторы. – М.: Искусство, 1923. – 13 с.
- [5] Мещанинов М.Ю. Храмы Красного Села, Павловска и их ближайших окрестностей // Епархиальный вестник Санкт–Петербургской Епархии. – 2000, № 37. – 154 с.
- [6] Мурашова Н.В. Усадьба XVIII века вблизи пос. Тайцы. – СПб.: НИИ «Спецпроектреставрация», 1983. – 170 с.
- [7] Проект зон охраны объектов историко–культурного наследия поселка Тайцы по адресу: Ленинградская область, Гатчинский район. Шифр: 38–02–67–ИРД. – СПб.: ООО «АРМ «КИФ», – 230 с.
- [8] Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб.). – Ф. 515, оп. 34, д. 1761, 1869 г.
- [9] РГИА СПб. – Ф. 796, оп. 71, д. 216, 1790 г.
- [10] Санкт-Петербургский духовный вестник. – СПб.: Санкт–Петербургская Епархия, 1898, № 46. – 1763 с.
- [11] Сирро С.В. Рекомендации к заключениям по историко-культурным экспертизам. Отдел Технологических Исследований. – СПб.: Государственный Русский музей, 2012. – 4 с.
- [12] Сперанский А. Таицкая санатория для страдающих грудными болезнями и освящение при ней церкви. – СПб.: Святейший правительствующий Синод, 1898. – 347 с.
- [13] Справочное издание Земля Невская, Православная. – СПб.: Санкт–Петербургская Епархия, 2006. – 274 с.
- [14] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). – Ф. 3286, оп. 1, д. 21, 1921–1923 г.
- [15] ЦГА СПб. – Ф. 4301, оп. 1, д. 895, 1921–1922 гг.
- [16] ЦГА СПб. – Ф. 4301, оп. 1, д. 919, 1921–1923 гг.
- [17] Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 256, оп. 26, д. 417, 1901–1903 г.
- [18] ЦГИА СПб. – Ф. 256, оп. 27, д. 271, 1904–1909 г.
- [19] ЦГИА СПб. – Ф. 256, оп. 33, д. 465, 1913 г.
- [20] ЦГИА СПб. – Ф. 515, оп. 72, д. 7336, 1856 г.
- [21] ЦГИА СПб. – Ф. 515, оп. 72, д. 7328, 1870 г.
- [22] ЦГИА СПб. – Ф. 515, оп. 72, д. 7338, 1870 г.
- [23] ЦГИА СПб. – Ф. 515, оп. 76, д. 84, 1896–1897 г.
- [24] ЦГИА СПб. – Ф. 515, оп. 84, д. 1761, 1870 г.
- [25] Церковные ведомости. – СПб.: Святейший правительствующий Синод, 1898, № 46. – 468 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕВЕНТИВНЫХ МЕРАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ГЕРМАНИИ

Одной из проблем сохранения культурного наследия является «запрещение изменений» в облике объектов культурного наследия. Почему превентивная консервация должна быть основным требованием охраны объектов культурного наследия? Ответы опираются на исследования образовательного центра ЮНЕСКО факультета сохранения культурного наследия Института прикладной науки и искусства города Хильдесхайм, Германия.

Ключевые слова:

инициативные программы стран Европы, мониторинг объектов культурного наследия, превентивная консервация, превентивная реставрация культурного наследия.

Одной из новых тенденций в сохранении культурного наследия является превентивная консервация. Эта проблема изучается с 2006 года факультетом сохранения культурного наследия в Хильдесхаймском Институте прикладной науки и искусства Германии, созданном по программе ЮНЕСКО. Под превентивными мероприятиями понимаются создание подходящих условий для наилучшего сохранения наследия культуры и искусства. Превентивная консервация включает в себя меры по обеспечению соответствующего климата в помещениях, защитного освещения, юридическую защиту, мониторинг, развитие соответствующих памятнику программ использования. Понятие превентивной консервации было введено в 90-х годах прошлого века, когда пришло осознание необходимости предупредительных мероприятий для сохранения культурного наследия, когда стало ясно, что превентивная консервация обеспечивает экономию ресурсов. Подготовительная работа по обобщению методов и техник превентивной консервации была выполнена международными комитетами и отраслевыми учреждениями, а в 1993 г. в Вашингтоне Комитетом Консервации международного совета музеев (ИСОМ-СС) была создана рабочая группа «Превентивная консервация», которая занималась специальными вопросами в данной области в музеях, библиотеках и архивах. Международный институт консервации исторических и художественных произведений посвятил теме превентивной консервации международное совещание специалистов в 1994 г. в Оттаве [5]. Особое место занимает документ, который имеет отношение к превентивной консервации в музеях: это документ Ванта (Финляндия), принятый в сентябре 2000 г. для утверждения европейских проектов стратегии пре-

вентивной консервации [1, с. 77]. С октября 2005 г. начала работу секция превентивной консервации в ассоциации реставраторов Германии. В текущем году центр Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО осуществляет программы формирования сети превентивной консервации на основании проекта ЕС «Семинары по превентивной консервации и мониторингу архитектурного наследия» (SPRECOMAN) [7].

В целом, под превенцией понимается предотвращение: превенция должна помочь избежать нежелательных событий, негативных последствий или отсрочить их. Консервация же предполагает предотвращение или замедление процессов разрушения. Под превентивной консервацией понимаются профилактические мероприятия. Превентивная консервация объединяет целый ряд косвенных, направленных на долгосрочное сохранение культурного достояния мероприятий и ее целью является комплексный подход к сохранению культурного достояния. Она способствует сохранению всех предметов собраний или целых комплексных коллекций путем создания пространственных условий, улучшения кондиционирования, освещения или вентиляции, а так же оптимизации процесса транспортировки. Главной задачей является тщательный анализ, оценка и снижение рисков. Превентивная консервация является действенным и, в долгосрочной перспективе, экономичным средством, позволяющим свести к минимуму мероприятия по прямому вмешательству, онсервация организует коллективную ответственность всех лиц, ответственных за сохранение культурного достояния.

Одной из проблем является прямая зависимость мер по превентивной консервации от того, кто владеет объектом. С этим связаны вопросы продолжительности использования памятника и главное – про-

исходила ли при использовании смена его назначения. Необходимо также учитывать возможные последствия от войн, политических переворотов. Причиной сдерживания превентивных мер является давление модернизации, которое связывается в городской среде с общественным и экономическим престижем, а в сельской местности – с компенсацией предполагаемого «культурного отставания». Относительно осознанности предупредительных мер наблюдается сильная связь с традицией в отношении ремонта и технического обслуживания. Исключение составляют «экономические развлечения» (использование для торжеств. Изменение функций памятника, более активное его использование означает увеличение доли возможного ущерба, что ведет к необходимости восстановления, проведению экономически мотивированного ремонта, например, при сохранении исторических фасадов [3, с. 33]. При этом критерии подлинности, целостности, неповторимости объектов наследия являются приоритетными, как в решении вопроса о включении в список культурного наследия, так и в выборе методов сохранения. Если памятник соответствует этим высоким критериям, то он должен быть впоследствии реставрирован и сохранен, т.е. «консервирован». Принцип «обновления», как сообщила Бригитта Рингбек в 2006 г. [2, с. 15], может быть применен к объекту только тогда, когда консервация и реставрация невозможны. Все мероприятия, по мнению Рингбек, должны быть всесторонне и тщательно подготовлены и задокументированы, так как объект, который принимается в список Мирового культурного наследия, имеет выдающееся универсальное культурное значение и является историческим, художественным или научным достоянием человечества. Само качество формулировки заявки на включение в списки памятников мирового значения является частью превентивной стратегии, поскольку вероятные угрозы и деструктивные факторы распознаются уже на этой стадии; также включаются дополнительные факторы охраны памятников – превентивная законодательная охрана прилегающих территорий, разработка новых концепций использования исторических и культурных памятников.

Развитие новых тенденций, одной из которых и является превентивная консервация, актуально для Германии и особенно земли Северный Рейн-Вестфалия. Дело в том, что в настоящее время в списке культурного наследия ЮНЕСКО, в соот-

ветствии с Конвенцией 1972 г. «Об охране Всемирного природного и культурного наследия», первые места по числу охраняемых ЮНЕСКО памятников занимают Италия, Испания, Китай и Германия. В 2002 г. список объектов культурного наследия в Германии был расширен – в него были включены: Верхняя долина Среднего Рейна, а также ганзейские города земли Мекленбург – Передняя Померания – Штральзунд и Висмар. Таким образом, сегодня 27 городов и 36 памятников Германии включены в список наследия ЮНЕСКО. Земля Северный Рейн-Вестфалия находится на привилегированном месте в списке культурного наследия, представляя самый большой перечень объектов: именно там находится собор города Аахен, замки Брюль и Фалкенлус вблизи города Бонн, Кельнский собор и каменноугольная шахта «Цехе Цольферейн» города Эссен, рядом с городом Падеборн находится Хильдесхайм с романским собором и Гослар с королевской сокровищницей и рудником Рамельсберг. Аббатство Корвей вблизи города Хёкстер, основанное в IX в. в районе Восточной Вестфалии, имеет хорошие перспективы получить статус объекта ЮНЕСКО. Наверное, этим и объясняется программный выбор ЮНЕСКО по созданию факультета сохранения культурного наследия в Институте прикладной науки и искусства Германии именно в Хильдесхайме, который стал центром изучения превентивных мер сохранения наследия.

Что и как охранять? Насколько правомерны и своевременны превентивные меры охраны наследия, возможно ли говорить о подлинности памятника после «катастрофических реставраций», то есть реставраций, спровоцированных чрезвычайными обстоятельствами? По мнению доктора философии, профессора Евы-Марии Зенг, само понятие культурного наследия появляется впервые во времена потрясений французской революции, в ходе которой имущество Церкви, эмигрантов и короны было передано в распоряжение нации. Затем была создана комиссия по сохранению памятников, которая должна была провести классификацию, инвентаризовать оказавшиеся в ее распоряжении предметы и разместить их на складах, позднее в музеях. Разрушение и вандализм революционного времени вызвали во Франции широкое встречное движение, которое ставило своей целью сохранение церковного имущества и национального культурного наследия. Похожая ситуация сложилась в Великобритании – она была

вызвана последствиями реформации Елизаветы I. Очевидно, что новые явления в жизни Европы – прежде всего, секуляризация и промышленная революция – вызвали почти во всех европейских странах сильное движение, направленное на охрану памятников [9, с. 28].

Затем определились две противоположные точки зрения на проблему подлинности памятника. Первая – интервенционистская – принадлежит реставратору французских соборов Эжену Эммануэлю Виолле-ле-Дюку (1814–1879). Он был сторонником «идеальной» концепции реставрации. По его мнению, «чтобы отреставрировать памятник архитектуры, нужно его полностью восстанавливать, хотя это никогда невозможно». Также он считал, что «это было бы совсем по-детски, когда при реставрации воспроизводились бы полностью отсутствующие, разрушенные части». Во Франции памятником архитектуры считаются не руины или реликвии, а определенный исторический объект, который должен быть тщательно проанализирован, после чего он может быть включен в число памятников. Реставрация признается как необходимый процесс, результат которого должен соответствовать оригиналу, даже если в процессе реставрации приходится восполнять утраты, копируя некоторые части.

Вторая точка зрения на процесс реставрации – антиинтервенционистская – Джону Рескину и его последователю Уильяму Моррису. Для Рескина реставрация была «самым полным разрушением» и «обманом». Моррис также отказывался от восстановления и от копирования, хотя он понимал необходимость технического обслуживания сооружений и мер по обеспечению безопасности памятников культуры. Моррис утверждал, что «существование архитектуры – это как искусство или лучше» и памятники культуры – это «часть подвижности из нашей будничной жизни». В соответствии с этим они были для него не музейными экспонатами, а изменяющимися объектами.

В начале XX в. Георг Дехио (1850–1932), историк искусства, выдающийся систематизатор немецкой культуры, сторонник антиинтервенционизма, выдвинул лозунг: «Консервация, не реставрация». Для Дехио памятник был историческим документом, по которому можно было читать историю. Убедительным примером, считал Дехио, является Кельнский собор: какое изобилие исторической жизни изливается в восьми столетиях Кельнского собора!

Другой приверженец охраны исторических памятников, Алоиз Ригль (1858–1905), австрийский теоретик и историк искусства, в своем фундаментальном труде «Современный культ памятника» сформировал понятие «памятник архитектуры» и дифференцировал памятники, исходя из ценности, которая принадлежит им в контексте исторических событий. При этом он отличал два вида ценности: «ценность памяти» (т.е. насколько ценен объект в памяти народа, сюда включается и «ценность возраста» – насколько древний памятник) и «современную ценность» как характеристику памятника культуры, который в той или иной мере используется в настоящее время. Продолжая мысли Дехио и Ригля, итальянский архитектор Камило Бойто в 1893 г. создал концепцию «получения» памятников архитектуры. Он предлагал не только консервировать старые строения, но и восстанавливать слои, которые присоединялись в ходе времен. Обращая особое внимание на подлинность сооружения, он отказывался от реконструкции недостающих частей, хотя признавал реставрацию частей, которые должны поддержать конструкцию, обеспечить невидимый ремонт. По его мнению, отреставрированные части должны были быть заметны и ни в коем случае не должны были сливаться с оригинальными частями сооружения. К тому же он рекомендовал при работе с оригинальными частями и воссозданными использовать различные материалы и разное окрашивание.

Как решить в ходе реставрации проблему подлинности культурного объекта? Прежде всего, необходимо признать, что не может быть восстановлен тот облик памятника, который был характерен для него во время его создания, и вспомнить, что столкновение рассмотренных выше взглядов на процесс реставрации произошло почти сразу после падения колокольни в Венеции в 1902 году. Метод консервации не считался в этом данном случае подходящим решением. Башня была реконструирована, разумеется, с изменениями внутри – в колокольне был установлен лифт. В 1906 г. при реставрации церкви Михаила (Михаилкирхе) в Гамбурге вопрос также был решен в пользу реконструкции памятника. Из-за разрушений многих объектов во время Второй мировой войны в рамках работы по защите культурного наследия для восстановления фасадов в основном применялась методика имитации форм.

По мнению профессора Евы-Мари Зенг, подход к решению проблемы под-

линности можно продемонстрировать на следующих примерах: в 1980 г. в список Мирового наследия была включена старая часть Варшавы; в 1981 г. – собор в городе Шпайер [9, с. 29]. Варшава была принята в список вопреки сложившимся требованиям к реставрации объектов – как символ сопротивления польского народа. Разрушение культурной городской среды – это итог гитлеровской доктрины о необходимости уничтожения неарийских культур. Второй критерий к принятию – параграф, касающийся «временного отрезка или культурной области, которые представляют собой значительную ценность для человечества в области развития архитектуры или техники». Процесс восстановления Варшавы повлиял и на развитие исследований в области городского строительства и городских структур, а также на развитие методики сохранения старых городских кварталов. При этом подчеркивалось, что исторический центр Варшавы не нарушает принципа подлинности – в самом строгом смысле этого слова, а является примером обширной реконструкции [6, с. 40].

Собор в Шпайере был частично разрушен. Был нанесен урон восточному фронтоу и обеим западным башням. В 1770 г. под руководством архитектора Франца Игнаца Михаэля Нойманна, по благословению епископа было произведено восстановление церкви. Между 1772 г. и 1778 г. процесс реставрации продолжался, был восстановлен неф и западный фасад, декорированные готическими и барочными элементами [8, с. 35]. В случае восстановления собора в Шпайере мы имеем дело не с копией и не с археологически-правильной реконструкцией нефа. Оставшиеся восточные пролеты нефа являлись образцом для восстановления остальных, но, вероятно, Нойманн не знал о двух фазах строительства собора в Средневековье и поэтому не смог воссоздать собор в архитектурном плане как единое целое. В частности, он оставил средневековый образец и произвел восстановление здания из штучного строительного камня – из массивного песчаника. Подвалы были облицованы не известковым туфом, а кирпичами. Тем не менее, в то время такая методика восстановления была оценена как новый подход в работе с историческим памятником архитектуры.

Проект Игнаца Михаэля Нойманна и его удачное воплощение свидетельствует о том, что реконструкция 1000-летнего собора производилась согласно «творческой охране исторических памятников» – большая часть нефа реконструировалась в

рамках исторических форм с применением технических возможностей XVIII века. Пример тому – заново спроектированный западный фасад. Этот образцовый пример обращения с объектом культурного наследия кажется наиболее удачной моделью решения вопроса сохранения и реставрации памятников культуры. Собор в Шпайере был включен в Список объектов мирового культурного наследия как пример плодотворного влияния на развитие романской архитектуры.

Таким образом, консервация, реставрация, реконструкция допустимы и дополняют друг друга, если они не вредят ценности объекта как памятника и как составной части культурного наследия. В этом смысле прекрасным примером является восстановление библиотеки Анны Амалии. В 2004 году в цитадели духа веймарского классицизма, в библиотеке герцогини Анны Амалии (Anna Amalia) в Веймаре, вспыхнул пожар. В пламени погибли десятки тысяч бесценных книг и рукописей. Сегодня здание полностью восстановлено. Реставрация поврежденных книг продолжается. Библиотека была открыта в Веймаре 24 октября 2007 г. – через три года после опустошительного пожара. После восстановления неоднократно ставился вопрос: «должна ли была гореть библиотека, чтобы стать еще прекрасней после реставрации?». Ведь библиотека выглядит в данный момент безупречно, как в 1849 г. В газете «Die Zeit» сообщалось о тысячах книг, поврежденных пламенем, которые снова «получили свое законное место на полках», и таким образом «...приглушенная цветная палитра корешков книг коричневого цвета возвращает частично после серого цвета былую красоту залу...».

Выбор такой формы реставрации вызывал опасение, ведь это могло выглядеть как «подлог или безжизненная копия», а не как «заботливое восстановление». Впоследствии газета «Франкфуртер Альгемайне» [4] констатировала, что в результате реконструкции библиотеки появились «новый центр старой книги», большая по размерам входная зона, выставочный зал и «новый читальный зал под крышей». Одним словом, обобщает «Франкфуртер Альгемайне», «...возникла тонкая деликатная нить между прошлым и современным – классика плюс высокие технологии». Библиотека Анны Амалии занесена в список культурного наследия, поэтому, по мнению немецких специалистов, все реставрационные мероприятия должны быть

направлены «не только на сохранение, “го- лую” реставрацию и реконструкцию, но и на модернизацию и дополнение новых элементов в конструкции согласно “творческой охране исторических памятников”. Творческий подход к реставрации проявился в том, что выбрали основную отправную для реставрации дату – 1849 г., когда «библиотека стала уже залом славы Веймарских гигантов», удалили более поздние внесения – например, сводчатые окна, датируемые 1934 г., произвели реконструкцию читального зала под крышей, ввели новые технологии в здание, обновили пожарную охрану и подъемник. Зал рококо и новый читальный зал расположены теперь друг над другом, они связаны новым потолком – вновь созданной живописью, так как оригинальный свод при пожаре был разрушен. Генрих Вефинг подчеркивает во «Франкфуртер Альгемайне», что возникло не старое помещение, а помещение с новыми конструкциями, «... как когда-то библиотека была новым изобретением, так и теперь она стала центром модернизации, а мы являемся свидетелями воплощения уникальной методики сохранения культурного наследия, охраны исторических памятников, реставрации, когда восстановление является процессом нового позитивного развития».

К сожалению, превентивная консервация в охранной практике все еще является исключением. Даже самый успешный

проект, осуществленный в церкви святого Лоренца в Нюрнберге, не привел к созданию «школы» превентивной консервации в Германии. Трудности практического внедрения этого метода заключаются в том, что необходимы государственные субсидии. Ведь блестяще отреставрированный памятник можно быстро «продать» общественности, в то время как предупредительные мероприятия нуждаются в комментариях, разъяснениях о квалифицированном и долгосрочном обращении с памятниками, экономном использовании бюджетных средств. Превентивная консервация, обычно, не так заметна, как широкомасштабная реставрация. Блестящий после реставрации памятник гораздо привлекательнее, чем превентивные меры, которые не всегда понятны широкой публике. Но меняющиеся акценты в пользу превентивной консервации в профессиональной деятельности хранителей и реставраторов изменили и характер подготовки специалистов по консервации. С 2004 года на факультете консервации и реставрации Хильдесхаймского Института появился учебный курс по «превентивной консервации». В последнее время должности ответственных за «превентивную консервацию» появились не только в музеях, но и в администрациях замков, но работа в этом направлении в исторических центрах городов Германии только начинается.

Список литературы:

- [1] Besch U. Restauratoren-Taschenbuch 2002. – München, 2001. – 80 s.
- [2] Deutsche UNESCO-Kommission e. V. (Hrsg.), Welterbe Manual. Handbuch zur Umsetzung der Welterbekonvention in Deutschland. – Bonn, 2006. – 56 s.
- [3] Lipp W. Prävention beginnt im Kopf. Weltkulturerbe Deutschland. Präventive Konservierung und Erhaltungsperspektiven. ICOMOS. Hefte des deutschen Nationalkomitees XLV. Internationale Fachtagung des Deutschen Nationalkomitees von ICOMOS, der Hochschule für angewandte Wissenschaft und Kunst Hildesheim / Holzminden / Göttingen und Diözese Hildesheim in Zusammenarbeit mit der Evangelisch-lutherischen Landeskirche Hannovers. Hildesheim, 23.- 25. November, 2006. Band 10. Schädler-Saub U.(Hrsg.). – Verlag Schnell and Steiner GmbH, 2008. – S. 32–36.
- [4] Muhs A. // Frankfurter Allgemeine Zeitung. – 2007, 20.10, № 244. – S. 3.
- [5] Roy A., Smith P. (Hrsg.). Preventive conservation; practice, theory and research, preprints of the contributions to the Ottawa Congress. 12–16 September, 1994. – London, 1994. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.iiconservation.org (21.02.2012)
- [6] Scheuermann I., Meier H.-R. (Hrsg.). Echt, alt, schon, wahr. Zeitschichten der Denkmalpflege. – München-Berlin, 2006. – 74 s.
- [7] Seminars on Preventive conservation and Monitoring of the architectural heritage (SPRECOMAH). – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.sprecomah.eu/site/> (21.01.2012)
- [8] Seng E.-M. «Modern oder gotisch – gotisch und antike römische Architektur vermischt» – die Vorschläge zur Wiederaufbau und Rekonstruktion des Speyrer Doms 1771 // Hubach Hanns, Barbara von Orelh-Messlerli, Tassini Tadej (Hrsg.). Reibungspunkte. Ordnung und Umbruch in Architektur und Kunst. Festschrift zum 65. Geburtstag von Hubertus Günther. – Petersberg, 2008. – S. 35–36.
- [9] Seng E.-M. Kulturelles Erbe. Denkmalpflege, Restaurierung, Authentizität, Wiederaufbau // Forschungs Forum. Paderborner Universitätsmagazin. – Paderborn, 2008. – S. 28–29.

УДК 316.33
ББК С573.72

В.П. Соломин, К.В. Султанов

УПРАВЛЯЕМОСТЬ ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК*

В условиях демократического развития современного социума свобода личности является ключевым феноменом «истинности» демократии в данном обществе и государстве. Но социальный порядок – не менее важная категория и явление, характеризующее общество вообще и демократическое общество в частности. Каким же образом социальный институт управления способен и может обеспечивать и социальный порядок, и свободу личности, свободу индивидов в данном обществе и государстве? Насколько высокой должна быть управляемость демократического общества? – Эти вопросы анализируются в данной статье.

Ключевые слова:

депрессия, космос, личность, номос, общество, свобода, социальный порядок, тезис, таксис, управление, управляемость, эгрессия.

Весь смысл управления общественными отношениями состоит по существу в создании благоприятных социальных и экономических условий [12], в которых индивиды смогут наилучшим способом личным и коллективным трудом устремляться и достигать благополучия, как собственного, так и общественного в целом. Вся проблематика социальных теорий при этом всегда и неизбежно лежала по существу в поле проблемы: а в каком именно *отношении* должны находиться личное и общественное благо, социальное благополучие и благополучие индивидов. Превалирование *личной свободы* человека, его предприимчивости, предпринимательства [3] как основы для достижения благополучия в либерально-демократическом управлении обществом не подорвала в итоге (как усмотрел это К. Маркс в середине XIX века) блага общественного, благополучия общества. Каким же образом достижение блага, благополучия зависит от социального управления, а точнее, в более конкретной постановке – от степени *управляемости* общества? Ответ, разумеется, не может быть однозначным, но должен привести к достаточно определенному пониманию сути проблемы и должен быть дан, при всей не-

однозначности рассматриваемого соотношения, с достаточной степенью ясности.

Поиск ответа требует, во-первых, рассмотрения первоначально вроде бы всем известного понятия *благополучия*, казалось бы, предельно ясного и доступного нашему сознанию в первичном, обыденном его понимании. Этот вопрос добротным образом отрефлексирован в социальной философии и до нас [10, с. 12–28], хотя он, безусловно, открывает в себе все новые слои понимания и специфику конкретно-исторической и национальной почвы [5, с. 28–44]. Во-вторых, необходимо далее рассмотреть вопрос о том, что такое «управляемость», хорошо это или плохо, а точнее – в какой степени *высокая управляемость* способствует личному и социальному благу, и в какой она противоречит последнему. Можно поставить проблему и иначе, точнее – в несколько измененном срезе: какая *степень* управляемости общества способствует личному и социальному благу? И только тогда, в-третьих, открывается возможность соотнести и рассмотреть сами названные явления через определенные исследователем понятия, увидеть их взаимосвязь, диалектику взаимодействия управляемости и благополучия общества,

* Работа поддержана грантом РФНФ №12-06-00090а «Интеллектуальный потенциал инновационно-го развития России: стратегии модернизации образования».

взаимозависимости этих детерминант общественного развития. Но эти три позиции, три ступени исследования есть задача более крупная, нежели та, которая ставится в данной статье. Мы обозначаем здесь всю последовательность данных задач с тем, чтобы показать, в каком контексте стоит проблема исследования в данной статье.

Социальный порядок – основание управляемости. Управляемость организацией, как заметил А.И. Пригожин, нередко сводят в обыденном понимании только к *контролю*, или степени контролируемости. Однако теория управления, введшая в свой словарь этот термин, понимает под *управляемостью* три фундаментальных детерминанты: 1) *создание порядка*, 2) *существование *решений** (куда собственно и входит контроль одной из составных частей), 3) *согласованность целей и действий* (разных субъектов, ведомств, организаций и индивидов). Каждая из названных составных частей управляемости требует основательного подхода в своем анализе и составляет поэтому важнейшие разделы теории управления. Самое сложное в этой триаде, на наш взгляд, – понимание *порядка*, представляемого иногда только в качестве структурной устойчивости той или иной организационной системы или, по метко-метафорическому выражению А. Файоля в еще более редуктивном виде – как «место, где всё находится на своем месте».

В силу сказанного на более детальном рассмотрении порядка [4, с. 434–474] и хотелось бы остановить теперь читательский взгляд.

В социальном индивиде соприкасаются два сущностных начала – личное и социальное. Их взаимодействие, находящееся в единстве, несмотря на генетическую близость, пребывает не только в гармонии, но и испытывает сложные, подчас конфликтные, противоречия. И чтобы сберечь жизнь и свободу каждого, нужны не только социально-управленческие, правовые и нравственные регуляторы, нужна ответственность личности, являющаяся здесь основным регулятором. Свобода есть мера возможности произвольного выбора. И индивид несет ответственность за этот выбор. И если выбранное деяние наносит вред другим людям или ущерб природе, тогда человек виновен. Сплошь и рядом «в свободном обществе» человек что-то делает не потому, что он так хочет, а потому, что так должен. Ответственная свобода неразрывно связана с деятельностью.

Реализация свободы требует, таким образом, необходимого общественного порядка. Порядок может низвести свободу «на нет», он же, как тип общественного устройства, – способен обеспечить и наиболее полную реализацию индивидуальных и социальных потенций, заложенных в сути свободы.

О каких типах социального порядка при этом может идти речь? История, при всем ее многообразии, открывает по существу два принципиально различающихся типа социального порядка, два типа социальной организации – тотальную и либеральную. Своего рода «генетические детерминанты» этого раздвоения заложены в сознании, архетипических качествах, опыте человека, стремящегося как к собственной индивидуальной свободе, так и – не менее настойчиво и энергично – к солидарности с другими людьми. «В каждом из нас, – говорит Э. Дюркгейм, – ...есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида». Разделение труда как закономерный социальный процесс развивает оба эти качества – социальную включенность и личную индивидуальность человека. «Каждый тем теснее зависит от общества, – итожит Дюркгейм, – чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована» [7, с. 138, 139].

А.А. Богданов в своей «Тектологии» на уровне общей методологии построения организаций выделяет среди множества организационных форм два универсальных типа систем – *централистический* (*эгрессия*, от лат. – «выхождение из ряда») и *скелетный* (*дегрессия*, как слова берущего начало также от латинского – «схождение вниз»). Для первого типа характерно наличие центрального, более высоко организованного комплекса, по отношению к которому все остальные комплексы играют роль периферии. В социальном смысле «*централистический*» тип организации есть организация тоталитарного общества, в котором генетически возможно *насилие* центра над периферией, потенциал насилия государства над социальными группами, индивидом. «Системы второго типа, – говорит А.А. Богданов, – напротив, образуются за счет организационно низших группировок, выделяемых сложными организационными пластичными комплексами. Дегрессия

имеет важнейшее положительное значение с организационной точки зрения: лишь она делает возможным развитие пластичных форм, *охраняя нежные комбинации от грубой среды*» [1, с. 9].

Онтология «охраны» «нежных комбинаций» индивидуальности от вмешательства «грубой среды» государственной и какой бы то ни было организационной оболочки представляет собой общее исходное основание либеральной демократии, защищающей индивидуальность и индивида как первичную величину общества.

Тотальная организация выглядит в первом рассмотрении не только эффективнее, но даже и эффективнее по скорости и качеству достижения целей и задач коллектива и всего общества. Так, лозунг: «Даешь Магнитку!» приводит к быстрому успешному результату. Но именно тотальная организация раньше всякой другой организационной структуры ведет к тупикам социального управления, потере самого его смысла. Ибо механически эффективная организация лишает социального индивида смысла его личного существования, «стирает» его свободу. Вслед за многими утопистами, этого никак не замечает, к примеру, и реалист-демократ Н.Г. Чернышевский в своем романе «Что делать?», когда рисует идиллию совместного проживания вместе с чудно пристроенными стариками в приличных общежитиях носящих одинаковую одежду рабочих, романтично-благостно определенных для работы на столь же идеально-благостной фабрике незабвенной со школьной скамьи красавицы Веры Павловны с ее романтическими снами [16]. Экономические основы этой фабрики обозначены едва просматриваемым пунктиром в виде «справедливого» распределения прибыли; проблемы рентабельности, маркетинга не поставлены и вовсе никак. Лишь в исторической практике позналось и выверилось, как по мере усиления организованного руководства экономической, а вслед за ней и социальной организацией человеческое разнообразие уступает место единообразию, ведущему к социальному примитивизму и уравнительной справедливости, на деле означающей пародию на солидарность людей, коллапс производственного развития, а вслед за ними и – социальный тупик. Мечтательно-утопическим образом «рассчитанное на изобилие отступление от свободы во имя принудительной организации приводит в действительности к социальному рабству и нищете», замечает Ф. Хайек [14, с. 29].

Размышления о сути личности и смысле индивидуальной жизни рождают либерально-демократическую концепцию общественной организации. При этом оказывается, что вне собственности и экономической свободы свобода индивидуального проявления человека становится фикцией, формальным звуком, не имеющим устойчивой почвы в реальности. Небывалый подъем индивидуализма в Новое время способствует и укреплению идеи собственности. «На человеческое общество, – как замечает Р. Пайпс, – стали все больше и больше смотреть как на абстрактное понятие, образуемое сложением индивидов, а общественное благополучие считать суммой процветания отдельных личностей. Личное процветание, в свою очередь, стало считаться вознаграждением за разумную жизнь» [9, с. 44].

Кобден и Брайт, Адам Смит и Дэвид Юм, Джон Локк и Мильтон первыми в Новое время формулируют принципы либеральной концепции общественного устройства, уходящего корнями в глубокую античность к принципам индивидуализма Перикла и Фукидида, произрастающим от них словно по ветвям древа социального знания и социальной практики к Тациту и Цицерону и далее к Эразму Роттердамскому и Мишелю Монтеню [14, с. 18]. Основу демократического порядка образуют свобода личности и права человека. Убеждение в том, что только индивид думает и рассуждает, только индивид действует [21, с. 97], становится с тех пор классическим. «Коллективные сущности, – говорит Л. Мизес, – государства, классы, партии и т.п. – сводятся все без исключения к действиям их составляющих индивидов. Для коллективных форм нет иной реальности, кроме действий индивидов как членов общества [22, с. 42]. «Слова об обществе, не зависимо от существования людей, их жизни, дум, поступков, есть метафора, которая может привести к грубейшим ошибкам», – заключает он. Либерализм – это не теория, а политическая доктрина, утверждает Л. Мизес, это применение разработанных праксеологией теорий [22, с. 10–14], в том числе экономической теории, с целью решения проблем человеческого поведения. Праксеология в его трактовке – это общая наука о человеческих поступках, как формулирует Мизес. «Человеческая деятельность, в отличие от набора реакций животного, является волевой и сознательной», – говорит Мизес. «Человеческий поступок всегда рационален по определению». «Любой рациональный поступок является

экономическим» [22, с. 18], – так можно определить сущность праксеологии. Либерализм исходит из того, люди жизнь предпочитают смерти, здоровье – болезням, нормальное питание – недоеданию, благосостояние – бедности. Либерализм аргументирует, как нужно действовать для реализации этих ценностей. Мудрость, наука, искусство расцветают в обществе изобилия, а не в среде нищеты [8, с. 109, 111].

История общества сводится, таким образом, к двум типам социальной организации, второму из которых – либерально-демократическому типу общественного устройства – она отдала предпочтение. При неизбежном неравенстве индивидов их объединение, кооперация на основе разделения труда более выгодна и продуктивна, чем автономное существование отдельных, не зависящих друг от друга людей. Неизбежно, что одни люди умнее или сильнее от природы и по своей природе, другие слабее. Кооперация усилий в конечном итоге выгодна и вторым, и первым на основе разделения практических действий. Объединение по типу эгрессии ведет к тотальному контролю центра над индивидом, к социальному тупику, так как сводит на нет любую человеческую свободу. «Централизованный коллективизм» рождает псевдоколлективность, в которой нет свободного индивида, а значит, нет личности. Организация по типу дегрессии, охраняющая «нежные комбинации» свободных людей, их индивидуальность, индивидуализм, организация, рожденная практикой и технологией либерализма, во-первых, словно на парадоксе, порождает подлинно коллективные отношения, во-вторых, вследствие разнообразного разделения человеческого труда проявляет большую экономическую жизнестойкость и как результат – социальную выживаемость.

Таким образом, главная проблема социального управления и ее производная – проблема управляемости есть в ее развернутом виде проблема эффективности социального *устроения*, социальной организации. Сегодня это заставляет все более пристально обращаться к открытиям теории самоорганизующихся систем. Хаос перестает рассматриваться синергетикой как исключительно деструктивное начало мира, теперь он видится еще субстанцией, самопорождающей структурный порядок. При этом экстраполяция естественнонаучных открытий теории саморазвивающихся систем на социальную область [2] не всегда учитывает различия, выражающие суть порядка [17] в природе и в социуме.

Только частично порядок в мире людей зависит от собственных их усилий и планов. Спонтанный порядок, рождающийся из хаоса, возникающий эмерджентным образом, шире наших обычных, антропоморфных представлений о нем. Когда, к примеру, Анри Файоль в своих «Принципах управления» утверждает, что «порядок – это место для всего, где все находится на своем месте» [18, с. 21], то это может быть принято верным только к определенному типу организации и в известной степени лишь как метафора.

Чтобы различать два принципиальных типа порядка, как утверждает Ф. Хайек, следует обратиться к греческому языку [19, с. 35–54]. Независимый от человеческих планов порядок греки называли термином *cosmos* (космос). А для сотворенного человеком порядка употребляли слово *taxis* (таксис). Космос – это природный, всеобщий, мировой порядок, это вид саморегулирующего порядка, который неизбежно следует учитывать при установлении организованного общественного порядка, таксиса. Таксис вне космоса рождает тотальную организацию закрытого, племенного типа. Социальная организация в духе космоса, содержащая в себе порядок-таксис, соответствует модели открытого, демократического общества, основанного на интенциональных поступках свободно определяющих свои цели людей.

Из этого следуют далеко идущие выводы о смысле и справедливости социального управления, всего общественного устройства. Из космоса и таксиса как типов порядка вытекают и два типа социальных законов – «*nomos*» (номос) и «*thesis*» (тезис) [20]. Словом «номос» в данном случае обозначается универсальная норма безопасного поведения для неопределенного числа будущих случаев для всех индивидов в объективных обстоятельствах, описанных нормой, независимо от результатов в любых частных ситуациях. Эти нормы ограничивают отдельные сферы, давая понять отдельным агентам или группам, какие средства можно использовать для достижения поставленных ими целей, чтобы избежать конфликта [15, с. 82].

Фактически это аспект нормативно-ценностного управления, оставляющего право выбора цели действий за индивидом, ограниченного лишь «универсальной нормой безопасного поведения». Примером могут служить правила дорожного движения. Конкретных целей само регулирования движения не преследует, но реализуется ценность безопасности движения.

Каждый водитель может преследовать вполне конкретные цели, но, если не будут соблюдаться некие общие правила, то эти цели могут оказаться не достигнутыми. И только соблюдение определенных общих правил позволяет множеству участников процесса оптимизировать свою деятельность.

Термином «тезис» следует обозначать, таким образом, те нормы, которые устанавливаются и применяются для достижения целей тех, кто их формулировал. Эти нормы составляют необходимую суть порядка в духе таксиса, они составляют *инструмент управления* соответствующей организацией.

Итак, «номос», отражающий космос, создает основы спонтанно организованного порядка, не имеющего целеполаганий; «тезис» представляется возможным для применения как нормативная база для управления организацией, нуждающейся для достижения своих целей во временном порядке-таксисе. Ибо фабрика, хоккейная команда, симфонический оркестр, кафедра или туристическая фирма неизбежно несут на себе печать искусственного, надприродного порядка, где интенции руководителей и целеполагание являются духом и смыслом создания этих организаций. Однако применение «тезиса» на уровне государственного управления ведет в пределе к подрыву целей и возможностей общественной организации, ибо «тезис-порядок», достигающий абсолюта, уже не учитывает свободу, цели и ценности входящих в и образующих общественную организацию индивидов. Это верно не только для управления институционального уровня, но также и для менеджмента – управления деловой организации, отражающей в себе в меньшей или большей степени тип организации общества. Как метафорически замечает П. Друкер, «организации нового века больше нуждаются в служащих, чем служащие в них», в отличие от той картины промышленной организации, что наблюдалась еще полтора века назад [6, с. 199].

Итак, «тезис», возведенный в главную норму социального законодательства, нарушает спонтанность социальной самоорганизации и ведет к тупикам всеобщей «плановой организации», когда индивид вместо реализации собственных интенций и целей и в ущерб им вынужден принимать за «правило игры» всеобщие «справедливые» цели данного государства, устанавливающего «новый порядок» или ведущего построение «светлого завтра» в

виде «безоблачного» «коммунистического самоуправления».

«Номос» и «тезис», таким образом, определяют собой два типа социальных законов, когда первый устанавливает универсальные нормы поведения индивидов, второй – нормы построения организации, вплоть до государственной организации. Первая совокупность законодательных норм образует *частное право*, защищающее свободу индивида, его самостоятельный выбор ценностей в корреляции их с ценностями и свободами других людей. Второй тип законов образует *публичное право*, устанавливающее цели государственной организации, а также обозначающее основные социальные ценности в рамках данного государства. Преобладание публичного права над частным ведет к ограничению и в конечном итоге к потере индивидуального смысла деятельности свободного индивида. «Концепция закона и идеал свободы умирали всякий раз, – подчеркивает это обстоятельство Ф. Хайек, – когда закон трактовали как инструмент для достижения целей правительства». Постепенная замена частного права публичным составляют часть процесса перерождения свободного общества и спонтанного порядка, космоса в организацию в духе таксиса. Тогда нормы здорового индивидуального поведения, образующие коммуникативную справедливость, заменяются дистрибутивной (распределительной) справедливостью, скрытой за общим звучным понятием «социальная справедливость». «В законодательных собраниях, – говорит Хайек по этому поводу, – почти полностью утратили понимание фундаментальной разницы между законом как *универсальным правилом поведения* и законом как частной инструкцией для *управления*» [15; 84–85].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Постановка вопроса о двух видах порядка выводит к проблемам самой «социальности» и «социальной науки». Так называемая «смерть социального» (по Ж. Бодрийяру) есть ни что иное, как поиск современным социумом новых форм социальности, идущим на замену исчерпавшимся и отжившим; это поиск через сопровождающую его полосу хаоса нового бытия социального. Современная социальность находится на пределе прежнего смысла. Следует понимать и большее: социальное всегда было и остается тонким общественно-рациональным конструктом,

вечно подверженным опасности внезапно-го разрушения или столь же внезапно-го, эмерджентного самовыстраивания.

2. Социальное управление есть в этом смысле тонкий, опирающийся на самоорганизацию общества, конструкт рациональной координации действий индивидов и социума. Управление социальной организацией, управление обществом представляют поэтому науку и искусство одновременно, синтез разумного и интуитивного в каждое мгновение социального времени. И «горная тропа» социальности (опять же по бодрийяровскому выражению) есть перманентное движение инновационного изменения общественного устройства. Удержание прежних форм

социального, экономического, политического управления без стремления осознать новые реалии социального, вне поиска и апробации инновационных и в то же время адекватных социуму форм социального управления может привести к «концу социального». Есть ли здесь выход?

3. Мы видим его в том, что современный человек способен создавать, пересоздавать и творить самого себя заново, хотя он и сформирован определенными культурами и традициями. Надежда на эту способность неотделима от идеалов свободы, идеалов демократического управления. А, следовательно, и проблема оптимальной степени *управляемости* современного общества лежит именно в этой плоскости.

Список литературы:

- [1] Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Кн. 1.– М.: Экономика, 1989. – 304 с.
- [2] Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.
- [3] Гелих О.Я. Предпринимательство как социальный феномен // Известия РГПУ им. А.И. Герцена: Гуманитарные и общественные науки. – 2003, № 3 (5). – С. 217–230.
- [4] Гелих О.Я. Справедливость и социальный порядок как дилемма современного управления // Управление: социально-философские проблемы методологии и практики / Под ред. О.Я. Гелиха, В.П. Соломина, К.В. Султанова, А.В. Тихонова. – СПб.: Книжный Дом, 2005. – С. 434–474.
- [5] Горюнов В.П. Предметно-социальное содержание благополучия в российском контексте // Управление и благополучие человека: материалы междисциплинарного методологического семинара по управлению: Выпуск восьмой / Под ред. О.Я. Гелиха и В.П. Соломина. – СПб.: Книжный Дом, 2011. – С. 28–44.
- [6] Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. Изд. 7-е. – М., СПб., Киев: Вильямс, 2010.
- [7] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
- [8] Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство: Антология / Под ред. Д. Антисери и М. Балдини; пер. с нем. – СПб.: Пневма, 1999. – 196 с.
- [9] Пайпс Р. Собственность и свобода. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 415 с.
- [10] Пигров К.С. Опыты аналитики благополучия // Управление и благополучие человека. – СПб.: Книжный Дом, 2011.
- [11] Пригожин А.И. Границы управляемости организационных систем // Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии: Материалы Всероссийской конференции / Под ред. А.В. Тихонова. – М.: ИС РАН, 2010.
- [12] Тихонов А.В. Социология управления: теоретический анализ / 2-е изд. – М.: Какнон+, 2007. – 472 с.
- [13] Управление и благополучие человека: материалы междисциплинарного методологического семинара по управлению: Выпуск восьмой / Под ред. О.Я. Гелиха и В.П. Соломина. – СПб.: Книжный Дом, 2011. – 298 с.
- [14] Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Экономика, 2012.
- [15] Хайек Ф.А. Познание, конкуренция и свобода. – СПб.: Пневма, 1999. – 212 с.
- [16] Чернышевский Н.Г. Что делать? – М.: Художеств. лит-ра, 1963. – 488 с.
- [17] Эткинс П. Порядок и беспорядок в природе. – М.: Мир, 1987. – 224 с.
- [18] Fayol H. General and Industrial Management. – L.: Pitman, 1949.
- [19] Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy. V. 1. Rules and Order, part 2. – Chicago, 1973.
- [20] Hayek F.A. The Confusion of Language in Political Thought, in New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. – L.: Routledge, 1978.
- [21] Mises L. Socialism. Liberty Classics. – Indianapolis, 1981.
- [22] Mises L. The Human Action. Contemporary Books. – Chicago, 1966.

ЛОЖЬ: ПРАВСТВЕННО-ОЦЕНОЧНЫЕ АСПЕКТЫ

И в религиозных, и в светских моделях мировосприятия ложь считается явлением разрушительным. Открытыми остаются вопросы о возможности преодоления, минимизации лжи. Автор статьи отстаивает идею, что в основу объективного понимания лжи, а также для преодоления разрушительной лжи следует положить целостную нравственно-оценочную модель, структурно исходящую из ситуации лжи.

Ключевые слова:

культура, ложь, обман, оценка, преодоление лжи, ситуация лжи, честность.

Удаляйся от неправды.

Исх. 23: 7

Ложь – порок рабов, шпионов, подлецов.

Л. Сеттембрини

Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу.

А.П. Чехов

Человечество погрязло во лжи. Лгут дети и старики, ученики и соискатели на учёную степень, торговцы и покупатели, контролируемые и контролёры, кандидаты в высшие политические органы страны и работники правоохранительных органов... Нынешнее моё намерение – попробовать целостным нравственно-оценочным образом всмотреться в ту сферу явлений, которую охватывает понятие «ложь». Ясно, что лишь непредвзято всмотревшись в природу этих явлений, можно вести речь о том, в какой мере они являются злом, в какой степени мы ответственны за искажение истины, и в какой мере способны воздерживаться от обмана.

Народная мудрость сурово осуждает ложь. Можно непредвзято и приводить половицы, однозначно осуждающие обман:

– Для мужчины солгать – умереть (*уйгурская*).

– Другого обманешь на день, себя – на всю жизнь (*финская*).

– Живи не ложью, будет по Божьи (*русская*).

– Когда появляется правда, ложь бежит прочь (*турецкая*).

– Лжец – начинающий вор (*японская*).

– Ложь – осколки правды (*армянская*).

– Совесть – не помрешь, да вперёд не поверят (*русская*).

– Тысяча неправд не стоят одной правды (*армянская*).

– У лжи ноги коротки (*английская*).

– Хоть палач над головой – говори правду (*абхазская*).

– В библейских текстах ложь выглядит однозначно негативным явлением, она

рядопологается убийству и воровству (Ос. 4: 2). Утверждается, что «всякая неправда есть грех» (I Иоанн. 5: 17), «неверные васы – мерзость пред Господом» (Притч. 11: 1), что «коварного гнушается Господь» (Пс. 5: 7.). Щедро рассыпаны в тексте Библии предостережения: «а лукавство коварных погубит их» (Пр. 11: 3), «берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие» (Лк. 12: 1), «берегитесь лжепророков» (Мф. 7: 15), «горе тем, кто строит дом свой неправдою» (Иер. 23: 13), «заградятся уста говорящих неправду» (Пр. 62: 12), «коварные не доживут и до половины дней своих» (Пс. 54: 24), «Кто говорит ложь – не спасётся» (Притч. 19: 5), «Надежда лицемера погибнет» (Иов. 8: 13), «Не обманывайтесь» (Иак. 1: 16, I Кор. 6: 9; 15: 33, Гал. 6: 7), «Сеющий неправду пожнёт беду» (Пр. 22: 8), «с лукавым – по лукавству его» (2 Цар. 22: 27).

Отечественные традиции, в которых объединяются лучшие стороны Востока и Запада, столь же строги в отношении ко лжи. Владимир Мономах поучает: «Лжи остерегайтесь и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело» [15, с. 63]. В «Домострое» читаем: «царю, и князю, и всякому вельможе не старайся служить ложью, и клеветою, и лукавством – погубит Господь всякого, глаголящего ложь» [5, с. 10–11]. Осуждается ложь в иудаизме. Так, слова молитвы «Амиды» звучат: «Бог мой! Убереги язык мой от злословия и уста мои от лживых речей» [18, с. 256]. Ислам учит: «взвешивайте верными весами, и не уменьшайте людям их вещей, и не ходите по земле, расширяя нечестие» [Сура 26: 182–183].

188 | Запрещается в исламе и утаивание недостатков товара [21, с. 245–246]. Итак, от лжи в самых разных её разновидностях предостерегают духовные наставники.

Столь же единодушны в оценке лжи нерелигиозные мыслители. Аристотель в «Никомаховой этике» рассматривает и обман вообще (обманывать = ψεύδω), и лицемерие (лицемеры = βαυκοπανοῦροι), лжесвидетельство (ψεῦδομαρτυρία), коварство (κακοῦργια). Все это получает у Аристотеля однозначно негативную оценку: «Обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения, а правда прекрасна и заслуживает похвалы» [2, с. 140].

М. Монтень прямо пишет: «лживость – гнуснейший порок» [13, т. 1, с. 36]. Лжец, полагает Монтень, смел перед Богом и труслив перед людьми. Причём Монтень, ссылаясь на Плутарха, ведёт речь даже не о смелости, а о презрительности и о дерзости в адрес Бога [13, т. 2, с. 373]. Солидарный с Монтенем Бэкон пишет: «Нет другого порока, который бы так покрывал человека позором, как если его найдут лживым и вероломным» [5, с. 354]. Лабрюйер отмечает: «Ложная скромность – самая утончённая уловка тщеславия» [9, с. 59], «Водись на свете меньше простаков, было бы меньше и тех, кого называют хитрецами и ловкачами, кто чванится умением обманывать и всю жизнь получает за это награды» [9, с. 48]. Из «Максим» Ларошфуко приведу три высказывания: «Люди кокетничают, когда делают вид, что им чуждо всякое кокетство» [10, с. 158], «Своим недоверием мы оправдываем чужой обман» [10, с. 157], «Лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели» [10, с. 167].

И. Кант исходит из того, что «неправда постыдна сама по себе» [7, с. 49]. Он проводит несколько важных уточнений. «Не каждая неправда является ложью» [7, с. 203], а лишь та, при которой человек сознательно вводит других в заблуждение. Или же – требует от других того, что сам не делает. Кант, кроме того, различает *обман* – лживое обещание, *неправду* – невыполненное обещание, *сокрытие*, *притворство* и *нарочитую двусмысленность* [7, с. 204]. Интересны размышления Канта о лести. Он полагает, что существуют «лесть от чистого сердца и лживая лесть. Первая – слаба, а вторая – мерзка» [7, с. 204]. Суть фарисейства мыслитель видит в стремлении заслужить благосклонность Бога изображением подчинения и преданности. «Полагать в этом способ богочипитания отвратительно и гнушно, ибо тогда мы надеемся завоевать благо-

склонность Бога лестью» [7, с. 100]. «Религия вымаливания благосклонности вредна и противна понятию о Боге и есть система религиозного грима и притворства» [7, с. 114], – констатирует философ. И чуть позже безапелляционно добавляет, что «вымаливающая религия вреднее всех безверий» [7, с. 114]. В высшей степени омерзительными Кант считает «ложь, убийство из-за угла и с помощью яда» [7, с. 204], истолковывая их как действия, благодаря которым другого человека можно заставить врасплох. Губительная суть лжи, по мысли Канта, заключается в том, что лгун «разрушает сообщество» [7, с. 200]. В этом смысле предосудительна и ответная ложь, «поскольку направлена против всего человечества» [7, с. 203].

В последние годы появилось несколько специальных публикаций. Назову те, которые мне удалось разыскать в библиотеках Санкт-Петербурга. Прежде всего, это статья В.И. Свинцова в журнале «Философские науки»: «Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение терминов)» [16]. Как видно из названия, автор задавался конкретной задачей разобраться в терминологии, и им проделана важная, скрупулёзная работа. Следующая публикация – это книга С.Г. Бернатосьяна «Воровство и обман в науке» [3]. Задачей своей книги С.Г. Бернатосьян ставил не выведение на чистую воду разного рода жуликов, подвизавшихся в науке со времён древности до наших дней, но, скорее, фокусирование внимания на сугубой важности щепетильности, взаимной требовательности, а также бдительности в научном сообществе.

Необходимо также назвать труд петербургского философа А.К. Секацкого «Онтология лжи». Монография содержит глубокий анализ выделенного аспекта интересующего нас явления, но, как явствует уже из самого названия, автор не задаётся вопросами *этического* анализа лжи. Фундаментально важным следует признать мнение автора о том, что «именно ложь есть то, что получается “само собой”, как чистая манифестация природы. Это она легка, а трудна истина» [17, с. 63]. Чуть ранее в своей книге А.К. Секацкий справедливо указывает на наивность создателей «полиграфа» (детектора лжи), который основан «на противоречащем житейскому опыту и здравому смыслу предположении, будто для человека говорить правду легко и естественно, тогда как лгать, напротив, трудно и неестественно. Для высказывания лжи требуются якобы некоторые усилия на физиологическом уровне» [17, с. 61].

Ещё одна интереснейшая работа – книга Д.И. Дубровского «Обман. Философско-психологический анализ» [6]. Автор подробно разрабатывает вопросы социальных функций обмана [6, с. 39–50], рассматривает суть добродетельного обмана (в том числе со стороны государства и его органов) [6, с. 51–89]. Тонкими рассуждениями отмечен параграф «Ложь Н.И. Бухарина» [6, с. 76–83], где обосновывается необходимость различать благонамеренность и добродетельность обмана. Отдельно автор исследует так называемую полуправду, её природу и социальные функции [6, с. 90–123], а также самообман [6, с. 124–151].

И, наконец, нужно упомянуть ещё одно издание: философско-литературный журнал «Логос», № 5 которого за 2008 год был целиком посвящён научной дискуссии вокруг статьи И. Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Инициатор дискуссии Р.Г. Апресян прямо ставит под вопрос обоснованность нравственных абсолютов, таких как «не лги», «не причиняй насилия», «не вреди», «делай добро», полагая, что они лишь выполняют роль ценностных ориентиров [12, с. 17–18]. А.А. Гусейнов, напротив, воспринимает основоположения «Не убий», «Не лги» как абсолютные запреты [12, с. 108]. Н.М. Сидорова справедливо призывает учитывать многовариантность поведения в ситуации, подталкивающей ко лжи. Человек может, указывает она, «ответить правдиво не из правдолюбия, а из элементарной трусости. Или солгать – не потому, что сознательно пускает преступника по ложному следу, а от ужаса. Или теряет дар речи. Или поднимает истощенный крик» [12, с. 181–182]. А.П. Скрипник свои рассуждения начинает с утверждения: «Отношение ко лжи – ахиллесова пята этической теории Канта» [12, с. 188]. Подводя итоги обсуждения, Р.Г. Апресян был вынужден прояснить свою позицию: «Я не говорю, что ложь достойна. Ложь всегда недостойна. Но обсуждаемая нами ситуация показывает, что ложь может быть допустимой и оправданной в качестве крайнего средства для противостояния злоумышленникам» [12, с. 203]. И ещё чуть раньше Апресян настаивает: «Разделение этического и юридического подходов не кажется мне сколько-нибудь продуктивным в анализе данной ситуации» [12, с. 201]. Представляется, что для объективного и всестороннего анализа лжи как раз следовало бы разводить, а потом синтезировать этический, юридический, логический, эстетический, политический

и какие ещё там могут быть ракурсы. И ещё. В дискуссии участвовали бесспорно маститые учёные. Но мне осталось непонятным, почему к обсуждению не были приглашены В.П. Фетисов из Воронежа, В.Ш. Сабилов и О.С. Соина из Новосибирска, В.Г. Иванов из Петербурга. Убеждён, что их участие не только добавило бы новые грани к обсуждаемой теме, но и упрочило бы проект методологически. В.П. Фетисов и В.Г. Иванов ушли из жизни в 2009 году, и это ещё более обостряет ощущение невосполнимости – мы так и не узнаем теперь, что бы они высказали по интересующей нас теме.

Итак, попробуем вновь подступиться к проблеме лжи – на этот раз уже исходя из того, что она (ложь) представляет собой не просто нечто жёстко запрещаемое или вынужденно терпимое. Понятием «ложь» охватывается сложнейший конгломерат явлений, с точки зрения этики очень поразному воспринимаемых и оцениваемых. Впечатляет уже сам перечень слов, с которыми в русском языке сопрягаются наши опасения быть обманутыми, дезинформированными, введёнными в заблуждение:

аллилуйщина, афера, блезир, бредни, брехня, бутафория, вероломство, враки, враньё, выдумка, вымысел, галлюцинация, гламур, двойник, двуличие, двурушничество, дезинформация, жеманство, жульничество, иллюзия, имитация, инсинуация, инсценировка, интриги, искажение, искусственность, кавычки, кажимость, камуфляж, клевета, коварство, кокетство, контрафакт, кривда, криводушие, кривотолки, легенда, лесть, лжесвидетельство, липа, лицемерие, лохотрон, лукавство, магия, марафет, маскарад, маскировка, мираж, мистификация, миф, мнимость, мошенничество, наваждение, навет, надувательство, нарочитость, небылица, неискренность, неправда, облапошивание, обман, обмер, обольщение, обсчёт, оговор, отмалчивание, очернительство, парик, пересортица, плагиат, плутовство, подвох, подделка, подлог, подмена, подстава, подтасовка, подхалимаж, показуха, поклёп, предательство, преувеличение, привидение, призрак, прикраса, приманка, приписки, притворство, приуменьшение, профанация, проформа, псевдоним, разводка, розыгрыш, самозванство, самооговор, самообольщение, сказка, сплетня, суррогат, умолчание, утаивание, утопия и антиутопия, фабрикация, фальсификация, фальшь, фальшивка, фальшивомонетничество,

фантазия, фантастика, фантом, фарс, фикция, фокус, халтура, халява, химера, шулерство; дутый (например, авторитет), ложный..., мнимый, неестественный, ненастоящий, ненатуральный, подставной, потешный; квази-, лже-, псевдо-...

С указанной точки зрения нам нужно всмотреться в **ситуацию лжи**. А ещё прежде – определиться с ведущими понятиями. Вряд ли кто-то будет спорить, что существенно различаются неточность в рассуждениях, расчетах (ложность) и намеренное искажение информации (лживость). Это различие короче всего можно осмыслить как различие логического и этического, ошибочного и обманного. Общеизвестно, что существуют разнообразие явления, связанные с отступлением от прямолинейно понимаемой правды – искусство, миф, условность этикета, маскарад, первоапрельские шутки, даже кокетство – их мы оставляем в стороне, поскольку они охватывают те варианты межсубъектных взаимоотношений, которые разворачиваются в целом по культуросообразному, обоюдодоприемлемому сценарию. Нас в данном случае интересует именно ситуация последнего рода, в которой кто бы то ни было творит ложь (говоря словами Монтеня, «скрывает или искажает истину» [13, т. 1, с. 35]), и эту ситуацию можно структурно представить следующим образом: **КТО, КОГО, В КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСХОДЯ ИЗ КАКИХ МОТИВОВ, В КАКИХ ЦЕЛЯХ, КАК, С КАКИМ УСПЕХОМ ОБМАНЫВАЕТ И КАК К ЭТОМУ ОТНОСЯТСЯ ВСЕ, КТО ВОВЛЕЧЁН В ДАННУЮ СИТУАЦИЮ.**

Попробуем всмотреться поочередно в каждый из перечисленных компонентов ситуации лжи.

Кто. От социального уровня лгуна, от его влияния в обществе напрямую зависит серьёзность вреда, наносимого ложью. Одно дело, когда малыш не признаётся, что разбил чашку или съел без спросу конфету, и совсем другое – когда чиновник лжёт, заполняя анкету о своих доходах. Надо думать, в зависимости от возраста обманщика (малолетний ли он или взрослый) и от того, действует ли он в одиночку или с группой сообщников, осуждение лжи будет различным – соответственно, в каждом из названных случаев вторые варианты (ложь взрослых и групповая) заслуживают более серьёзного осуждения.

Кого. В самом общем виде можно говорить о лжи в адрес индивида и груп-

пы, лжи «*вверх*», «*вниз*» и «*по горизонтали*». «Вниз» – то есть в адрес более слабых. Обман слабого – подлость. А вот обмануть сильного – опасная дерзость. Ещё можно говорить об обмане *прямо* и *заочном*. Отдельного упоминания заслуживает обман *себя*. Если быть предельно лаконичным, то самообман, чаще всего, – это признак малодушия и слабости ума.

В каких обстоятельствах. Разговор об обстоятельствах – куда как сложен и важен. Князь Андрей Курбский прямо считал: «Если кто-либо по принуждению присягает или клянётся, то не на того падёт грех, кто крест целует, но всего более на того, кто принуждает к этому». Вовсе не обязательно полностью принимать эту точку зрения (что «не на того падёт грех»), ибо так недалеко до лукавого совета Оскара Уайльда: «Единственный способ отделаться от искушения – это поддаться ему» [20, т. 1, с. 523]. Но объективности ради нужно разделять ответственность между солгавшим и вынудившим. Не перекладывать, а разделять. В смысле – распределять. Далее. В любом случае явно будут различаться ложь *спровоцированная* и *инициативная*. Ложь по собственному почину – и ложь, предпринятая в порядке подражания, «*за компанию*». Ложь *по просьбе* – и *по приказу*. Или *по совету*. Кроме того, обстоятельства всегда конкретны. Это всегда какая-то определённая сфера – *быт, работа, досуг, торговля, искусство, зрелища, спорт* и многое другое.

Мотивы. Давно известно, что чужая душа – потёмки. Да и в своих душевных состояниях люди часто не очень-то хорошо разбираются. Но вряд ли кто-то будет спорить, что существуют мотивы *светлые*, благородные, доброжелательные – и *тёмные*, злобные, разрушительные. Именно потому появляются рассуждения о лжи спасительной, во имя добра. Предоставим читателю самостоятельно оценить, оправдывают ли ложь состояния: высокомерие, жадность, жалость, зависть, злоба, испуг, лень, страдание, усталость, озорство. Рассказывают, что слова знаменитой теперь «Молитвы» Булата Окуджавы не принимали в печать. Шёл атеистический 1963 год. И лишь когда Булат Шалвович придумал название «Молитва Франсуа Вийона», стихи опубликовали. Как прикажете относиться к этой выдумке замечательного поэта?

Цели. Люди далеко не всегда действуют целесообразно и даже целенаправленно. Но так или иначе подавляющее число наших поступков может быть рассмотрено сквозь призму вопроса: чьим интересам

они служат? Иначе бы нельзя было вести речь о вменяемости поведения. То есть, справедливо принято считать, что мы умеем сознательно соотносить свои действия с теми или иными возможными результатами. Ложь во спасение или ради наживы, во имя собственного благополучия, для утешения близкого или для устранения конкурента – вот лишь немногие варианты, которые, очевидно, несут разное нравственно-ценностное наполнение и должны получить разную нравственную оценку. Не мешало бы вспомнить мысль Лихтенберга: «Кто желает увидеть красавцев разбойников, выщипанных обманщиков, очаровательных притеснителей сирот, вовсе не должен искать их на большой дороге и в деревенских тюрьмах. Пусть пойдёт туда, где едят на серебре» [11, с. 44].

Как. Даже просто перечисляя способы лжи, мы скорее рискуем умножить случаи обмана, чем выработать у честного человека иммунитет ко лжи, и уж никак подобным образом не воздвигнуть щит, сберегающий от зла. А зло таково, что лгать можно словом, делом, жестом, интонацией, позой, взглядом, выражением лица. Вот, допустим, футболист, забивший гол рукой, признаётся в этом лишь через несколько лет. Заявляя вдобавок, что это как бы не его рука занесла мяч в ворота, а сам Господь Бог. Этого футболиста звали Диего Марадона. Столь же коварным способом забил гол и французский нападающий Анри. Не помню, кто оказался многострадальным неудачником (кажется, ирландцы), но и французская сборная в соответствующем цикле успехов не снискала. Не исключаю, что наставники, похожие на Марадону или Анри, могут организовать для своих спортсменов специальное обучение, как провоцировать соперника на грубость, а потом правдоподобно изображать боль, схватившись за шею, лицо, ногу и т.п. И уж совершенно я не ведаю, кто учит отечественных чиновников живо отчитываться о своих доходах. По признанию президента России Д.А. Медведева за 2011 год из 233 тысяч чиновников, отчитывавшихся о своих доходах, 23 тысячи наврали. Запомнилось и продолжение этой мысли: «Тех, кто наврал, нужно уволить». Как это уволить? Разве не судить? Так ведь даже и не уволили. По крайней мере, что-то не слышно о массовых увольнениях...

Результат. Маршак в одном из своих переводов писал: «Мятеж не может кончиться удачей. В противном случае его зовут иначе». Победителей не судят. Из этого исходили и иезуиты, и Макиавелли, и

продолжают исходить многие персонажи грандиозной трагикомедии жизни, несть им числа.

А уж коли сомнительные матчи проводятся и не отменяются, если выборы проходят, и итоги их оказываются утверждёнными, если всё и вся функционирует, – значит, ложь показывает свою жизненную силу. Свою результативность. Хотя как раз подлинным результатом лжи нужно бы считать не сиюминутную выгоду, не обмен подпольных услуг на дензнаки, не добытый кем бы то ни было выгодный заказ, а куда более серьёзные и вдаль отставленные порчу нравов, развращение прямых участников, невольных свидетелей, современников, коррозию всей вместе взятой культуры.

Вот мы и подходим к последнему из выделенных компонентов рассматриваемой ситуации лжи: **Как к этому относятся все, вовлеченные в данную ситуацию.** Если обманщик преуспевает, если обиженный или не знает о коварстве обманщика, или смиряется с происходящим, если окружающим ни до чего нет дела – как нужно аттестовать подобный стиль взаимоотношений? Как достигнутую культурой стабильность? Давайте, задумаемся, разве культура не призвана минимизировать боль, обиду, несправедливость? Убеждён: ложь, наподобие холеры, чумы, оспы нужно причислить к наиболее опасным видам зла общечеловеческого масштаба. Ведь можно придумывать самые разные системы кредитов-залогов-поручительства, рассрочки и ипотеки, но долг всегда останется долгом. В том числе долг перед истиной. Как-то удивительно, что в число семи смертных грехов ложь не попала. Там, напомним, перечислялись гордыня, алчность, вожделение, зависть, обжорство, гнев и уныние. Но весь фокус в том, что ложь, как правило, возникает не в безвоздушном пространстве, а порождается вполне определёнными обстоятельствами и состояниями. В частности, она чаще всего сопряжена, как мы уже упоминали, с ленью, малодушием, завистью, недоброжелательством и т.п. С той же самой гордыней. Со зловолемием или равнодушием. Озорство и доброжелательство, осмелюсь предположить, выступают питательной средой для лжи куда реже. И хотелось бы надеяться, что задачу своего духовно-нравственного совершенствования берущиеся за ум люди смогут увидеть в необходимости минимизации зложелательной лжи.

«Простота хуже воровства» – бывало, говаривала моя матушка, имевшая на всякий повод подобающие меткие народные

сентенции. И вправду, мир очень непрост. «Кто говорит ложь – не спасётся» (Притч. 19:5), – читаем мы в Священном Писании. А кто говорит правду – обязательно ли спасётся? Какие-нибудь головорезы вполне могут обходиться без неправды. Блистательно проиллюстрировал эту мысль Лихтенберг: «Парень, который украл однажды 100 000 талеров, уже может в дальнейшем честно прожить жизнь» [11, с. 161]. Очевидно, что безответственность, болтливость, грабёж, жадность, злорадство, лень, любопытство, наглость, насилие, неблагодарность, равнодушие, цинизм – напрямую с ложью никак не связаны. Сексуальные меньшинства, в отличие от больших клеptomаний открыто претендующие на общественное внимание, – как бы они в конечном счёте ни были разрушительны для культуры, *не лживы*. Векторы честности и гуманности не совпадают!

Понятно, ложь внедрена в мир не слабее, чем разные безвредные бактерии или мусор. Но бактериям-то мы силится противостоять. И даже в целом со вполне наглядными успехами. Не подлежит сом-

нению, что и разрушительные виды лжи нужно воспринимать как серьёзнейшие культурные угрозы, требующие минимизации, преодоления, устранения. «Лживых историков следовало бы казнить как фальшивомонетчиков» [Цит. по: 3, с. 187] – писал умевший быть категоричным Мигель де Сервантес. Нужно стремиться создавать в обществе такие условия, чтобы лгать было невыгодно. Подчёркиваю: я не призываю к тому, чтобы специально поощрять правду – этим путём мы уже ходили. Началом здесь стало бы, не дай Бог, доносительство, а продолжением – пытки. Но так или иначе целостную продуманную программу минимизации лжи нужно разрабатывать. Нравственно-правовую, экономическую, религиозную. Убеждён, что движение в рамках подобной культурной программы могло бы осуществляться не только и не столько при помощи реального юридического оздоровления общества, но и путём перенаправления энергии привычной нам лжи в сторону литературного сочинительства и прочего творчества.

Список литературы:

- [1] Апресян Р.Г. Гораздо насущнее – «этика ректора» / Этика профессора: «вне-алиби-бытие» // Вестник НИИ ПЭ. Вып. 39. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. – С.75–88.
- [2] Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в четырёх томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 53–293.
- [3] Бернатосян С.Г. Воровство и обман в науке. – СПб.: Эрудит, 1998. – 383 с.
- [4] Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – 582 с.
- [5] Домострой. – СПб.: Лениздат, 1992. – 141 с.
- [6] Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ / Дополн. изд. – М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. – 335 с.
- [7] Кант И. Лекции по этике. – М.: Республика, 2005. – 431с.
- [8] Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 232–237.
- [9] Лабрюйер Ж.де. О монархе или о государстве. – М.: АСТ, 2003. – 271с.
- [10] Ларошфуко Ф.де Мемуары. Максимумы. – М.: Наука, 1993. – 280 с.
- [11] Лихтенберг Г.К. Афоризмы. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», «Наука», 1994. – 344 с.
- [12] Логос. Философско-литературный журнал. – 2008, № 5 (68). – 216 с.
- [13] Монтень М. Опыты. В трех книгах. – М.: Голос, 1992.
- [14] Новая философская энциклопедия: в четырёх томах. – М.: Мысль, 2010.
- [15] Поучение Владимира Мономаха // Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 59–70.
- [16] Свинцов В.И. Заблуждение, ложь, дезинформация (соотношение терминов) // Философские науки. – 1982, № 1. – С. 76–84.
- [17] Секацкий А.К. Онтология лжи. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 119с.
- [18] Сидур В. Врата молитвы. – Иерусалим-Москва: Маханаим, 1993. – 691с.
- [19] Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1989. – 448 с.
- [20] Уайльд О. Избранные произведения. В 2 т. – М.: Республика, 1993.
- [21] Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. Третье издание. – М.: Умма, 2007. – 352 с.
- [22] Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 669 с.
- [23] Юнацкевич П.И., Кулганов В.А. Психология обмана. Учебное пособие для честного человека. – СПб.: АТОН, 199. – 320 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ РУССКОГО НАРОДА

Анализируются познавательные возможности русских пословиц и поговорок в процессе развития российской правовой практики на протяжении ряда столетий, подчеркивается их первоначальное формирующее значение для создания правовой системы России.

Ключевые слова:

нравственность, поговорки, пословицы, право, юридическая специфика.

Использование опыта русского народа в области права, зафиксированного в крылатых выражениях, накопленных в течение многих веков, – важный элемент развития духовной культуры. Этот опыт используется в обыденной практике для оценки различных жизненных ситуаций. Пословицам и поговоркам присущ целый ряд признаков, а именно: устойчивость, коллективная осмысленность, компликативность, дидактичность, афористичность, эластичность, экспрессивность, наконец, народность. Очевидно, что такой особенный объект культуры, языка (фольклора) не мог остаться вне поля зрения науки. Перечисленные особенности пословиц и поговорок важны для понимания заложенных в них суждений, умозаключений в органическом единстве с формой выражения. Народность пословиц и поговорок соответствует психологическому образу и складу мыслей, культурным традициям.

В.И. Даль в «Напутном» к своему сборнику «Пословицы русского народа» писал: «Что не дошло до народа, не касалось жития-бытия его, то не шевелило ни ума, ни сердца его, и того в пословицах нет; что впуталось добром либо лихом в быт его, то найдете и в пословицах» [1, с. 11]. Аналогичные идеи высказывают и другие авторы [5, с. 67]. Продолжая мысль В.И. Даля, В.И. Чернов подчеркивал философский смысл фольклора вообще. Он отмечает, что пословица демонстрирует органическое единство народного обобщения действительности в высшей художественной форме выражения этой действительности [8, с. 143]. Одновременно заметим, что пословицы и поговорки существуют анонимно, отдельно от авторских афоризмов; анонимность подчеркивает их социально-духовную значимость и одновременно синтезирует правовое сознание народа.

Пословицы и поговорки устойчивы. Это характеризуется их лексическим и определенным смысловым постоянством,

неизменностью, а возникающие варианты последних, отражая особенности общественного развития страны (на данном этапе), лишь подчеркивают гибкость народной мудрости, его интеллекта. Одновременно это качество пословиц и поговорок подтверждает, что они, будучи итогом многовековой деятельности масс людей, выражают коллективный и длительный характер возникновения и развития как продукт коллективного творчества.

Бертран Рассел определял пословицы как «мудрость многих и остроумие одного». Будучи продуктом непрерывного коллективного творчества, пословицы, их образы соответственно модернизируются [3, с. 47]. Динамизм развития – совершенствование смысловой структуры пословиц и поговорок (усложненность), что не лишает пословицы присущей им выразительности и неизменного единства мысли и слова (компликативность – усложненность); иными словами, долголетие в историческом аспекте. Это подтверждает и труд В.И. Даля по изучению русских пословиц и поговорок.

О конструктивности и семантическом целом пословиц и поговорок писал и М.А. Черкасский [7, с. 37].

В равной мере пословицы и поговорки поражают своей экспрессивностью: воздействие на людей достигается применением рифмы, метафор, метонимии (заменой слова другим на основе связи их значений по смежности – «театр рукоплекскал» вместо «публика рукоплекскала»), а также стихотворных размеров и иных возможностей художественного творчества, свойственных русскому народу и отражающих его психологический характер. Следует отметить, что пословицы и поговорки несут важную социальную функцию – воспитательную, а именно формируют у индивидов традиционные социальные ценности, сбережение, сохранение нравственных устоев, сохранение порядка в обществе и связи поколений (наследие предков).

П.А. Сорокин подчеркивал, что «без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет ни изменение общественного строя, ни изменение законов и учреждений» [4; 6, с. 352].

Особая характеристика пословиц и поговорок, выделяющей этот вид народного творчества на его вершину – афористичность. Она понимается как умение дать в лаконичной, четкой форме обобщенную, законченную мысль.

Изложенное позволяет перейти к сути. В колоссальном массиве русских пословиц и поговорок имеется значительное количество относящихся в широком смысле к области права.

Поистине уникальную титаническую работу выполнил Г.П. Лупарев, исследовавший весь массив мирового народного фольклора применительно к анализируемой области [2]. Им было проанализировано 11 тыс. пословиц и поговорок из записанного фольклорного наследия народов земного шара. Трудность работы состояла в оптимальной систематизации полученного массива информации. Автор исследования применил диалектико-многоуровневый подход, выделив трехслойную структуру: А) I–IV разделы базируются на основных понятиях юриспруденции; Б) V–VIII разделы раскрывают связь народных изречений с психологическими и социальными качествами человеческой личности и ведущими сферами ее жизнедеятельности, регулируемые нормами права (прежде всего права обычного); В) IX–XII разделы отражают служебно-функциональную специфику юридических пословиц и поговорок, без которых трудно представить общий механизм их социального функционирования [2, с. 5–23].

Г.П. Лупарев справедливо утверждает, что «юридическими пословицами и поговорками следует считать народные изречения, отражающие правовые явления прошлой и настоящей жизни общества, раскрывающие, комментирующие, оценивающие содержание любых правоотношений, а также статус и деяния их субъектов».

Приведем некоторый массив пословиц и поговорок, имеющих отношение к поднятой теме.

1. Обычай, закон, право.

– Беззаконным закон не писан (*т.е. закон не соблюдается теми, кто его не признает*).

– Без закона нет ни преступления, ни наказания (*древнеримская*).

– В каком народе живешь, такого обычая и держишься (*русская, итальянская*).

– Если бы не закон, не было бы и преступника (т.е. преступление определяется на основании норм закона).

– Закон всегда на стороне богатого (белорусская).

– Закон – не игрушка.

– Закон движется на золотых колесах (т.е. он требует финансового сопровождения; американская, США).

– Закон – паутина: крупные мухи проскакивают, а мелкие увязают в ней (классовая сущность права; США).

– Закон – тайга, медведь – прокурор.

– Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло.

– Закон что столб – перепрыгнуть нельзя, отойти можно.

– Закон назад не действует (не пишется) (т.е. не имеет обратной силы).

– Закон не кол – не обтешешь (*о неизыблемости закона*).

– Закон не убедителен, если не может наказать (английская).

– Закон переступить нельзя, а обойти можно.

– Закону следовать всякому пристойно.

– Законы – миротворцы, да законники крючкотворцы.

– Законы святы, да законники (*судьи*) супостаты.

– Какая искусная сеть – закон (*немецкая*).

– Кто законы пишет, тот их и ломает.

– На счастье нет закона (т.е. счастье не обеспечивается законом).

– Наглого обычая не переменишь (т.е. дурные обычаи весьма живучи).

– Не будь закона, не стало бы греха.

– Не знаешь, как поступить, – поступай по закону.

– Неведением закона нельзя оправдываться.

– Новый царь – новое и право.

– Нужда свой закон пишет.

– Обычай старше закона.

– По закону и обман.

– Прав не тот, кто прав, а тот, у кого больше прав (беззаконие сильных мира сего).

– Хорошие законы – основы государства (английская).

– Хорошие законы приводят к социальной справедливости (английская).

– Что город – то норы, что деревня – то обычаи.

– Что мне законы – были бы судья знакомы.

– Что стыдно и грешно, то в обычае вошло (о приносимых со стороны поветриях и нравах).

II. Власть, служба, сильные мира сего.

- Барский двор хуже петли.
- Барскую просьбу почитай за приказ.
- Без народа – не воевода.
- Без царя народ – сирота.
- Благо царей – в правде судей.
- Ближе к барину – ближе к плетям.
- Бог высоко, а царь далеко.
- Бог и пальцев не уравнил (о социальном неравенстве).
- Бог любит праведника, а царь любит ябедника.
- Бог с бедного последнее сдирает, да богатого одевает.
- Богатому душа дешевле гроша.
- Богатому не спится: богатый вора боится.
- Богатый совесть не купил, а свою погубил.
- Боги на стороне сильнейших (*древнеримская, США*).
- Больше власти, больше напасти.
- Большой да богатый не живет виноватый.
- Бумажки клочок в приказ волочет.
- Бывали были: и бояре волком выли.
- Была бы шея, а ярмо (хомут) найдется.
- Бюрократ завтраками кормит.
- В большом месте сидеть – много ума иметь (*о высоких требованиях к чиновникам*).
- В лесу сучки, в городе полицейские крючки.
- В службе легче ответ с чужой головы.
- Вали все в кучу, начальство разберет.
- Взят из грязи, да посажен в князи (о возвышении недостойного человека).
- Во всяком чину есть по сукиному сыну (*государственные должности часто занимают недостойные люди*).
- Воевода в городе – что мышь в коробе.
- Всякий боярин свою милость хвалит, а нашу услугу ни во что не ставит.
- Где царь, там и правда.
- Грозен царь, да милостив Бог.
- Грозно, страшно, а без царя нельзя.
- Дружба дружбой, а служба службой.
- Дьяк у места, что кошка у теста.
- Ему о деле, а он – «приходи на неделе».
- Ждут как ворон крови: судьи разбойника тороваго, поп – покойника богатого.
- Жажить бы попом – все придет даром.
- Иному (чиновнику) слова не скажи, а только гроши покажи.
- Казна на поживу дана.
- Кому дана большая власть, тому безнаказанно можно красть.
- Крепко царство казною.
- Кто барствует, тот и царствует.
- Кто в думе, тот и боярин.

– Кто не желает власти, на того не приходят напасти.

- Кто сильнее, тот и правее.
- Кто у власти, тот и ест сласти.
- Лучше грозный царь, чем боярщина.
- Москва слезам не верит, ей дело подавай (*требовательность власти*).
- На боярскую расправу не найдешь управу.
- На каждого исполнителя три повелителя.
- На службе нет родни.
- Не царь грешит, а думцы наводят.
- Низы берут пример с верхов (*японская*).
- Одни народ доят, другие за рога держат.
- От великих порядков остались беспорядки.
- Паны дерутся, у холопов чубы трещат.
- По службе нет дружбы.
- Попу да вору все впору.
- Родиться царем и дурак может.
- Царь добр, да слуги злые.
- Что казне выгодно, то мужику разор.
- Язык царствами ворочает.

III. Преступления и преступник.

- Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют.
- Без подвоха вор не украдет.
- Безнаказанность постоянно поощряет преступника (*древнеримская*).
- Благословлял отец деток до чужих клеток.
- Бог видит, кого обидит (*преступник не уйдет от наказания*).
- В миру такой уговор: кто похитил, тот и вор.
- Взятки не берем, а благодарность принимаем (*о нечистоплотности чиновников*).
- Виноватого Бог сыщет.
- Волокита с растратой под руку идет.
- Вор ворует, а сам горюет.
- Вор сытый и обутый украдет.
- Вор, не положа, ищет.
- Воровское стяжение впрок не пойдет.
- Где клятва, там и преступление.
- Грабежи есть, воровство есть, а воров нет.
- Да чего не воровать, когда некому унимать.
- Дай вору золотую гору – воровать не перестанет.
- Дай прокормить казенного воробья, без своего гуся за стол не сядем.
- Доброму вору всякий сапог впору.
- И с умом воровать – беды не миновать.
- Казенному лесу всякий родня (*т.е. государственные леса воруют все*).
- Как вор не ворует, тюрьмы не минует.

– Кто вору поताкает, тот сам вор.
– Не пойман – не вор, не уличена – не гулена.

– Одна коррупция порождает другие *(английская)*.

– Рука руку моет, вор вора кроет.

– Цыган да жид – обманом сыт.

– Я у Бога дурак: я воруя *(еврейская)*.

IV. Суд, правосудие, судоисполнение.

– Ах, судья, судья: четыре полы, восемь карманов *(взятничество судей)*.

– Бывает и виновник прав.

– Был бы человек, а статья найдется *(также и английская)*.

– В деле прав, а на бумаге виноват.

– В первой вине и Бог прощает.

– В протоколе густо, а на деле – пусто.

– В суд поди, и кошель неси, а то скажут – завтра.

– Вина вине рознь.

– Возьми на калачи, только дело не вольчи.

– Всякая ссора красна мировой.

– Дело по делу, а суд по форме.

– Денежка не Бог, а милует.

– Вот я и дома, – сказал черт, оказавшись в суде *(английская)*.

– Дважды и Бог не мучит.

– За правду не судись: скинь шапку, да поклонись.

– За тем дело стало, что за ним приданого мало *(вымогательство, взятки в суде)*.

– Закон на вашей стороне, а как решит суд – посмотрим.

– И в тюрьме не все воры.

– И правда тонет, коли золото всплывет.

– Из суда, что из пруда сух не выйдешь.

– Каков грех, такова и расплата.

– Кнут не мучит, а добру учит.

– Когда деньги говорят, правда *(в суде)* молчит.

– Кому тюрьма, а нам добрый домок.

– Кто в деле, тот и в ответе.

– Кто сознался, тот раскаялся.

– Кто украл рубль, того под суд, а кто тысяч двести, того держат в чести.

– Легко воровать, да тяжело отвечать.

– Лживое дело хило.

– Лучше десять виноватых простить, чем одного невинного наказать.

– Мертвый да богатый не бывает виноватый.

– Не бойся истца, а бойся судьи.

– Не всяк судит по праву, иной и по криву *(праву)*.

– Не гонись за простым вором, а лови атамана.

– Не смотри, как рот дерет, а смотри, как дело ведет.

– Не судись: лапоть дороже сапога станет.

– Обязанность хорошего судьи – принимать решения, способствующие правосудию *(древнеримская)*.

– Семь бед – один ответ *(за все преступления одно наказание)*.

– Суд крив, коли судья лжив.

– Судейский карман – что утиный зоб: и корму не разбирает, и сытости не знает.

– Судья праведный – ограда каменна.

– Тюрьма – не матка, не выходит.

– У неправедных судей много затей.

– Чистосердечное признание облегчает душу, но удлиняет срок.

– Чья сторона сильнее, та и правее *(о судебном поединке)*.

V. Человек, его природа, личные качества и пороки.

– Безгрешного человека на свете нет.

– Берут завидки на чужие пожитки *(о завистнике)*.

– В ком добра нет, в том и правды мало.

– В человеке важен не чин, а начин.

– Вода принимает форма сосуда *(на человека влияет внешняя среда; японская)*.

– Добрая совесть злему ненавистна.

– Дурака и в церкви быют.

– Жизнь на нитке, а думает о прибытке.

– Злой человек в очи льстит, а за очи губит.

– И у людей с чистыми руками бывают грязные мысли *(еврейская)*.

– Кривой – не беда, а горе – криводушный.

– Ленивому всегда праздник.

– Лживому надо памятно быть.

– На копейку напился, а на рубль пошумел.

– Надменные люди долго не преуспевают *(японская)*.

– Птицу обманывают кормом, а человека – словом.

– Речист, да на руку нечист.

– С виду тих, да характером лих.

– Скупость – мать пороков.

– Совесть без зубов, а загрызет.

– У кого денег мало, у того ума не бывало.

– У честного человека и характер твердый, и речь прямая *(монгольская)*.

– Человек тот, кто от обещания своего не уклоняется.

– Честные глаза вбок не глядят.

VI. Дом, семья, семейно-бытовые отношения.

– Без брата проживу, а без соседа не проживу.

– Без мужа жена всегда сирота.

– Блудный сын – ранняя могила отцу.

– Богатая жена – дому глава.

– Брак без регистрации, что бумага без печати.

- Брат брату – сосед.
- В семье не без урода.
- В чужом доме не осуждай.
- Всякий дом хозяином хорош.
- Выданная дочь – отрезанный ломоть.
- Доброю женою и муж честен.
- Дружные супруги и из Тихого океана воду вычерпают (*вьетнамская*).
- За мужем жена – всегда госпожа.
- Замуж выходи, да в оба гляди.
- Любишь гостить, люби и к себе звать.
- Мил гость, что недолго гостит.
- Мир в семье женой держится.
- От порядка не нищают.
- У себя – как хочешь, а в гостях – как велит.

VII. Имущество и имущественные отношения.

- Без копейки и рубля не бывает.
- Без счета и денег нет.
- Без ума торговать – лишь деньги тетьять.
- Берешь чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда.
- В деньгах родства нет.
- В займы деньги давать – что волка кормить.
- Всякая дешевизна перед дороговизной.
- Дареного назад не берут.
- Деньги счетом крепки.
- Дешевому товару дешева и цена.
- Долг не велик, да лежать не велит.
- Долг платежом красен, а займы – отдачею.
- Доход не бывает без хлопот.
- Дружба дружбой, а в карман не лезь.
- За морем телушка – полушка, да рубль перевоз.
- Копейка рубль бережет.
- Купец, что стрелец: оплошного ждет.
- Любить барыш – любить и наклад.
- Прибыль с убытком в одних саях ездят.
- Приход пономарский, а расход генеральский.
- Собственность – это девять пунктов закона (*т.е. собственность заставляет служить себе закон, обосновывать ее преимущество*) (*английская*).

- Товар не хвалить – с плеч не свалить.
- У долга и век долог.
- Хорошо дешево не бывает.
- Чей берег, того и рыба.

VIII. Труд и трудовые отношения.

- Без труда и отдых не сладок.
- Без труда чести не получишь.
- Глаза страшатся, а руки делают.
- За прогул и брак и платят никак.
- Каков у хлеба, таков и у дела.
- Кончил дело – гуляй смело.

- Мы в бороне, а барин в стороне.
- Не следи за гудком, а следи за станком.
- Пить – делу вредить.
- По заслуге и плата.
- Порядок дела не портит.
- Работа грязна, да денежка бела.
- Рабочий кровь пьет, а хозяин его кровь пьет.
- Трудовой грош прочнее краденого рубля.
- Худая работа хуже воровства.

IX. Социально-правовые ценности и приоритеты.

- В миру жить – миру служить.
- Где труд, там и правда.
- Деньги все могут (*английская*).
- Деньги отпирают все двери.
- Деньги много могут, а правда царствует.
- Деньги могут много, а правда все.
- Доллару открыты все двери (*американская*).
- Жизнь родине, а честь никому.
- За деньги и Бога купить можно.
- Золотой молоток и железные ворота открывает.
- Каждому свой край сладок.
- Лучше умереть, чем рабство терпеть.
- Малый мир лучше большой драки.
- Порядок города держит.
- Родина – мать, умей за нее постоять.
- С деньгами и в аду не пропадешь (*японская*).

X. Причинно-следственные связи и мотивы поведения.

- Бедность не грех, а до греха доводит.
 - Беспечность – родня преступлению.
 - В ссоре оба проигрывают.
 - Враки доводят до драки.
 - Где говорят деньги, там молчит совесть.
 - Где мыши кота не чувят, смело воруют.
 - Где растяпа да тетеря – там не прибыль, а потеря.
 - Деньга и попа в яму заведет.
 - Жадность – всякому горю начало.
 - Кого слова не берут, с того шкуру дерут.
 - Кто зачинает, тот и отвечает.
 - Кто межу ломает, тот века не доживает.
 - Лихо тому, кто неправду творит кому.
 - Необдуманное действие не кончается без беды (*чеченская*).
 - Пастухи за чубы, волки за овец.
- ### **XI. Другие социально-правовые наблюдения, выводы и оценки.**
- Без поджога и дрова не горят (*о взятничестве*).
 - Бог и леса не уравнил (*о социальном неравенстве*).
 - Богат, да крив, беден, да прям.

– Бумага без души, что угодно пиши (о *бюрократическом произволе*).

– Был бы человек, а статья найдется (*русская, английская*).

– Бьют не ради мученья, а ради ученья.

– В игре не без хитрости.

– В чужом хлеву овец не считают.

– Взятки гладки (*т.е. трудно обнаружить и доказать*).

– Дай дураку простор – наплачешься.

– Денежка рублю бережет, а рубль голову стережет.

– Деньги как мокрота – чем больше, тем грязнее (*японская*).

– Добыть легко, легко и прожить (о *чужом имуществе*).

– Жесток нрав не будет прав.

– За правые слова умирают многие.

– Змею обойдешь, а от клеветы не уйдешь.

– И за молчание гостинцы дают.

– Иная простота хуже воровства.

– Казенное на грех наводит.

– Коли не вор, так не страшен и ревизор.

– Кто кого победил, тот и прав.

– Лежачего не бьют.

– Лихих глаз стыд не берет.

– Лучше горевать, чем воровать.

– Любящий деньги не насытится деньгами (*древнеримская*).

– Месть не мзда (*т.е. мсть не обогащает*).

– Нищему грабеж не страшен.

– Обещанного три года ждут.

– Шила в мешке не утаишь.

– Одною карою не истребить порока.

– Ошибка – не обман.

– Палка нема, а даст ума.

– С секретами на базу не ездят.

– Сколькo не служить, а в отставку быть.

– Совесть – не сосед: от нее не уйдешь.

– У торговца нет родины (*американская*).

– Хитрость хитростью побеждают.

XII. Социально-правовые назидания.

– Алчешь чужого – потеряешь свое.

– Береги платье снову, а честь смолоду.

– Дело делай, а правды не забывай.

– Держи расход по доходу.

– Дружбу помни, а зло забывай.

– За правое дело стой смело.

– Зла злом не исправишь.

– Ищи себе прибыли, а другому не желай гибели.

– Каяться кайся, да опять за то же не принимайся.

– Колотись, бейся, да на все надейся.

– Краденым добром богат не будешь.

– Кулаком одного победишь, а умом – тысячи.

– Лишнего желаешь – последнее потеяешь.

– Молвя правду, правду и чини.

– Не бери чужого ничего – не будешь бояться никого.

– Не клади плохо, не будешь охать.

– Не ходи в суд, а то хлеба не будет.

– Отдай скорее – будешь веселее.

– Против вражеской лжи ухо остро держи.

– С правой не судись.

– Тащи из казны, что с пожарау.

– Хочешь жить – умей вертеться.

Изложенное подтверждает: юридические пословицы и поговорки – это народные изречения, которые отражают правовые события исторической жизни общества (анализирующие, оценивающие, комментирующие), т.е. всех правоотношений, включая статус и деяния субъектов. Таким образом, пословицы и народные поговорки, принятые в употребление обществом правомерно тяготеют на роль закона, замещают его.

Практика чтения автором лекций «О коррупции в стране и в мире» в течение ряда лет (для студентов старших курсов и аспирантов ИНЖЭКОНа, Санкт-Петербурга) показала объективную полезность использования данной разработки в списке источников, рекомендованных к занятиям. Одновременно указанные пословицы и поговорки могут быть использованы для выполнения курсовых и дипломных проектов, улучшения их качества.

Список литературы:

- [1] Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2004. – 814 с.
- [2] Лупарев Г.П. Юридические пословицы и поговорки народов мира. – М.: Норма, 2008. – 624 с.
- [3] Мудрое слово Древней Руси (XI-XVII вв.) / Сб. – М., 1989. – 462 с.
- [4] Сидоров А.И. Устарел ли «Домострой», или немного о «фаст-блуде» // Православие и нравственность: Матер. межрегион. научн.- практ. конф. 17–19 февр./ Отв. ред. А.Н. Швечиков. – СПб., 2006.
- [5] Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. 3. – М., 1832. – 250 с.
- [6] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб.: РХГИ, 1999. – 448 с.
- [7] Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической ситуации (пословицы и поговорки) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. – С. 35–52.
- [8] Чернов В.И. Философия и фольклор. – Саратов: Кн. изд-во, 1964. – 153 с.

СОВЕТСКАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА В ФОРМАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ И ОБРАЗАХ МАССОВОГО ИСКУССТВА 1960–1980-Х ГГ.: ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА

Рассматривается художественная репрезентация тела советского человека как субъекта хозяйственной культуры в массовом искусстве 1960–1980-х гг. Выявляются особенности художественного воплощения, раскрываются гносеологические, аксиологические и семиотические аспекты телесных образов советского человека, отражающих типологические особенности и смыслы советской хозяйственной культуры.

Ключевые слова:

массовое искусство, образ, советская культура, тело, хозяйственная культура.

Системное изучение культуры как многомерной целостности требует изучения отношений ее с другими подсистемами бытия, а также взаимосвязанного изучения подсистем самой культуры – материальной, духовной и художественной во всех формах предметности. Искусство – единственный плод деятельности, позволяющий проникнуть в глубинную суть представляемой им культуры [6, с. 9–19]. На этой теоретической основе автором статьи изучается советская хозяйственная культура в ее воплощении советским массовым искусством 1960–1980-х гг. Хозяйственная культура понимается как *многоаспектный целостный способ человеческой деятельности, направленный на получение материальных благ, во всех формах предметности*. Человек – субъект хозяйственной культуры.

Человеческое тело – одна из форм материальной предметности культуры, наряду с технической вещью и социальной организацией. Советская материально-вещественная среда (жилище, одежда, пища) изучалась российскими и зарубежными авторами (О. Вайнштейн, О. Гурова, К. Герасимова, Т. Кондратьева, Н.Б. Лебина, М. Меерович, Е.А. Осокина, Д. Барлетт, В. Бучли, Ю. Гронов, Ш. Фицпатрик). Предметом изучения становилось и тело советского человека, его визуальная репрезентация в советской массовой культуре (В. Аристов, Т. Дашкова, О. Вайнштейн, О. Гурова, А. Курбановский). Выделялись различные дискурсы о теле: в 1930-е «рабоче-крестьянский» и «артистический» тип женщины, которые постепенно сливались (Т. Дашкова). В 1960-е в журналах «Работница» и «Крестьянка» – тип молодой, высокой, стройной и худощавой женщины (О. Вайнштейн). С 1920-х до 1950-х последовательно сменяли друг друга идеологи-

ческие дискурсы о теле: «тело здоровья», «тело культурности», «тело личного вкуса» (О. Гурова). Визуальные модели советской женщины определялись как «труженица», «делегатка», «коллега», «возлюбленная», «натурщица», постепенно усиливалась «консервативная» линия (А. Курбановский). Выделялись типы героев («правдоискатели», «карьеристы», «мещане» и др.) и их телесность в советском кинематографе 1950–1960-х (Н.В. Глебкина).

Несмотря на то, что исследование художественного воплощения телесности советского человека нашло отражение в ряде культурологических работ, состояние научной изученности этой темы нельзя считать исчерпывающим. Мало изученной остается художественная репрезентация советского человека как субъекта хозяйственной культуры периода 1960–1980-х, не проводился сравнительный анализ репрезентаций его телесности в разных видах и жанрах искусства. Постараемся выявить особенности художественного воплощения советского человека как субъекта хозяйственной культуры в советском массовом искусстве 1960–1980-х, раскрыть гносеологические, аксиологические и семиотические аспекты его художественных репрезентаций, отражающих типологические особенности и смыслы советской хозяйственной культуры.

В решении поставленных задач нельзя обойтись без использования официальной советской социальной структуры «2+1»*. Также применяется аксиологическая типология субъекта советской хозяйственной культуры, выстроенная автором по критерию ценностной мотивации хозяйственной деятельности: «строитель коммунизма», «честный труженик», «обыватель». Если на идеологическом уровне «строи-

* Рабочий класс – трудовое крестьянство – интеллигенция (прим. ред.).

телями коммунизма» считалось подавляющее большинство советских людей, а «обывателей» рассматривали как пережитки прошлого, то на уровне повседневном в обществе преобладали «обыватели», значительную часть составляли «честные труженики», а «строители коммунизма» – незначительное меньшинство [11, с. 231–242]. Массовое искусство отобразило официальную социальную структуру и все аксиологические типы. В художественных репрезентациях субъекта советской хозяйственной культуры нами выделяются два дискурса о теле: «тело идеологическое» и «тело повседневности».

В основе дискурса об «идеологическом теле» – положения идеологии: общая цель – коммунизм, ударный труд на общее благо, но он «еще не стал жизненной потребностью всех людей». Ценность общественной собственности, каждый обязан заботиться о ней. Растет социальная однородность, но рабочий класс остается ведущей силой. «Идеологическое тело» – «строитель коммунизма» (преимущественно рабочий) в процессе ударного труда, укрепляющий социалистическую собственность, физически совершенный. В основе дискурса о «теле повседневности» – понимание повседневности как фундаментальной реальности, в которой пребывает большинство людей. Это значит: даже в годы «оттепели» коммунизм не был общей целью, ударный труд мотивировался и другими целями. В семидесятые масса людей трудилась с низким качеством, росла ценность личной собственности, общественная собственность расхищалась.

«Тело повседневности» – представители всех аксиологических типов и социально-профессиональных групп в производстве и потреблении материальных благ, поразному относящиеся к социалистической собственности, телесно разнообразные.

На протяжении всей советской истории субъект хозяйственной культуры был важнейшим объектом художественного творчества. В образах, созданных во всех видах и жанрах искусства, прослеживается динамика, обусловленная общими для советской культуры процессами: поворотом от тоталитарного общества к потребителскому и от идеологической советской массовой культуры к потребительской массовой культуре западного образца [8, с. 188], переходом от моностилия к полистильности, демократизацией, массовым интересом к коммунизму и разочарованием, смягчением и усилением цензуры и др. Демократизация в искусстве проявилась как возрастание интереса к «просто-

му советскому человеку», «выламывание» из жесткой концепции соцреализма. Различное понимание художниками «правды жизни» [10] можно определить как проявление полистильности. В песне и прикладной графике репрезентировалось «тело идеологическое», в живописи, скульптуре, литературе, драматургии и кино – идеологический и повседневный дискурсы переплетались. Если в песне и плакате преобладают образы рабочих, то в литературе, драме и кино – представители интеллигенции, что отражает реальный процесс – устремление людей индустриального общества в профессии нефизического труда [11, с. 208–209].

Образы субъекта хозяйственной культуры отражают динамику социалистического хозяйства: если в искусстве 1930-х он изображен в основном в колхозах и на фоне строящихся гигантов металлургии и энергетики, то в искусстве 1960-х – на фоне действующих промышленных предприятий всех отраслей и новых «стройках века», с начала 1970-х – в автомобильной промышленности (Н. Соломин «ЗИЛ. Главный конвейер», Х. Якупов «Челнинские красавицы (КамАЗ)», х/ф «Директор», «Гонщики», «Мировой парень»).

В образах советского человека отразились гендерные особенности трудовой занятости и динамика традиции. Гендерную специфику труда в СССР периода 1930-х В. Аристов усмотрел в монументе В. Мухиной «Рабочий и Колхозница»: «Безусловно, в нашей реальности Рабочим мог быть только мужчина» [1]. На плакатах 1960–1980-х, утверждающих союз рабочих и крестьян, женщина по-прежнему с серпом, а мужчина – с молотом. Если плакат пропагандировал равенство полов и советские достижения, то сельское хозяйство репрезентировалось сферой мужского и женского труда. Но мужчина всегда – на тракторе, комбайне, грузовике, а женщина – с ручными средствами – лопатой и граблями, корзиной и рассадой, кастрюлей и половником: В. Загонек «Март. Будни», В. Иванов «Уборка картофеля», В. Алтухов «Хлеборобы», Л. Кириллова «На прополке», х/ф «Чужая родня», «Мачеха» и др. Женщины на тракторе – редкость: Г. Столбова «Трактористка», М. Алексеев «Ивушка неплакучая» («Русское поле»). С ликвидацией МТС (1958) и передачей техники колхозам, ремонт стал обязанностью тракториста и водителя, что для женщины физически сложно. К началу 1980-х в сельском хозяйстве 75% работников трудились вручную. В основном это были женщины,

что связано с традиционными установками: сложная техника – не женское дело.

Немало художественных образов строителей, где женщина – каменщик, маляр, штукатур, реж – сварщик и крановщик, мужчина – сварщик, монтажник, электрик, проходчик, шофер, тракторист. Если искусство 1930-х изображало женщин на строительстве метро (Е. Лансере, А. Самохвалов), чем подчеркивалось равенство полов, то в искусстве 1960–1980-х метростроение нет: Постановлением Совета Министров СССР от 13 июля 1957 г. было запрещено применение труда женщин на строительстве подземных сооружений.

Образы искусства говорят о том, что в социалистическом индустриальном обществе сохранялись традиционно женские сферы труда – домашнее хозяйство, пищевая и легкая промышленность: Н. Кузнецов «Солнечные нити», И. Широкова «Стеклозавод» и др., х/ф «Старые стены», «Сладкая женщина». Кроме того, женщины трудились в лесной промышленности («Девчата»), металлургии, машиностроении («Битва в пути», «Неподдающиеся», «Семья Зацепиных»). На плакатах и сюжетно-тематических картинах, посвященных освоению Сибири и Севера, женщин мало. Это была традиционно мужская работа, также как рыболовство и добыча полезных ископаемых, плотничество, металлургия. Инновационные мужские профессии – вождение автобуса, тепловоза и самолета, строительство метрополитена, туннеля, электроэнергетика.

На плакатах 1970-х люди нефизического труда представлены в основном мужскими образами (В. Добровольский «Мы за партией идем, слава Родину делами»). В живописи, литературе, драматургии и кино немало женских образов интеллигенции, особенно учителей. Если мужчина-учитель выступает в меньшинстве, то почти нет женских образов преподавателей вузов – доцентов и профессоров. Это значит, что в подавляющем большинстве женщины работали в средних школах: в 1986 году 75% работников народного образования, составляли женщины [12]. Не удивляет отсутствие женщин на картине Н. Толпекиной и Я. Яковлева «Молодые ученые Новосибирского Академгородка»: в сфере науки в 1960–1985 гг. трудилось лишь 2,2–3,9% работающих женщин [12].

В 1960–1985 гг. в сфере торговли и общественного питания трудились от 10,6 до 12,6% работающих женщин [12], но художественные образы работников этих сфер хозяйства созданы в основном в ка-

риктуре, детективе и комедии. Их нет в песне, почти нет в живописи (исключение – продавцы антикварного магазина В. Хабарова, 1976). Это значит, что на идеологическом и повседневном уровнях труд в торговле, общепите и сфере услуг занимал маргинальное положение между престижным и непрестижным, честным и нечестным. Не случайно химик Бочкин скрывает от товарища, что работает в химчистке («Легкая жизнь»).

В песне и плакате субъект хозяйственной культуры представлен преимущественно в роли производителя материальных благ, минимально в роли покупателя, вообще потребителя материальных благ. В карикатуре – потребитель-обыватель. Плакатный советский человек производил «реки стали», «триллион киловатт часов в год» электроэнергии, кукурузу – «источник изобилия», строил «дорогу в будущее» и почти ничего не потреблял. Так искусство, выполняя аксиологическую и воспитательную функции, пыталось возвысить человека над миром вещей. В литературе и кино «честные труженики» репрезентированы и в роли потребителя материальных благ: им не чуждо желание купить модную одежду, мебель, автомобиль, но ценность потребления для них ниже, чем отзывчивость и дружба, поэтому накопленные для покупки мебели деньги без колебаний отдаются заболевшему другу («Разные судьбы»). В контексте развития общества потребления и дефицита, все больше образов обывателей-потребителей (Г. Щербакова «Дверь в чужую жизнь», х/ф «Сладкая женщина», «Гараж», «Пена»).

Искусством советский человек изображен не только в труде, но и на отдыхе. Если плакат изображает «строителя коммунизма» в активном отдыхе, нацеленном на повышение работоспособности (В. Каленский «Солнце, воздух и вода множат силы для труда!»), то в живописи, литературе и кино показано, что «честный труженик» может отдыхать, ничем не занимаясь (В. Попков «Бригада отдыхает», «Работа окончена»), в кафе или ресторане (х/ф «Высота», «Девять дней одного года», «Иду на грозу», «Еще раз про любовь»).

В песнях и плакатной графике основным художественным образом субъекта советской хозяйственной культуры являются *руки рабочих* – символ творца культуры: «*Руки рабочих, вы даёте движенье планете. Руки рабочих, мы о вас эту песню поём*». Статус хозяина выражается в *уверенной поступи рабочего класса: «Идут хозяева земли, идет рабочий класс»* и др. В песенных и

плакатных телесных образах «строителя коммунизма» утверждается идея превосходства советского человека как социального типа. Его тело репрезентируется как *сверхнормальное*: «Как прежде, мы тверже гранита и стали».

В плакатных образах 1960–1980-х гг. сохраняется код художественной репрезентации, сложившийся на рубеже 1920–1930-х: идеализация и монументальность «строителя коммунизма». В соответствии с концепцией общества развитого социализма у плакатных рабочих и крестьян через одежду проступают очертания стройного, мускулистого тела. Интеллигенция стройна, но не мускулиста, характер труда, также как в советских журналах 1930-х годов [5], символизируют очки. Со второй половины 1970-х «новая историческая общность советский народ» воплощается в едином телесном типе всех социальных групп – стройном, атлетическом (В. Кононов «Мы придем к победе коммунистического труда» и др.). В живописи, литературе, драматургии и кино телесные образы советского человека всех социальных групп нередко красивы и атлетически сложены, но идеализации и монументальности нет, в основном они обычные. Если в прикладной графике «обыватели» изображались с некрасивыми фигурами и лицами, то в литературе и кино они ничем не отличаются от «честных тружеников», нередко красивы.

В искусстве 1960-х молодые сельские и городские женщины – стройные, часто спортивные. Сопоставление художественных образов с фотографиями из семейных альбомов показывает: молодые сельчанки «природным телом» не отличались от горожанок, молодые горожанки-работчие – от интеллигенции. Это результат интенсивной миграции и социальной мобильности, механизации физического труда (хотя и недостаточной), изменения характера питания: складывался усредненный телесный тип человека индустриального общества. В киноискусстве 1960-х телесность женщин-работчих репрезентируется мужественной или женственной в разных контекстах: на работе – в мешковатой спецодежде, на отдыхе – в модном, хорошо сидящем на фигуре платье («Высота», «Девичата», «Мама вышла замуж»). На колхозницах – ватник и сапоги, фартук, косынка, на доярках – белые/синие халаты («Чужая родня», «Дело было в Пенькове», «Простая история»). Реально колхозы сэкономили на спецодежде. Мифологизм советского искусства – в фильме «Стряпуха» Э. Кеосаяна:

колхозницы выходят в поле с прическами «бабетта» и платках, повязанных, как у французских кинозвезд. В фильмах 1970-х женщины-работчие в спецодежде уже не выглядят мешковатыми («Безотцовщина», «Сладкая женщина»), колхозницы сменили ватники на пальто и куртки. При бездорожье актуальными остались резиновые сапоги («Русское поле»). Всегда изящно выглядят бортпроводницы («Еще раз про любовь», «Неподсуден», «Экипаж») и милиционеры («Дело № 306», «Следствие ведут знатоки»). О. Гуровой отмечено: в 1960-е на фотографиях женщины-учителя изображались в строгом темном костюме [4, с. 84], но в фильмах 1960–1980-х («Доживем до понедельника», «Вам и не снилось») они показаны в разнообразной модной деловой одежде: человек общества потребления представляет свой имидж.

Т. Дашкова показала, как в 1930-е в фильмах Г. Александрова соединялся «рабоче-крестьянский» и «артистический» тип: «золушки» превращались в «принцесс», «духовное перерождение» вело к телесному перевоплощению [5]. В киноискусстве 1960–1980-х облагороженная телесность бывших сельчанок в городе и провинциалок в столице не всегда связана с духовностью: из одних получаются «честные труженицы», из других – «обывательницы» («Женщины», «Сладкая женщина», «Москва слезам не верит»).

Изучение образов тела субъекта советской хозяйственной культуры в массовом искусстве 1960–1980-х, с применением системного и целостного подходов, сравнительного и семиотического анализа, приводит к следующим выводам. Произведения советского искусства с разной степенью идеологизированности и понимания «правды жизни», «социалистического гуманизма», стремления к традиции или культурной инноватике, воплотили идеологический (теоретический) и повседневный (практический) уровни советской хозяйственной культуры во всей совокупности материальных и духовных проявлений. В искусстве 1960–1980-х образно воплотилась советская хозяйственная культура – соединение доминирующей административно-командной, традиционной и нелегально работающей рыночной экономической систем; высокотехнологичный и ручной труд, индустриальные гиганты и примитивные технологии в колхозах; инновационное и традиционное домашнее хозяйство. Искусство целостно отобразило советское общество – смешанный тип индустриального и доиндустри-

ального, традиционного и инновационного, закрытого и открытого, массового, потребительского. Искусство воплотило субъекта культуры – человека всех социально-профессиональных групп и разных аксиологических типов во всех отраслях социалистического хозяйства, в легальной и теневой экономике.

В массовом искусстве 1960–1980-х тело субъекта хозяйственной культуры репрезентировано в двух дискурсах: идеологическом и повседневном. Изображены все представители социальной структуры и аксиологических типов. В песне и прикладной графике репрезентировалось «тело идеологическое», ярко проявились характерные для соцреализма идеи превосходства, исключительности и непревзойденности, мифологизм, оптимизм [7]. В живописи, литературе, драматургии и кино телесность советского человека пря-

мо не связывается с социально-профессиональной группой и аксиологическим типом, выражает идею: гармонично развитых людей в советском обществе мало, даже «строители коммунизма» нередко далеки от идеала. В образах советского человека искусство в целом и по-разному отобразило реальное состояние социалистического хозяйства, его ценности, достижения и проблемы, гендерные особенности труда, развитие инновационного типа культуры и сохранение традиционных технологий. Телесные образы отражают процесс формирования индустриального, массового общества и общую тенденцию – смещение ценностных ориентаций от социалистических к традиционным и общечеловеческим ценностям. Повседневность «проросла» через идеологию и корректировала официальную картину советской жизни.

Список литературы:

- [1] Аристов В. Советская «матриархаика» и современные гендерные образы // Женщина и визуальные знаки / Ред. А. Альчук. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 280 с.
- [2] Вайнштейн О.Б. Полные смотрят вниз. Идеология женской телесности в контексте российской моды // Художественный журнал. – 1995. № 7. – С. 49–53.
- [3] Глебкина Н. В. Репрезентация повседневности в советском кинематографе конца 1950–1960-х гг. / Диссертация... канд. культурологии. – М., 2010. – 231 с.
- [4] Гурова, О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: НЛО, 2008. – 288 с.
- [5] Дашкова Т. Визуальная репрезентация женского тела в советской массовой культуре 30-х годов. – Интернет-ресурс. режим доступа: <http://mesogaia-sarmatia.narod.ru/dashkova01.htm>
- [6] Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
- [7] Конев В.П. Советская художественная культура периода 30–80-х годов XX века: теоретико-методологический анализ / Диссертация ... докт. культурологии. – Новосибирск, 2004. – 415 с.
- [8] Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 4-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 352 с.
- [9] Курбановский А.А. Венера Советская // Вопросы культурологии. – 2008. – № 3. – С. 64–67.
- [10] Лейдерман Н.А., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы. Т. 1. 1953–1968. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2006. – 416 с.
- [11] Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовом искусстве 1960–1980-х: ценностный аспект. – Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 389 с.
- [12] Труд // Великая страна СССР. – Интернет-ресурс. режим доступа: http://www.great-country.ru/content/sss_r_stat/

СРЕДА ОБИТАНИЯ

ОСМЫСЛЕНИЕ НООСФЕРЫ

УДК 911.3
ББК 26.8

М.В. Рагулина

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

С точки зрения интегральной теории рассматриваются особенности становления морфологического подхода в исследовании культурного ландшафта, его возможности и место в современной науке.

Ключевые слова:

географическая традиция, интегральная теория, культурная география, культурный ландшафт, морфологический подход.

Культурный ландшафт – одна из приоритетных тем мировой культурной географии, его исследованием занимается ряд крупных национальных научных школ и центров, а библиография по теме исчисляется десятками тысяч наименований. В настоящее время в западной науке преобладают, а в российской – появляются трактовки культурного ландшафта как выражения интересов элит, воплощения ценностей и мировоззрений различных групп общества [3; 9; 10; 25; 28]. Дискурс-анализ, «прочтение» ландшафтного текста, деконструкция его символов и значений, полистилистика – основные исследовательские доминанты постмодернистской географии. Тем не менее, с момента становления культурно – ландшафтного направления и по сей день в его пределах существует сильное морфологическое течение. Оно изучает материальную сторону культурного ландшафта – сочетание природных и культурных компонентов, пространственный рисунок объектов и их взаимоотношения.

Западная географическая наука в течение XX в. пережила несколько «революций»: пространственную, в версии Р. Хартшорна, с полным отрицанием термина «ландшафт» [22], количественную [23], субъективную [16], радикальную [8], постмодернистский «культурный поворот» [11]. Они отражали не только веяния научной моды, но и важные закономерности развития науки и общества, смещая исследовательские приоритеты и расставляя

новые акценты. В то же время «старая» морфологическая традиция не исчерпала себя, а продолжала развиваться, впитывая одни новинки и дистанцируясь от других. Поэтому логично предположить, что существуют «вечные», неподвластные моде вопросы, на которые эта традиция дает ответы.

Цель статьи – определить место морфологического подхода в ряду остальных направлений исследования культурного ландшафта, проследить его приоритеты, ограничения и факторы формирования. Осуществить это помогает интегральная теория К. Уилбера [31]. Она вызывает заинтересованный отклик в научном сообществе: несмотря на дискуссионность и существующую критику, ее популярность и количество работ, включая публикации по экологии, географии, территориальному планированию, проблемам города и устойчивому развитию, стремительно растут [12; 18; 19; 20]. По нашему мнению, теория имеет большой потенциал синтеза гуманитарно- и естественно- географических течений, который нуждается в дальнейшей разработке. Мы утверждаем, что подход позволяет локализовать сферы приложения и возможности морфологии культурного ландшафта, выстроить каналы коммуникации между разными научными направлениями.

Формы и функции ландшафта в национальных научных школах. В самом общем виде классический морфологический подход предполагал три шага: разделение

целостного культурного ландшафта на части, их аналитику и финальную «сборку» исследователем, который в результате данной индуктивной процедуры переходит на новый уровень знаний [27]. Он ориентирован на изучение развития, выделенные компоненты, формы и факторы анализируются в динамике. В большинстве работ сборника материалов XIX Международного географического конгресса «Морфогенез аграрных культурных ландшафтов» в 1961 г. [24] доминировал анализ и упорядочивание отдельных признаков, а затем уже выявление историко-географической периодизации культурных ландшафтов. Этот прием был применен в исследовании изменений английского ландшафта, где процесс природного и антропогенного характера – восстановление степной растительности, организация парков, рост городов, развитие промышленности и осушение болот – рассматривались по отдельности, чтобы в финале представить ареальную динамику в течение нескольких столетий [17]. Более скромный характер североамериканского вклада в морфогенетические исследования по сравнению с европейским Х. Принс [26, с.18] объясняет последствиями критики ландшафтной концепции школой Р. Хартшорна.

Принимая в расчет то, что один ареал осваивается несколькими сообществами, англоязычные представители морфологических школ ориентируются на поиск множества «слов» освоения, соответствующих временным срезам. Каждый слой содержит свои символы, ценности и смыслы. Подобрать «ключ» (код) к этим смыслам, ученый, стремясь реконструировать культурный ландшафт. Препятствие на этом пути – «прорастание» каждого слоя в соседний, его подвижность и зависимость от познающего субъекта. В итоге морфогенетической реконструкции получается «сплав» слоев, где метод «подбора ключей» не работает, а выявить можно лишь отдельные фрагменты.

Германоязычная ландшафтная школа подошла с другой стороны, фокусируясь на системных аспектах расселения, культуры и хозяйства. Теоретическим основанием стал эволюционный вектор, где морфологический подход как стадия развития географических идей предшествовал функциональному, а тот в свою очередь – структурному. Ф. Шафер, (а впоследствии и К. Руперт) предложили выделить основные потребности (труд, жилье, пропитание, образование, здоровье, транспорт, жизнь в сообществе) и попытаться для

каждой найти свое пространство [29]. Эти функциональные зоны, проекции потребностей, составляют, по замыслу исследователей, культурный ландшафт. Второй вариант немецкого морфологического подхода представлен работами В. Хартке, который стремился выделить социальные группы, «производящие» ландшафт. Морфофункциональное деление культурного ландшафта объясняется через цели и ценности пространственно локализованных групп [21]. Но каждое место откликается на множество функциональных запросов, выражает множество ценностей и в результате построение стабильных схем трудно достижимо.

И англо-, и германоязычная версии морфологии культурного ландшафта нацелены на выявление объективных признаков согласованности природных и социальных явлений, их анализ, фиксацию и классификацию. Как отмечал Д. Косгроу, морфологический анализ ландшафта «работает» на поверхностном уровне значности, но субъективные подходы, обеспечивающие его целостность, могут органично дополнять объективную составляющую [15, с. 16].

Сторонники пространственно-аналитической географии критикуют морфологическую ландшафтную школу за расплывчатость и нечеткость, а гуманитарии – за сухость и формализованность построений. В итоге, критика стимулировала расширение проблемного поля и большую проницаемость его границ: к рубежу XX столетия морфологические исследования культурного ландшафта имели выраженные векторы взаимодействия с ведущими мировоззренческими парадигмами географии. Неомарксистские и постколониальные подходы сходны с немецким функционализмом в том, что исследователь задается вопросом, чью версию истории (доминантных либо репрессированных сообществ, классов, меньшинства или большинства) представляют данные ландшафтные формы. Гуманистическая и постмодернистская география ввела в морфологические исследования субъекта с его ментальными репрезентациями и конструкцией ландшафта как обитаемого мира. Тем не менее, сердцевина подхода – объектные и интеробъектные конфигурации культурного ландшафта – остается неизменной.

Морфологический подход в интегральном исследовании культурного ландшафта. Интегральное исследование культурного ландшафта опирается на теорию К. Уилбера [31–33], который предложил

специфицировать области исследования любого феномена или процесса с помощью четырех квадрантов. Квадранты делятся на внутренние, внешние, индивидуальные и коллективные. Согласно интегральному подходу, каждое событие в мире имеет эти четыре измерения, которые отражают, как его переживает личность (верхний левый квадрант, «Я»- размерность), как его интерпретирует группа (нижний левый, «Мы»), что данное событие представляет с точки зрения объективных фактов (верхний правый, «Оно»), чем является в свете системных взаимосвязей (нижний правый, «Они»). (табл.1).

Культурный ландшафт, как феномен, сочетающий проявления природы, культуры, социума и личностного сознания, «распределен» соответственно квадрантам. Это подразумевает согласование, общение и координацию направлений исследования, где в каждом квадранте решаются только ему присущие задачи. Следовательно, лишается смысла спор о том, какой подход предпочтительнее: каждый из них незаменим в своем исследовательском контексте.

Все квадранты находятся в непрерывном взаимодействии, «тетраэволюционируют», в терминах К. Уилбера. Так, культурный ландшафт как система (нижний правый, «Они») охватывает взаимодействие и функции культурного и природного каркаса, пространственное выражение систем материального производства, социальной стратификации, власти. Все это влияет на ценностную сферу, вносит вклад в строительство модели культурно-территориальной идентичности группы, формирование ландшафтного дискурса и «текста» (нижний левый, «Мы»). Групповая идентичность и ландшафтный дискурс – основа социализации личности, становления ее жизненного мира, восприятия географической реальности, что проявляется в верхнем левом квадранте «Я». В свою очередь, специфика объектов, их локализация, динамика (верхний правый, «Оно») отражают, и до определенной степени влияют на социальные и культурные грани культурного ландшафта. Эти отношения взаимозависимости проявляются в том, что каждое культурное событие имеет свой коррелят в сознании и опыте личности, социальной и системной структуре и предметной среде.

Объектные (и морфологические в том числе) подходы располагаются в правых секторах табл. 1, отвечая задачам исследования материальной составляющей культурного ландшафта. Морфологический подход

к ландшафту предусматривает анализ распределения артефактов, объектов антропогенного и природного происхождения в пределах территориального выдела. Это могут быть архитектурные сооружения, инфраструктура, природные элементы и т.д. Морфологический подход ориентирован на отслеживание результатов совместной работы природных, социальных и культурных сил, формирующих материальность ландшафта. При этом сами социальные и культурные акторы, также как и движущие силы трансформации природной среды остаются за его рамками. Таким образом, ландшафт изучается как среда жизни различных социумов и субкультур.

Их развитие демонстрирует траекторию от наполнения пространства природного ландшафта-вместилища культурными артефактами к учету результатов деятельности возрастающего числа агентов изменений облика земной поверхности и сложным отношениям между ними. Тренд увеличения системных акцентов – характерная черта развития морфологического подхода, который в дополнение к вопросам объектного сектора включает интеробъектные грани культурного ландшафта.

Следующая закономерность – «гуманизация» объективных исследований в морфологическом ракурсе – может быть интерпретирована с учетом двух позиций исследования. В интегральной теории, как и в теории культурного ландшафта, существует разграничение участвующего (в терминах Д. Косгроу [15], точка зрения «Посвященного») и дистанцированного (точка зрения «Наблюдателя») исследований. Каждое из них, по сути, имеет дело с разными ландшафтами и затрагивает свой круг вопросов. Введение двух названных позиций в схему квадрантного распределения ландшафта порождает восемь методологически различных «зон» его исследования. Интересы данной работы касаются двух квадрантов и четырех «зон» (Табл. 2).

Участвующее исследование предполагает вовлечение личного опыта как ученого, так и изучаемых им людей. Это еще одна линия гуманизации, объясняющая включение «нематериальных» аспектов в научный ландшафтный дискурс.

С точки зрения интегральной теории, суперорганическая трактовка относительно жестко локализует культуру в интерсубъективном квадранте «Мы», а эпифеноменальная – в интеробъективном «Они». Проблемы с интерпретацией культурно-ландшафтной морфологии возникают из-за того, что упускается «тетраэволюция»

**Квадрантное «распределение» научных направлений
исследования культурного ландшафта**

	Внутренние (левые)	Внешние (правые)
Индивидуальные	<p>Субъективный «Я» Домен: Сознание Сфера приложения: субъективное осознание культурного ландшафта Направления: Гуманистическая география География жизненного мира Экзистенциальный ландшафт Геософия Перцепционные исследования культурного ландшафта Архетипическая география География и психоанализ Гештальтгеография</p>	<p>Объективный «ОНО» Домен: Природа Сфера приложения: культурный ландшафт как материальный объект, его «поведение» (морфология, динамика). Направления: Классические традиции культурландшафтных исследований: немецкая, французская, русская школы Школа ландшафтных исследований в Беркли (США) Британское историко-генетическое ландшафтоведение</p>
Коллективные	<p>Интерсубъективный «Мы» Домен: Культура Сфера приложения: культурный ландшафт - разделяемая группой реальность и конструкт Направления: Феноменология и герменевтика ландшафта Постструктурализм Дискурсивные исследования Конструктивизм Постмодернистская география Иконография ландшафта</p>	<p>Интеробъективный «ОНИ» Домен: Природа и системы Сфера приложения: культурный ландшафт - система в сети других систем. Направления: Марксистские подходы к культурному ландшафту Социогеосистемный анализ Пространственный анализ ландшафтных систем Теория структуризации Постколониализм Географический ситуационизм</p>

четырёх квадрантов, и барьеры между ними становятся непроницаемыми.

Естественное стремление к восстановлению баланса связано с логикой прогресса научного и философского знания. Отказ от включения социальной теории в методологию западной культурной географии в 1970-80-х гг. способствовал созданию «радикальной географии», основанной на неомарксистской интерпретации общества [14]. Внимание к личности и ее жизненному миру стимулировало появление гуманистического подхода [13; 30]. Морфологические исследования культурного ландшафта были дополнены фиксацией пространственных форм расового, гендерного, экономического неравенства и личными ментальными картами, репрезентирующими повседневный опыт взаимоотношения человека и ландшафта.

В России «культурно-ландшафтный ренессанс» стартовал сразу после объявления «Перестройки». К 1990-м гг., после отказа от марксистской теории как единственно правильной, параллельно с расширением

смыслового поля культуры, развиваются школы исследования культурного ландшафта. И если Запад «впитывает» гуманизм и марксизм, то отечественные исследования, в первую очередь, восполняют недостаток собственно культурных подходов. Этнокультурное ландшафтоведение, традиции локальных сообществ [6], информационные аспекты и проблемы исторической памяти [1; 2], становятся важными исследовательскими темами. Элементы «участвующего» исследования отражены в работе В.Н. Калущкова [7]. В.Л.Каганскому [4; 5] удалось состыковать пространство природного ландшафта со смысловым, политико-статусным и образным пространством культуры на базе морфологических идей. Традиционная для российской географии ориентация на сайентизм создает благоприятные условия для старта морфологических изысканий, но для того, чтобы быть в состоянии решать проблемы современности, они должны постоянно подпитываться субъектными, интересными и системными идеями.

**Четыре сферы объектных
и интеробъектных исследований
в культурном ландшафтоведении**

КВАДРАНТ	Позиция исследователя	
	ИЗНУТРИ «Посвященное» Участвующее исследование	СНАРУЖИ «Наблюдатель» Дистанцированное исследование
Верхний правый	Ландшафт как практическое воплощение личностных цен- ностей	Объекты, компо- ненты и акторы ландшафта, их поведение и морфо- логия локусов
Нижний правый	Переживание роли ландшафта – сети систем в жизни людей и природы. Функ- ции ландшафтов повседневности в опыте человека	Как системы «рабо- тают» в ландшафте, как функциониру- ют их механизмы? Картографирова- ние, фиксация и параметризация систем культурного ландшафта

Морфологический подход к культурному ландшафту – необходимая часть его исследования, основа, на которую накладываются опыт личности, культурные и социальные практики, работа систем. Морфологические паттерны ландшафта складываются под влиянием комплекса факторов, которые коррелируют со стадиями развития социума, культуры и общества.

Четыре квадранта интегрального подхода описывают четыре «языка», на которых «говорит» ландшафт. Морфология культурного ландшафта – преимущественно язык верхнего правого, объектного сектора. Здесь можно получить информацию

о функциональном зонировании, облике, структуре, «рисунке». Но такая информация не дает целостной картины жизни ландшафта, она нуждается в дополнении пространственных структур культурными значениями, пониманием работы социальных и экономических систем, и, наконец, индивидуальным восприятием и личностным опытом проживания ландшафта.

Роль морфологического подхода и его сила в том, что он:

– позволяет выявить, зафиксировать специфику и рисунок материального облика ландшафта, создать (описать) его пространственный «портрет». Точное, максимально безоценочное воспроизведение существенных черт ландшафтов позволяет выйти на повторяющиеся паттерны и референсы. Идеал позитивистской географии – свобода от личностных оценок и стремление к научной объективности, конечно же, не может быть достигнут в полной мере, но морфология предполагает сциентистскую доминанту, говоря на языке «ОНО». Это необходимая стартовая позиция любого ландшафтного исследования.

– создает предпосылки «наполнения» полученного каркаса системными взаимосвязями, групповыми культурными значениями, личностными смыслами, что позволит интерпретировать и понять ландшафт как живую целостность, «сфотографированную» морфологическим подходом в один из многих моментов бытия.

Серия таких «моментальных снимков», где на фоне материальной среды разворачиваются «Я», «МЫ», «ОНИ» – домены ландшафтных смыслов, феноменов и процессов, дает траекторию развития культурного ландшафта, как эволюционирующей целостности.

Список литературы:

- [1] Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. «География». – 1990, № 5. – С. 5–17.
- [2] Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. «География». – 2001, № 1. – С. 7–14.
- [3] Каганский В. А. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. – 2009, № 1. – С. 62–70.
- [4] Каганский В.А. Национальная модель культурного ландшафта // Гуманитарная география. Вып.б. – М.: Институт Наследия, 2010. – С. 293–296.
- [5] Каганский В.А. Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты // Международный журнал исследований культуры. – 2011, № 4 (5). – С. 26–40.
- [6] Калущков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тем. вып. докл. – М.– Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 6–13.
- [7] Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
- [8] Николаенко Д.В. Гуманистическая география Запада: критический анализ: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Л.: ЛГУ, 1983.
- [9] Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. – Иркутск Изд-во Института географии им. В.Б.Сочавы СО РАН, 2005. – 173 с.

- [10] Antrop M. From holistic landscape synthesis to transdisciplinary landscape management // From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application. – New York: Springer, 2005. – P. 27–50.
- [11] Barnes T.J. Rethorising economic geography: from the Quantitative revolution to the “Cultural turn” // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 91. – 2000, № 3. – P. 546–565.
- [12] Brown B. Theory and Practice of Integral Sustainable Development. An Overview, part 2: Values, Developmental Levels and Natural Design // AQAL Journal. Vol. 1. – 2005, № 1, № 2.
- [13] Buttner A. Grasping the dynamism of life world // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 66. – 1976, № 3. – P. 277–292.
- [14] Cosgrove D. Towards a radical cultural geography: problems of theory // Antipode. Vol. 15. – 1983, № 1. – P. 1–11.
- [15] Cosgrove D. Social formation and Symbolic Landscape (2 -nd edition). – Madison: Wisconsin Univ. Press, 1998.
- [16] Cunningham F. The revolution in landscape science // Geographical Series. – Vancouver, 1977, № 25.
- [17] Darby H. C. The changing English landscape // Geographical Journal. – 1951, vol. 117. – P. 377–398.
- [18] Eddy B. G. Integral Geography: Space, Place, and Perspective // World Futures. Vol. 61, – 2005, № 1–2. – P. 151–163.
- [19] Esbjörn-Hargens S. Zimmerman M. Integral Ecology: Uniting Multiple Perspectives on the Natural World. – New York: Random House / Integral Books, 2009.
- [20] Hamilton M. Integral City: Evolutionary Intelligences for the Human Hive. – BC: New Society Publishers, 2008. – 352 p.
- [21] Hartke W. Die sozialbrache als Phänomen der Geographischen Differenzierung der Landschaft // Erdkunde. – 1956, Bd. X. H.4. – S. 257–269.
- [22] Hartshorne R. The nature of geography – a critical survey of current thought in the light of the past // Association of American Geographers, Pennsylvania. – 1939.
- [23] McGowin D. Cultural Landscape / Encyclopedia of Geography. – London: Sage Publications, 2010. Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.sage-ereference.com/geography/Article_n243.html (05.04.2011)
- [24] Morphogenesis of the Agrarian cultural landscape // Papers of the Vadstena Symposium at the XIXth International Geographical Congress / Geografisker Annaler. – Vol. 43. – 382 p.
- [25] Muir R. Approaches to Landscape. – London: MacMillan Press, 1999.
- [26] Prince H. Real, imagined and abstract worlds of the past // Progress in Geography. International reviews of current research. Vol.3. – London: Edvard Arnold, 1971. – P. 1–86.
- [27] Sauer K.O. The morphology of landscape // University California Publ.: Geography. – 1925, № 2. – P. 19–53. – Reprinted in: Human geography. An essential anthology. – Oxford: Blackwell publishing, 1996. – P. 296–315.
- [28] Schein R.H. The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 87. – 1997, № 4. – P. 660–680.
- [29] Thomale E. Sozialgeographie. Eine disziplingeschichtliche Untersuchung zur Entwicklung der Antropogeographie / Marburger Geographische Schriften, Helf 53. – Marburg: Lann, 1972.
- [30] Tuan Y-Fu. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 66. – 1976, № 3. – P. 266–276.
- [31] Wilber K. A Brief History of Everything. – Boston and London: Shambhala, 1996.
- [32] Wilber K. Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy. – Boston : London: Shambhala, 2000.
- [33] Wilber, K. Introduction to Integral Theory and Practice: IOS Basic and the AQAL // AQAL Journal. Vol. 1. – 2006, № 1.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

УДК 911
ББК 26.8

Ю.Н. Гладкий, А.Д. Тимофеев

«ЖАРКОЕ ЛЕТО – 2010» В РОССИИ: О ПОИСКЕ ПРИЧИН И... КЛИМАТИЧЕСКОМ ОРУЖИИ

Рассматриваются возможные причины и версии аномально жаркого лета в России в 2010 г. Констатируется, что современная наука о глобальном климате не в состоянии дать четкие ответы на сущность многих происходящих в климатической системе процессов и изменений. Подчеркивается несостоятельность ангажированных версий о климатическом оружии.

Ключевые слова:

блокирующий антициклон, жара 2010 года, засуха, климатическая аномалия, климатические циклы, климатическое оружие, потепление климата.

Тезис о подверженности глобального климата активным процессам «разбалансирования» сегодня уже мало у кого вызывает неприятие. Неразумно отрицать тот факт, что за последние десятилетия действительно имел место некоторый рост средней температуры поверхности Земли и участились стихийные бедствия. Но вот в какой мере причастен к процессам «разбалансирования» климата человек – наука пока не может прийти к приемлемому для всех мнению. С одной стороны, развитие технологий, основанных на «добавляющей» энергетике, вносит «коррективы» в газовый состав атмосферы, и человеческий фактор все чаще ассоциируется с «геологической силой» и т.д. С другой стороны, достаточно веские аргументы выдвигают и те, кто связывает эти процессы в первую очередь с длинными климатическими циклами, в соответствии с которыми за потеплением неизбежно последует похолодание.

Приходится с сожалением констатировать, что наука о глобальном климате не «безгрешна». Нередко она превращается в бизнес, в котором отдельные коллективы ученых соперничают за получение финансирования, а источником финансирования нередко оказываются организации, заинтересованные в определенных результатах. В результате – появляются «демоны»,

поскольку многие закономерности современного глобального климата все еще остаются «тайной за семью печатями», а человечество в целом, и наука в частности, не в состоянии дать четкие ответы на многие принципиальные вопросы:

– каковы параметры моделей температурных аномалий на Земле (с обязательным учетом достоверной информации об исторической динамике температуры Мирового океана и стратосферы)?

– какова истинная роль влияния на глобальный климат человека и длинных климатических циклов по отдельности?

– является ли накопление углекислого газа причиной (тем более, «исчерпывающей») изменения температуры приземного воздуха?

– если роль человеческого фактора существенна, то какова в нем доля так называемого «парникового эффекта» и какова – теплового загрязнения среды?

– в чем состоит истинная роль вулканической активности в изменениях глобального климата?

– каковы реальные уровни концентрации парниковых газов и прежде всего CO₂?

– во что обойдется человечеству снижение выбросов парниковых газов в атмосферу и сможет ли оно достигнуть целей Киотского протокола? и т.д.

Ведущие эксперты мира в поисках причин все более настойчиво педалируют мысль о неблаговидной деятельности человека, связанной «мусорной» цивилизацией, запредельной ресурсоемкостью и энергоемкостью глобальной экономики, хищнической вырубкой лесов (в т.ч. влажных экваториальных), эрозией почвенного покрова, обеднением видового состава биосферы и, конечно, выбросом парниковых газов. Высказывается точка зрения, в соответствии с которой продолжать все списывать на длинные климатические циклы и обличать киотских «заговорщиков» – дело бесперспективное. Во многих случаях «*Homo sapiens*» в состоянии действовать на опережение в соответствии с его компетенцией: более интенсивно использовать недобавляющие, альтернативные источники энергии, уменьшать выброс парниковых газов (пользы от которых уж явно нет!), максимально утилизировать отходы производства и быта, не разрушать регенерационные механизмы биосферы и т.д.

Крайне неприятным «сюрпризом» для жителей нашей страны и, в частности, научной общественности, стало «жаркое лето – 2010», сопровождавшееся массовыми природными пожарами и унесшее жизни тысяч россиян (см., в частности, [1; 2; 4; 5; 7; 8; 12; 13; 14; 15] и др.). Внятного ответа на вопрос, какова же природа аномально высокой температуры того лета до сих пор нет. Согласно данным Гидрометцентра РФ, средняя температура воздуха за первое полугодие 2010 г. на территории Европейской части РФ оказалась самой высокой за все время инструментальных метеорологических наблюдений. Здесь более месяца удерживались ежедневные температуры воздуха более 30°C. На обширной территории (Поволжье, Оренбургская, Челябинская, Пензенская обл., Татарстан, Башкирия, Марий-Эл, Удмуртия и Мордовия, Ставрополье, Кубань, Северный Кавказ и Калмыкия, Карелия и Коми, Вологодская, Костромская, Тверская, Тульская, Владимирская, Орловская, Кировская, Курская, Тамбовская, Смоленская, Липецкая, Белгородская, Брянская, Московская, Воронежская, Рязанская, Ростовская, Архангельская обл.) в течение июля многократно были превышены максимумы температуры воздуха за сутки, которые достигали 40°C и выше.

Многие западные эксперты связали упомянутую природную аномалию с феноменом так называемых *волн Россби* – мощнейших термогидродинамических явлений (открытых еще в 1940 г. шведско-

американским метеорологом Карлом-Густавом Арвидом Россби), образующиеся в атмосфере умеренных широт и направляются с востока на запад. Считается, что именно волны Россби (иногда именуемые континентальными шельфовыми волнами) играют важнейшую роль в формировании термогидродинамики океана и атмосферы, циклонов и антициклонов на суше. В основном они формируют движения вод океана в горизонтальном и вертикальном направлениях. Горизонтальные движения создают океанские течения, среди которых Гольфстрим, Куроисио, мощные экваториальные течения. Вертикальные движения перемешивают глубинные воды с поверхностными, создавая тем самым такие явления, как апвеллинг–даунвеллинг, Эль-Ниньо – Ла-Нинья, тайфуны и т.д.

Волны Россби «имеют периоды от недели до пяти недель, скорости распространения от нескольких сантиметров до метра в секунду, длину от 100 до 1500 км, а скорости орбитальных движений частиц воды в волне, фактически течений, от десятка сантиметров в секунду до 2,5 м/с. Считают, что крупномасштабные течения сформированы волнами Россби за счет передачи их энергии течениям» [3, с. 29].

В данном случае важно отметить то обстоятельство, что именно волны Россби, *резко усилившиеся* в начале лета 2010 г., по мнению западных авторов, способствовали образованию *блокирующего антициклона*, в результате которого над территорией РФ образовалась область устойчивого высокого давления, которая удерживала массы знойного и сухого воздуха, не давая им перемещаться. Этот «затор» не позволял пройти над европейской частью России и холодным воздушным массам из Сибири. (В результате они стали перемещаться на юг, к Пакистану, где столкнулись с тёплым атмосферным фронтом. В итоге все обернулось мощными вьюгами и наводнениями для этого южноазиатского государства).

Часть специалистов в качестве основного фактора, спровоцировавшего трагедию-2010, называет *космическое влияние*. Так, по мнению заведующего лабораторией планетарной циркуляции атмосферы и гелиогеофизических исследований Гидрометцентра РФ Н. Сидоренкова, «аномальная жара, зафиксированная... в европейской части России, на самом деле является проявлением циклических колебаний земной атмосферы, обусловленных приливным воздействием Луны» [14]. Приливные силы Луны, воздействуя на атмосферу, «поднимают» и «опускают» её, что, в

свою очередь, влияет на условия образования облачности. В результате аномальные годы следуют друг за другом с интервалом в 35–36 лет. «Так, аномально жаркий 1972 год коррелирует с 1938 годом. Погода меняется в такт экстремумам приливных колебаний», – резюмирует Сидоренков [14].

С одной стороны, имеющиеся данные, действительно, позволяют объяснить погоду в России летом 2010 г. последствием очередной точки экстремума (хотя прошло и несколько больше 38 лет); но с другой – если и можно проследить влияние Луны, то делать это следует скорее на глобальном, а не региональном уровне. И в целом: влияние космического фактора (в т.ч. лунного) на протекающие в земной атмосфере процессы хотя и бесспорно, но тезис о *строгом чередовании* экстремальных состояний погоды не может считаться полностью доказанным.

Некоторые авторы в качестве причины выдвинули теорию так называемого «*биения*» колебаний, являющуюся парциальной частью учения о климатических циклах. Иными словами, речь шла о резонансе, вызванном наложением двух фаз крупных циклов температурных колебаний, связанных с солнечным годовым циклом (365 дней) и лунным (355). В упрощённом виде это выглядит как наложение максимальных амплитуд температур двух этих циклов, и в итоге результирующая амплитуда годовых колебаний температуры воздуха оказывается катастрофически большой. Гравитационное влияние Луны объясняется тем, что приливы, вызванные ею, оказывают влияние на облачность в атмосфере. «Взаимодействие гравитационных эффектов Луны с радиационными условиями в атмосфере (из-за изменения количества облачности) создают колебания суточных аномалий температуры воздуха с лунными периодами и с амплитудами, зависящими от физико-географических условий местности» [15, с. 192].

Сторонники данной версии ссылаются на тот факт, что при сближении фаз солнечного и лунного цикла амплитуд температур результирующая достигает своего аномального максимума, при расхождении – минимума. В качестве доказательства приводится мнение о том, что тридцатые, семидесятые годы XX в. и первое десятилетие XXI в. отличались холодными зимами и засушливыми тёплыми сезонами, а в пятидесятые и девяностые годы XX в. морозы и засухи происходили реже обычного.

Известно, что существуют и другие более мелкие циклы колебаний, из-за

которых общие колебательные циклы загущиваются. Так, происходит некоторый «разброс» лет с жаркими и холодными сезонами, и кажется, что экстремумы температур происходят случайным образом. Например, так было в 70-е гг., когда, наряду с 1972 г., число жарких летних сезонов возросло, и они наблюдались в 1975, 1979 и 1981 гг., а холодные зимние в 1969, 1972, 1976 и 1978/79 гг. Учащение экстремально жарких, как и холодных сезонов, происходило и в первом десятилетии XXI в. Так, по имеющимся расчётам, максимальная результирующая амплитуда солнечно-лунных циклов пришлось на 2007 г., но необычно жаркие сезоны наблюдались в 2002, 2007, 2010 и 2011 гг., а морозные зимы – в 2002, 2006, 2010 и 2011 гг. Такая же тенденция наблюдалась в предыдущую фазу в 30-е гг. XX в., когда вокруг центра – 1937 г. – два жарких и засушливых сезона пришлось на 1936 и 1938 г. Ещё одним аналогом соответственно в этом ряду является 1901 г. [15].

Таким образом, вырисовывается последовательность, связанная с 35-летним «биением» температуры воздуха: 1901, 1936/1938, 1972 и 2002/2010 гг. А «в 2010 г. к этому эффекту прибавились ещё эффекты удвоенного Метоннова 19-летнего цикла (аналог 1972 г.), 8-летнего субцикла октаетерис (в августе и сентябре 2002 г. на Европейской территории России тоже горели торфяники и леса), 29-летнего цикла инекс (лето 1981 г. на указанной территории было жарким и засушливым) и других менее значимых лунных циклов. В 2010 г. фазы этих циклов совпали, амплитуды сложились, и поэтому результирующая амплитуда достигла катастрофических значений» – утверждают работники Гидрометцентра РФ [15, с. 198].

Среди различных точек зрения, объясняющих природу «жаркого лета», обращает на себя внимание достаточно «экзотическая» позиция авторов, связывающих аномалию с применением «некими» странами так называемого «климатического оружия» (см. [1; 6; 8] и др.). Некоторые военные и гражданские метеорологи и радиофизики после случившейся катастрофы склонны утверждать, что аномальная жара и множество пожаров на территории России – результат не «стихий и безалаберности-безответственности», а «этапных скрытных испытаний»... климатического оружия США. Высказывается мнение, что базами применения такого оружия могли стать сверхмощная РЛС наклонного зондирования ионосферы на Аляске, аналогичная РЛС в Норвегии и РЛС с вероятным

базированием в Гренландии. Предполагается, что США располагают также геофизическим и космическим оружием, способным вызывать нагрёв и подвижки земной коры и цунами, формировать ураганы и т.п. [8].

В качестве фактов, наводящих на мысль о применении США «климатического оружия», приводились: беспрецедентное в новейшей истории одновременное зависание над Европейской частью России гигантского циклона, «всасывавшего» раскаленный воздух из Центральной Азии и Средиземноморья; ощутимый диспаритет плюсовых температур между Москвой и Варшавой, Берлином, Парижем и т.д.; выведение на околоземную орбиту американского беспилотного космического корабля, способного нести мощное лазерное оружие на борту и т.д.

И теоретически, и практически проблема использования высоких технологий для частичного изменения земного климата сегодня представляется вполне реальной. Такие технологии, способные влиять на естественный ход природных процессов, ассоциируются, прежде всего, с американской программой «High-frequency Active Auroral Research Program» (HAARP), в основе которой находится система электромагнитных излучателей, направленных на изучение процессов в ионосфере. Система состоит из 360 радиопередатчиков и 180 антенн, расположенных на территории в 14 гектаров (вблизи Анкориджа на Аляске). К этому следует добавить, что, несмотря на неоднократно декларировавшийся «мирный» характер этой программы, она находится в ведении Управления военно-морских исследований (Office of Naval Research) и финансируется Исследовательской лабораторией ВВС США (Air Force Research Laboratory).

И все-таки, надежных, корректных с научной точки зрения, данных, подтверждающих причастность США к климатическому бедствию летом 2010 г. на территории РФ, нет.

Во-первых, не трудно привести имена авторов (которых трудно заподозрить в связи с военными службами США), довольно точно спрогнозировавших схему летней аномалии в России, задолго до происшедшей трагедии. В этом же ряду находятся многие вебсайты Интернета и экспертные оценки НАСА летней климатической ситуации, появившиеся за полгода и ранее до аномального жаркого лета в России. (Более того, и российские специалисты ещё пару лет до трагедии предупреждали о грядущем

усилении экстремальных проявлений природно-климатических явлений на территории России).

Во-вторых, утверждать, что «жаркое лето» в России 2010 г., разрушительное цунами в Юго-Восточной Азии и ураган КАТРИНО в США имеют одинаковую природу, обусловленную «стрельбой» радиоимпульсами РЛС в расчётную зону ионосферы с параллельным использованием переотражающих спутниковых космических антенных полей и специализированных (дистанционно поджигающих) лазеров космического базирования с геостационарными орбитами, – значит подозревать ЦРУ и военное ведомство США в антиамериканской деятельности с непредсказуемыми последствиями. Попытка объяснить возникновение урагана КАТРИНО сбоем работы РЛС «НААРП» [1] выглядит явно несерьёзной. (Кстати, 2010 год стал самым теплым не только в России, но и на планете за всю 130-летнюю историю метеонаблюдений; в мае в Пакистане был зафиксирован тепловой рекорд в 53,5 градуса Цельсия, а в сентябре в Лос-Анджелесе – до 45 градусов, что мало «вяжется» с деятельностью РЛС на Аляске).

В-третьих, нельзя не отметить, что специалисты, рассматривающие версию о климатическом оружии всерьёз, готовы трактовать любые природные катастрофы последнего времени в пользу своей версии. Можно подумать, что природные и климатические катаклизмы вообще не имели бы шанса случиться, если не было бы подобного оружия. Напрашивается естественный вопрос: как же раньше природные катастрофы обходились без этого?

В-четвертых, опираться при исследовании столь сложной проблемы на мнения «очевидцев» из Интернета, якобы ставших свидетелями ночных «всполохов молниевидного и без грома странного сияния неба в регионах аномальной жары» и даже «невидимого лазерного ИК(?)-луча поджигающего спутника» – тем самым, пополнять ряды очевидцев НЛО, инопланетян, «йети» и т.д.

В-пятых, в американской прессе неоднократно появлялись материалы, авторы которых обвиняли, напротив, Россию в ведении «погодных войн». Речь, в частности, шла об «организации» ряда мощных ураганов у юго-западного побережья США в 2005 г. (когда был затоплен Новый Орлеан), а также невероятно сильных морозов на Украине в 2006 г. (когда украинской стороной затягивались переговоры о цене на природный газ). Кроме того, этот сюжет

отсылает нас к 80-м гг., когда опять же американские СМИ писали о существовании советской системе «управления погодой» под названием «Дятел». Так, применением этой системы объяснялась продолжительная засуха в Калифорнии в эти годы. Однако это прозвище – «Дятел» было дано на западе системе советских радиолокационных станций за специфический звук, издаваемый в эфире. Кажется, что образ советского «климатического оружия» на основе этого был «склеен» прессой, использующей доступные разрозненные разведданные военных. («Масла в огонь» добавил некий американский писатель Т. Бердена, в своей книге-мистификации в 1986 г. описавший советскую систему «Дятел», специальный стук которой, передаваемый на определённых частотах, накрывает Америку электромагнитным полем [10].

В-шестых, версия о причастности специальных служб США к природному бедствию на территории РФ летом 2010 г. зиждется на представлении о том, что такого жаркого лета в России не было со времён Рюрика, то есть за последнюю тысячу лет, а по оценке главы Гидрометцентра РФ Р. Вильфанда, подобной жары, возможно, не случилось вообще пять тысяч лет. Но, история регулярных метеонаблюдений насчитывает не более 200 лет, в то время как утверждает глава Гидрометцентра позволяет думать, что этой истории аж пять тысячелетий [11]. Где же здесь научная корректность главного синоптика страны?

В конце концов, во многом похожие климатические аномалии уже случались в России – в первую очередь, в 1972 г. (по продолжительности отсутствия осадков лето этого года обгоняет даже анализируемое). При этом даже если некоторые номинальные физические показатели и не превышали достигнутых максимумов лета 2010, то по схожести их проявления и масштабу последствий от стихии они соразмерны (о чём свидетельствуют исторические данные).

Версию использования климатического оружия, на наш взгляд, аргументировано отверг акад. РАН Ю.В. Израэль. «Насколько мне, как ученому, известно, отечественные специалисты не занимаются подобными экспериментами. Что касается других стран, которые бы проводили опыты по изменению климата в России, то я не верю в реальность таких разработок. Во-первых, энергетические возможности человечества в тысячи раз меньше даже небольших климатических событий. Извержение всего лишь одного не самого большого вулкана сравнимо со взрывом сотни ядерных

бомб. А уж чтобы удерживать антициклон над конкретной территорией в течение двух месяцев, не хватит всего накопленно-го человечеством ядерного оружия, даже если бы придумали, как именно его использовать в данном случае. А во-вторых, те же США, как наиболее мощная в мире держава, сами не в состоянии справиться с собственными ураганами и прочими бедствиями. Если они могли бы вызывать аномалии, подобные... лету-2010 г. в России, то почему тогда не могут совладать со своими катаклизмами? Короче, я полностью исключаю версию об испытании некоего климатического оружия» [7].

Вывод, напрашивающийся в этой связи, свидетельствует о том, что объяснение причин прошедшей трагедии исключительно просками «врагов России» оставляет обществу слишком мало шансов для выработки внятной национальной стратегии в области климатической безопасности.

Итак, исходя из анализа существующих гипотез происхождения «жаркого лета – 2010», наиболее убедительно выглядит версия блокирующего антициклона (так называемого «блокинга»). Он сформировался в конце июня и, продержавшись 55 дней, распался в середине августа. Обычно блокирующие антициклоны возникают на 3–5 суток, 1% таких явлений дотягивает до длительности 15 суток. А длительностью в 2 месяца, кроме антициклона 2010 года известен антициклон 1972 года, также известного по своей аномально сильной засухе.

В различных работах, посвящённых исследованию явления «блокирующих антициклонов», приводится несколько видов этого явления, основанных на количественных характеристиках. Но, не смотря на различия в количественных показателях, все эти работы согласуются в качественном отношении. Т.е. прослеживаются одни и те же закономерности в возникновении блокирующих антициклонов. Например, выяснено, что эпизоды секторного блокирования над Европой с продолжительностью 5 дней и более случаются чаще, чем где-либо ещё. Это связано с рельефом, распределением моря и суши и снежного покрова. Выявлена также связь частоты возникновения блокингов и их продолжительности от фазы Южного колебания. Так, наблюдается повышение повторяемости блокингов в годы Ла-Нинья в сравнении с Эль-Ниньо (и общее их увеличение в сравнении с нейтральными годами) в Северном полушарии и, наоборот, – в Южном. Что касается жары 2010 г., то эта закономерность находит своё под-

тверждение. Весной 2010 г. завершилась фаза Эль-Ниньо, и необычно рано наступил переход к Ла-Ниньо.

Выявлена также связь между возникновением блокирующих антициклонов и содержанием озона в атмосфере, возникновением так называемых озоновых «мини-дыр». Одни авторы исходят из того, что их образование – первичный фактор, влиянием которого происходит следующим образом: разрушение озонового слоя приводит к тому, что солнечное излучение, поглощаемое до этого озоном, проходит в тропосферу, нагревая приземный воздух. В свою очередь, нагрев воздуха приводит к уменьшению давления и в эту область пониженного давления затягивает воздух из областей с высоким давлением – например, антициклоны с юга [4]. Исследования других авторов свидетельствуют об обратном: атмосферный блокинг, являющийся причиной жары, приводит к возникновению озоновых мини-дыр [4, с. 13].

Данные исследований последних лет подтверждают тезис о том, что количество

гидрометеорологических аномальных явлений в XXI в. будет неуклонно возрастать, а это означает, что изменение температурного, циркуляционного и гидрологического режимов отразится, в свою очередь, на характере и частоте атмосферных блокингов. «Согласно модельным оценкам, при глобальном потеплении следует ожидать увеличения в первую половину года над континентами количества блокингов, их общей продолжительности, среднего времени жизни и интенсивности» [13, с. 44]. Согласно существующим моделям, ожидается учащение весенне-летних засух на Европейской территории России и т.д.

Увы, имеющиеся методы, основанные на модельных расчётах потепления климата в XXI в., пока не позволяют делать долгосрочные прогнозы повторения «жаркого лета – 2010». Атмосферные процессы, способные привести к возникновению блокирующих антициклонов или повышающие уровень риска их возникновения, можно учесть в краткосрочной и, в лучшем случае, среднесрочной перспективе.

Список литературы:

- [1] Антироссийский антициклон // Президент. – 2010, № 12 (19.08.2010).
- [2] Астафьева Н.М. Возможные причины горячего российского лета 2010 // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. Т.8. 2011, № 3. – С. 223–243.
- [3] Бондаренко А.А., Жмур В.В. Настоящее и будущее Гольфстрима // Природа. 2007, № 7. – С. 29–37.
- [4] Володин Е.М. О природе некоторых сверхэкстремальных аномалий летней температуры // Анализ условий аномальной погоды на территории России летом 2010 года. Сб. докладов совместного заседания Президиума Научно-технического совета Росгидромета и Научного совета РАН «Исследования по теории климата Земли». – М.: ТРИАДА ЛТД, 2011.
- [5] Гладкий Ю.Н. Кто меняет глобальный климат: homo sapiens, природа или... шарлатаны от науки? // География в школе. – 2010, № 6. – С. 3–11.
- [6] Ивашов А. Климатическое оружие: блеф или реальность? // Военно-промышленный курьер. – 2010, № 35 (351).
- [7] Израэль Ю.В. Климат можно держать под контролем // Вечерняя Москва. – 2010, 11 ноября.
- [8] Калугин Ф. Россия в огне. Климат как оружие. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://video.yandex.ru/users/woodyalex/view/255> (27.02.2011)
- [9] Кара-Мурза С. Засуха 2010 – третий экзамен // Русский обозреватель. – 2010, 5 августа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://rus-obr.ru> (05.08.2010)
- [10] «Климатическое оружие» США и русский «Стук дятла». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.inomnienic.ru/debate/1933/> (06.08.2010)
- [11] Левашов Н.В. Интервью // Президент. – 2010, № 17 (23 августа).
- [12] Мещерская А.В., Мирвис В.М., Голод М.П. Засуха 2010 г. на фоне многолетнего изменения засушливости в основных зерносеющих районах европейской части России // Труды Главной Геофизической Обсерватории им. А.И. Воейкова. Вып. 563. – СПб.: ООО РИФ «ДАРТ», 2011. – С. 94–122.
- [13] Мохов И.И. Аномальное лето 2010 года в контексте общих изменений климата и его аномалий // Анализ условий аномальной погоды на территории России летом 2010 года. Сборник докладов совместного заседания Президиума Научно-технического совета Росгидромета и Научного совета Российской академии наук «Исследования по теории климата Земли». – М.: ТРИАДА ЛТД, 2011.
- [14] Сидоренко Н.С. Аномальная жара была вызвана воздействием Луны. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gian.ru/science/20101018/286904786.html> (18.10.2010)
- [15] Сидоренков Н.С., Сумерова К.А. Причины аномально жаркого лета 2010 года на европейской территории России // Труды Гидрометцентра России. – 2011, вып. 346. – С. 191–205.

О НОВОМ КОМПЛЕКСНОМ МЕТОДЕ РЕКОНСТРУКЦИИ КЛИМАТОВ И ПРОГНОЗИРОВАНИИ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В БУДУЩЕМ

Представлен принципиально новый метод реконструкции климатов прошлого и прогнозирования изменений климата в будущем, который основан на использовании данных метода спорово-пыльцевого анализа, современных метеоданных и данных о солнечной активности. В основе этого метода лежит использование «Индексов сходства» (Similarity Indexes). Индексы сходства рассчитываются для таксонов зонального уровня («Общий состав»), для доминантов и содоминантов пыльцы, спор растений в составе спорово-пыльцевых спектров в отложениях любого генезиса и возраста. По индексам сходства объективно прослеживается связь между компонентами ископаемых и современных спорово-пыльцевых спектров, и, следовательно, между растительностью прошлого, современной растительностью и климатом. Предлагаемый новый метод позволяет реконструировать основные элементы климатов прошлого и отклонения их основных элементов от элементов современного климата. Прогноз климата может быть дан для любого района исследований путём использования реконструированных основных элементов климата, современных метеорологических данных и данных о солнечной активности, выраженной в числе Вольфа (W).

Ключевые слова:

главные элементы климата в прошлом, индекс сходства (SI), ископаемые спорово-пыльцевые спектры, рецентные спорово-пыльцевые спектры, растительность зонального уровня, современные метеоданные, солнечная активность, спорово-пыльцевой анализ, фитохрон, числа Вольфа (W).

По основным элементам климата, реконструированным нами для последних 10500 ± 140 лет ВР, выявлены следующие очень важные закономерности:

(1). Более теплые, чем в XX в., зимние сезоны прослеживаются в этом регионе в первую половину голоцена – с 10500 ± 140 лет и вплоть до 5720 ± 60 лет ВР. Отклонения по всем реконструированным элементам климата в этот длительный период времени – отрицательные (табл. 5*).

(2). Во вторую половину голоцена, начиная с 5720 ± 60 лет ВР, климатическая ситуация меняется: климат становится, с одной стороны, более теплым в сравнении с первой половиной голоцена, а с другой стороны, менее устойчивым. В климатический оптимум, который приходился в этом регионе на суббореальный период голоцена – 3660 ± 60 лет ВР – ситуация изменилась в корне: летние сезоны стали более теплыми относительно летних сезонов XX-го столетия: TVII достигала 13,5°C (12,3°C); сумма положительных температур за (VI) VII–IX месяцы также возрастает до 921°C (837°C); количество осадков за год возросло до 383 мм (348 мм); зимние сезоны стали более холодными в сравнении с зимними сезонами 20-го столетия: TI достигали –37,2°C (–33,8°C); среднегодовые температуры

были более низкими в сравнении с XX-м столетием: –14,7°C (–13,4°C). Отклонения по всем реконструированным элементам климата в это время – положительные.

(3). Более холодным, чем в XX в. летним сезонам сопутствовали более теплые зимы; более теплым, чем в XX в., летним сезонам сопутствовали более холодные зимы (ср. данные табл. 5). Установленная связь представляет собой как бы «два крыла» единого природного процесса. Эти своеобразные «крылья» были достаточно устойчивы в первую половину голоцена – 10500 ± 140 лет ВР – 7040 ± 60 лет ВР. Во вторую половину голоцена, начиная с 5720 ± 60 лет ВР, устойчивость «крыльев» природного процесса как бы колеблется, что отражает колебания климата в интервале времени 5720 ± 60 лет ВР – 500 ± 60 лет ВР (1400–1470 гг. н.э.) – современность (табл. 5**).

В период инструментальных наблюдений климатическая система Арктики в целом иллюстрирует резко выраженную вариабельность годовых, десятилетних и многолетних масштабов [34]. Важным, но не единственным источником этой вариабельности является Северная Атлантическая Осциляция (The North Atlantic Oscillation, NAO), которая представляет собой взаимное усиление и ослабление Азорского максимума и Исландского минимума давления [34, с. 291–292]. В последнее время значительное внимание

* Окончание. Начало – см. № 2, с. 203–212.

** Табл. 5 – см. № 2, с. 210.

уделяется Арктической Осцилляции (The Arctic Oscillation, АО), которая представляет собой вариабельность месячного давления над уровнем моря севернее 20° северной широты. Арктическая осцилляция имеет центр действия преимущественно в Арктике, концентрируясь у Исландского минимума и в противоположных центрах действия в бассейнах Атлантики и Пацифики. Эта осцилляция может быть интерпретирована как осцилляция атмосферных масс между Арктикой и средними широтами, ассоциируясь с усилением или ослаблением полярных вихрей. NAO и АО выражены в течение всего года. Однако в зимние сезоны они выражены лучше, оказывая очень сходное воздействие на климат Арктики [34, с. 292]. Высказываются мнения, что вариабельность атмосферной циркуляции, связанная с NAO/АО, оказывает влияние на приземные температуры воздуха и осадки не только строго вдоль атлантической стороны Исландского минимума, но распространяется вдоль больших территорий северных высоких широт.

Приведенные выше полученные нами впервые данные о связи холодных и теплых сезонов и о динамике холодных и теплых ритмов в бассейне реки Фомич в течение 10500 лет \pm 140 лет BP (табл. 5) мы рассматриваем как сигналы из далекого прошлого о проявлении АО/NAO в этом высокоширотном регионе Арктики. Механизмы и центры действия АО/NAO детально описаны для северного полушария Земли [34], что позволило нам распознать впервые проявление действия этих атмосферных явлений над территорией полуострова Таймыр в течение всего голоцена и проследить их влияние на формирование климата, а, следовательно, и на формирование растительного покрова в этом высокоширотном регионе Арктики.

Прогноз региональный. Итак, изучив верховой торфяник из бассейна р. Фомич, мы получили впервые непрерывную информацию о естественной эволюции растительного покрова и климата в юго-восточной части полуострова Таймыр в течение более чем 10 500 лет. Другого подобного торфяника с территории полуострова Таймыр пока неизвестно. Этот факт отмечается, кстати, многими исследователями.

Приведенные выше данные (табл. 5; рис. 4^{*}), иллюстрируют долгопериодические (5000 лет), среднепериодические (2400 лет) и короткопериодические (490 лет) изменения климата, которые характеризуются потеплениями и похолоданиями.

*Рис. 4 – см. № 2, с. 210.

В течение XX в. многолетние зональные температуры воздуха свидетельствуют повсюду о их повышении около 1°С, но с большой вариабельностью: (1) общее потепление с 1900 по 1940 гг.; это потепление лучше всего проявлялось с 1920 по 1940 гг.; (2) общее похолодание – 1940 по 1970 гг.; (3) общее потепление с 1970 г., которое все еще продолжается [34]. Однако, согласно данным Н.В. Ловелиуса [12], в последние годы 20-го столетия отмечена тенденция к снижению прироста ширины годичных колец у лиственницы гмелина *Larix gmelinii* в урочище Ары-Мас на крайнем пределе ее ареала на Таймыре. Чрезвычайно важным является продление серии этих годичных колец до 1996 г., подтвердившее тенденцию снижения ширины их прироста за последние 26 лет: 1960–1969 гг. (0,518 мм); 1970–1979 гг. (413 мм); 1980–1989 гг. (0,456 мм); 1990–1996 гг. (0,376 мм). По мнению Н.В. Ловелиуса, это может указывать на ухудшение условий роста и развития этой древесной породы и, следовательно, на похолодание. «Однако сколь долго продлится это похолодание, сказать пока трудно; но если судить об устойчивости направленных колебаний в прошлом, то это внутривековое колебание может быть достаточно продолжительным» [12, с. 94].

Мы полагаем, что отмечаемые явления потепления современных зим на полуострове Таймыр [13] и в ряде других высокоширотных районов Арктики [34], как раз и могут быть свидетельством похолоданий летних сезонов, что было характерно для первой половины голоцена в районе наших исследований (ср. данные табл. 5 и рис. 4).

Приведенные выше элементы климата, реконструированные для юго-восточной части полуострова Таймыр, отчетливо коррелятивны с динамикой пятен на Солнце, реконструированных для последних 11 тыс. лет для средних широт Северного полушария [35]. Это подтверждает глобальный характер изменения климата на Земле под воздействием Солнца в течение голоцена. Таким образом, у нас есть все основания использовать данные, полученные нами по голоцену Таймыра, как аналог и инструмент для прогноза изменения климата в будущем для этого региона. Однако полагаем, что в связи с изложенными выше фактами, строить прогноз изменения климата на будущее целесообразно по двум сценариям: для похолодания и для потепления, чтобы быть готовыми к тому и другому событиям. Для прогнозных построений в районе наших исследований есть два исторически достоверных,

218 установленных нами для этого региона аналога: похолодание в так называемый малый ледниковый период 500 ± 60 лет ВР (1400–1470 гг. А.Д.) и потепление в суббореальный период голоцена 3660 ± 60 лет ВР. Прогноз для наглядности мы представляем в таблице 6.

В случае похолодания климата летние сезоны в этом регионе будут холоднее, чем летние сезоны XX в.: средняя температура июля будет ниже на $0,6^\circ\text{C}$, чем в XX в. ($12,3^\circ$); сумма температур за VII–IX месяцы будет также на 42° ниже (837°); однако зимние сезоны будут более теплыми: средняя температура января будет выше средней многолетней температуры XX в. на $1,7^\circ\text{C}$; среднегодовая температура будет также выше на $0,7^\circ\text{C}$ в сравнении со среднегодовой температурой XX в.; осадков будет в среднем выпадать на 36 мм меньше, чем в XX в. (312 мм), но 62% их (193 мм) будет приходиться на летние сезоны (табл. 6). В связи с этим возникнет опасность наводнений. Именно здесь следует отметить тот факт, что проведенными нами исследованиями в системе рек Медвежья и Котуй, впервые был установлен феномен палео-

наводнений для юго-восточной части полуострова Таймыр [29]. Начиная со второй половины суббореального периода голоцена, а именно с 3900 ± 60 лет ВР, наводнения в этом регионе происходят постоянно. Судя по современной гидрологической ситуации рек, уровень подъема вод во время половодий достигал порядка 4 метров и выше в реке пра-Котуй и порядка $1,5$ м – в реке пра-Медвежья.

В случае потепления климата летние сезоны в этом регионе будут более теплыми, чем летние сезоны XX в.: средняя температура июля будет на $1,2^\circ$ выше, чем в XX в. ($12,3^\circ$) и составит порядка $13,5^\circ\text{C}$; сумма температур за VII–IX месяцы будет на 84° выше, чем в XX в., и будет достигать порядка 920°C . Однако зимние сезоны будут более холодными, чем в XX в.: среднеянварские температуры будут на $3,4^\circ\text{C}$ ниже среднеянварских температур XX в.; среднегодовые температуры будут также ниже среднегодовых температур XX в. на $1,3^\circ\text{C}$. Отклонения по всем элементам климата будут положительными.

Представленные выше два сценария прогноза изменения климата в будущем

Таблица 6

Сценарии прогноза элементов климата для территории полуострова Таймыр на фоне изменений климата этого региона в прошлом

Время АД/ ВР yrs	Фито-хрон	Индекс сходства		Температура, °C				Осадки, мм	
		SI ₁	SI ₂	июля	января	средняя за год	Σ Т за 5–9 месяцев	Σ за год	Σ за 5–9 месяцы / % от Σ осадков за год
ПРО-ГНОЗ									
Потепление				13,5(+1,2)	-37,2(+3,4)	-14,7(+1,3)	921(+84)	383(+35)	223 / 58, 0
Похолодание				11,7(-0,6)	-32,1(-1,7)	-12,7(-0,7)	795(-42)	312(-36)	193 / 62,0
1953–2003 гг.	II ₄	1	1	12,3	-33,8	-13,4	837	348	203 / 58,0
500±60	II ₃	0,95	0,34	11,7(-0,6)	-32,1(-1,7)	-12,7(-0,7)	795(-42)	312(-36)	193 / 62,0
3660±60	II ₂	1,1	1,31	13,5(+1,2)	-37,2(+3,4)	-14,7(+1,3)	921(+84)	383(+35)	223 / 58, 0
5720±60	II ₁	0,90	0,90	11,1(-1,2)	-30,4(-3,4)	-12(-1,4)	753(-84)	313(-35)	183 / 58, 0
7040±60	I ₄	0,28	0,83	10,2(-2,1)	-28(+5,8)	-11,2(-2,2)	695(-142)	289(-59)	168 / 58, 3
7530±70	I ₃	0,29	0,52	6,4(-5,9)	-17,6(-16,2)	-7,1(-6,4)	435(-402)	181(-167)	106 / 58,6
8150±60	I ₂	0,45	0,80	9,8(-2,5)	-27(-6,8)	-10,7(-2,7)	670(-167)	278(-70)	162 / 58,0
10500±140	I ₂	0,32	0,80	9,8(-2,5)	-27(-6,8)	-10,7(-2,7)	670(-167)	278(-70)	162 / 58,0
	I ₁	0,26	1,41	19(+6,7)	-52(+18,6)	-20,0(-6,6)	1266(+329)	539(-191)	336 / 62,0

SI₁ – группа деревьев; SI₂ – группа кустарников и кустарничков.

можно с уверенностью рассматривать для всего Таймыра, так как данные метеостанции посёлка Хатанга, которые использованы для палеоклиматических реконструкций в качестве района-аналога, и данные метеостанции города Дудинка довольно близки, и характеризуют климатические условия полуострова Таймыр в целом [13].

Прогноз глобальный. Возникает естественный и очень важный вопрос: можно ли использовать данные представленного выше регионального прогноза для прогноза изменения климата в будущем в глобальном масштабе? Да, естественно, можно и нужно, так как наш региональный прогноз основан на данных естественного изменения климата в течение последних 10500 лет, которые были обусловлены, как будет показано ниже, глобальными изменениями климата в этот длительный временной интервал.

Семь радиоуглеродных дат, полученных по пробам торфа, взятых нами из торфяника в бассейне реки Фомич (табл.1^{*}), мы нанесли на график динамики солнечных пятен, которые реконструированы по содержанию радиоактивного углерода в кольцах деревьев, произрастающих в средних широтах северного полушария Земли в течение последних 11 тысяч лет [35; рис. 5]. Представленный график иллюстрирует активность Солнца в этот временной интервал. На нем показаны эпизоды высокой активности Солнца (заштрихованная часть рисунка) и сильно пониженной его активности; горизонтальная пунктирная линия маркирует порог, выше которого Солнце должно было быть, по мнению авторов, исключительно активным. Две, полученные нами, радиоуглеродные даты – 10500 ± 140 лет BP и 8150 ± 60 лет BP – приходятся на эпизоды повышенной активности Солнца: число пятен на Солнце было выше 50–и; еще две даты – 7530 ± 70 лет BP и 7040 ± 60 лет BP – приходятся на эпизоды сильно пониженной его активности – великий минимум (grand minima); дата 5720 ± 60 лет BP приходится на интервал повышения солнечной активности, но эта активность еще несколько не достигала порога, выше которого она должна была бы быть исключительно активной; дата 3660 ± 60 лет BP приходится на эпизод выше порога солнечной активности; дата 500 ± 60 лет BP приходится на эпизод очень низкой активности Солнца, который соответствует Малому ледниковому периоду (рис. 5).

Среднеиюльские температуры воздуха, реконструированные нами с использова-

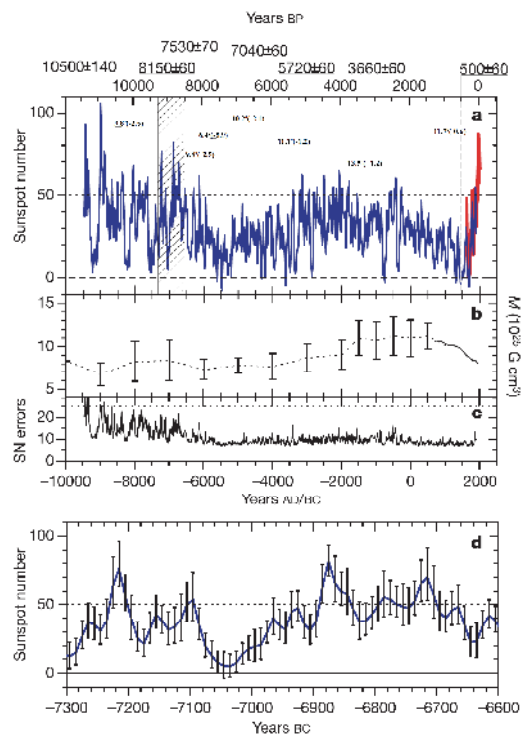

Рис. 5. Динамика радиоуглеродных дат и средние июльские температуры воздуха, реконструированных по индексам сходства, на фоне динамики солнечных пятен, реконструированных Solanki et al. [32] по содержанию радиоактивного углерода в кольцах деревьев, формировавшихся в течение последних 11 тыс. лет.

нием индексов сходства и нанесенные на график Solanki et al. [35], позволили впервые составить объективное и наглядное представление об их динамике в этом высокоширотном регионе Арктики в течение всего голоцена, а также об их отклонениях от среднеиюльских температур 20-го столетия (рис. 5). Приведенные выше радиоуглеродные даты, полученные нами, которые представлены на фоне динамики солнечных пятен, реконструированных по содержанию радиоактивного углерода в кольцах деревьев [35], свидетельствуют о синхронности биоклиматических ритмов на Земле с активностью Солнца в течение последних 10500–11000 лет. Следовательно, главным триггером и маркером изменения климата на Земле в этот длительный временной интервал являлась солнечная активность. Солнечной активностью называется совокупность всех процессов, происходящих на Солнце. Эта безграничная и беспредельная реальность описывается различными индексами, которые отражают отдельные стороны состояния актив-

*Табл. 1 – см. № 2, с. 205.

ных зон Солнца [10, с. 126]. Сформулировав единый закон солнечной активности Вольфа–Шперера–Хела–Оля, согласно которому солнечная активность есть функция прерывная и знакопеременная между ее циклами, В.Н. Купецкий провёл кросс-корреляционный анализ «матрицы солнечного времени» для того, чтобы выявить каким может быть фон солнечной активности в циклах XXI в. в сравнении с XX веком. При этом каждый предшествующий год им сопоставлялся со всеми последующими годами как по горизонтали (по хронологическому ходу времени, внутри циклов), так и по вертикали (поперек хода времени, между циклами). В конечном итоге получилось, что максимумы солнечной активности 11-летних циклов XX века, выраженные в числах Вольфа (W_{Max}), имеют прямую связь с максимумами XVIII в. В свою очередь, максимумы XXI века (который начался с 20-го цикла в 1964 г.) имеют обратную связь с максимумами XIX в. На основании анализа «матрицы солнечного времени» В.Н. Купецкий представил будущие максимумы солнечной активности, выраженной в числах Вольфа, в следующем виде:

23-й цикл – 140 единиц около 2000 года

24-й цикл – 100 единиц около 2012 года

25-й цикл – 110 единиц около 2024 года

26-й цикл – 130 единиц около 2036 года

27-й цикл – 100 единиц около 2048 года

Сопоставив прогноз В.Н. Купецкого и полученные нами палеоклиматические данные (табл. 7), мы вышли на прогноз изменений климата в будущем в высокоширотных районах Арктики. Представленные в этой таблице данные – это фактически матрица, которая отражает реакцию ландшафтной оболочки Земли на изменчивость солнечной активности в прошлом, настоящем и будущем для $71^{\circ}42' \text{ с. ш.}, 108^{\circ}03' \text{ в. д.}$ Следуя пониманию термина «матрица» В.Н. Купецким, мы называем таблицу 7 «гелио-климатической матрицей». «Если таблица может представлять собою простой, субъективный перечень каких-либо данных, то «матрица» содержит в себе более емкие сведения, поскольку она составляется по определенным объективным рецептам, правилам или алгоритмам» [10:127].

Из данных составленного им прогноза В.Н. Купецкий сделал вывод о том, что на рубеже веков около и за 2000-м годом не следует ждать небывалого, катастрофического подъема солнечной активности, равно как и необычных катаклизмов в ландшафтной оболочке Земли. Из представленного выше прогноза В.Н. Купецкого вытекает еще один принципиально очень важный вывод: в предстоящие 50 лет колебания солнечной активности, а, следовательно, и климата на Земле бу-

Таблица 7

**Прогноз изменения основных элементов климата в предстоящие 50 лет
для высокоширотных районов российской части Арктики**

Купецкий, 1998			Украинцева, 2008					
Цикл	Год	Max W	Год (AD/BP)	Элементы климата				
				T_{VII}	T_I	ΔT за год	Осадки, мм (год)	SI
	2048	100	2048	(-0,6)	(-1,7)	(-0,7)	(-36)	0,95
26	2036	130	2036	12,3	-33,8	-13,4	348	1,0
	2024	110	2024	(-0,6)	(-1,7)	(-0,7)	(-36)	0,95
	2012	100	2012	(-0,6)	(-1,7)	(-0,7)	(-36)	0,95
23	2000	140	2000	12,3	-33,8	-13,4	348	1,0
			1400–1470 (500±60)	11,7(-0,6)	-32,1(-1,7)	-12,7(-0,7)	312 (-36)	0,95
			3660±60	13,5 (+1,2)	-37,2 (+3,4)	-14,7 (+1,3)	383(+35)	1,1
			5720±60	11,1(-1,2)	-30,4(-3,4)	-12,0(-1,4)	313(-35)	0,9
			7040±60	10,2(-1,2)	-28,0(-5,8)	-11,2(-2,2)	289(-69)	0,83
			7530±70	6,4(-5,9)	-17,6(-16,2)	-7,1(-6,4)	181(-167)	0,52
			8150±60	9,8(-2,5)	-27,0(-6,8)	-10,7(-2,7)	278(-70)	0,80
			10500±60	9,8(-2,5)	-27,0(-6,8)	-10,7(-2,7)	278(-70)	0,80

Примечание: В скобках даны отклонения элементов климата от значений 1950–2003 гг.

дут продолжаться. В 23-м, текущем цикле (2000–2011 гг.), солнечная активность которого достаточно высока, потепление продолжится; это потепление сменят два цикла похолоданий (24-й, 25-й циклы), когда активность Солнца снизится до 100–110 единиц Вольфа; 26-й цикл будет более теплым, чем предыдущие два цикла, тогда как в 27-й цикл (около 2048 года) солнечная активность вновь понизится до 100 единиц (похолодание).

Именно здесь необходимо отметить, что в рамках Международного проекта «Arctic Climate Impact Assessment» (ACIA, 2005), впервые был представлен долгосрочный прогноз климатических изменений для высокоширотных районов Арктики: атмосферной циркуляции, приземных температур воздуха и осадков для последней части XXI-го века (2060–2089 гг.). Прогноз этот подробно освещен в работе [34? с. 326–334]. Согласно этому прогнозу, в высокоширотных районах Арктики в конце XXI-го века ожидается достаточно сильное потепление.

Прогнозируемые нами изменения основных элементов климата в высокоширотных районах Российской части Арктики представлены в виде отклонений от современных их значений (табл. 7).

Мы полагаем, что такой прием позволяет дать реальный прогноз для любого конкретного района и региона на основании текущих метеорологических данных. Представленный в табл. 7 прогноз изменения климата в высокоширотных районах российской части Арктики мы вправе назвать прогнозом В.Н. Купецкого – В.В. Ук раинцевой, так как этот прогноз основан на синтезе гелио-телескопических, палеогеографических и метеорологических данных.

Заключение.

1. Принципиально новый, разработанный нами, метод реконструкции климатов прошлого с использованием «Индексов сходства» позволил впервые выявить естественную эволюцию климата для полуострова Таймыр в течение 10500 ± 140 лет и дать достоверный прогноз изменения климата на будущее как для этого региона (табл. 6), так и для высокоширотных районов российской части Арктики (табл. 7).

2. «Индексы сходства», рассчитываемые на основании данных метода спорово-пыльцевого анализа, – элемент интегральный, отражающий связь растительности и климата. Приведенные в нашей работе данные свидетельствуют о том, что этот новый метод реконструкции климатов работает надежно. Количественные характеристики климата, полученные этим методом, репрезентативны, их правомерно использовать для прогноза изменений климата в будущем как на региональном, и на глобальном уровне.

3. Гелио-телескопические данные, характеризующие активность Солнца, – это альфа и омега для прогнозных построений изменения климата в будущем на нашей планете. Только синтез гелио-телескопических, палеогеографических и современных метеорологических данных позволит давать полноценные как среднесрочные, так и долгосрочные прогнозы изменения климата и ландшафтной оболочки Земли в будущем в различных ее регионах. Естественно, что региональный прогноз при этом будет иметь первостепенное значение.

Выражаем глубокую благодарность доктору геолого-минералогических наук Майе Владимировне Ошурковой (ВСЕГЕИ, Санкт-Петербург), давшей объективный положительный отзыв на новый метод оценки спорово-пыльцевых спектров.

Список литературы:

- [1] Борисов А.А. Палеоклиматы территории СССР. – Л., 1965. – 112 с.
- [2] Борисов А.А. Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 434 с.
- [3] Вальтер, Г. Растительность земного шара. Эколого-географическая характеристика. Т. 2. – М.: Прогресс, 1974. – 423 с.
- [4] Вальтер, Г. Растительность земного шара. Эколого-географическая характеристика. Т. 3. – М.: Прогресс, 1975. – 429 с.
- [5] Гричук В.П. Применение пыльцевого анализа для реконструкции физико-географических условий прошлого // Второй Всесоюз. географич. съезд 25–31 января 1947 г.. Тезисы докладов по секции физической географии. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1948. – С. 36–38.
- [6] Гричук В.П. Опыт реконструкции некоторых элементов климата северного полушария в атлантический период голоцена // Голоцен. – М.: Наука, 1969. – С. 41–57.
- [7] Гричук В.П. Палеоботаническое обоснование стратиграфического расчленения четвертичных отложений на территории СССР // Проблемы современной палинологии. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. – С. 51–54.
- [8] Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. – М.: Госизд. географ. лит., 1948. – 223 с.

- [9] Келлер Б. А. Главные типы и основные закономерности в растительности СССР. Т. I. – 1938. – С. 132–181.
- [10] Купецкий В.Н. Ландшафты замерзающих морей / Дис. ...д-ра географ. наук. – СПб: СПбГУ, 1998. – 194 с.
- [11] Купецкий В.Н. В Арктику мы вернемся / Сб. статей. – Магадан, 2005.
- [12] Ловелиус Н.В. Исследование погодичных и многолетних изменений температуры воздуха в Субарктике Средней Сибири и радиального прироста *Larix gmelinii* на Ары-Масе.– Исследование природы Таймыра. Выпуск I. Закономерности пространственного размещения и взаимосвязи климата, растительности, почв, животного мира. Ландшафты. – Труды Государственного биосферного заповедника «Таймырский». – Красноярск: Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, 2001. – С. 50–69.
- [13] Ловелиус Н.В. Метеорологические условия Хатанги и сопредельных территорий // Таймыр. Малочисленные народы. Природные условия. Фауна. – Санкт-Петербург–Хатанга, 2001. – С. 69–84.
- [14] Матвеева Н.В. Зональность в растительном покрове Арктики. – СПб., 1998. – 220 с.
- [15] Нейштадт М.И., Тюлина Л.Н. К истории четвертичной и послечетвертичной флоры района р. Майн, притока Анадыря // Труды Арктического института. Т. XL. – Ленинград: Изд-во Главного управления северного морского пути. 1936. – С. 259–280.
- [16] Поспелова Е.Б., Поспелов И.Н. Флора сосудистых растений Таймыра и сопредельных территорий. Часть I. Аннотированный список флоры и ее общий анализ. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 457 с.
- [17] Савина С.С., Хотинский Н.А. Зональный метод реконструкции палеоклиматов голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1982.– С. 231–244.
- [18] Сочава В.Б. Географические аспекты сибирской тайги.– Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
- [19] Справочник по климату СССР. Вып.33, часть 2. Температура воздуха и почвы. – Л.: Гидрометеоздат, 1966. – 287 с.
- [20] Украинцева В.В. Реконструкция климатов прошлого по палинологическим данным // Известия РАН. Сер. Географическая. – 1992, Т. 6. – С. 90–95.
- [21] (Украинцева В.В.) Ukraintseva V.V. Vegetation Cover and Environment of the «Mammoth Epoch» in Siberia / Ed. L. Agenbroad, J. Mead, R. Nevly. – The Mammoth Site, SD, 1993. – 309 p.
- [22] Украинцева В.В. Растительность и климат Сибири эпохи мамонта /Ред. В.Н. Ловелиус, Ю.М. Карбаинов. – Красноярск: Восточно-Сибирский филиал Международного института леса, 2002. – 192 с.
- [23] (Украинцева В.В.) Ukraintseva V.V. Use of the index of similarity for the assessment of fossil spore-pollen spectra // Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии. Труды Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. I. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 314–318.
- [24] (Украинцева В.В., Поспелов И.Н.) Ukraintseva V.V., Pospelov I.N. The first data on the history and evolution of vegetation and climate in the northern part of the Anabar Plateau in the Holocene // Современные проблемы палеофлористики, палеофитогеографии и фитостратиграфии. - Труды Международной палеоботанической конференции. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. I. – М.: ГЕОС, 2005. – С. 319–324.
- [25] Украинцева В.В., Поспелов И.Н. Первые данные об истории и эволюции растительности и климата северной части Анабарского нагорья в голоцене // XI Всероссийская палинологическая конференция «ПАЛИНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА». Мат-лы конф. 27 сентября –1 октября 2005 г. – М., 2005. – С. 261–262.
- [26] Украинцева В.В., Поспелов И.Н. О связях состава растительности и состава спорово-пыльцевых спектров поверхностных проб (устье р. Оленья, полуостров Таймыр) // Известия РАН. Серия Географическая. – 2006, № 3. – С. 97–109.
- [27] Украинцева В. В., Поспелов И.Н. Первые данные к истории растительности и климата в северной части Анабарского нагорья в голоцене // География и природные ресурсы. – 2006, № 3. – С. 87–94.
- [28] Украинцева В.В., Поспелов И.Н. Первые данные об истории и эволюции растительного покрова и климата севера Анабарского нагорья в голоцене // Исследование природы Таймыра. Вып. 5. Четвертичная история, климат, почвы, флора и растительность, животный мир. – Красноярск: Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, 2006. – С. 19–35.
- [29] Украинцева В.В., Поспелов И.Н. Биостратиграфические свидетельства об экстремальных наводнениях в голоцене: полуостров Таймыр, Россия // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. Мат-лы V Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. Москва, 7 – 9 ноября 2007 г. – М.: ГЕОС, 2007. – С. 424–427.
- [30] Шумилова Л.В. Ботаническая география Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1962. – 439 с.
- [31] ACIA Scientific Report. – Cambridge University Press, 2007. – 1024 p.
- [32] Fegri K. and Iversen, J. Textbook of pollen analysis / 4 th ed. – New York: Hafner, 1989. – 328 p.
- [33] Tukhanen S. Climatic Parameters and Indices in Plant Geography. – 1980.
- [34] Serreze, M.C. and Barry, R.G. The Arctic Climate System. – Cambridge University Press, 2005.
- [35] Solanki S.K., Usoskin I.G., Kromer B., Schussler M., Beer J. Unusual activity of the Sun during recent decades to the previous 11,000 years // Nature. – 2004, № 431. – P. 1084–1087.

ДЕТАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ ТЕРМИЧЕСКОГО РЕЖИМА ВОЗДУХА В РАЙОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЗИМНИХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР «СОЧИ–2014»

В работе выполнена детальная количественная оценка пространственной изменчивости термических характеристик воздуха в условиях сложного рельефа территории проведения Зимних Олимпийских игр «Сочи-2014» с учётом результатов климатической обработки метеорологических наблюдений, проводимых в районе спортивных объектов в зимние сезоны 2008–2011 гг.

Ключевые слова:

Сочи-2014, горный рельеф, пространственная изменчивость, высотная зональность, микроклимат, термический режим.

Район проведения Зимних Олимпийских игр «Сочи–2014» расположен в Западном Закавказье. Этот регион относится к зоне влажного климата с очень тёплым летом и мягкой зимой на побережье, с более прохладным летом и умеренно мягкой зимой в невысокой предгорной зоне и сравнительно суровыми зимними условиями в высокогорной зоне.

Высокогорный район Олимпийских игр расположен в окрестностях п. Красная Поляна в разных условиях рельефа в пределах высот 500–2300 м. Поскольку для горного рельефа характерна большая изменчивость погодно-климатических условий на близких расстояниях [6; 9; 10], планирование и оценка возможности проведения соревнований на конкретных спортивных трассах требует детального учёта пространственной изменчивости основных элементов климата.

Одним из основных элементов климата является термический режим. От температуры воздуха зависит состояние спортивных трасс, эксплуатация системы искусственного снегообразования и т.д. Для анализа термического режима воздуха используются следующие характеристики: средняя месячная, средняя максимальная и минимальная температуры, абсолютные максимумы и минимумы.

По средним многолетним данным метеорологических станций (ст.) в горном кластере района Кст. Красная Поляна, вы-

сота 566 м и ст. Кордон Лаура, высота 575 м является январь, на высоте ст. Аибга (2 225 м) – февраль, что отчасти может быть связано с коротким рядом наблюдений на данной станции (2004–2011 гг.). Различия между средними многолетними месячными температурами января и февраля на всех станциях невелики (0,3–0,7°C). Однако такое распределение средних месячных температур наблюдается не всегда. В зимнем сезоне 2010–2011 гг. февраль был существенно холоднее, чем январь: на ст. Красная Поляна – на –2,0°C, на ст. Аибга – на –3,3°C.

Погодичная изменчивость температуры для разных месяцев различна. В последние годы (2009–2011 гг.) декабрь и январь были теплее по сравнению со средним многолетним режимом погоды. Февраль в 2009 и 2010 гг. также был тёплым, а в феврале 2011 г. средняя месячная температура опустилась ниже нормы на –0,8°C на ст. Красная Поляна и на –2,2°C на ст. Аибга. В марте с 2006 по 2011 гг. средние месячные температуры воздуха были выше нормы или близки к норме. На рис. 1 и 2 представлен многолетний ход средней месячной температуры воздуха на станциях Аибга и Красная Поляна для февраля и марта (месяцы проведения Олимпийских и Паралимпийских игр).

Из приведённых графиков погодичной изменчивости средних месячных температур воздуха видно, что в долине (Красная Поляна) и на вершине хребта (Аибга)

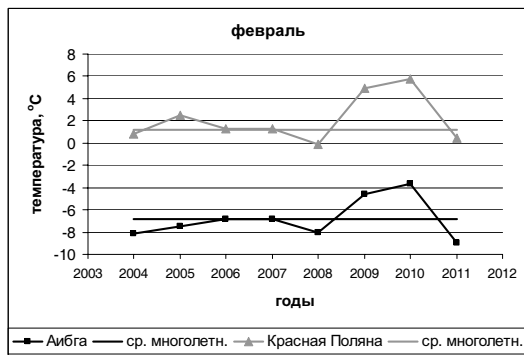

Рис. 1. Временная изменчивость средней месячной температуры воздуха в феврале.

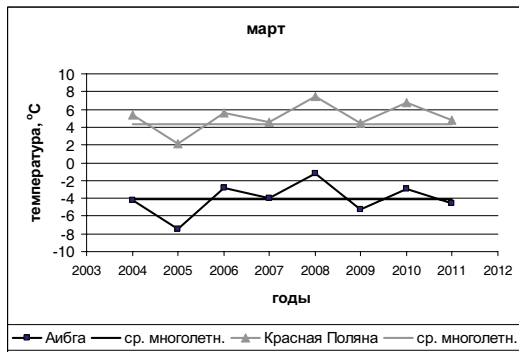

Рис. 2. Временная изменчивость средней месячной температуры воздуха в марте.

конфигурации кривых идентичны. Аналогичным образом распределяются и кривые годового хода температуры воздуха на различных высотах, т.е. наблюдается однотипный годовой ход на разных высотах (рис. 3). Однако имеются некоторые различия по высотным зонам. В верхних частях склона на высотах более 2000 м температура заметно увеличивается от февраля к марту в соответствии с естественным годовым ходом температуры, обусловленным резким увеличением прихода солнечной радиации в марте. На высотах ниже 1500 м, где располагается инверсионный слой воздуха, различия в температурах между февралём и мартом невелики. Это происходит под влиянием стока холодного воздуха с верхней части хребта, вызывающего понижение ночных температур в долине и нижних частях склона, что соответственно приводит к понижению средних суточных температур [7; 8].

По мере поднятия по склону горного хребта, как известно, происходит закономерное убывание температуры воздуха [1; 3; 4 и др.]. В табл. 1 представлено вертикальное распределение средней месячной температуры воздуха на северном склоне

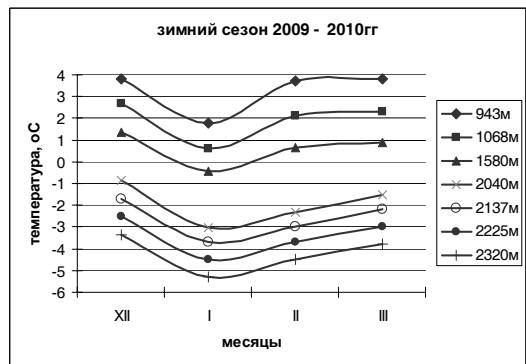

Рис. 3. Изменение средней месячной температуры воздуха в зимний сезон на разных высотах над уровнем моря на северном склоне хребта Аибга.

хребта Аибга в феврале и марте 2010 и 2011 гг., а также характерное для данного региона среднее многолетнее распределение температуры по высоте, полученное путём обобщения данных репрезентативных метеорологических станций Западного Кавказа, расположенных на разных высотах над уровнем моря [2; 5].

В холодном феврале 2011 г. средняя месячная температура имела отрицательные значения на всех высотах (табл. 1). В тёплом феврале 2010 г. температуры ниже нуля отмечались только выше 1700 м. В марте этого же года отрицательные температуры наблюдались выше 1800 м, а в мар-

Таблица 1

Средняя месячная температура воздуха на различных высотах над уровнем моря на северном склоне хребта Аибга в феврале и марте 2010–2011 гг. и по средним многолетним данным

Высота, м	Год, месяц				Средняя многолетняя	
	2010		2011			
	II	III	II	III	II	III
600	4,6	5,6	-0,3	3,6	0,0	3,3
800	3,4	4,1	-1,4	2,3	-0,9	2,7
1000	2,4	2,7	-2,5	1,0	-1,7	2,0
1200	1,7	1,8	-3,3	0,2	-2,5	1,1
1400	1,3	1,4	-3,8	-0,2	-3,4	0,3
1600	0,6	0,8	-4,5	-0,8	-4,2	-0,7
1800	-0,6	-0,2	-5,8	-1,8	-5,1	-1,7
2000	-2,0	-1,3	-7,3	-2,9	-5,9	-2,8
2200	-3,5	-2,8	-8,8	-4,4	-6,7	-3,9
2400	-5,1	-4,5	-10,5	-6,1	-7,6	-5,3

те 2011 г. – выше 1300 м. По обобщённому среднему многолетнему распределению, температуры ниже нуля отмечаются в феврале выше 600 м, в марте – выше 1500 м.

Таким образом, если в 2014 г. февраль будет тёплым, то распределение температуры по высотам будет аналогично февралю 2010 г., если холодным – февралю 2011 г., если температура февраля будет соответствовать норме, то – среднему многолетнему профилю. Аналогичным образом будет распределяться температура и в марте. Естественно, что абсолютная величина температуры и высотный уровень отрицательных температур в отдельные годы будут изменяться в зависимости от величины отклонения температуры в каждом конкретном году от средних многолетних значений, но закономерности распределения и высотные градиенты более устойчивы во времени, чем абсолютные значения температуры.

Распределение средних за месяц максимальных температур по высоте аналогично распределению средних суточных (месячных) температур. В зимний сезон 2010–2011 гг. средние за месяц максимальные температуры воздуха распределялись следующим образом. В декабре 2010 г. наблюдалась положительная аномалия – средняя максимальная температура воздуха на ст. Красная Поляна (высота 566 м) превышала норму на 2,4°C (табл. 2). В январе, феврале и марте 2011 г. средние максимальные температуры были ниже соответствующих средних многолетних значений. Особенно большое отклонение от нормы наблюдалось в феврале (–5,2°C), поскольку, как указывалось выше, февраль 2011 г. был относительно холодным, причём именно за счёт низких максимальных температур.

Таблица 2

Средняя максимальная температура воздуха. Красная Поляна

Период	Месяц			
	ХІІ	І	ІІ	ІІІ
2010–2011 гг.	9,2	3,3	1,2	5,8
Средняя многолетняя	6,8	5,1	6,4	9,9
Разность	2,4	–1,8	–5,2	–4,1

На высотах, соответственно так же, как и в Красной Поляне, средние максимальные температуры воздуха в феврале и марте в 2011 г. были ниже, чем в 2010 г. (табл. 3). По сравнению со средним многолетним распределением средней максимальной температуры воздуха в зависимости от высоты

над уровнем моря, в 2011 г. и в феврале, и в марте уровень отрицательных температур располагался на более низких высотах. Среднее многолетнее высотное распределение средней максимальной температуры воздуха получено аналогично средним месячным температурам по данным метеорологических станций Западного Кавказа.

По среднему многолетнему распределению нижняя граница отрицательных значений средних максимальных температур воздуха в феврале находится примерно на высоте 1800 м. В холодном феврале 2011 г. этот уровень опустился до 1200 м, а в относительно тёплом феврале 2010 г. отрицательные температуры имели место только выше 2000 м (табл. 3). Таким образом, различия по высоте прохождения нулевой изотермы средних месячных максимальных температур между двумя соседними годами составили 800 м.

В марте по средним многолетним данным практически на всей территории горного кластера средние максимальные температуры становятся положительными, отрицательные значения имеют место только на высотах более 2200 м. Аналогичным образом распределялись средние максимальные температуры и в марте 2010 г. В относительно холодном марте 2011 г. уровень отрицательных температур опустился до 1900 м.

Таблица 3

Средняя максимальная температура воздуха на различных высотах над уровнем моря на северном склоне хребта Аибга в феврале и марте 2010–2011 гг. и по средним многолетним данным

Высота, м	Февраль			Март		
	2010	2011	Средняя многолетняя	2010	2011	Средняя многолетняя
600	9,3	1,2	5,8	9,7	5,8	9,8
800	8,8	1,5	5,1	9,3	6,3	9,1
1000	7,7	1,1	4,3	8,3	5,8	8,2
1200	6,1	–0,1	3,4	6,9	4,6	7,3
1400	4,4	–1,4	2,3	5,3	3,2	6,1
1600	2,9	–2,8	1,2	3,9	1,8	4,8
1800	1,5	–4,5	–0,1	2,8	0,5	3,4
2000	0,3	–6,3	–1,4	1,8	–0,6	1,9
2200	–1,1	–8,2	–2,9	0,5	–2,3	0,2
2400	–2,9	–10,2	–4,5	–1,6	–4,4	–1,6

Абсолютные максимальные температуры воздуха в долине (ст. Красная Поляна), определённые за весь период инструментальных наблюдений, в 2011 г. не были

226 | превышены и составили в феврале и марте соответственно 13,7 и 17,2°C. На вершине хребта Аибга (ст. Аибга) абсолютная максимальная температура в 2011 г. составила в феврале 4,5°C, в марте – 5,3°C.

Минимальные температуры воздуха, как правило, наблюдаются ночью и имеют наименьшие значения незадолго до восхода солнца. В зимний сезон 2010–2011 гг. на ст. Красная Поляна средние за месяц минимальные температуры воздуха ниже нормы отмечались только в феврале, причём на незначительную величину (табл. 4). В остальные месяцы – существенно превышали соответствующие средние многолетние значения.

Таблица 4

Средние минимальные температуры воздуха. Красная Поляна

Период	Месяц			
	ХІІ	І	ІІ	ІІІ
2010–2011 гг.	5,3	–0,1	–2,2	1,8
Средняя многолетняя	–0,5	–2,4	–2,1	0,4
Разность	5,8	2,3	–0,1	1,4

На высотах выше 1500 м, также как и в Красной Поляне, в феврале 2011 г. средние минимальные температуры воздуха мало различались со средними многолетними значениями (табл. 5).

Таблица 5

Средние минимальные температуры воздуха на различных высотах над уровнем моря на северном склоне хребта Аибга в феврале и марте 2010 и 2011 гг. и по средним многолетним данным

Высота, м	Февраль			Март		
	2010	2011	Средняя многолетняя	2010	2011	Средняя многолетняя
	600	2,5	–2,2	–2,3	2,1	1,7
800	1,3	–2,1	–3,0	0,9	1,5	–0,6
1000	0,4	–2,7	–3,7	0,0	0,7	–1,3
1200	–0,4	–3,8	–4,5	–0,8	0,5	–2,1
1400	–1,1	–5,2	–5,4	–1,5	–1,7	–3,0
1600	–1,8	–6,4	–6,4	–2,3	–2,9	–3,9
1800	–2,6	–7,6	–7,4	–3,2	–3,9	–4,9
2000	–4,3	–8,7	–8,6	–3,7	–4,8	–6,1
2200	–5,2	–9,6	–9,8	–5,8	–6,0	–7,3
2400	–7,0	–10,6	–11,2	–7,5	–7,5	–8,5

На высотах ниже 1500 м указанные различия обусловлены инверсионными процессами и микроклиматическими особенностями точек наблюдений. В марте 2011 г. до высоты 1100 м наблюдались положительные средние минимальные температуры, в то время как по среднему многолетнему распределению практически уже с высоты 600 м средние минимальные температуры имеют отрицательные значения.

В тёплом феврале 2010 г. средние минимальные температуры воздуха превышали средние многолетние значения более чем на 4 °С по всему вертикальному профилю северного склона хребта Аибга (табл. 5) и соответственно зона отрицательных температур располагалась выше уровня 1100 м.

Представленные вертикальные профили термических характеристик были получены графическим методом на основе результатов климатической обработки метеорологических наблюдений, проводимых на разных высотах над уровнем моря в районе спортивных объектов в зимние сезоны 2008–2011 гг.

Графический метод получения вертикального распределения температуры является более надёжным, чем вычисление для отдельных пар станций (точек наблюдений). Графический метод даёт возможность определить величину не только среднего градиента в слое, ограниченном высотой верхней и нижней станций, но и выявить характер его изменения в различных высотных зонах. На рис. 4 представлен вертикальный профиль средней минимальной температуры воздуха в феврале и марте 2011 г. Рисунок наглядно показывает особенность распределения температуры с высотой в нижнем инверсионном слое воздуха.

Экстремальные значения минимальных температур (абсолютные минимальные температуры воздуха) в большей степени зависят от местоположения участка в рельефе, чем средние. На минимальные температуры, кроме высоты места, оказывают большое влияние такие факторы как форма рельефа (вершины, долины, части склонов: верхняя, средняя, нижняя), относительные превышения между выпуклыми и вогнутыми формами рельефа, ширина и направление долин, условия стока холодного воздуха, площадь воздухосбора, температурные инверсии. Поэтому абсолютные минимальные температуры не имеют более или менее выраженной зависимости от высоты над уровнем моря. Термически высотная зависимость может прослеживаться, если точки наблюдения

на разных высотах находятся совершенно в идентичных микроклиматических условиях, что практически исключается. Даже если станции расположены на одной высоте, но в разных условиях рельефа, они будут различаться по величине минимальных температур. Например, станции Красная Поляна и Кордон Лаура расположены практически на одной высоте и обе в долинах, но из-за различных микроклиматических особенностей (ширина и ориентация долин и пр.) на ст. Кордон Лаура в один и тот же зимний сезон (2010–2011 г.) минимальные температуры ниже, чем на ст. Красная Поляна. В табл. 6 приведены абсолютные минимальные температуры воздуха, наблюдавшиеся на станциях Красная Поляна, Кордон Лаура и Аибга в зимний сезон 2011 г., а также за весь период инструментальных наблюдений на этих станциях.

Таким образом, в отдельные годы под влиянием погодных условий абсолютные величины термических показателей могут значительно отличаться от средних многолетних, однако относительные различия микроклимата характеризуются достаточной устойчивостью во времени. Поэтому полученные вертикальные профили и микроклиматические различия термических характеристик позволяют конкретизировать режимную гидрометеорологическую информацию для конкретных спортивных трасс и олимпийских объектов и тем самым обеспечить Олимпийские Игры детальной качественной погодноклиматической информацией.

Список литературы:

- [1] Занина А.А. Климат СССР. Кавказ. Вып. 2. – Л.: Гидрометеиздат, 1961. – 289 с.
- [2] Зиновьева Н.А., Пигольцина Г.Б. Систематизация метеорологических станций по условиям местоположения с помощью метода кластерного анализа // Труды ГГО. – 2010, вып. 561. – С. 145–153.
- [3] Микроклимат СССР / Под ред. И.А. Гольцберг. – Л.: Гидрометеиздат, 1967. – 286 с.
- [4] Мищенко З.А. Биоклимат дня и ночи. – Л.: Гидрометеиздат., 1984. – 280 с.
- [5] Научно-прикладной справочник по климату СССР. Вып. 13, сер.3, ч. 1–6. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 724 с.
- [6] Пигольцина Г.Б. Обоснование необходимости и принципы учёта мезо- и микроклимата при комплексных оценках природных ресурсов для различных секторов экономики // Труды ГГО. – 2009, вып. 560. – С. 89–115.
- [7] Пигольцина Г.Б., Зиновьева Н.А. Методы оценки микроклиматической изменчивости специализированных климатических характеристик в условиях горного рельефа и недостаточной метеорологической информации на примере территории проведения зимних Олимпийских игр «Сочи–2014» // Современные проблемы климатологии. Материалы Всероссийской конференции. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 124–126.
- [8] Пигольцина Г.Б., Зиновьева Н.А. Микроклиматические особенности территории проведения Зимних Олимпийских Игр «Сочи–2014» и методы их оценки // Труды ГГО. – 2009, вып. 559. – С. 56–75.
- [9] Пигольцина Г.Б., Зиновьева Н.А. Микроклиматическое районирование территории проведения зимних олимпийских игр «Сочи–2014» // Общество. Среда. Развитие. – 2010, № 1. – С. 165–170.
- [10] Пигольцина Г.Б., Зиновьева Н.А., А.О. Савкина. Микроклиматическая изменчивость радиационного баланса в условиях горного рельефа (на примере территории проведения Зимних Олимпийских игр «Сочи–2014») // Общество. Среда. Развитие. – 2011, № 4. – С. 216–219.

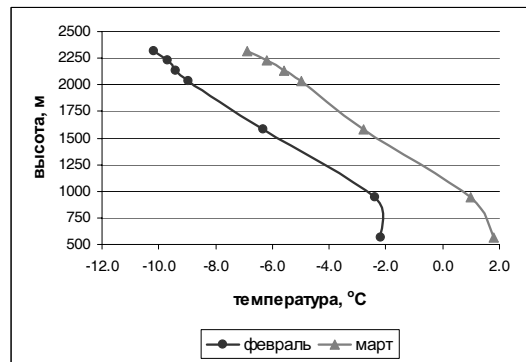

Рис. 4. Изменение средней минимальной температуры воздуха с высотой на северном склоне хребта Аибга в феврале и марте 2011 г.

Таблица 6

Абсолютные минимальные температуры воздуха

Станция, высота (м)	Период наблюдений	Месяц			
		ХІІ	І	ІІ	ІІІ
Красная Поляна (566 м)	1921–2011 гг.	–22	–23	–20	–17
	сезон 2011 г.	0,6	–3,2	–11,7	–3,2
Кордон Лаура (575 м)	1983–2011 гг.	–16	–17	–15	–13
	сезон 2011 г.	–1,2	–5,1	–13,8	–5,2
Аибга (2225 м)	2004–2011 гг.	–21	–20	–20	–20
	сезон 2011 г.	–9,2	–14,2	–18,7	–15,4
Разность температур ст. Кордон Лаура – Кр. Поляна в зимний сезон 2011 г.					
		–1,8	–1,9	–2,1	–2,0

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

УНИВЕСАЛИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Круг аксиологич. понятий, в которых определены итоги технологической деятельности; ее продукты со втор. пол. XVIII в. стали восприниматься как энтропийный негатив культуры (энциклопедисты). В отличие от **универсалий культуры**, универсалиям цивилизации присущ лже-экзистентный характер, они знаменуют количества прогресса, а не глубинные качества исторической жизни. В универсалиях цивилизации человек овнешнен всей совокупностью забот о выживании; как субъект интенции самосохранения, он не может быть творцом культуры, а как генератор духовных ценностей он – за пределами «обстоятельствующей» несвободы. Поэтому УЦ наделены опознавательными-атрибутивными, а не сущностным смыслом, что затрудняет их описание как устойчивых структур. Ряд сравнительно стабильных универсалий цивилизации перекрывается списком инверсированных индексов культуры. Оппозиции «дом / город», «традиция / мода», «искусство / порно», «св. мощи / Мавзолей», «гадание / азартная игра», «деревня / поселок («городского типа)», «инициация / пытка», «спортивное единоборство / дуэль», «путешественник / Робинзон» лишь частично совпадают левыми частями с «культурой», а правыми – с «цивилизацией»: в конкретных ситуациях разных эпох они могут меняться местами (см. смену ценностного статуса старых афиш, открыток, этикеток, бытовой посуды и мебели, весов, футляров и шкатулок, научных игрушек, городских вывесок или живописных украшений питейного интерьера – Т. де Лотрек, Н. Пирсоманишвили). В обыденном сознании

«цивилизации» обычно противопоставлена не «культура», а «варварство». Подлинно критическое осмысление цивилизации возникает, когда проявляется кризис частного присутствия творческого «я» в мире. Если в описании Гоголем Парижа («Рим», 1842) фиксируется «страшное царство слов вместо дел», мы имеем дело с отрешенным от исторической жизни и от культуры человеком-героем в окружении атрибутов новейшего варварства и «водевильной» мимикрии культуры (в своем веке Г. Гессе назовет пору пожирания культуры цивилизацией «фельетонистической эпохой»). Символ культуры – живое творчество; знак цивилизации – мертвое воспроизводство, агрессивно актуализуемое в терминах техники, в списках «ширпотреба» и в «поэтике» его рекламы, в фактуре денежных и товарных знаков, в социальной иерархии профессий, в таком выразительном атрибуте цивилизации, как городской мусор. Цивилизация есть ржавчина культуры, и в этом состоянии коррозии и порчи несомненные артефакты памяти (книга, музей, кладбище) мгновенно обретают не завещанные традицией роли («чтиво», «спецхран», «крематорий»), привыкание к которым подпитывается страхом обывателя перед культурой и ее носителями, аналогичном специфично городскому страху перед смертью и историей (будущим). Новинки цивилизации неизбежно становятся источниками угрозы (авто, воздушный шар, аэроплан, телефон, синема, бомба, наркобизнес, телевизор, компьютер). Осознанные как свидетельства прогресса, они вносят молчаливо санкционированную долю злого в истории, оправданы в роли

катализатора социальной эволюции и своего рода компенсации (в поствоенных ситуациях). В мире цивилизаторских достижений человек не является самоценным героем, он обращен в функцию потребления и в функционера комфорта.

«Техника» и «механическое» – цивилизационные сублиматы культуры возглавляют список УЦ. Пафос культурного зодчества и творческая гениальность уступают место накопительству изобретений и приспособленческой ловкости. В пространстве цивилизации нет места историософии, философской антропологии и религиозному опыту. Характерные для Запада попытки отыскать «дискурс вещей» (Ж. Бодрийяр) или, что того хуже, «библейские источники секуляризации» (Х. Кокс) легализуют противозастенный перенос ценностных содержаний категорий культуры в рамки УЦ (ср. мировой восторг перед исчислением прогресса в шагах «четырёх модернизаций» или перед «японским чудом»). Подлинно культовое значение обретают коммерция и деньги. После введения Екатериной Великой бумажных ассигнаций (1769; упразднены в 1849) возникает мистика денег, а позже – облигаций, чеков и векселей в рамках особой семиотики бумаги. Плакатно-риторический характер изображений на монетах и ассигнациях и банковских билетах, словарь товарных знаков и семантическая конъюнктура в композиции фирменных бланков и квитанций работают на воздвижение царства мнимостей, мифологии власти и демонической эстетики Ничто. Цивилизаторское мышление создает особую мифологию культуры: антропоморфизируются машины (ср.: куклы Гефеста, Голем, роботы, персонажи виртуальной реальности) и электроника; этот процесс проявляет готовность к смысловой инверсии (см. **Кукла**). Имперская идеология внушает образ человека-винтика; масс-медиа (кич) претендует на подлинность. В истории философии защитниками цивилизаторских успехов становятся адепты эмпирического (позитивисты, сциентисты, «диапатчики», глобалисты) и псевдоэмпирического (мальтузианство; «лысенковщина»; современное «научное» шарлатанство в реанимированных формах астрологии, экстрасенсорики и погони за НЛО) опыта. Так называемая футурология пытается осознать себя философией прогресса (С. Лем). Популярные описания циклических фаз развития человечества (Гесиод, Дж. Вико, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, Н. Данилевский, К. Леонтьев, В. Розанов, О. Шпенглер, П. Сорокин,

А. Тойнби, К. Ясперс) грешат хроническим смешением культуры и цивилизации как разнонаправленных потоков эволюции. Продуктивные попытки размежевания культуры и цивилизации принадлежат современной философии техники (Франкфуртская школа). К универсалиям цивилизации принадлежит широкий круг социально-ролевых и предметно-символических репрезентаций власти и государства, бюрократических иерархий, систем запретов; языки служебного общения, технические средства пропаганды и рекламы; эмблематика и геральдика социально авторитетной титулатуры; знаковые маркеры господствующей идеологии; официальный церемониально-зрелищный этикет. Так называемая «официальная культура» на деле есть патология или мимикрия культуры с переводом ее основных параметров в реликтовые формы цивилизации. Показателем отчуждающего характера цивилизации является тот факт, что направленный на усовершенствование средств общения прогресс аудио- и видеотехники на самом деле служит деградации диалогических качеств мышления и поведения. Если культура есть память и диалог с историей и с Другим, то цивилизация, профанированный двойник культуры, направленно воспитывает голосовую глухоту и амнезию; она завещает человеку вместо любви к ближнему инструкцию по сексу, а вместо творческого самораскрытия – гедонистическую программу удобной жизни. Псевдоценности цивилизации утверждены на презумпции бестревожного покоя и атавистического рефлекса самосохранения. Гуманизм цивилизаторского мира есть «разумный эгоизм» пользы (Н. Чернышевский). При этом гипертрофируется реальный статус научного знания; природа из «храма» превращается в «мастерскую» (в соответствии с лозунгами героя тургеневского романа Базарова; см. апологию этой позиции у Д. Писарева); «научно» дезавуируются права ребенка, истощаются недра, истребляются животные и растения (К.Э. Циолковский призвал к уничтожению животных как лишних для жизни будущего человека), милитаризуются социумы и производство. На языке УЦ оправдываются **преступное состояние мира**, кризисная энтропия культурной памяти, войны и агрессивное «добро с кулаками». Впечатляющие современника успехи цивилизации, ее присутствие во всех областях социального бытия и быта не отменяют античеловеческого содержания УЦ, сколько ни значимым может показаться их роль в картинах мирового прогресса.

Исследования: *Аверинцев С. С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философ. общества СССР. 1991. Культура и религия. М., 1991. С.183–203; *Арзаканьян Ц.Г.* Культура и цивилизация // Вестник истории мировой культуры. М., 1961. № 3; Трактовка гуманизма в современных буржуазных концепциях культуры и цивилизации // От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела. М., 1969; *Байбури А.К., Левитов Г.А.* // Тезисы к проблеме: «волшебная сказка и свадьба» // *Quinquagenario*. Тарту, 1972; *Бердяев Н.А.* Дух и машина // Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 216–213; Царство Духа и Царство Кесаря (гл. II. – Человек и Космос. Техника) // Там же. С. 245–252; *Бодрийяр Ж.* Система вещей, 1968. М., 1995; *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977; *Гессе Г.* Игра в бисер, 1943; *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895 (М., 1995); *Кокс Х.* Мирской Град, 1965. М., 1995; *Конрад Н.Н.* Запад и Восток. М., 1972; *Лем С.* Сумма технологий, 1964 (М., 1975); *Леонтьев К.Н.* Византия и Славянство // Восток, Россия и Славянство. Сб. статей: В 2 т. М., 1895. Т.1; *Лотман Ю.М.* 1) Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. Вып. 1; 1973. Вып. 2; 2) Массовая культура как историко–культурная проблема // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1993. Т. III. С. 380–388; *Маркарян Э.С.* О концепции локальных цивилизаций. Ереван, 1962; *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация, 1956. Киев, 1995; Одномерный человек, 1964. Киев, 1994; *Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966; *Новикова А.И.* Понятие цивилизации и его познавательные функции // Философия и культура. М., 1987. С. 174–194; Ноосфера и художественного творчество. Сб. статей. М., 1991; Освальд Шпенглер и Закат Европы. Сб. статей Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, Ф.А. Степуна и С.Л. Франка. М., 1922; Панорама современных наук. Нью Йорк, 1982; Первый Российский философский конгресс «Человек – философия – гуманизм». Тезисы докладов: В 7 т. СПб., 1997. Т. 4. Философия в мире знания, техники и веры; *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991; *Петрухин В.Я.* О функциях космологических описаний в погребальном культе // Обычай и культурно–дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979; *Розанов В.В.* Эстетическое понимание истории // Русский вестник, 1892. Т. 218. С. 156–188; *Семенов Ю.Н.* Социальная философия А. Тойнби. М., 1980; *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1993; *Федоров Н.Ф.* Мефистофель как выразитель светской культуры // Н.Ф. Федоров. Соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 204; *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. статья и прим. К.А. Свасьяна. М., 1993; *Яснецв К.* Смысл истории. М., 1995; Утопия чистоты и горы мусора (*Studia Litteraria Polono-Slavica*. V. 4). Варшава, 1999; *Benveniste E.* Civilisation. Contribubucion a l'histoire du mot // Eventall de l'histoire vivante. Paris, 1953. Vol. 1. P. 47–54; *Gallot E.* Civilisation et civilisations. Recherche d'une philosophie inquiry into Freud. London, 1956; *Gowel F.R.* Values in human society. The contributions of P.A. Sorokin sociology. Boston, 1970; Net J. U. Cultural foundations of industrial civilization. Cambr. (Mass.), 1958; *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. New-York, 1962. Vol. 1–4.

ФАКТ / СОБЫТИЕ

Уровни исторической экзистенции. Факт – внесмысловая элементная наличность происшедшего, он не порождает других фактов, фабульно маргинален, представляет материальную периферию исторического процесса, пребывает в модусах случайного, дискретного, детального, не уникален и взаимозаменяем; фиксируется в рангах возможности, в формах слуха и сплетни, не нуждается в свидетеле и не актуален для задач хранения и наследования информации. Факт – это форма апофатического бытия события, его эмбрион. Событие есть факт в статусе автономной существенности: оно оставляет след в поле детерминант, провоцирует динамику процесса; событие актуально вплетено в мировое целое, репрезентирует целостность мира во всей полноте наблюдаемых состояний, обладает аксиологическим приоритетом для свидетеля и прагматической уместностью для общественного опыта; маркируется в терминах мнемонической и пропедевтической ценности; служит юридическим аргументом («казус») и элементом исторического объяснения, входя в качестве таковых в соци-

альную память; составляет основной фон человеческой действительности; является эмпирическим сырьем для зодчества жизни и творческого поведения. Аксиология события состоит в его свойстве отвечать за всю смысловую целостность актуальной связанной с ним конкретной событийной композиции; в этом плане событие есть конструктивно значимый момент **эстетики истории**. Факт может быть бесспорным в цепочке каузально связанных явлений. Но он живет плоской жизнью натурального самообозначенья, являясь как бы «макетом» события, напр.: факт-гипотеза – «Александр I не умер в Таганроге» есть возможность события – «Фёдор Кузьмич». Не–событие (т.е. факт) прошлого (напр., обычный ренессансный портрет юноши) нагружается символической значимостью события (А. Блок увидел в таком портрете свое изображение; см. дневниковую запись от 29 июля 1903 г.). Событие – это факт, уличенный в смысле, облеченный в смысл. Событие – это осмысленный факт. По Л. Толстому, смыслы событий возникают, когда они «вырезаются в свое значение»; в «Люцерне», 1857 герой, наблюдающий, как со-

тня богатых зевак оставила без подаяния нищего певца, возводит фактичность эпизода (точка зрения зевак) в ранг мировой событийности (с т. зрения рассказчика). Для Толстого естественным претензиям события на историчность отвечает его способность стать моральной проблемой (см. *Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1984. Т. 6. С. 280*). «След» факта есть его проблематизация, т.е. превращение не просто в событие, но в событие смысла. «Следы» событий смысла, образующие сложные конфигурации, и есть история. Прошлое состоит не из адекватной, довлеющей себе автономной наличности, а из смысловых архитектур, в плане которых Промысел и человеческие деяния провиденциально соотношены: каприз личной воли органично отвечает вышней предестинации Божьего Домостроительства и общей судьбе мировой плоти. Смысловое бытие события, сопряженное с метасмысловым усилием человеческого уразумения есть уже «со-бытий» – благодатно санкционированная, овеществленная и призванная к имманентной значимости экзистенция. Свой высший смысловой ранг мирская бытийность получает в формах сакрализации неповторимого эпизода, благодаря чему он становится «вечным Событием» метаистории (Ницше; символисты; Блок). Так, воспроизведение в литургии судьбоносных моментов Священной истории; кардинальные вмешательства национального Рока в жизнь народа; поединки стихий Света с демонической ратью, отразившиеся на земле катастрофами, что описаны в «Розе Мира» (1950-е) Д. Андреева, – везде актуализирует свое волевое присутствие предвечная онтологическая грамматика событийности. Ее можно комментировать в терминах «основного мифа», «архетипа», «мифологемы» и других дериватов культурно-исторического и социально-психологического стереотипа, но центральной проблемой отечественной философии истории и историософии остается понимание не собственно событийного, а событийно-смыслового. Если Космос «думает» энергиями и состояниями материи, вещами Бытия, то история (ноосфера в ее внутренней динамике) «думает» смыслами событий. Иррациональный избыток движения истории утратит свою «загадочность» (в плане вечного запроса: «почему все произошло так, а не эдак?»), когда наука истории отделит слепую необязательность факта от смыслового древа альтернативно ветвящейся событийности, и когда слово историка о событии также станет историческим со-

бытием смысла. Теории сюжетосложения известно, что фабульная эмпирия факта предстоит художнику в качестве сырого фактического материала, который лишь на уровне сюжетной организации обретает органику событийности (то, *о чем* рассказывается), а сам процесс рассказа (то, *как* рассказывается), также становясь на уровне композиции событием, возрастает в целостное единство текста. Встреча двух событийных рядов: событий, о которых повествуется, и событие самого нарратива – и есть со-бытийственная в единственном смысле реальность художественного произведения, что не слишком далеко от «эстетической самоорганизации» жизни (Ф. Степун) внутри самой жизни как событийно осмысленного и ответственно свершаемого поступка («бытие события» по М. Бахтину; акт «творческого поведения» – в терминах М. Пришвина). Переход от фактичности к событийности – это смена онтологического амплуа. В мире «одна случайность уравнивается другой, и вот уже собирается множество фактов, вырисовывается определенный способ выбирать позицию, в отношении человеческой ситуации, *событие*, контуры которого определились и о котором можно говорить» (*Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999. С. 19; курсив автора*). Впечатляющий опыт метасобытийной герменевтики накоплен русской религиозной философией и в школе художественно-эстетического мемуарного свидетельства. Обостренное историческое чувство наших мыслителей и русская жанровая привычка памятной записи спасли жизни «пестрый сор» (так Пушкин означил прозаiku повседневной фактичности) от исторической амнезии и отстояли преемство событийно-смысловой памяти. В эпохи цензуры и фальсификации прошлого (см. цезаристские генеалогии Иоанна IV Грозного, Петра Великого; мифологию вождизма в 30–50 гг. XX столетия) происходят вычеркивания и переименования исторических явлений (упразднение слова «раб» при Екатерине Великой; ср. рассуждения Щедрина о девальвации смысла слов «государство» и «отечество»). В XX в. оппозиция «факт/событие» переживает инверсию, смысловую деформацию и семантическую болезнь, начиная работать на тотальный семиозис подмены (см. исследования новояза в антиутопиях Дж. Оруэлла и Е. Замятина). Переживаемая ныне шоковая терапия возврата внесмысловым «фактам» их подлинно-событийного статуса и смыслового тела богата симптомами исто-

Исследования: Артамонов В.А. Национальный характер и история // Стили мышления и поведение в истории мировой культуры. М., 1990. С.54–81; Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности // История и источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 89–101; Бородина Т.В. К определению категории факта и методология исторического познания // Категории философии и развитие научного познания. Саратов, 1983. С. 113–115; Вахтомин В.К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория. М., 1973; Гуревич А.Я. Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 59–88; Исупов К.Г. 1) Мифология истории // Логос СПб., 1992. Кн. 2. Российский духовный опыт. С. 104–112; 2) Русская эстетика истории. СПб., 1992; Ландгребе А. Размышления по поводу слов Гуссерля “Die Geschichte ist das grosse Faktum das absoluten Seins // Метафизические исследования. СПб., 1997. Вып. 3. С. 180–198; Лисовина А.П. Категория «исторический факт» в марксистской и буржуазной философии истории. Кишинев, 1981; Лотман Ю.М. 1) Структура художественного текста. М., 1970; 2) О каузальных связях в семантическом ряду // Семиотика культуры. Архангельск, 1988. С. 6–10; Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ф. Ницше. Соч.: В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 159–231; Руднев В.П. Феноменология события // Логос. М., 1993. № 4. С. 226–238; Секацкий А.К. Опыт текстологического анализа советской философской литературы 50-х годов // Сфинкс Петербургский философский журнал. СПб., 1994. № 1. С. 7–41; Соколов Е.Г. Имитация истории и риторические фигуры советской мифологии // Метафизические исследования. СПб., 1997. Вып. 2. История. С. 143–166; Тынянов Ю.Н. Литературный факт, 1924 // Ю.Н. Тынянов, Литературный факт. М., 1993. С. 121–137.

ХАНДРА

Метафизическое беспокойство души, переживание беспредметной тревоги, ощущение размытости жизненного горизонта, избыток чувства подавленности при дефиците общения. Эстетические ценности меланхолии осмыслены и выстроены в классификацию эпох барокко (Р. Бёртон). Пришедшая с байронизмом европейская мода на позу скучающего денди с его сплином выразила наивный эгоизм западного индивидуализма: аристократическое презрение к суете, романтическая мизантропия. В «русской хандре» (Пушкин) порождаются способы душевного самоопределения русского человека на рубеже между азартной активной деятельностью (напр., на переходе теоретического масонства александровского времени к суматошному активизму раннего декабризма) и столь же крайним бессилием. Х. знаменует границу, разоблачающую намерение и перспективу: «я» проектирует одно, а получается другое, причем «я» знает заранее, что это «другое» его своими результатами никак его не устроит. Смысл границы в том, что по одну ее сторону – готовность к поступку, а по другую – его бессмысленность, загода пережитая. Эта межа пересекает пространство внутреннего диалога «я». «Я» разламывается на того, кто переоценивает затаенную в пустоте жизни мощь ненависти мира, и того, кто с неосознанным страхом и скорбью стоит перед альтернативой: или отдалиться ритму самотекущего бытия (равнодушие), или отринуть его в кардинальном самоотказе (самоубийство). В перечне

душевных состояний Х. замыкает цепочку ‘грусть – уныние – скука – Х.’ и стоит в начале списка фундаментальных интенций внутренней жизни: ‘Х. – тревога – трепет – страх – тоска – горе – отчаяние’. Таким образом Х. оказывается точкой смыслового стяжения обеих ветвей цепочки; первая создает насыщенность эмоционального фона, а вторая – глубину бытийной перспективы. Элегическая меланхоличность и мечтательная созерцательность далеки от хандры: в последней зреет беспредметная злоба на себя и на уже готовый мир, в котором «я» никем не встречено и обречено на судьбу маргинала. Хандрит человек, овнешненный и отчужденный низкой «средой», не приглашенный на «пир жизни». Он мучительно силится и не может вспомнить тропы к единственно значимому месту его присутствия в большом и значительном мире, он одержим неясным чувством врага, чьим усилием событийный мир вокруг «я» предстает стенами вязкого тумана. Мир самосознания превращается в мир кривых зеркал. Это состояние Кая, только что раненного осколком зеркала; ближний стал врагом (розановское «человек человеку – бревно»). В хандре отмечена несобранность личности, утрата жизненной цели и надежды на идентичность. Христианская традиция, называющая уныние смертным грехом, знает, что от тоски и скуки человек готов зарыть свой талант в землю (бесконечный апатический сон Обломова). Эстетский сплин капризен, самодостаточен и преходящ, как всякое

состояние бесцельности; в сплине дана элегантная форма хандры (реплика собеседника пушкинского Мефистофеля: «мне скушно, бес!»); в русской хандре раскрываются возможности оказаться стимулом разрешения душевного кризиса – через преодоление гоголевского «скушно жить на этом свете, господа!» и мировой скуки затканного пауками угла бани (символ вечности у **Достоевского**). Х. лечебна, как всякий кризис, однако и здесь личность может сорваться в соблазн отрицательных ценностей – от беспорывной блажи до богоборчества. В демократической традиции отрицание ценностей прошлого и личных воспоминаний сопровождается эмоциональным фоном, в котором соседствуют «злоба» и «Х.» («Родина», 1846 Н. Некрасо-

ва). В философско-исторических анализах русского характера (Н. Бердяев, Н. Лосский, Ф. Степун) Х. трактуется то как сакрально-фатальная серьезность, то как вариант азиатского фатализма («авось!») в сочетании с «русской ленью», то как «загадочная» метафизическая привычка русской души. Русская Х. выражает жажду идентичности и отрицательную возможность творческого дерзания на краю возможного: «Тоска – тоже средство познания, как и сознание, край возможного, – такая же жизнь, как и знание» (Батай Ж.) Жизненная двусмысленность пороговых ситуаций «я» и сны угнетенного сознания преодолеваются в кризисе Х. на путях взыскания благодати и соучастного свершения своей человечности.

Тексты: *Аполлинер Г.* Меланхолические страж (изд. 1952); *Бёртон Р.* Анатомия меланхолии, 1621; *Бодлер Ш.* Парижский сплин (пер. В. Ходасевича) // Иностранная литер. М., 1989. № 1; *Булгаков С.Н.* Тоска. На выставке А.С. Голубкиной, 1915 // С.Н. Булгаков. Тихие думы, М., 1996; *Жуковский В.А.* О меланхолии в жизни и в поэзии, опубл. 1856; *Иванов Вяч.* Сплин (Из Бодлера), 1905; *Лермонтов Ю.* И скучно, и грустно., 1840; *Иоани Златоуст.* О благодушном перенесении скорбей // Христианское чтение», М., 1842. Ч. 2; *Обрезков А.Е.* Утехи меланхолии, М., 1802 (сравни: Уортон У. The pleasures of melanchkoly); *Огарев Н.П.* Хандра, 1844; *Логинов М.А.* Меланхолия // Русские записки, 1916. № 5; *Победоносцев П.С.* Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца. М., 1796. Ч. 1-2; *Сковорода Г.* Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира (Картинки изображенного беса, называемого грусть, тоска, скука), 1774 // Г. Сковорода. Соч.: В 2 т. М., 1973. Т. 1; *Страж.* Антология / Сост. П. С. Гуревич. М., 1988; *Тайлер А.* Обед в ресторане «Тоска по дому», 1982 (пер. 1985); *Титов В. П.* Радость и печаль // Московский вестник, 1827. Ч. 2.

Исследования: *Жане П.* Страх действия как существенный элемент меланхолии, 1928 // Психология эмоций. Хрестоматия. М., 1984; *Барзах А.Е.* «Тоска» И. Анненского // Russian Studies. СПб., 1996. Т. II. № 2; *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997; *Батов В.* Пушкин: От экзальтации до меланхолии // Прикладная психология и психоанализ, 1999. № 1; *Бердяев Н.А.* Самопознание (Философская автобиография). М., 1991; *Володихин Д.М.* Философия абсолютной печали (Экзистенциальные разыскания). М., 1996; *Де ля Барт Ф.* Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции. Киев 1905; *Ильин И.А.* 1) Плохое настроение // И.А. Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий, 1938 <Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3; 2) О мировой скорби // И.А. Ильин. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний (Там же); *Калашников С.И.* Гоголевский мотив «уныния» в контексте религиозно-учительной литературы // Гоголевский сборник. СПб., 1993; *Ключевский В.О.* Грусть. Памяти М.Ю. Лермонтова // Русская мысль, 1891. Кн. 7; *Котляревский А.А.* Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века. Ее основные этические и социальные мотивы и их отражение в художественном творчестве, М., 1914; *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993; *Любомирова Н. В.* Магия русской хандры // Этическая мысль – 1991. М., 1992; *Ростовский Дм., св., Апология во утолнение печали человека, суаго в беде, гонении и озлоблении, вкратце сложенная,* // Св. Дмитрий, митр. Ростовский. *Сочинения*, Москва 1839. Т. 1; *Степанов Ю.С., Грусть, печаль,* // Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры*, Москва 1997; *Степун Ф.А., Трагедия творчества (Ф. Шлегель)*, в «Логос». 1910. Кн. 1; *Фрейд З., Печаль и меланхолия* // З. Фрейд, *Основные психологические теории в психоанализе*, Москва; Петроград 1923.

ОТЗЫВ НА МОНОГРАФИЮ Н.А. СЕДЫХ «ИСТОКИ И УРОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ. КНИГА I. ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ»*

Истории Великой Отечественной войне, ее влиянию на современность посвящено немало научных исследований. Вместе с тем, несмотря на то, что в 2012 г. исполнилось 67 лет со дня ее окончания, события этой величайшей битвы народов, их уроки и итоги, даже в нашей стране, оцениваются, мягко говоря, не однозначно. По многим фактам в научных исторических кругах идут если не ожесточенные, то горячие споры.

До сих пор до конца не выяснены причины крупнейшего окружения наших войск под Киевом, взятия Минска немецкими войсками на шестой день войны, вниманием ученых обойдены операции первых двух лет войны под Вязьмой, под Харьковом, в Крыму, действия Волховского фронта по снятию блокады Ленинграда, Ржевско-Сычевская операция...

Воссоздать достоверную картину тех лет – чрезвычайно трудная и благородная задача. Очень важно объективно показать, из чего на самом деле складывалась наша Победа. Следует особо подчеркнуть, что данная задача может быть решена только опираясь на объективные законы познания, прежде всего – закон всеобщей связи и взаимодействия явлений действительности.

Автор монографии «Истоки и уроки Великой Победы. Книга I, Истоки Великой Победы», опираясь на указанное методологическое требование, убедительно показал, что наши победы и тяжелые поражения в ходе Великой Отечественной войны непосредственно были связаны с событиями и результатами деятельности руководства нашей страны и армии, предшествовавшими 22 июня 1941 г. По большому счету наша победа была предопределена индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией, а поражения и тяжелые потери в начале войны – это результат недооценки опасности нападения гитлеровской Германии на нашу страну. Так, например, недостаточное внимание нашего Генерального

штаба системам связи привело к тому, что уже с первых минут войны высшим командованием страны было потеряно управление войсками. Низкая боеготовность войск, особенно в авиации, привела в самом начале войны к огромным потерям самолетов, а вместе с авиацией – к потере господства в воздухе в течение первых двух лет боевых действий на советско-германском фронте.

Автор, исследуя события предшествующие Великой Отечественной войне, показал, что ликвидация Советского Союза путем захвата его территории фашистской Германией и империалистической Японией, означала и ликвидацию России, чего в то время не понимали – да и до сих пор не понимают – некоторые отечественные «патриоты», а также современные «десталинизаторы», противники социалистической идеи.

По нашему глубокому убеждению, Вторая мировая война началась не с нападения Германии на Польшу, а значительно раньше, 7 июля 1937 г., – с нападения Японии на Китай. Несколько раньше между Японией и Германией был подписан так называемый «Антикоминтерновский пакт», под лозунгом якобы борьбы с международным коммунистическим движением, который определил коалицию врагов Советского Союза, нацелил агрессоров на передел «жизненного пространства».

Автор в своей монографии справедливо подчеркивает, что в то время Советский Союз вполне реально мог оказаться втянутым не только в войну на два фронта, с Германией и Японией, но и против единого фронта практически всех капиталистических государств, включая, дополнительно к указанным, США, Англию и Францию.

В этих условиях, чтобы избежать удара объединенных сил Запада и Японии, советские руководители вынуждены были 23 сентября 1939 г. подписать Договор о ненападении с Германией.

* Седых Н.А. Истоки и уроки Великой Победы. Книга I. Истоки Великой Победы. – СПб. : Астерион, 2008. – 236 с.

Кое-кто пытался, – а кое-кто пытается и в настоящее время – свалить вину за развязывание Второй мировой войны на СССР, забывая при этом агрессивные действия Японии на Дальнем Востоке, а также Мюнхенский сговор Англии и Франции с Гитлером, отказ со стороны Запада Советскому Союзу в организации коллективного отпора фашизму.

Вторая мировая война была попыткой очередного насильственного передела жизненного пространства мира, причем главным образом за счет уничтожения нашей страны. Тогда решающий вклад в превращение Второй мировой войны из несправедливой, захватнической в справедливую, освободительную внес советский народ и его Вооруженные Силы.

Автор в монографии делает справедливый вывод, что Великая Победа была достигнута в огромной степени благодаря огромным усилиям советского народа в довоенное время, в процессе заблаговременной подготовки нашего народного хозяйства и Красной Армии к войне.

Очень важно в настоящее время, в условиях непрерывного продвижения НАТО на восток сделать правильные выводы из уроков прошлого, чему и посвящена монография Н.А. Седых «Истоки и уроки Великой Победы. Книга 1. Истоки Великой Победы». Слова великого патриота России адмирала С.О. Макарова «Помни войну», которыми автор заканчивает свою монографию, в настоящее время актуальны как никогда.

А.А. Алимов, И.Н. Самусевич

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛЬШИХ ГОРОДОВ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗОН

Экологическая проблематика привлекает все большее внимание ученых, специалистов, политических деятелей и граждан. Это нашло соответствующее отражение в работе таких крупных форумов, как Конференция ООН по окружающей среде (Рио+20), а также на Саммите стран-членов АТР, проходившем в сентябре нынешнего года на территории Российской Федерации.

Весьма значительной, как по обсуждаемым вопросам, так и по количеству стран-участниц была конференция «Экология больших городов и промышленных зон», проходившая 2–4 июля 2012 года в Российском государственном гидрометеорологическом университете в Санкт-Петербурге.

В работе конференции принимали участие более 400 человек, представлявших не только Россию, но ряд других стран, в том числе Мексику, Чехию, Германию, Белоруссию, Украину, Латвию, Колумбию и Сербию.

Конференция носила не только академический характер, значительное внимание было уделено вопросам практики устойчивого развития, экологическому образованию.

Председателем Оргкомитета Конференции был ректор РГГМУ проф. Л.Н. Карлин.

Работа конференции проходила по традиционному принципу: пленарные заседания и обсуждение наиболее важных, конкретных вопросов по соответствующим секциям. Кроме того был проведен круглый стол «Образование и подготовка кадров для решения экологических проблем и промышленных зон. Опыт международного сотрудничества».

Были выделены следующие секции:

1. Экологическое состояние и качество городской среды.
2. Проблемы и особенности организации экологического мониторинга в больших городах и промышленных зонах. Приборно-методическое обеспечение мониторинга.
3. Методы оценки антропогенных воздействий на городскую среду. Диагностика, оценка и процессы управления экологическими рисками.
4. Воздействие городов и промышленных зон на окружающую среду.
5. Окружающая среда урбанизированных территорий и здоровье. Экологические

* Конференция была организована Комитетом по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга в Российском государственном гидрометеорологическом университете, при поддержке: Технологической платформы «Технологии экологического развития», ФГБУ «Государственного гидрологического института», Северо-Западного Межрегионального территориального управления гидрометслужбы (СЗУГМС), Санкт-Петербургского государственного университета, ФГБУ «Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова», Комитета по природным ресурсам Ленинградской Области Правительства Ленинградской области, Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности при Правительстве Санкт-Петербурга, НОУ ДПО ИПК «Прикладная Экология», НПО «Тайфун».

6. Экологическое проектирование и градостроительная экология. Обращение с отходами на урбанизированных территориях.

В представленных пленарных и секционных докладах освещен широкий круг вопросов, посвященных современным экологическим и гидрометеорологическим проблемам больших городов и промышленных зон. При этом особое внимание уделялось особенностям организации экологического мониторинга, методам оценки антропогенных воздействий на городскую среду, анализу особенностей климатических условий и медико-экологических проблем, моделированию и прогнозированию состояния качества городской среды, приборно-методическому обеспечению мониторинга, образованию и подготовке кадров для решения экологических проблем. Большое внимание в докладах было уделено начавшемуся процессу интернализации университетского образования в социально-экологической сфере при учете сохранения традиций научных исследований в разных странах.

В докладах констатировалось:

- Общая тенденция развития городов и промышленных зон проявляется в прогрессирующем ухудшении экологического состояния и качества окружающей среды. Вследствие этого экологические проблемы в них приобретают первостепенное значение, и все большее внимание приходится уделять оздоровлению и улучшению условий и качества жизни человека.

- В загрязнении воздушного бассейна городов и промышленных зон в большинстве случаев основную роль играют нестационарные источники загрязнения. В загрязнении рек и водоемов в городской черте важную роль играют малые предприятия и общее загрязнение городской территории. Мониторинг названных источников загрязнения пока отработан недостаточно.

- Все большее влияние на состояние городской среды и экологическую безопасность оказывают аварийные сбросы и выбросы предприятий, техногенные катастрофы, экстремальные погодные условия. Между тем экологические проблемы, связанные с этими явлениями пока разработаны недостаточно.

- Теоретические исследования влияния урбанизации на состояние окружающей среды и их практические приложения не достаточно обеспечены материалами стационарных и экспериментальных наблюдений на урбанизированных территориях. В последние годы в ряде стран и регионов, включая Российскую Федерацию, произошло сокра-

ние сети наблюдений за состоянием окружающей среды. Это во многом снижает качество экологического обоснования хозяйственных мероприятий и затрудняет разработку практических рекомендаций по управлению природными ресурсами городов и их охране.

- Для решения новых задач, связанных с устойчивым развитием городов и промышленных зон, необходимы первичные данные наблюдений за состоянием окружающей среды. Однако в последние годы публикация этих данных в некоторых странах, в том числе в России, существенно сокращена, и материалы первичных данных наблюдений стали практически недоступными для исследователей. Это существенно сказывается во всех областях прикладной экологии, в том числе в научных исследованиях и в образовательном процессе.

- При оценке ряда важнейших параметров состояния окружающей среды, публикуемых в официальных источниках, в частности средние годовые концентрации и объемы годового стока загрязняющих веществ в реках, не учитываются особенности первичной информации, что приводит к большим погрешностям, достигающим в отдельные годы 100% и более.

- Наблюдается определенный отрыв административных органов, занимающихся вопросами мониторинга и охраны окружающей среды, от научной общестественности и населения. Многие руководящие документы принимаются практически без обсуждения их с научной общественностью, что естественно сказывается на их качестве.

- Назрела необходимость повышения частоты и качества химико-аналитических измерений параметров окружающей среды, повышения их достоверности, чувствительности и расширения круга анализируемых компонентов.

- Необходимо повысить уровень социально-экологического образования, в том числе при подготовке специалистов в области политики устойчивого развития.

- Остается неясной система распределения грантов на научную и научно-производственную деятельность, реализуемую различными программами и фондами. Подавляющее количество грантов, как правило, приходится на Московские учебные и научно-исследовательские организации. Система распределения грантов остается закрытой, что, несомненно, приведет или уже приводит к злоупотреблениям.

На основании подробного обсуждения отмеченных выше вопросов, участниками Конференции было принято следующее решение:

1. Тематика проведенной конференции является актуальной и своевременной. Научный уровень докладов и их практическое значение являются высокими, а некоторые вопросы, поставленные в докладах и выступлениях, дискуссионными. Уровень организации и проведения конференции и обслуживания участников конференции является высоким.

Участники конференции благодарят организаторов за высокий уровень ее проведения и считают целесообразным систематически проводить международные конференции по названной тематике раз в два года.

2. Рекомендовать административным органам стран участников конференции:

2.1. Включить работы по оценке риска здоровью населения от загрязнения окружающей среды в программы и планы администрации больших городов и промышленных зон.

2.2. Признать целесообразным расширение существующей сети пунктов внутригородского мониторинга окружающей среды (в первую очередь в городах мегаполисах), с обязательным обсуждением и учетом рекомендаций научной общественности.

2.3. В связи с недостаточной степенью разработки методов оценки состояния природной среды, влияния на окружающую среду хозяйственной деятельности, прогнозирования возможных последствий тех или иных хозяйственных мероприятий желательно организовать в ряде крупных городов экспериментальные полигоны с проведением наблюдений за основными составляющими водохозяйственного баланса (речной сток, дождевые и талые воды, полив-мочные воды, промышленно бытовые сточные воды).

2.4. Учитывая недостаточную обоснованность и надежность части принятых методов обработки результатов геоэкологических наблюдений просить соответствующие службы стран издавать в том или ином виде первичные данные наблюдений за состоянием окружающей среды и обеспечить

бесплатный доступ к ним ВУЗам и научным организациям.

2.5. Шире привлекать научную общественность к обсуждению системных вопросов экологического обоснования хозяйственных проектов и созданию руководящих документов.

2.6. С целью повышения уровня и достоверности экологического обоснования различных проектов провести цикл работ по проверке надежности и точности исходных данных по качеству природной среды и объемам сбросов и выбросов загрязняющих веществ. В плане расширения круга анализируемых компонентов и методов анализа следует шире использовать опыт, накопленный в других странах, и принять меры к унификации основных наблюдений.

2.7. Продолжить развитие международных профессиональных контактов по научному обоснованию определения и решения конкретных экологических проблем.

2.7. Для повышения эффективности проведения научно-исследовательских и научно-производственных исследований рекомендовать организациям, распределяющим гранты:

1. Во всех случаях давать отзывы на поступившие заявки и указывать причины отказа.

2. Публиковать в электронном виде отчеты по выполненным грантам.

3. Рекомендовать соучредителям конференции:

3.1 При подготовке следующей конференции уделить самое пристальное внимание вопросам юридического обеспечения экологической паспортизации и аудита муниципальных образований.

3.2. Издать сборник трудов конференции, отобранных для печати программным комитетом конференции.

3.3. Довести решения конференции до сведения административных органов больших городов и промышленных зон.

3.4. Провести следующую конференцию в 2014 году.

А.И. Субетто

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГАЛКИНА (7.10.1931–5.06.2012), ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО, ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ, ЯРКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

5 июня 2012 г. ушел из жизни бывший ректор и профессор Нижегородской государственной академии (в советское время – Горьковского сельскохозяйственного инсти-

тута), Председатель Нижегородского отделения Петровской академии наук и искусств, выдающийся ученый-организатор в области сельского хозяйства, в частности – в отрасли

мясного скотоводства, учитель, общественный деятель, патриот России Алексей Васильевич Галкин.

Можно сказать с уверенностью, что именно на таких скромных тружениках, вершащих свой жизненный подвиг незаметно и как-то естественно, держится Россия. Именно про таких говорят: «Соль Земли Русской».

Алексей Васильевич Галкин – Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, награжден тремя правительственными наградами, нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России», знаками других Министерств и ведомств, грамотами и другими наградами федеральных и областных организаций. Он почетный гражданин города Нижний Новгород.

Родился Алексей Васильевич 7 октября 1931 г. в селе Гаврилове Лукояновского района Горьковской области (ныне – это Нижегородская область). В тяжелые годы Великой Отечественной войны, учась в школе, он вместе с женщинами и стариками, заменяя взрослых мужчин, воевавших на фронте против немецко-фашистских захватчиков, трудился на полях родного колхоза.

В 1950 г. закончил Лукояновский зооветеринарный техникум и получил специальность ветеринарного фельдшера. Через 6 месяцев после окончания техникума, успев поработать в Линдовской районной ветеринарной лечебнице, был призван в ряды Советской Армии и Военно-Морского Флота. Три года прослужил на кораблях ВМФ СССР. Дослужился до звания старшины. Был секретарем комсомольской организации на корабле, душой воинского коллектива, в свободное время, с разрешения командования, неоднократно организовывал походы моряков в музеи и театры городов Прибалтики.

В 1955–1958 гг., после демобилизации, работал заместителем председателя колхоза «Победа» Лукояновского района, уделяя много внимания зоотехнической работе. Председателем колхоза был известный и талантливый организатор сельскохозяйственного производства, влюбленный в свое дело, Н.М. Чернов, а агрономическую службу возглавлял М.З. Мясников. Они и стали учителями Алексея Васильевича Галкина на поприще организации деятельности колхоза. Их общий труд из года в год приносил хозяйству хорошие результаты по повышению урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животных на фермах.

Параллельно с работой в колхозе Галкин заочно учится в Горьковском сельскохозяйственном институте, сочетая и работу, и учебу с большой общественной работой. Он в эти годы – член бюро райкома ВЛКСМ, органи-

затор самодеятельности в клубе колхоза и на животноводческой ферме, выполнял он и другие партийные и общественные поручения.

«Школа» работы в колхозе и в Лукояновском районе стала базой его восхождения и как общественного деятеля, и как вузовского работника, и как исследователя–ученого–организатора. Он работал и в сельскохозяйственном отделе Горьковского обкома комсомола, и главным зоотехником Вадского района Горьковской области, и начальником управления сельским хозяйством и председателем колхоза в Княгининском районе Горьковской области.

Нужно отметить одно качество Алексея Васильевича Галкина, которое можно было бы взять в качестве примера для подражания в системе воспитания нашей молодежи: независимо от того, на какую работу «посылала» логика его жизни или, выражаясь по-другому, судьба, он в каждой такой работе, на каждом своем поприще находил интерес для себя как человека-исследователя, погружаясь в проблемы коллективного труда и добиваясь незаурядных успехов.

Это все логично и привело его в 1963 г. на учебу в аспирантуру Горьковского сельскохозяйственного института, к занятиям научным трудом и к педагогической деятельности в системе высшей школы.

После завершения учебы в аспирантуре и успешной защиты диссертации в области зоотехнии началось новая профессиональная жизнь Алексея Васильевича как работника сельскохозяйственного высшего образования, в котором сочетались качества учителя, исследователя-ученого и организатора учебной и научной работы в вузе. Он прошел все ступени вузовской карьеры: ассистент на кафедре, доцент, профессор, заведующий кафедрой, декан факультета, ректор Горьковского сельскохозяйственного института в советское время, а затем – ректор Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии в 90-х годах XX века.

На должности ректора своего родного вуза Алексей Васильевич Галкин проработал достаточно длительный срок – 15 лет. При его активном участии прошла организация и становление ветеринарного и лесохозяйственного факультетов, была открыта подготовка инженеров-механиков для перерабатывающих предприятий, для сервисного обслуживания машин и оборудования, инженеров по землеустройству, специалистов в области агроэкологии, переработки сельскохозяйственных продуктов. По инициативе А.В. Галкина была создана в вузе система дистанционно-заочной формы обу-

чения студентов и слушателей повышения квалификации (на местах их проживания и работы), создана система представительств академии в Нижегородской области (на базе Лукояновского и Ильино-Заборского сельскохозяйственных техникумов, Лысковского и Шахунского агротехнического и агропромышленного техникумов, других учебных заведений в области).

Как ученый-исследователь Алексей Васильевич Галкин выполнил работы по обоснованию, разработке и внедрению технологий промышленного скрещивания в скотоводстве с использованием быков мясных пород, в значительной мере своим участием способствовал становлению и развитию новой для Горьковской, затем Нижегородской, области отрасли животноводства – мясного скотоводства. Много своих организационно-творческих сил он вложил в процесс совершенствования промышленного производства говядины. По результатам научных исследований опубликовал более 100 научных трудов, в том числе 3 научных монографии, подготовил 3-х кандидатов наук. Нельзя не отметить, что благодаря А.В. Галкину Горьковский сельскохозяйственный институт, а затем Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, занимала ведущие позиции в стране в области садоводства.

Алексей Васильевич Галкин умело сочетал свою деятельность на ректорском посту с активной общественной деятельностью: неоднократно избирался депутатом районного и областного Советов народных депутатов, членом Пленума Обкома Коммунистической партии Советского Союза (КПСС), начиная с 1993 г. и до самой своей кончины, почти 19 лет, являлся Председателем Нижегородского отделения Петровской академии наук и искусств, много лет был Председателем Президиума Нижегородской организации Всероссийского Общества охраны природы, являлся многие последние годы членом правления Нижегородского городского внебюджетного экологического фонда.

Под руководством А.В. Галкина вуз установил тесное сотрудничество не только практически со всеми руководителями и специалистами сельского хозяйства всех районов области, но и с зарубежными партнерами – учеными университета штата Айова в США, научными подразделениями Китайской народной республики (КНР), университетами Югославии и других стран.

В становлении Алексея Васильевича Галкина как ученого и руководителя большую роль сыграли общение и взаимодействие в вузе с учеными, организаторами науки и педагогами, профессорами В.П. Нарциссовым, В.Д. Панниковым, И.М. Коданевым, Н.Д. Ладыгиным, Е.Г. Куделиным, А.А. Капацинской, Н.М. Носковым и многими другими. Примером добра и интеллигентности, учителями в жизни для него стали бывшие ректор института А.И. Баранов и проректор М.Н. Шабурова, заведующий кафедрой частной зоотехнии профессор И.Ф. Печищев, профессора и заведующие кафедрами Е.П. Хрущева и В.В. Капацинский.

Алексей Васильевич Галкин был великолепным семьянином – мужем, отцом и дедом, воспитал дочь Марину и сына Андрея, внушек Лену и Анюту. Всегда ласково отзывался о своей жене Марии, которая ушла из жизни в конце 90-х годов. Это был большой, настоящий и очень нежный, внимательный друг.

Авторитет его среди районных управленцев, особенно работников и организаторов сельского хозяйства, организаторов сельскохозяйственного среднего профессионального образования был огромен. Это действительно был Учитель с большой буквы, в «образе» которого проступала не менее величественная фигура Человека с большой буквы, – чей пример человечности будет долго светить неугасающим светом для многих людей на Нижегородской земле.

Я склоняю свою голову перед Памятью об этом великом Человеке, Ученом, Педагоге, организаторе сельского хозяйства на нижегородчине, прекрасном муже, отце, деде и не менее прекрасном друге!

7 июня 2012 года в Нижегородской сельскохозяйственной академии, в актовом зале состоялась гражданская панихида. Многие выступали с воспоминаниями об этом прекрасном человеке – профессора, деканы, проректоры, ректор, руководители сельского хозяйства районов, представители других вузов, представители администрации города и области. И у каждого находились свои слова, свои воспоминания, вырисовывался свой «образ» Алексея Васильевича, но если их соединить, эти разные «образы», разные грани воссоздаваемой памяти о Галкине Алексее Васильевиче все равно не могли воссоздать полностью то, что совершил в своей жизни этот прекрасный человек.

Вечная ему память! Пусть русская Земля будет ему пухом!

SUMMARY

L.O. Evdokimova

Concepts of development of resource potential of subjects of economy: comparative analysis, methodological decisions

In article characteristics of concepts of growth of subjects of economy from positions of development of resource potential are considered. Methodological decisions are provided to development of resource potential of subjects of economy.

Key words: concept, subject of economy, region, development, resource potential, methodological decision

N.Y. Volkova

Problems of introduction of system of controlling by the entrepreneurial structures of the Magadan region

The article considers the objective causes of the introduction of controlling to the work of modern enterprise and the features of realization of this process in the business structures of the Magadan region.

Key words: entrepreneurship, controlling, competition, management, innovation, efficiency.

A.G. Koryakov

Mechanism of sustained development stimulation of chemical enterprises by the government in Russia: structure and implementation phases

The article examines the problems of realization of the mechanism of chemical enterprises sustained development stimulation in Russia. It also analyzes the structure and implementation phases of this mechanism as well as prospects for application of the government regulation tools in order to activate social, ecological and economic components of development of these enterprises.

Key words: Sustained development, governmental stimulation, sustained development control, mechanism of sustained development, enterprise, chemical branch, potential.

T.B. Ochirova

Modern problems of adoption of administrative decisions in the tourism sphere

In article problems of adoption of administrative decisions in the tourism sphere are considered. Process of adoption of administrative decisions is presented as the instrument of effective management by the tourism sphere.

Keywords: tourism, the administrative decision, decision-making stages, effective management in the sphere tourism.

O.I. Lebedeva

On the management of real estate

The article says the main features of real estate management in Russia. Specific characteristics of the property: rare, specific turnover of real estate, capital intensity, a unique utility, stationarity.

Key words: state property, land relations, real estate, real estate market, property management.

A.V. Buga, A.A. Kuprin, A.A. Samodurov

Features of the estimation of business and property complex of the enterprise with a view of antirecessionary management

Questions of an estimation of business in definition of alternative approaches of an effective variant of its realization where in a basis acceptance of true decisions and a management efficiency the crisis enterprise, the estimation can serve as that initial information which will allow to make the certain decisions during anti-recessionary management or external and competitive management Are considered. Reference points of all administrative process for achievement of the purposes which face to managers of the enterprise with a view of anti-recessionary management, i.e. necessities of a management to be guided in used approaches and methods of estimation of cost of the enterprise are defined.

Key words: estimation of cost of business; an estimation of a property complex; the profitable approach, затратный the approach; the comparative approach.

T.N. Mal'kova

The Financial Practice of Great Novgorod of XI-XIV centuries at birch-bark documents' texts

There is proposed the analysis of payments and their accounting at birch-bark documents (literally: berestiane gramoty) of Great Novgorod of the XI-XIV centuries. The base of analysis is the published birch-bark documents (1953-2004). The date approve financial and accounting terminology, independent accounting decisions and procedures. A historical layer of Ancient Rus accounting is the indefeasible part of world and Russian history of finances and accounting.

Key words: Great Novgorod of the XI-XIV centuries; birch-bark documents; payments; accounting.

A.M. Zakharov

Czechoslovak volunteers in the battle of Zborov (July 2, 1917)

The article is devoted to the participation of Czechoslovak volunteers in the Russian army at the Battle of Zborov, July 2, 1917 -- the first battle in the XX century as an independent Czechoslovak army combat unit, which

claims to be the nucleus of the future army of an independent Czechoslovak state. The author not only analyzes the characteristics and nature of the battle, but also notes the high ideological and moral propaganda value of the battle. In the domestic literature of detailed reference to the history of the battle had not been taken.

Key words: World War I, volunteers, the battle of Zborov; summer offensive in 1917, TG Masaryk.

S.G. Dobrovolski

Life as a threshold random walk

Major features of the evolution of living organisms' totalities (populations, species, ethnies) are described using a mathematical model of one of random stochastic processes – threshold random walks. Some features of this kind might be applicable for the description of the evolution of individual organisms. Thus, the proposed approach embraces different levels of the structure of living objects. The type of models under consideration can be used for the description of a number of processes in the inorganic nature as well – for instance, of the global glaciation-deglaciation processes.

Key words: threshold random walks, life.

V.A. Limonov

Philosophy of history in spanish baroque (on the example balthazar gracian's creativity)

The article summarizes Baltasar Gracian's views about the history of man and mankind the example of his book «Kritikon». In the literary work of Spanish writer and thinker of the seventeenth century reflects the artistic and philosophical conception of world history, which may be characteristic of a certain historiology Spanish Baroque age. The historical truth of the world is intertwined with ancient myths, according to which life is a game, a theater. Gracian gives a description of the seven ages of man, and the final image of the historical process for the baroque philosopher associated with the Wheel of Time, Fortune and God's predestination. The story itself is cyclically repeated processes, when the quiet lives of the cycles are broken by pauses of catastrophes and disasters. A person looking at the «pulse of change» needs to maintain the common sense and just love life and take it for what it is.

Key words: spanish baroque, the philosophy of history, historical truth, the seven ages of man, the Wheel of Time, Fortune, pulse changes, artistic and philosophical conception of the historical process, the cycles of history.

L.V. Tomaychuk

Historical myth-making process as an instrument of national identity's construction in Ukraine and Belarus

The author analyzes the process of historical myth making and manipulation with national symbols in the course of construction of national identity in two post soviet republics: Ukraine and Belarus.

Key words: mythology making, historical myth, national myth, national identity, nation-building, identity construction, symbol policy.

K.S. Kokombaev

Globalization policy and national-state transformation

Analyzing the 20-year process Development Framework period of transformation, one can trace the manifestation of multiple factors, the globalization of Western policy in the life of Kirghiz people. They are reflected at different stages of social development, the level of identities, diverse challenges, stresses are positive and not positive transit transition from authoritarianism to democracy. Overcoming the opposition of political forces, the impact of the transition from a totalitarian to a democratic era of transit, as the country was full of evolutionary and radical transformation.

Key words: Globalization, Transformation, a tradition; democratization.

V.S. Moiseeva

Saint petersburg state university of service and economics

The article is devoted to the basic problems of school education of children from families of migrants, especially tolerant of students' education at school.

Key words: Tolerance, migrant, adaptation, tolerance, ethnic culture, traditions, and educational work.

D.A. Vinogradov, A.V. Petrov

Social Responsibility of Business in Russia During the Current Global Economic Crisis: Challenges and Trends

The article deals with the problems of modern economic and sociological studies of entrepreneurship and corporate social responsibility. The authors analyse the problems and development trends of Russian social responsibility of business in a global cyclical economic transformations of recent years.

Key words: corporate social responsibility, global socio-economic transformation, institutional environment, entrepreneurship, economic sociology, sociology of entrepreneurship.

V.N. Buzin

Management impact on media space

The paper presents the general conceptual framework for management of media space, analyzed the effectiveness of the model information and advertising campaigns, proposes a model of effective planning ad campaigns PlanAdviser, developed based on the author's conception of the structure of media space.

Key words: audience, effective frequency, media, auditorium data management, modeling, media space.

Essence of individual and public self-awareness the socially-philosophical analysis

The author's understanding of individual and public self-awareness is offered. Types of public self-awareness in the spheres of public life are allocated.

Key words: individual self-awareness, public self-awareness, types of public self-awareness, the sphere of public life.

M.A. Manokin

Rejuvenation of the modern society: cultural aspects

Following article is related to analysis of research approaches to rejuvenation. It is defined as renewal of youth made by usage of behavior patterns which are related to younger generations.

First, article defines the notion of rejuvenation. One of the most widespread examples of it is shown – kidults, or adult people identifying themselves with child's practices. Modern researches on this field are also mentioned, specifically, three texts are described that analyze the phenomenon of rejuvenation: these are two Russian articles and British book. Also reference is given to books on anthropology of age.

Then two possible research approaches are characterized. First one accounts rejuvenation as strategy of consumption, describing it by theories by M. Foucault and N. Elias. This approach allows to see rejuvenation as specific form of consumption of prestige, that allows individual to refer to oneself as a member of specific social group.

Second approach, following the ideas by E. Goffman and Z. Bauman, describes rejuvenation as instrument used to construct personal identity. It becomes behavioral pattern used to create a specific personal image that individual tries to connect with own everyday life practices.

In conclusion a short summaries are given to these approaches. Also it is described, which specific characteristics of rejuvenation these approaches will help to analyze.

Key words: anthropology of age, consumption of prestige, ethos, episteme, identity, kidult, rejuvenation.

I.S. Romanychev

The resource approach in social work: to the question of the sociological understanding

A sociological study of the process of social work requires a more in-depth use of the resource approach. This approach allows to analyze the degree of the efforts of customers for successful social integration and adaptation. The intensification of its resource potential of the changes the attitude of the client including the process of social work with him, transforming its relations with the social service in more partnerships.

Key words: the resource, the resource approach, the client, social work, social adaptation.

M.M. Prudnikova

The concept of ethnicity and its methodological significance (the concept of ethnicity and its relationship to the concept of nation)

The article explains the various forms of the principle of subsidiarity and the need to use it to develop poliparadigmatic approach to the category of «ethnicity» is considered relations between the concepts ethnicity and nation.

Key words: ethnicity, ethnic group, nation, culture.

A.I. Subetto

Historical Ethnology of L.N. Gumilev as paradigmatic science school in the humanities XXI century

Paradigmatic science school of L.N. Gumilev exists in the form of a developing historical ethnology. Historical ethnology appears as an essential part of human studies XXI century – noosphere human studies.

Key words: biosphere, geographical determinism, living matter, historical ethnology, noospheric ethnology, noosphere, noosferogenez, passionarogenez, ethnogenesis, Ethnology, ethnicity.

Y.A. Evstigneev

The Kipchaks: ethnic community and its name

The well-known in medieval Arabian-Persian historiography term «kipchak» has taken on variety of meanings throughout history. In the VIII–XI century it was an ethnonym of a tribal community (ethnos), since 1030 till the XIII–XIV century all the nomadic tribes of the Desht-I Kipchak were as the Kipchaks, during the Golden Horde (between the XIII–XIV century) and subsequent periods the term in question became an ethnic name for a concrete tribal community, and in the XIX century to the XX century it became a name for ethnic groups of which some peoples (Altay, Bashkir, Kazakh, Kirghiz, Nogai, Tatar and Uzbek peoples) consist.

Key words: the Kipchaks, tribal community, the Desht-I Kipchak, state, ethnic community, the Golden Horde, ethnonym (name of ethnic community), ethnic group.

O.A. Gubanov

Artistic symbol and simulacrum: aesthetic and semiotic aspects

The article deals with a binary opposition: the symbol and the simulacrum. Traced how these concepts figure in the history of philosophy. Reveals the ontological, epistemological and semiotic specificity of character and simulacrum. Interpreted the problem of simulacra in contemporary art culture, including the virtual.

Key words: character, simulacrum, postmodernism, digitally, virtual culture, existence, perception.

Polyphony and postmodernism in the U. Eco novel «The Name of the Rose»

The connection between postmodern text peculiarities, as time-space specific, intertext, displacement of author's and narrator's positions and M.M. Bachtin's ideas of polyphony and dialogue is investigated. Author supposes that postmodern novel constructive specific is based on modern ideology. Author concludes what elements of modern ideology formed the novel «The Name of the Rose» by U. Eco

Key words: Postmodernism, novel, polyphony, dialogue, chronotop, worldview, text (work of art).

N.I. Verba

To the problem of the archetype system transformation of the plots about the sea maidens in the culture of the sixth century (based on the drama "rusalka" by Pushkin)

The plots about the sea maidens have been functioning in culture for a long time. They were carried out in music, poetry, literature, fine arts. The basis for this plots has been provided by the system of archetypes, which is transforming from work to work. This article is devoted to the analysis of changes in the archetype system of "mermaid myths" based on the drama "Rusalka" by Pushkin.

Key words: archetype, the images of the works of art, the plots about the Sea Maidens.

J.B. Kostyakova

Media history: from understanding to definition of essence and notion

The article analyzes basic meanings of «mediahistory» term in publicistic and scientific discourse. Based upon analysis of definitions of «media», «mass media» and «history» author's definition of «mediahistory» term.

Key words: history, mediahistory, media, mass communication form, mass media.

A.V. Liashko

The cultural interpretation of modern contest practices in Russia

In this article the contest practices in the contemporary Russian - artistic culture are analyzed from the perspective of cultural research. The analysis is based on the proceedings of the International contest of creative works «Herzen university in the heart of St. Petersburg»; this event is compared with other outstanding contest projects. Contest as such is considered an efficient technology of the contemporary artistic life.

Key words: artistic culture, contemporary art, contest, university, creativity.

M.F. Nikolaeva

Soviet Poster (1917-1941): Between Art and Media Technology

Soviet visual art for the masses can be considered a media technology. When analyzing Soviet posters, a researcher can trace significant changes in Soviet visual art in general: those concerning artwork's status, its location and functioning, art production technology and art producer's characteristics.

Key words: Soviet poster, Soviet visual art, poster production, technology, print media.

N.R. Rezheninova

The concept of «piano arrangement» as a terminology problem

The article is an attempt to bring clarity to the situation in musical practice contradictory picture of interpretation of the basic concepts related to the piano transcriptions. The most objective information is presented in the musical reference publications, the analysis of which is carried out on the pages of the article. The author makes a conclusion about the need to distinguish between the semantic values of the following terms: Arrangement, Transcription, Fantasy, Paraphrase.

Key words: Arrangement, Transcription, Fantasy, Paraphrase.

L.A. Evdokimova

Medalist A.F. Vasyutinsky's Pensioner Period

Based on archive documents and literary sources, this paper for the first time ever examines the most important working period of the famous Russian artist and medalist, an Imperial Academy of Arts graduate, Anton Vasyutinsky (1858–1935) – his five-year pensioner travel in Western Europe.

Key words: art of medal, medal, plaquette, Anton Vasyutinsky, the Imperial Academy of Arts, the pensioner's trip.

N.A. Romashina

The interpretation of the picturesque sketches of the interior in the works of Russian artists of XIX–XX centuries

In this article examines the этюдные interiors in the painting of Russian мастеров 19-20th centuries. Analyzes the ways of the main elements of the space, and quickly transfer them on the canvas

Key words: the interior, sketch, painting, artist.

Cin Cin

The life's and the creativity's way of wu zuqiang

Wu Zuqiang is a unique personality in modern Chinese culture. He is a famous in China and in the whole world composer, musicologist and educator. He has composed over one hundred musical works including songs, chorus, chamber music, orchestral music, dance drama, concerto, drama and film music. This article is devoted

to consideration of biography of Wu Zuqiang, his creativity, performing, pedagogical and organizing activity. In Russia, his work is little known.

Key words: musical culture of China, music of the XXth century, national musical traditions of China, Wu Zuqiang.

I.A. Chudinova

The idea of universalism in musical cultures of Polotsk and Saint-Petersburg

In the article typological unanimity of church musical cultures of Polotsk and Saint-Petersburg in XVII–XIX centuries is revealed. Author researches the influence of Slavonic-Greek-Latin idea on church music of this period. A lot of manuscripts are analyzed in the text.

Key words: Church musical culture of Polotsk and Saint-Petersburg of XVII–XIX centuries, Slavonic-Greek-Latin idea, manuscripts.

R.G. Shitikova

Contrast in music and its genre-forming function in a baroque sonata

The article is devoted to the theoretical substantiation of the new approach to the phenomenon of contrast in music. At first glance, this phenomenon is highly specialized but in fact it is universal. It is represented in the form of complex multi-level system consisting of the components of both general logical rules of creative thinking, and hierarchically differentiated set of immanent musical consistency.

Based on comprehensive analysis of the essence, structure and contrast values for the different levels of composition, the hypothesis about its genre-forming function in large-scale constructions is put forward, confirmed with the material of the Baroque sonata.

Key words: Baroque, genre, sonata, contrast, composition, form, musical language.

G.P. Ovsyankina

«Pushkin symphony» of boris fishchenko in the world of musical pushkiniana

The article is devoted to the history of formation and characteristics of “Pushkin Symphony” Op. 38/125 (1967/1998) of the Petersburg composer Boris Tishchenko (1939–2010). The work continues the line of the *symphonic biography*, begun in European romantic symphonic genre and finally matured in “the Dante-symphony” № 1 (1997) of Tishchenko. “Pushkin Symphony” is associated with the music of a scientific-documentary motion picture “The Death of Pushkin” to which the composer wrote a musical arrangement in 1967. The comparison of both opuses testifies that the Symphony is a new work, in which only the themes from the film’s music are used.

The article presents compositional, thematic analysis of the Symphony. It reveals the innovation in creating the form, a role of the monothematism and musical semantics. With Tishchenko’s “Pushkin Symphony” begins the era of the embodiment of Pushkin’s fate in the symphonic genre.

Key words: The genre of symphonic biography, composer’s reflection, symphonic thinking, contrapuntal interlacement, free form, sonata form, monothematism, musical semantics, monogram.

E.M. Ivanova

Manifestations of schillinger technique of musical composition in the earle brown’s early works

Schillinger technique of musical composition was mostly used by Hollywood composers, arrangers and jazzmen. Its application by American avant-gardist Earle Brown resulted in interesting methods, similar to the ones used by European composers’ in the second half of XXth century.

Key words: Brown, Schillinger, technique of composition, Berklee College of music, New York School, Messiaen, Boulez, Internationale Ferienkurse für Neue Music in Darmstadt.

Y.A. Lomakin, S.A. Dunaev

Temple detection in the thaitskaya district (from experience of identification a monument of architecture in the territory of the historical settlement)

In article the temple history for the sake of St. Ravnoapostalnoi. Maria Magdalena, in the territory of the City settlement Thaity, the Gatchina district of the Leningrad region. The building in which the beginning at the end of XIX – of the XX century the temple settled down, was revealed in 2009r., as a result of the work done by authors of the present article as a part of creative collective «ARM KIF» (the director – Kuzmin V.V.). The building of the temple is object of cultural heritage – an architecture monument.

Keywords: cultural heritage, temple, architectural and art environment, farmstead park, landscape painting.

A.N. Yunova

About the solutions of the preventive preservation of cultural heritage in Germany

One of the problems of preservation of cultural heritage is the problem of «prohibition of changes» in shape and use of national objects of the World cultural heritage in the Western Europe, especially in Germany. Why preventive preservation should be the basic requirement of protection of objects of a cultural heritage? Which preventive measures are integrated into legal sphere? Answers are in the researches of the educational centre of UNESCO of Institute of applied science and art in Hildesheim, Germany.

Key words: preservation of cultural heritage, preventive preservation, cultural legacies of the past, global creativity, artistic and cultural work, restoration of cultural heritage.

Society manageability and social order

In modern society democratic development, individual freedom is the key phenomenon of the “true” democracy in the society and the government. But the social order is not less important category and phenomenon characterizing the society in general and the democratic society in particular. How can management social institution control and provide the social order and individual freedom, the freedom of individuals in this society and the government? How high should manageability be in democratic society? – The issues are described in this article.

Key words: Management, manageability, freedom, individual, society, social order, egressiya, digression, space, taxis, nomos, thesis.

A.E. Zimbuli

Lie: ethical-value aspects

Religious and non-clerical models of worldview equally consider lie to be destructive phenomenon. However questions of responsibility for lie and of possibility to overcome, to minimize lie are open. The author persist in his opinion that the base for objective understanding of lie and for surmounting of destructive lie one must seek in the complete ethical-value model, which is structurally rooted in the situation of lie.

Key words: Lie, fraud, honesty, situation of lie; valuation, surmounting of lie; culture.

A.I. Sidorov

Legal proverbs in Russian people legal practice

The article stresses the importance of Russian proverbs to create a legal system of Russia.

Key words: morality, sayings, proverbs, law, legal specifics.

G.P. Sidorova

Soviet economic culture in forms of material subjectness and characters of mass art 1960-1980th: body of man

In the article artistic representation of body of soviet man is examined as a subject of economic culture in the mass art of 1960-1980th. The features of his artistic embodiment come to light in the soviet mass art. The gnosiological open up, valued and semiotic aspects of corporal characters of soviet man, expressing typology features and senses of soviet economic culture.

Key words: soviet, economic, culture, mass art, characters, body.

M.V. Ragulina

Morphological studies of the cultural landscape: integrated view

The paper studies the morphological approach in investigating cultural landscape, its potential and its place of integral theory in morphological tradition of cultural landscape research.

Key words: cultural landscape, cultural geography, geographical tradition, morphological approach, integral theory.

U.N. Gladkiy, A.V. Timofeev

«Hot summer–2010» in russia: about search of the reasons and... scientific correctness

The possible reasons and versions of abnormally hot summer in Russia in 2010 are considered. It is noted that the modern science about global climate unable to give definite answers on essence of many processes occurring in climatic system and changes. Insolency of the engaged versions about the climatic weapon is emphasized.

Key words: Climatic anomaly, heat of 2010, the climatic weapon, climatic cycles, drought, the climate drowning, blocking anti-cyclone.

V.V. Ukraintseva, I.N. Pospelov

About of a new integrated method of reconstruction of climates and forecasting of climatic changes in future

This paper deals with a new integrated method of reconstruction and forecasting of climatic changes in future. The method is based on proxy data spore-pollen analysis method, nowadays meteorological data, and data about of solar activity expressed in numbers of Wolf (W). The techniques of reconstruction and forecasting are presented and discussed in details.

Key words: Holocene, pollen analysis, 14C analysis, fossil and recent spore-pollen spectra, similarity index (SI), phytochrons, basic elements of climate, solar activity, Wolf's numbers (W), forecasting of climatic changes.

G.B. Pigoltsina, N.A. Zinovyeva, A.O. Savkina

Detail quantitative estimation of the spatialvariability of the air temperature regime of the site of the winter olimpic games «sochi-2014»

Detail quantitative estimation of the spatial variability of the air temperature characteristics in the complicated surface conditions of the site of the Winter Olympic Games «Sochi-2014» was fulfilled. For this purpose the results of climatic information processing (the site of the sport objects, winter seasons 2008-2011) were taken into account.

Key words: Sochi-2014, mountain relief, spatial variability, high zoning, microclimate, thermal regime.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алимов Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, председатель Комиссии по охране природы Санкт-Петербургского отделения Русского географического общества, доцент факультета Международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: alimovandrey@yandex.ru

Буга Александр Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и управления Сосновоборского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург. E-mail: kuprinandrej@ Rambler.ru

Бузин Валерий Николаевич – кандидат социологических наук, профессор, руководитель отдела региональных исследований, Аналитический Центр «Видео Интернешнл», заведующий кафедрой «Социологии медиа и медиапланирования» Московского государственного университета печати им. Ивана Фёдорова, Москва. E-mail: vbuzin@vitpc.com

Верба Наталья Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: verba.natalia@yandex.ru

Виноградов Денис Андреевич – аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: petroval4@yandex.ru

Волкова Наталья Юрьевна – преподаватель кафедры экономики и финансов Магаданского института экономики – филиала НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики», Магадан. E-mail: volk.na2012@yandex.ru

Гладкий Юрий Никифорович – доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, вице-президент Русского Географического общества, руководитель научно-педагогической школы социально-экономической географии в РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: gladky43@ Rambler.ru

Губанов Олег Александрович – аспирант кафедры эстетики и художественной культуры Владимирского государственного университета, Владимир. E-mail: gubanov89@yandex.ru

Датчиков Геннадий Иванович – доктор философских наук, профессор, Почетный председатель Комитета Межрегиональной общественной организации Ленинградских ветеранов войны и военной службы – однополчан, член Президиума Всероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы, академик Академии безопасности, защиты, правопорядка, капитан 1 ранга в отставке, Санкт-Петербург. E-mail: terrahumana@asterion.ru

Добровольский Сергей Гаврилович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института водных проблем РАН, Москва. Email: sgdobro@orc.ru

Дунаев Сергей Александрович – аспирант кафедры архитектурного проектирования, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург. E-mail: sergey@dunaev.info

Евдокимова Лидия Александровна – аспирант кафедры рисунка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: lidia-evd83@yandex.ru

Евдокимова Людмила Олеговна – кандидат технических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, профессор кафедры «Управление предпринимательской деятельностью». Санкт-Петербург. E-mail: levdokimova@mail.ru

Евстигнеев Юрий Андреевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурной антропологии и этносоциологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: juriy5641@mail.ru

Захаров Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кафедра русской истории, Санкт-Петербург. E-mail: rusist.rgpu@mail.ru

Зимбули Андрей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: zimbuli@yandex.ru

Зиновьева Наталья Алексеевна – младший научный сотрудник Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова, Санкт-Петербург. E-mail: kobyshnv@main.mgo.rssi.ru

Иванова Елизавета Михайловна – соискатель кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: elisaveta@mail.ru

Игнатова София Александровна – аспирант кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: ignatovasofiya@yandex.ru

Исупов Константин Глебович – доктор философских наук, профессор, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: kgisupov@mail.ru

Кокомбаев Кубатбек Султаналиевич – кандидат социологических наук, доцент, докторант Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: skubat50@mail.ru

Коряков Алексей Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации производства, Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова; Москва. E-mail: A-editor@yandex.ru

Костякова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, Абакан. E-mail: uka29@yandex.ru, uka29@mail.ru

Куприн Андрей Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Сосновоборского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург. E-mail: kuprinandrej@rambler.ru

Ларкина Элла Игоревна – аспирант кафедры философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, Нижний Новгород. E-mail: EllaLarkina@yandex.ru

Лебедева Олеся Ильгизовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Нижнекамского института информационных технологий и телекоммуникаций (филиала) ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ», Нижнекамск. E-mail: olesyagaf@mail.ru

Лимонов Владимир Андреевич – доцент кафедры социологии и политологии, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург. E-mail: lvavl@mail.ru

Ломакин Юрий Александрович – соискатель кафедры русского искусства, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, Санкт-Петербург. E-mail: y.a.lomakin@yandex.ru

Ляшко Анна Владимировна – кандидат культурологии, доцент, старший преподаватель кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения Российского института культурологии, Санкт-Петербург. E-mail: 9767@mail.ru

Малькова Татьяна Николаевна – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербург. E-mail: MalkovaTN@rambler.ru

Манокин Михаил Андреевич – аспирант кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры, Пермь. E-mail: manokin.misha@gmail.com

Моисеева Валентина Степановна – кандидат педагогических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: vs_moiseeva@mail.ru

Николаева Марина Филипповна – аспирантка кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: nikolaevamf@yandex.ru

Овсянкина Галина Петровна – доктор искусствоведения, профессор кафедры музыкального воспитания и образования факультета музыки Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: galkax@mail.ru

Очирова Тамара Баировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления предпринимательской деятельностью Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, Санкт-Петербург. E-mail: dp1794@yandex.ru

Петров Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург. E-mail: petroval4@yandex.ru

Пигольцина Галина Борисовна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова, Санкт-Петербург. E-mail: kobysnhv@main.mgo.rssi.ru

Поспелов Игорь Николаевич – ведущий научный сотрудник Государственного природного биосферного заповедника «Таймырский». E-mail: taimyg@orc.ru

Прудникова Марина Михайловна – старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина», Бийск, Алтайского края. E-mail: mimoza.95@mail.ru.

Рагулина Милана Владимировна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии ФГБУН «Институт географии им. В.Б. Сочавы» СО РАН, Иркутск. E-mail: milanara@yandex.ru

Реженинова Надежда Ростиславовна – аспирант кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: nadin-piano@ya.ru

Романычев Илья Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы Института переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения города Москвы, Клин. E-mail: romanychevilya@mail.ru

Ромашина Наталья Александровна – аспирант Российского государственного педагогического университета им. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: romaniaa@yandex.ru

Савкина Анна Олеговна – студентка факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: kobyshnv@main.mgo.rssi.ru

Самодуров Александр Александрович – кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и управления Сосновоборского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург. E-mail: kuprinandrej@ Rambler.ru

Самусевич Ирина Николаевна – научный сотрудник Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург. E-mail: alimovandrey@yandex.ru

Сидоров Алексей Иванович – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербург. E-mail: terrahumana@asterion.ru

Сидорова Галина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и культура» Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск. E-mail: gala_si_61@mail.ru

Соломин Валерий Павлович – доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник науки и техники РФ, ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: rector@herzen.spb.ru

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург. E-mail: subal1937@yandex.ru

Султанов Константин Викторович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: child2000@bk.ru

Тимофеев Александр Дмитриевич – аспирант кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: gladky43@ Rambler.ru

Томайчук Лилия Владимировна – соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии, кафедра международных политических процессов, Санкт-Петербург. E-mail: lilia.tomaychuk@gmail.com

Украинцева Валентина Васильевна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного природного биосферного заповедника «Таймырский», председатель «Палинологической секции» Русского ботанического общества, член Бюро Мамоного комитета РАН, Санкт-Петербург. E-mail: Aar@mail.ru, vukr@mail.ru

Цинь Цинь – аспирант кафедры музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: qinqin1017@gmail.com

Чудинова Ирина Анатольевна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора инструментоведения Российского института истории искусств, Санкт-Петербург. E-mail: alisa2507@yandex.ua

Шитикова Раиса Григорьевна – доцент, кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой музыкального воспитания и образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: rshitikova@mail.ru

Юнова Алина Николаевна – аспирант кафедры музейного дела и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург. Студент факультета «Диалог, взаимопонимание и анализ культур», Университет Дортмунда, Германия. E-mail: alishka10@yandex.ru

УСЛОВИЯ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ

1. Материалы к публикации представляются на электронном носителе на адрес редакции (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, Суворовский пр., 61, ЦНИТ «Астерион») или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, terrahumana@terrahumana.ru. При необходимости прилагается распечатка. Электронная версия должна полностью соответствовать распечатке. Объем статей – 0,5 авторского листа, включая ссылки и сноски. Схемы, иллюстрации и таблицы, необходимые для раскрытия проблемы, не должны увеличивать объем статьи более чем на 0,1 авторского листа.

2. Аспиранты и соискатели учёной степени кандидата наук должны предоставить рецензию или отзыв научного руководителя, заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.

3. Редакция в целях научного и методологического обеспечения устойчивого развития общества и гармоничного сосуществования социальной и природной среды реализует концепцию, которая заключается в создании условий для креативного диалога между учеными гуманитарных и естественных наук.

Согласно запросу ВАК об обеспечении более эффективной работы экспертных советов ВАК редакционный совет принял решение об определении приоритетных направлений журнала (согласно классификации отраслей знаний ВАК): 03 – биологические науки, 07 – исторические науки, 08 – экономические науки, 09 – философские науки, 17 – искусствоведение, 22 – социологические науки, 24 – культурология, 11 – географические науки. До утверждения ВАК официальной специализации журналов рекомендуем авторам учитывать, что публикации других отраслей знаний могут не засчитываться ВАКом при рассмотрении диссертационных работ.

Журнал будет продолжать прием, рассмотрение и публикацию статей других отраслей знаний, не связанных с соисканием ученой степени кандидата или доктора наук.

4. Все рукописи проходят внутреннее рецензирование, могут быть возвращены на доработку или отклонены. Учитывая важность взаимного обмена мнениями между учеными, необходимость развития междисциплинарного дискурса, особенно между гуманитарными и естественными науками, редакция журнала полагает полезным увеличение количества как авторов, так и читателей нашего журнала. В связи с этим предпочтение при рассмотрении материалов отдается подписчикам журнала. Публикация материалов аспирантов осуществляется на бесплатной основе.

5. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Word.

Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбит на колонки.

Кавычки должны выглядеть так: «... ..», кавычки внутри цитат так: «... “...” ...».

Иллюстрации должны быть предоставлены отдельно в виде файлов с расширением .JPG.

Таблицы, формулы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте.

Надписи на рисунках даются на русском языке. Рисунки и другие иллюстрации должны быть подписаны. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

6. Статья должна быть снабжена индексами УДК и ББК. Статью должны сопровождать аннотация и список ключевых слов на русском языке, название, резюме и список ключевых слов на английском языке, список литературы.

7. Список литературы оформляется следующим образом:

- названия располагаются в алфавитном порядке;
- сведения об издании включают (в указанной последовательности) фамилию автора, его инициалы, название издания, номер тома / части (если есть), сведения об ответственности, место издания (город), название издающей организации, год издания, количество страниц;
- для статей из журналов, газет, сборников необходимо указать основное название издания, из которого взята статья; номер выпуска, тома, части; номера страниц, на которых эта статья находится; для журналов и газет – дату выпуска.

8. Ссылки на источники оформляются в квадратных скобках двумя числами. Первое указывает порядковый номер издания в списке литературы, второе – номер страницы. Например, «[4, с. 25]». Все поясняющие примечания и сноски даются на последней странице текста статьи.

9. Сведения об авторе статьи предоставляются на русском и английском языках и включают:

- фамилию, имя, отчество полностью;
- ученое звание / ученую степень;
- название и шифр специальности, если планируется защита диссертации;
- должность и место работы / учебы / соискательства;
- город проживания / работы;
- контактные телефоны, e-mail.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- В.В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.
- К.Г. Исупов (главный редактор), доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
- Н.А. Кривич (зам. главного редактора), кандидат культурологии, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург.
- А.А. Алимов, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета, председатель комиссии по охране природы Русского географического общества, Санкт-Петербург.
- А.О. Бороноев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- Ю.Н.Гладкий, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, вице-президент Русского Географического общества, Санкт-Петербург.
- А.А. Збрицкий, доктор экономических наук, профессор, ректор Государственной академии специалистов инвестиционной сферы, Москва.
- Я. Кеневич, профессор, зам. директора Института Междисциплинарных исследований «Artes Liberales» Варшавского университета, Варшава.
- Н.В. Ловелиус, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории географии и природопользования Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- В.Н. Малинин, доктор географических наук, профессор Российского государственного гидрометеорологического университета, Санкт-Петербург.
- Л.В. Никифорова, доктор культурологии, профессор кафедры музееведения и охраны памятников Санкт-Петербургского государственного университета, член Союза художников РФ, Санкт-Петербург.
- А.В. Петров, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург.
- В.А. Румянцев, доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук, директор Института озероведения РАН, Санкт-Петербург.
- А.И. Субетто, доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербург.
- И.Я. Фроянов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России с древнейших времен до 1917 г. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург.
- Л.М. Чистов, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (ИНЖЭКОН), Санкт-Петербург.

*На 4-й странице обложки – иллюстрации к статье Е.Г. Хомич
«Импрессионизм в пейзажной живописи К.А. Сомова»*

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион». 191015, Санкт-Петербург, а/я 83, (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70. E-mail: asterion@asterion.ru

Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 196. Подписано в печать 24.09.2012. Бумага офсетная. Формат 70×100¹/₁₆. Объем 21,75 п. л. Тираж 800 экз. Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 685-73-00, 970-35-70, E-mail: asterion@asterion.ru, <http://www.terrahumana.ru>